

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

**2025
№ 3 (107)**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научно-теоретический журнал

**Вестник
Санкт-Петербургского
университета МВД России**

№ 3 (107) июль – сентябрь 2025 г.

Scientific-theoretical journal

**Vestnik
of Saint Petersburg University
of the MIA of Russia**

No 3 (107) July – September, 2025

**Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»**

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 3 (107) июль – сентябрь 2025 г.

Рецензируемый научно-теоретический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» – сетевое издание, в котором публикуются оригинальные статьи по юридическим, педагогическим, психологическим проблемам.

Издается с марта 1999 года. Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выходит один раз в квартал.

Языки журнала – русский и английский. Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны. Способ распространения: в электронном виде.

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Эл № ФС77-84786 от 3 марта 2023 г. ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Решением ВАК при Минобрнауки России от 29 марта 2022 г. журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» включен в Перечень ВАК по следующим специальностям:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.
- 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.9 – Юридическая психология и психология безопасности.
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.
- 5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Отнесен к высшей категории научной значимости изданий – К1.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Р. Е. Артамонов, Л. М. Букина.

Адрес редакции и издателя: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.
Тел.: 8 (812) 730-26-96.

E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Дата выхода в свет: 26.09.2025 г.

© Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2025.

**Federal State Budget Institution for higher education
«Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»**

Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia

№ 3 (107) July – September 2025

Founded in 1999, “Vestnik of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation” is a quarterly, network, peer-reviewed, open access scholarly journal published by Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

On March 29, 2022, the Higher Attestation Commission (VAK) under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation gave its approval to include the journal into the databases of VAK. The journal belongs to K1 category and covers the following areas:

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences.

5.1.2. Public Law (State Law) Sciences.

5.1.3. Civil Law Sciences.

5.1.4. Criminal Law Sciences.

5.3.3. Labour Psychology, Engineering Psychology and Cognitive Ergonomics.

5.3.9. Forensic Psychology and Psychology of Safety.

5.8.1. Pedagogy, History of Pedagogy and Education.

5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education.

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index and included in the databases of Ulrich's Periodicals Directory.

The journal is distributed on-line throughout Russia and foreign countries.

The languages of the journal are Russian and English.

The author is responsible for the content of the work and the accuracy of the facts. The opinion of the author may not coincide with the position of the editorial staff and members of the editorial board. Reprinting of the journal publications in other periodicals is possible with the reference to the journal.

The journal is re-registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications: El No. FS77-84786 on March 3, 2023.

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Editors: G. N. Golyadkin, R. E. Artamonov, L. M. Bukina.

Publisher address: 1 Lyotchika Pilyutova St., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Phone: +7 (812) 730-26-96

E-mail: vestnik@univermvd.ru

Date of publishing: 26.09.2025.

Главный редактор – Каверина Л. В., кандидат филологических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Амельчаков И. Ф. – председатель редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Бавсун М. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Астафичев П. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Балахонский В. В., доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Бекетов О. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Болдырев В. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Бучакова М. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Васильева И. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Тюмень)
Вахнина В. В., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Гейжан Н. Ф., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гельдибаев М. Х., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гордеев С. Н., доктор юридических наук, доцент (Республика Узбекистан, Ташкент)
Гривенная Е. Н., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Краснодар)
Дозорцева Е. Г., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Ерофеева М. А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Ескина Л. Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Илакавичус М. Р., доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)
Каплунов А. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Коваленко В. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Коларич Драгана, доктор юридических наук, профессор (Республика Сербия, Белград)
Кубышко В. Л., кандидат педагогических наук (Россия, Москва)
Латышов И. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Мещерякова Е. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Миялькович Саша, доктор безопасности, профессор (Республика Сербия, Белград)
Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никифоров Г. С., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Николаева Т. Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никуленко А. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Пастушеня А. Н., доктор психологических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)
Рузакова О. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сафонов А. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Слепцов И. В., кандидат юридических наук (Казахстан, Костанай)
Стрельникова Ю. Ю., доктор психологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Тюнин В. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Ульянина О. А., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Ухов В. Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Химичева О. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков В. Л., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков И. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Честнов И. Л., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Чечётин А. Е., доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)
Шаранов Ю. А., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Шахматов А. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Editor in Chief – *Kaverina L. V.*, Candidate of Philological Sciences
(Russia, Saint Petersburg)

Editorial Board

Amelchakov I. P., Chairman of an Editorial Board, Candidate of Juridical Sciences, Docent
(Russia, Saint Petersburg)

Bavsun M. V., Vice-chairman of an Editorial Board, Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Russia, Saint Petersburg)

Astafichev P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Beketov O. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Omsk)

Boldyrev V. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Buchakova M. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Omsk)

Vasilieva I. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Tyumen)

Vakhnina V. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Geldibaev M. Kh., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Gordeev S. N., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Republic of Uzbekistan, Tashkent)

Grivennaya E. N., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Krasnodar)

Dozorcheva E. G., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Erofeeva M. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Eskina L. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ilakavichus M. R., Doctor of Pedagogical Sciences (Russia, Saint Petersburg)

Kaplunov A. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Kovalenko V. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)

Kolarich Dragana, LLD (Republic of Serbia, Belgrade)

Kubyshko V. L., Candidate of Pedagogical Sciences (Russia, Moscow)

Latyshov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Mescheryakova E. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Voronezh)

Mijalkovich Sasha, PhD, Professor (Republic of Serbia, Belgrade)

Nizhnik N. S., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikiforov G. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikolaeva T. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikulenko A. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Pastushenya A. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Republic of Belarus, Minsk)

Ruzakova O. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Safonov A. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Sleptsov I. V., Candidate of Juridical Sciences (Kazakhstan, Kostanay)

Strelnikova J. Y., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Tyunin V. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ul'yanina O. A., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Ukhov V. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Khimicheva O. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Cvetkov V. L., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Tsvetkov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Chestnov I. L., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Chechetin A. E., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)

Sharanov Y. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Shakhmatov A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Балахонский В. В., Марков С. М. Логические основы аналогии права и аналогии закона в российской философии права	10
Зудов Ю. В., Гусева Ю. Н. Неформальное регулирование отношений власти и религии в СССР: методология изучения	19
Нижник Н. С. Войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны как предмет историко-правовых исследований С. Г. Лысенкова	28
Подосинникова Л. А. Учредительная власть в контексте формирования и защиты внутреннего правового суверенитета Российской Федерации	44
Репьев А. Г. Добросовестность в структуре правового поведения: теоретические и частноправовые аспекты	52

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Кожевников О. А. Муниципальная власть и технологический суверенитет: некоторые грани пересечения и взаимодействия	59
Мушаков В. Е. Конституционно-правовое измерение «культуры отмены» в условиях цифровизации	65
Попова Н. Ф. Публичная власть и публичная служба: проблемы реформирования применительно к ротации служащих	73

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Желонкин С. С. Внутренние противоречия содержания понятия «совместная собственность супругов» как отражение современного состояния семейного законодательства	79
Семенова Е. Г. Проблемы и перспективы вещно-правового концепта доверительного управления имуществом	86

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Елфимов П. В., Виноградова О. П. Массовые убийства в образовательных организациях: детерминанты и организация профилактики	92
Карпов К. Н. Дифференциация конфискации имущества как уголовно-правового средства социального контроля	102
Комаров И. М. Объект в типовой методике расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних	110
Куфлева В. Н. Значение данных о лице, совершившем преступление, для определения системы и выбора мер уголовной ответственности	116
Ламтева А. В. Предпосылки типологии отечественного уголовного процесса	125
Макаренко И. А. Киберпреступления, совершаемые несовершеннолетними: причины, способы, профилактика	136
Мищенко Е. В., Тарнавский О. А. Ускорение уголовного судопроизводства с позиции защиты прав потерпевшего (на примере возмещения вреда)	142
Одиназода И. А. Антикриминальное познание как методологическая основа взаимосвязи уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной информации	150
Стебенева Е. В. Антикоррупционная идеология в механизме криминологического противодействия коррупции	156
Таршева М. Н. Уголовно-процессуальная политика России: основные аспекты	165
Шаров В. И. «Цифровая оперативно-розыскная деятельность» и цифровизация противодействия преступлениям	171
Шевченко А. А. Способы вовлечения несовершеннолетних в дропперство	179

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вяткин А. А., Соломянко Д. В. Использование специальных упражнений для развития силовых качеств обучающихся в ограниченные сроки	187
Ерофеева М. А., Кузнецов М. Ю. Сравнительная характеристика моделей и методов оценивания результатов обучения (по материалам англоязычных исследований XX века)	198
Кандабар А. Н., Дементьев В. Л. Комплексное воспитание физических качеств у курсантов образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, занимающихся служебно-прикладным видом спорта «Преодоление полосы препятствий со стрельбой»	209
Сабинова И. А., Стодоля Я. А. Теоретические аспекты формирования гражданско-патриотической позиции курсантов образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации из воссоединенных регионов	215

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Башкирева Т. В., Башкирева А. В. Психологическая готовность к риску в профессиональной деятельности у курсантов Федеральной службы исполнения наказания России	221
Сорокоумова С. Н., Ганишина И. С., Кулешова Е. А. Изучение персонифицированного правосознания осужденных, отбывающих наказание в исправительных центрах	227
Стрельникова Ю. Ю. Динамика ранних личностных изменений у сотрудников органов внутренних дел, выполнявших оперативно-служебные задачи в особых условиях	236
Чинчевич Е. В., Рягузова Е. В. Правовой и психологический статус иностранных студентов, обучающихся в российских университетах	246

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Balakhonsky V. V., Markov S. M. Logical foundations of analogy of law and analogy of legislation in Russian legal philosophy	10
Zudov Yu. V., Guseva Y. N. Informal regulation of relations between state power and religion in the USSR: research methodology	19
Nizhnik N. S. The NKVD Troops of the USSR during the Great Patriotic War as a subject of historical and legal research by S. G. Lysenkov	28
Podosinnikova L. A. Constituent power in the context of the formation and protection of the internal legal sovereignty of the Russian Federation	44
Repev A. G. Good faith in the structure of legal behaviour: theoretical and private law aspects	52

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Kozhevnikov O. A. Municipal power and technological sovereignty: some facets of intersection and interaction	59
Mushakov V. E. Constitutional and legal dimension of “culture of cancelling” in context of digitalization	65
Popova N. F. Public authority and public service: reform issues relating to employees’ rotation	73

CIVIL LAW SCIENCES

Zhelonkin S. S. Internal contradictions in the concept of “matrimonial property” as the reflection of the current state of the Family legislation	79
Semenova E. G. Problems and perspectives of the real-law concept of property trust management	86

CRIMINAL LAW SCIENCES

Elfimov P. V., Vinogradova O. P. Mass murders in educational institutions: determinants and organisation of prevention	92
Karpov K. N. Differentiation of property confiscation as a criminal law means of social control	102
Komarov I. M. The object of study in the typical methodology for investigating crimes against the family and minors	110
Kufleva V. N. The significance of data on a perpetrator of a crime for determining the system and choice of criminal liability measures	116
Lamteva A. V. The typology’s prerequisites of the national criminal procedure	125
Makarenko I. A. Cybercrime committed by minors: causes, methods, prevention	136
Mishchenko E. V., Tarnavsky O. A. Speeding up the criminal proceedings from a position of victim rights protection (illustrated by damage compensation)	142
Odinazoda I. A. Anti-criminal cognition as a methodological basis for the relationship between criminal procedural and intelligence information	150
Stebeneva E. V. Anti-corruption ideology in the mechanism of criminological counteraction to corruption	156
Tarsheva M. N. Criminal procedure policy of Russia: main aspects	165
Sharov V. I. “Digital operational-search activity” and digitalisation in counteracting crimes ...	171
Shevchenko A. A. Ways of involving minors in crime committing as droppers	179

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

Vyatkin A. A., Solomyanko D. V. Using special exercises to develop students' strength qualities within a limited time frame	187
Yerofeeva M. A., Kuznetsov M. Yu. Comparative characteristics of models and methods for assessing learning outcomes (based on materials from English-language studies of the 20th century)	198
Kandabar A. N., Dementiev V. L. Comprehensive training of physical qualities in cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia engaged in the service and applied sport of "Overcoming an obstacle course with shooting"	209
Sabirova I. A., Stodolya Ya. A. Theoretical aspects of forming civic and patriotic position of cadets of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia from the reunited regions	215

FORENSIC PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Bashkireva T. V., Bashkireva A. V. Psychological readiness to risk in professional activity in cadets of the Federal Penitentiary Service of Russia	221
Sorokoumova S. N., Ganishina I. S., Kuleshova E. A. Studying the personalised legal consciousness of convicts serving sentences in correctional centers	227
Strelnikova Yu. Yu. Dynamics of early personality changes of internal affairs bodies employees who performed operational and service tasks in special conditions	236
Chinchevich E. V., Ryaguzova E. V. The legal and psychological status of foreign students studying at Russian universities	246

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья
УДК 340.115:340.12

Логические основы аналогии права и аналогии закона в российской философии права

Виталий Витальевич Балахонский¹, доктор философских наук, профессор
Сергей Михайлович Марков², кандидат философских наук, доцент

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация

² Дальневосточный филиал Российского государственного университета
правосудия им. В. М. Лебедева

Хабаровск (680014, Восточное шоссе, д. 49), Российская Федерация

¹ Balakhonsky@mail.ru, ² Ser_Mark@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-3098-2802>, ² <https://orcid.org/0000-0002-3634-154X>

Аннотация:

Введение. Аналогия – это не только логический метод умозаключений, но методологический прием философии и теории права. К сожалению, популярная гегелевская трактовка аналогии из «Малой логики» оказала негативное влияние на дискуссию вокруг аналогии права и аналогии закона, что создает некую методологическую неопределенность и неоднозначность в научных работах, посвященных теории права.

Цель исследования: выяснение сущности и специфики метода аналогии применительно к области права, проведение формальной и содержательной дифференциации понятий «аналогия права» и «аналогия закона». В качестве источников проводимого исследования используются международное право и российское законодательство, Конституция Российской Федерации.

Методы: сравнительно-системный, процедурная теория Лона Фуллера, топика, логика и герменевтика, дедукция и индукция, силлогистика и каноны Милля, аналогия предметов и аналогия отношений, демонстративная аналогия или «строгая».

Результаты. Обосновывается тезис о том, что в правовой идеологии сегодня сложилось предвзятое отношение к аналогии как исключительно методу юридической техники, который используется прежде всего в связи с так называемой пробельностью в законодательстве или логикой поисковой работы в судебной следственной практике либо как метафизическая установка. В работе раскрываются логические основания возможного (процедурного) применения аналогии в юридической эпистемологии и отраслях права, а также обоснован тезис о том, что метод аналогии в процессе своего применения может приводить к логическим выводам, имеющим не только демонстративный, но и эвристический и методологически значимый характер.

Ключевые слова:

философия права, логика, метод, аналогия, аналогия права, аналогия закона, демонстративная аналогия

Для цитирования:

Балахонский В. В., Марков С. М. Логические основы аналогии права и аналогии закона в российской философии права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 10–18.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025;
одобрена после рецензирования 11.08.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Logical foundations of analogy of law and analogy of legislation in Russian legal philosophy

Vitaly V. Balakhonsky¹, Doc. Sci. (Phil.), Professor
Sergey M. Markov², Can. Sci. (Phil.), Docent

¹ Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

² Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev
49, Vostochnoye high., Khabarovsk, 680014, Russian Federation

¹ Balakhonsky@mail.ru, ² Ser_Mark@mail.ru

¹ <http://orcid.org/0000-0003-3098-2802>, ² <https://orcid.org/0000-0002-3634-154X>

Abstract:

Introduction. Analogy is not only a logical method of reasoning, but also a methodological approach of philosophy and legal theory. Unfortunately, the popular Hegelian interpretation of analogy from the "Small Logic" has had a negative impact on the discussion around the analogy of law and the analogy of the legislation, which creates a certain methodological uncertainty and ambiguity in scientific works devoted to the theory of law.

The purpose of the study: clarifying the essence and the specificity of the analogy method in the field of law, conducting a formal and meaningful differentiation of the concepts of "analogy of law" and "analogy of legislation." The sources for the study are international law and legislation of Russian, including the Constitution of the Russian Federation.

Methods: comparative-system, Lon Fuller's procedural theory, topic, logic and hermeneutics, deduction and induction, syllogistics and Mill's canons, analogy of objects and analogy of relations, demonstrative analogy or "strict."

Results. The thesis is substantiated that in legal ideology today there is a biased attitude towards analogy as an exceptional method of legal technique, which is used primarily in connection with the so-called gap in legislation or the logic of search work in forensic-investigative practice, or as a metaphysical attitude. The paper reveals the logical grounds for the possible (procedural) application of analogy in legal epistemology and branches of law, and also substantiates the thesis that the method of analogy in the process of its application can lead to logical conclusions that are not only demonstrative, but also heuristically and methodologically significant.

Keywords:

philosophy of law, logic, method, analogy, analogy of law, analogy of legislation, demonstrative analogy

For citation:

Balakhonsky V. V., Markov S. M. Logical foundations of analogy of law and analogy of legislation in Russian legal philosophy // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 10–18.

The article was submitted May 5, 2025;
approved after reviewing August 11, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Афоризм Горация «Дерзай знать» из Посланий Плиния Младшего в трактовке И. Канта и М. Фуко «Что такое Просвещение?» мы решили взять в качестве методической установки к проблеме аналогии в праве и ее критической оценке методами логики.

Аналогия, как правило, в словарях и учебниках по логике относится к классу индуктивных и недемонстративных умозаключений (А. А. Ивин, А. Л. Никифоров, Ю. В. Ивлев, А. А. Тер-Акопов, В. П. Малахов, В. А. Светлов и др.) в связи с тем, что она, как и индукция, не дает достоверного заключения. Остальные логики считают аналогию правдоподобным умозаключением, т. е. недедуктивным (В. И. Кириллов, А. А. Старченко, Е. А. Иванов, Ю. П. Попов и др.). Так, петербургский логик В. А. Светлов понимает аналогию как разновидность индукции в вероятностной интерпретации, аргументируя свою позицию тем, что аналогия работает по принципу сходства: если мысли сходны в одном отношении, они могут быть (но не обязательно) сходными в другом отношении¹.

Эти точки зрения обусловлены гегелевской традицией определения аналогии как недемонстративного вида умозаключений (немецкий классик дал характеристику аналогии в своей знаменитой «Малой логике»). Пожалуй, всех логиков, а вслед за ними юристов-теоретиков объединяет позиция отношения к аналогии как к правдоподобному умозаключению² [1, с. 14–18; 2, с. 76–84]. Мы не будем рассматривать источник происхождения столь «популярного» заблуждения о недемонстративном характере логического вывода по аналогии. Эта тема отдельного исследования. Однако ради справедливости напомним, что В. И. Ленин верно прочитал раздел «Логики» Гегеля об аналогии, законспектировав на ее полях в «Философских тетрадах» мысль о том, что аналогия как умозаключение есть совокупность всех индуктивных методов (следовательно, в т. ч. математической индукции – прим. авт.) о необходимости

¹ Светлов В. А. Логика. Современный курс : учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2024. С. 10.

² Марков С. М. Лекции по логике для юристов : учебное пособие. Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2009. С. 233–234.

отображения мира (объекта) в понятиях, категориях, законах etc., а про формальную логику: «Очень глубоко и умно!» (В. И. Ленин).

Методы

Методологической основой проведенного исследования стал метод сравнительно-системного анализа, позволяющий выявить логические основы аналогии права и аналогии закона в российской философии права. Опираясь на герменевтическую методологическую парадигму авторы проводят дифференциацию феноменов аналогии предметов и аналогии отношений, а так же демонстративной и «строгой» аналогии.

Обсуждение

В самых общих чертах аналогия в математике (букв. – соответствие или сходство через различие) – изоморфность видовых, но различных родовых признаков первичного объекта и сравнения. Если есть объект S (R) и его изоморфное сравнение с S^1 , то признаки объекта S можно исследовать в $S^1(R^x)$, например, как биекция и топологические объекты. Следует отметить, что различные виды вероятностей в умозаклчениях по аналогии были известны математикам с середины прошлого века (Дьердь Пойа, А. И. Уемов, П. М. Эрдниев и др.), но в советской теории права они не использовались, несмотря на всеобщее признание самого концепта в правовой системе. Например, известная среди логиков книга П. М. Эрдниева «Аналогия в математике» [3]. Кроме того, умозаклчения по аналогии можно сравнить с дедуктивными и даже представить в форме аристотелевских фигур силлогизма. В этом контексте в аналогии применяется гипотетико-дедуктивный метод. В юридических же исследованиях, например, в диссертации М. В. Морозова, аналогия оценивается как правдоподобное умозаклчение³ [4, с. 80–83]. Итак, сделаем предварительное обобщение: методы аналогии применяются в математическом моделировании (топологии, например), цифровизации, нейротехнологиях, нейросетях и философии права.

Вспомним историю. Демокрит использует аналогию в своей философии атома и множественности миров. Платон аналогию демонстрирует в диалоге «Горгий», в котором он выводит сходство в искусстве красноречия судьи и софиста (оратора), уточняя словами Сократа, что искусство судьи убеждает народ в делах справедливых и несправедливых, а красноречие софиста убеждает народ лишь в полезном и приятном. Красноречие, – говорит Сократ, – это как бы поварская сноровка, но не для тела, а для души: «...искусство наживы избавляет от бедности, врачебное искусство – от болезни, а правый суд (судебная риторика – прим. авт.) – от несправедливости» [5, с. 516].

Идея справедливости в современном уголовном праве возведена в один из главных принципов уголовного законодательства и закрепляется в ст. Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ (далее – УК РФ), которая так и называется «Принцип справедливости», а далее, опять-таки по аналогии, используется во всех его частях. Для сравнения, в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) отдельной статьи, характеризующей принцип справедливости, нет. Так, в статье 1 ГК РФ⁵, где перечисляются принципы гражданского права, он отсутствует, хотя в статьях ГК РФ иногда упоминается (ст. 308.3, п. 5 ст. 393, п. 3, ст. 451 и др.), т. е. справедливость как принцип отсутствует, но справедливость как вещь-в-себе по аналогии подразумевается. Это касается принципов гражданского права по аналогии, исходя из смысла п. 2, ст. 6 ГК РФ, в которой на доктринальном уровне определяется аналогия права и аналогия закона в цивилистике, в частности, говорится о справедливости и добросовестности в контексте их философско-аксиологического понимания.

Результаты

Как нам представляется, методологический отголосок гегелевской трактовки аналогии оказал негативное влияние на юридический дискурс, где аналогия оценивается, скорее всего, как нарратив *epistula*, а не логический канон. В правовой идеологии сегодня, например, в цивилистике, не упоминая уголовно-правовую сферу, сложилось предвзятое отношение к аналогии как к исключительному методу юридической техники в сфере так называемой пробельности права, несмотря на явное указание его использования в ст. 6 ГК РФ и других кодексах.

Метод аналогии, полагает В. А. Микрюков, юристами-теоретиками и практиками воспринимается как исключительный, применяемый лишь в редких (единичных) случаях [6, с. 61].

³ Морозов М. В. Аналогия как способ толкования и применения уголовно-правовых норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 21 с.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Негативное отношение юристов к аналогии (О. А. Красавчиков, А. А. Милюшин, А. В. Новиков, И. В. Панова, А. Я. Рыженков, В. М. Шафиров, В. В. Момотов, Г. Д. Улетова и др.) не смог поколебать даже Пленум Верховного Суда Российской Федерации, постановление которого о применении принципов ст. 1 ГК РФ к остальным статьям гражданского законодательства непосредственно относится к вопросам методики ее правоприменения. В постановлении прямо утверждается «аналогия» в п. 1: «Положения ГК РФ <...> подлежат истолкованию в системной взаимосвязи с основными положениями гражданского законодательства в статье 1 ГК РФ»⁶ (S (R)), а далее разъясняются процедурные методы ее применения (S'(R)). Например, что такое «недействительная сделка» конкретизируется в п. 86–102, а «мнимая сделка» характеризуется в п. 69 и т. д. Как считают правоведы в сфере семейных споров В. А. Микрюков и гражданского права А. В. Новиков, сегодня настала очередь доктринального, добавим, логико-философского, переосмысления аналогии как правового института целиком в системе российского права и философии права.

Каким же образом метод аналогии применяется в правовой методологии? Отметим, что в российской философии и теории права выделяют две аналогии – аналогию права и аналогию закона (например, ст. 6 ГК РФ или ст. 3 ч. 5 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁷ (далее – АПК РФ)). Во-вторых, возьмем на вооружение латинскую пословицу: “*Argumenta ponderantur, non numerantur*” (сила доказательств не в количестве, а в их весомости).

Аналогия права – это применение права, исходя из общего смысла и универсальных принципов добросовестности, разумности и справедливости, взятых в конкретный исторический период, на основании соответствующей интерпретации норм конституции и общих положений естественного права (например, п. 2 ст. 6 ГК РФ или ст. 3–7 УК РФ).

Аналогия права – метод разрешения юридических коллизий на основе мировоззренческих и правовых ценностей (этико-религиозных и национальных, общепризнанных норм о правах человека и гражданина, традиционных российских ценностей, философского и правового толкования равенства, свободы, справедливости, ответственности, добра и зла и др.). В ракурсе сказанного будет уместно напомнить, что преамбула Конституции Российской Федерации выступает фундирующим принципом для конституционного права и других отраслей права. Тем не менее, и это следует особо подчеркнуть, данный вид аналогии в юридической науке недостаточно исследован, либо юристы относятся к ней с предубеждением и недоверием в плане ее процедурного применения на практике⁸. Для иллюстрации возьмем два примера.

Как считает А. Я. Курбатов, ссылаясь на концепцию философии права В. С. Нерсисянца, принцип справедливости в российском праве, понимается в двух значениях: 1) философско-религиозном и 2) формально-юридическом. Как мы ранее показали, первая трактовка уходит корнями в древнегреческую философию, т. е. аналогия понимается как *epistula*. Для А. Я. Курбатова первая справедливость – морально-этическая или просто ценностное понятие, а не методологическое. Более того, по мнению автора статьи о субъективизме в коннотации справедливости, в российской правовой науке в доктринальном плане справедливость не определяется. «...Справедливость в праве это категория, прежде всего, конституционного и законодательного процесса» [7, с. 48], а не процессуального. Морально-этическая справедливость, например, в преамбуле Конституции, и «формальная», т. е. юридическая, – считает правовед – несовместимы в материальной жизни, например, в судебном правосудии, поэтому между ними возникают коллизии и софистика в трактовке. Таким образом, автор однозначно выступает против применения аналогии справедливости в реальном законодательстве.

Наряду с другими принципами, справедливость является в аналогии права фактором («основание»), который переносит идеи гуманитарного права в позитивное [8, с. 27–38; 9, с. 5; 10, с. 76–78]. Правда, часто при этом возникают коллизии в правоприменительной практике. Как нам представляется, в этом механизме аналогии она часто меняется оценкой той или иной нормы и превращается в оценочное понятие (в аналогии это не запрещается). Или, как считает С. С. Алексеев, «справедливость приобретает роль правового принципа в той мере, в какой она воплощается в нормативно-правовом способе регулирования, в тех началах соразмерности, равенства и т. д., которые присущи самому построению правовой доктрины»⁹. С точки зрения логической техники здесь возникает проблема вынесения справедливого приговора соразмерности наказаний за разные преступные деяния, например, за мошенничество и убийство. Как заметил И. В. Чечельницкий, в рамках правоприменительной деятельности справедливость как принцип ст. 6 УК РФ¹⁰ «не сливается с законностью» [11, с. 60]. Мы считаем, что аналогия между

⁶ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

⁷ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁸ Марков С. М. Логика : учебник. 2-е изд. Москва : ИНФРА-М, 2024. С. 151–152.

⁹ Алексеев С. С. Общая теория права : учебник. 2-е изд. Москва : Проспект, 2009. С. 65.

¹⁰ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

законностью и справедливостью может проводиться лишь при условии рассмотрения справедливости в качестве основополагающего принципа законности.

Как отмечает А. Г. Иванов, «установление вины в условиях субъективной ошибки разъясняется лишь на доктринальном уровне» [12, с. 106], а в уголовном кодексе юридические нормы, регламентирующие так называемые субъективные ошибки, в определении степени виновности отсутствуют. Для обоснования своего тезиса автор использует философско-логическую аналогию: «Вина является метанаучной категорией, и неоспорим тот факт, что в ней присутствует философское начало» [12, с. 106]. В качестве метода аналогии он применяет философскую теорию сознания (отражение & информация & репрезентация) В. И. Ленина и Д. И. Дубровского, но в доказательствах своей гипотезы автор применяет, выражаясь языком логического трактата Витгенштейна, атомарный уровень отображения фактов сознания, а не ноуменальный. В итоге через описание способов ее формирования в философском аспекте он приходит к выводу, что в судебном правосудии один из принципов ст. 6 УК РФ¹¹ часто не соблюдается.

В первом варианте недооценивается (аналогия) в методологическом аспекте. Как нам представляется, примерами этого могут служить: формула права Густава Радбруха (*Unrecht* – в переводе с нем. «неправо») и процедурная теория естественного права Лона Фуллера из его монографии «Мораль права» («*The morality of law*»¹²), в которой философ-правовед разработал процедурные методы создания законов в соответствии с принципами морали и справедливости. Во втором варианте в качестве исходной посылки аналогии берется классическая теория сознания, во внешних чертах вполне верная, вместо современной философии сознания Д. Чалмерса, Д. Деннета, Р. Пенроуза, М. Каку, Т. В. Черниговской, Г. А. Иваницкого и др. В итоге умозаключение делается вероятностным, или всего лишь «детальным перечислением» (нарративным) возможных проблем.

Аналогия права применяется в юридических обобщениях в области источников происхождения и их реализации в системе права, как считают многие ведущие философы-правоведы (А. Б. Венгеров, А. Я. Курбатов, Л. В. Карнаушенко, И. Л. Честнов и др.). В этом контексте юристы-теоретики аналогии относят к области метафизических начал права и закона. Тем не менее аналогия часто исключается из очень важных областей общественной жизни, таких как правосознание и правовая культура, правотворчество, эпистемология, толкование правовых норм и др. В поле зрения юристов, да и практиков, чаще попадает популярная аналогия, действительно правдоподобная и вероятностная, относящаяся к классу ненаучной индукции (энумеративной). Тем не менее аналогия как метод сознательно либо рефлексивно по традициям формальной логики, где они сохранились, занимает достойное место в современной юридической методологии: сравнительном правоведении, социологическом, логико-математическом и других методах.

Аналогию права как нарратив часто применяют в конкретных случаях, например, в судебном разбирательстве, когда юристы (теоретики или практики) обращаются в своих действиях к определению смысла и сущности права. Так, ч. 5 ст. 3 АПК РФ¹³ рекомендует обращаться к аналогии права, исходя из принципов осуществления российского правосудия.

В уголовно-правовой сфере аналогия применяется, во-первых, в связи с пробелами в законодательстве, как считает правовед из Белоруссии Н. А. Петровский, при этом не всегда они связаны с просчетами законодателя [13, с. 90–91]. Во-вторых, аналогия права как нарратив применяется в свободе выбора оценки доказательств в процессуальном уголовном праве: через «внутреннее убеждение, основанное на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь законом и совестью» (ч. 1 ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹⁴).

Объективной основой юридической аналогии выступают противоречия и конфликты всех форм общественных отношений (экономические, политические, религиозные, национальные и т. д.), в первую очередь – рождение новых общественных отношений, требующих законодательного оформления. Или, как отмечает А. В. Дашко в статье «Единство предмета гражданского права», предмет российского гражданского права рождается из ст. 2 ГК РФ¹⁵, где перечисляются энумеративным способом правоотношения гражданского законодательства [14, с. 61–62]. Здесь вполне уместно возникает вопрос из формальной логики: что если не все имущественные и неимущественные права и свободы человека и другие нематериальные блага перечисляются в данной основополагающей статье? В таком случае применение далее по аналогии комментариев окажется всегда вероятностным (недемонстративным). Проблема в том, что мы даже не состоянии определиться с методами аналогии судебной власти в Конституции, т. е. с ее принципами.

¹¹ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹² Fuller L. L. *The morality of law*. New Haven : Yale University Press, 1964. 262 p.

¹³ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

¹⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

¹⁵ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Сколько их: пятнадцать или менее в ст. 118 Конституции Российской Федерации¹⁶? Как известно, в ст. 5 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФЗК¹⁷ их всего восемь, в которых справедливость не упоминается.

В философском же смысле аналогия в уголовном и гражданском законодательстве применяется через источники формирования правовой идеологии и юридических законов, когда речь идет о влиянии естественного права и живой практики на культуру и правовое сознание, как общественное, так и профессиональное. Например, через соответствие (аналогию) законов моральным нормам Библии или Корана. Библейские заповеди выступают в роли общих мировоззренческих принципов (юридической идеологии) для любого законодательства, если оно хочет принять цивилизованные формы [15].

Так, А. И. Овчинников в статье «Теология права и современное правопонимание» приводит процедурную модель аналогии теологии и правовой идеологии, ссылаясь на новую редакцию ст. 67 Конституции Российской Федерации: «Современные правовые понятия (гуманитарного права – прим. авт.) являются <...> результатом секуляризации христианской Европы и имеют религиозные корни» [16, с. 90]. Например, понятие богоподобия личности, считает автор, стало фундаментом идеи неотчуждаемых и неотъемлемых прав человека. Овчинников справедливо умозаключает по аналогии, что аналитика гуманитарных прав человека и его правосубъектность «...невозможна вне религиозных, метафизических идей и представлений» [16, с. 127]. В итоге он делает демонстративный вывод: «Для правового мышления важно учитывать, что вера является его неотъемлемой константой» [16, с. 127]. Если говорить о логике, то здесь аналогия выступает как демонстративное умозаключение, в котором «библейские нормы» выполняют роль объекта-оригинала (исходных суждений). Разумеется, только в том случае, когда речь идет о строгой («основательной») аналогии. Как считает правовед Н. А. Петровский, «метод аналогии целесообразно использовать в процессе применения права» [13, с. 90], а также «в рамках методологии права новой концепции метода аналогии в правовой науке и правоприменительной практике» [17, с. 67] и, добавим, в процессе правотворчества.

На основании этого представляется возможным утверждать, что аналогия права широко представлена в правовой идеологии и методологии права [18]. Так, в статье о методологических принципах философии права Л. В. Карнаушенко пишет: «Метафизический аспект (права – прим. авт.) проявляется в том, что правовая реальность рассматривается в качестве одного из аспектов реальности более высокого порядка, которая выходит за пределы как физического, так и социального бытия» [19, с. 7]. В роли нарративной аналогии в его умозаключениях выступает «метафизика права» или «способ понимания и интерпретации правовой действительности» [19, с. 7].

Впрочем, хотя в юридическом словаре и кодексах различаются понятия «аналогия права» и «аналогия закона», все равно авторы их смешивают в методологическом режиме (понимают как одинаковые). Поэтому получается, что аналогия права применяется в крайне редком случае (для восполнения мировоззренческих и метафизических пробелов). Итак, аналогия права – это применение к общественным отношениям общих начал и принципов правового регулирования, например, ст. 1 ГК РФ к остальным статьям гражданского законодательства или преамбулы Конституции к конституционным нормам, ст. 118 Конституции Российской Федерации – к Федеральному конституционному закону от 7 февраля 2011 г. № 1-ФЗК¹⁸.

Аналогия закона – это разрешение юридических конфликтов через ссылку на другие (сходные) правовые нормы. Применение закона по аналогии допускается, если: 1) отношение, по поводу которого возник спор, не урегулировано непосредственно нормами данного законодательства или договором (ч. 3 ст. 3 АПК РФ¹⁹); 2) имеется законодательный акт, который регулирует сходные отношения и потому может быть применен к спорному случаю (ч. 4 ст. 3 АПК РФ). Как считают юристы, аналогия закона «служит средством восполнения пробелов в праве» (выражение юристов) и регулирует сходные отношения в системе права (аналогия закона) или в отдельных отраслях права, в которых рассматривается соотношение (аналогия) общей части с конкретными статьями законодательства. Более того, почему-то утверждается очень узкая сфера «анalogии закона» – судебная практика (А. В. Новиков, В. И. Каминская, Т. Н. Добровольская и др.).

Методологическая основа применения аналогии закона – логика умозаключений по аналогии. Аналогия закона, как и логическая аналогия, может быть «поверхностной» (нестрогой), в т. ч. ложной, и «основательной» (строгой). Допустим, в процедурном определении «мнимой сделки» исходя из смысла п. 86 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25²⁰. Одинаков процесс аналогии закона и умозаключения по аналогии: 1) простая

¹⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

¹⁷ О судах общей юрисдикции в Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

¹⁸ СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

¹⁹ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

²⁰ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

аналогия (сходство примерное и не по существенным признакам); 2) «поверхностная» (сходство общих признаков); 3) «основательная» или строгая (определение сходных признаков в их существенном различии). Кроме того, аналогию закона можно сравнить с аналогией предметов, а аналогию права – с аналогией отношений.

Как считает математик П. М. Эрдниев, умозаключения по аналогии играют существенную роль в математике, а Г. Фреге считает, что математика есть один из методов юридической теории, выполняющая в ней одновременно две функции правдоподобного и демонстративного умозаключения (индуктивного и дедуктивного). «В умозаключениях по аналогии, прежде всего, используется индукция <...>. В то же время умозаключение по аналогии тесно связано с дедукцией, ибо истинность вывода по аналогии устанавливается дедуктивным доказательством...» [20, с. 6–7].

В российской правовой системе аналогия закона применяется в гражданском, трудовом, административном праве, но не в уголовном законодательстве. Как утверждает в своей диссертации М. В. Морозов, «аналогия закона (в уголовном праве Российской Федерации – прим. авт.) относится к ложной (поверхностной) аналогии...» [4, с. 9]. Впрочем, следует отметить, что в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации аналогия закона не отрицается. Аналогия закона (но не права) применяется тогда, когда в законодательстве отсутствуют соответствующие правовые нормы, ибо пробелы в праве не только объективно возможны, но и в определенной мере неизбежны. Соотношение живого права и правовой системы – противоречие, разрешение которого порождает новое знание о правовых отношениях и новые законопроекты. Частный случай аналогии закона – правовая имплементация и прецедентное право, которые можно рассматривать как особый вид аналогии предметов. Как отмечается в юридическом словаре, «применение аналогии оправдано в той мере, в какой оно способствует укреплению правопорядка»²¹, но не противоречит нравственной сущности закона.

Как известно, в настоящее время создается новая отрасль мировой правовой системы – нейрорправо [21]. Но пока речь идет об этическом кодексе будущего нейрорправа ЮНЕСКО 2025 года. Коротко: нейрорправо, в т. ч. право различных нейросетей, обусловлено новейшими открытиями «чтения мозга». Но как регулировать нейротехнологии никто не знает.

Допустим, если несанкционированное “Brain reading” («чтение мозга») повлекло за собой причинение вреда здоровью человека или иные тяжкие последствия, виновные лица могут быть привлечены к уголовной ответственности на основании ст. 137 УК РФ²², которая предусматривает уголовную ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни. Правда, для подобных исков понадобится добавить целый новый блок статей, связанных с нейротехнологиями, не только в уголовный, но и в гражданский кодексы. Однако есть общие положения о компенсации морального вреда (ст. 151 ГК РФ²³), которые могут быть применены к подобным случаям по аналогии. Следует отметить, что на данный момент в законодательстве Российской Федерации нет специальных норм, регулирующих правила использования нейротехнологий, в т. ч. «чтения мозга». Поэтому вопрос о юридической ответственности за неудачное использование нейротехнологий остается открытым и требует дальнейшего изучения и обсуждения.

На сессии ЮНЕСКО 26–30 августа 2025 г. был принят рамочный проект “First draft of the Recommendation on the Ethics of Neurotechnology” («Первый проект Рекомендаций по этике нейротехнологий»), в котором, в частности, в п. 8 записано: «Настоящие рекомендации были разработаны с целью направить развитие и использование нейротехнологий по этическому, безопасному и эффективному пути на благо человечества <...>, а также предотвратить их использование во вред в настоящем и будущем на основе международного права, в частности, Устава ООН и международного права в области прав человека»²⁴. Если кратко, то предлагается до принятия кодекса по нейрорправу использовать по аналогии уже созданные международные и национальные законы в области искусственного интеллекта (далее – ИИ) и биоэтике. Например, Рекомендации ЮНЕСКО по Этике ИИ 2021 года (Париж; 9–24 ноября 2021 г.) или кодекс по биоэтике и правам человека (2005) и др. Их суть – уважение, защита и поощрение прав человека и основных свобод, а также человеческого достоинства.

В более яркой форме аналогия демонстрирует свои возможности в толковании правовых норм в судопроизводстве, где она применяется на всех этапах толкования, а также во всех формах воспроизведения ее в мышлении субъекта и адресата. Если кратко, то суть логического способа толкования и герменевтики заключается в использовании законов логики для уяснения смысла, содержания нормы закона (права), сравнения с другими законами (канонами) и методологическими приемами. В этом виде аналогии логико-философские правила, а также мировоззренческие (нравственные) взгляды, например, профессиональная этика юриста, рассматриваются в роли общего методологического

²¹ Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. О. Е. Кутафин. Москва : Большая российская энциклопедия, 2002. С. 29.

²² СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

²³ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

²⁴ First draft of the Recommendation on the Ethics of Neurotechnology // UNESCO : [website]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000391444> (дата обращения: 20.01.2025).

нарратива. Логические правила и методы, философские теории, юридическая эпистемология – необходимое основание (методология) для толкования правовой нормы.

В толковании правовых норм действуют одновременно два вида аналогии: а) аналогия отношений (нарратив) – соответствие правовых норм мировоззренческим (например, религиозно-этическим), философским установкам (например, сравнительной методологии), а также гуманитарным международным конвенциям или фундаментальным принципам национального права; б) аналогия предметов (канон) – логический, герменевтический, лингвистический анализ правовой нормы. Еще один прием аналогии встречается в юридической технике по правилу – одна дефиниция для всех законов [22].

Итак, все виды аналогии действуют в правовом мышлении в качестве методологического ориентира. Аналогия как логический прием широко применяется не только в обыденной жизни, но и в теоретической сфере, в т. ч. в юридической теории и философии права. Наиболее часто она используется в философии и теории права, гражданском праве, судебном правосудии. Мы полагаем, что границы применения правовой аналогии много шире. Значение ее актуализации для теории и практики познания права, правового творчества и области применения права значимо для современной российской правовой системы. Следует согласиться с мнением В. А. Микрюкова, о том, что «...назрела насущная необходимость интенсификации комплексного, всестороннего научного изучения аналогии <...>. Цивилисты должны сформировать целостное представление об аналогии как об элементе современной юридической техники...» [6, с. 64–65].

3 заключение

В заключительной части отметим наиболее важные тезисы. Аналогия как логический метод – это умозаключение, в котором сочетаются как вероятностные, так и демонстративные элементы. Степень вероятности определяется: а) исходными посылками, б) процедурой логического вывода, в) основанием аналогии, в котором находится так называемый «сходный» признак. Сходство определяется, например, в моделировании нейросетей, через количество и качество признаков, используемых в аналогии (в частности, права и закона), что ярко демонстрирует в настоящее время создание этического кодекса в области нейротехнологий по аналогии с кодексом искусственного интеллекта. Например, в аналогии права – это мировоззренческие и правовые ценности гуманитарного права и общих положений национального права, используемых в правоприменительной практике по отношению, скажем, к виновности и степени наказания за совершенное преступное деяние.

Аналогия закона – разрешение юридических споров уже с конкретным применением техники логической аналогии, в которой используются все логико-математические приемы, включая силлогистику. Методология аналогии закона – логика умозаключений по аналогии как «поверхностной», даже ложной аналогии, так и демонстративной. В наиболее яркой форме она показывает свои возможности в толковании и комментариях правовых норм.

Достоверность правового умозаключения по аналогии требует соблюдения следующих необходимых условий: 1) аналогия должна проводиться между объектами, обладающими существенным сходством между собой; 2) аналогия должна осуществляться по наиболее важным, в рамках конкретной познавательной задачи, признакам. Примером подобного могут служить решения Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении принципов ст. 6 ГК РФ к российскому гражданскому законодательству²⁵.

Аналогия права (закона) также используется для обеспечения принципа справедливости, но за исключением тех случаев, когда закон прямо указывает на запрет аналогии. Так, не все нормы вещного права автоматически переносятся по аналогии на авторские права (п. 3 ст. 1227 ГК РФ²⁶).

В современной российской философии права аналогия, скорее всего, – нарратив, но не метод анализа и интерпретации права и закона. Образно выражаясь, аналогия применяется в юриспруденции как *epistulae* («послание»), в т. ч. ложное или правдоподобное, а демонстративные и вероятностные ее методы остаются за пределами правового дискурса.

Процедурные, в т. ч. герменевтические приемы аналогии права и аналогии закона вполне могут послужить отдельной темой научной работы. Мы же ограничились лишь логико-философским анализом наиболее распространенных и общих методологических приемов применения аналогии в юридической теории и технике.

²⁵ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

²⁶ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Список источников

1. Марков С. М. Нравственно-юридические правила Устава третейского суда Г. Р. Державина: источники и комментарий // Мировой судья. 2024. № 2. С. 14–18. <https://doi.org/10.18572/2072-4152-2024-2-14-18>
2. Марков С. М., Балахонский В. В. Методологические и мировоззренческие аспекты социального фэнтези Лю Цысиня «Задача трех тел» // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2023. Т. 20, № 3. С. 76–84. <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2023-20-3-76-84>
3. Эрдниева П. М. Аналогия в математике. Москва : Знание, 1970. 27 с.
4. Морозов М. В. Аналогия при применении правил квалификации преступлений // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 80–83. <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2025-44-1-80-83>
5. Платон. Горгий // Собрание сочинений : в 4 т. / [общ. ред. А. Ф. Loseva [и др.] ; примеч. А. А. Тахо-Годи ; пер. с древнегр. В. С. Соловьева [и др.]]. Москва : Мысль, 1990. Т. 1. 860 с.
6. Микрюков В. А. О состоянии научных исследований по проблемам института аналогии в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1 (86). С. 60–68. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.86.1.060-068>
7. Курбатов А. Я. Справедливость в российском праве: подмена понятий, субъективизм и неопределенность // Вопросы правоведения. 2012. № 3 (15). С. 44–64.
8. Балахонский В. В., Балахонская Л. В. Девиантное поведение: проблема методологического понимания нормы и ее социально-образовательных репрезентаций // Российский девиантологический журнал. 2022. Т. 2, № 1. С. 27–38. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-27-38>
9. Балахонский В. В. Философские проблемы методологии права // Философия права. 2011. № 5 (48). С. 5.
10. Балахонский В. В. Правосознание и его роль в жизни общества : монография / Балахонский В. В., Кудин В. А., Олейников В. С., Джегутанов Б. К. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2018. 173 с.
11. Чечельницкий И. В. Принцип справедливости в праве // История государства и права. 2014. № 6. С. 57–63.
12. Иванов А. Г. Сущность субъективной ошибки в уголовном праве: философский аспект // Философия права. 2023. № 3 (106). С. 105–111.
13. Петровский Н. А. Метод аналогии в теории уголовно-процессуального права / Уголовная юстиция: законодательство, теория и практика : сборник научных статей XIII Республиканской научно-практической конференции, г. Брест, 16 ноября 2022 г. / ред. Г. И. Займист, И. А. Заранка. Брест : Брестский государственный университет, 2023. С. 89–94.
14. Дашко А. В. Единство предмета гражданского права // Философия права. 2023. № 3 (106). С. 61–66.
15. Иванников И. А. Истина и справедливость // Вопросы философии. 2017. № 3. С. 5–15.
16. Овчинников А. И. Теология права и современное правопонимание // Философия права. 2023. № 2 (105). С. 125–131.
17. Петровский Н. А. Метод аналогии в современной методологии права // Философия права. 2007. № 2 (21). С. 62–69.
18. Марков С. М. Идеология в современном российском обществе и её философско-правовой статус / Актуальные проблемы социальной философии : материалы всероссийской научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 21 июня 2024 г. / под ред. В. В. Балахонского, П. Г. Мартысюка. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2024. С. 30–33.
19. Карнаушенко Л. В. Методологические принципы метафизики права // Философия права. 2022. № 3 (102). С. 7–12.
20. Эрдниева П. М. Аналогия в математике. Москва : Знание, 1970. 30 с.
21. Марков С. М. Философско-правовая оценка проекта этического кодекса нейротехнологий ЮНЕСКО (22–26 апреля 2024 г.) // Медицинское право. 2024. № 2 (110). С. 36–39.
22. Марков С. М. Статус «должностного лица» в постсоветской бюрократической реальности: логический и юридический анализ концепта / XI Южно-российский политологический конвент ЮФУ «Современная парадигма государственных интересов: концепт и постсоветская реальность» / отв. ред. Р. А. Пупыкин, К. П. Пилюгина. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2021. С. 38–46.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 340

Неформальное регулирование отношений власти и религии в СССР: методология изучения

Юрий Валерьевич Зудов¹, кандидат исторических наук
Юлия Николаевна Гусева², доктор исторических наук, профессор

¹ Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Москва (125993, Садовая-Кудринская ул., д. 9), Российская Федерация

² Московский городской педагогический университет
Москва (129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1), Российская Федерация

¹ yury.zudov@mail.ru, ² j.guseva@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0003-1729-1799>, ² <https://orcid.org/0000-0002-5731-7274>

Аннотация:

Введение. В статье очерчивается предметное поле, методологические подходы и методы изучения неформальных правил и практик, характерных для сферы регулирования государственно-религиозных отношений в России (на примере советского периода отечественной истории). Современные исследования режимов власти и моделей правового регулирования уделяют большое внимание этому вопросу, отмечая, что неформальные правила и практики оказывают существенное влияние на формальные нормы, правовое регулирование и правоприменительную практику.

Методы. Авторы характеризуют историографические наработки, отражающие отечественную управленческую модель в ракурсе неформальности. Рассматривается возможность использования методологических рамок неоинституционального подхода Дугласа Норта и антропологической трактовки институционального анализа Мэри Дуглас для изучения сферы управления религиозными институтами. Таким образом авторами предлагается новаторский междисциплинарный подход к рассматриваемой теме.

Результаты. В результате предлагается авторское видение предмета, направлений и методов исследований в этой области с учетом специфики актуальной историографии и опубликованных источников, отражающих особенности советских неформальных практик управления государственно-религиозными институциональными взаимодействиями.

В числе базовых характеристик советской управленческой модели часто отмечают приоритет устных, личных приказов и поручений над письменными инструкциями и распоряжениями. Кроме того, так называемые «неписанные правила», характерные для позднесоветской модели правового регулирования, во многом присутствуют и в современной ситуации регулирования взаимоотношений государства и религиозных организаций. Это доказывает значимость изучения советского пространства неформальных правил и практик в религиозной сфере. **Вывод.** Такая программа позволяет дать максимально полную картину исторического прошлого.

Ключевые слова:

неформальные правила, механизмы неправового регулирования, неписанные правила, неформальные институты, государственное управление в СССР, государственно-религиозные отношения в СССР

Для цитирования:

Зудов Ю. В., Гусева Ю. Н. Неформальное регулирование отношений власти и религии в СССР: методология изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 19–27.

Статья поступила в редакцию 26.03.2025;
одобрена после рецензирования 07.07.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Informal regulation of relations between state power and religion in the USSR: research methodology

Yury V. Zudov¹, Cand. Sci (Hist.)

Julia N. Guseva², Doc. Sci (Hist.), Professor

¹ Moscow State Law University named after O. E. Kutafin

9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 125993, Russian Federation

² Moscow City Pedagogical University Moscow

4, bld. 1, 2nd Selskokhoditelny Proyezd, Moscow, 129226, Russian Federation

¹ yury.zudov@mail.ru, ² j.guseva@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0003-1729-1799>, ² <https://orcid.org/0000-0002-5731-7274>

Abstract:

Introduction. The article defines the subject field, methodological approaches and methods of studying informal rules and practices typical for the sphere of regulation of state-religious relations in Russia (on the example of the Soviet period of national history). Modern studies of power regimes and models of legal regulation draw much attention to the issue, noting that informal rules and practices have a significant impact on formal norms, legal regulation and law enforcement practice.

Methods. The authors describe the historiographical developments reflecting the national managerial model from the perspective of informality. The authors consider the possibility of using the methodological framework of Douglass North's neo-institutional approach and Mary Douglas's anthropological interpretation of institutional analysis in studying the sphere of religious institutions' management. Thus, the authors propose an innovative interdisciplinary approach to the subject under consideration.

Results. As a result, the authors' vision of the subject, directions and methods of research in this area is proposed in consideration of the specifics of current historiography and available publications reflecting the peculiarities of Soviet informal practices of managing state-religious institutional interactions.

The priority of verbal, personal orders and assignments over written instructions and directives is often considered to be one of the basic characteristics of the Soviet management model. In addition, the so-called "unwritten rules", typical for the late Soviet model of legal regulation, are largely present in the modern situation of regulation of relations between the state and religious organisations. This proves the importance of studying the Soviet space of informal rules and practices in the religious sphere.

Keywords:

informal rules, mechanisms of non-legal regulation, unwritten rules, informal institutions, state administration in the USSR, state-religious relations in the USSR

For citation:

Zudov Yu. V., Guseva Y. N. Informal regulation of relations between state power and religion in the USSR: research methodology // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 19–27.

The article was submitted March 26, 2025;
approved after reviewing July 7, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

В современных научных исследованиях, посвященных институциональному и неинституциональному¹ анализу общественных отношений, нередко утверждается, что даже в высокоформализованных институциональных и организационных структурах наряду с формальными правилами² действуют и правила неформальные³ – причем последние оказывают существенное влияние на формальные нормы, правовое регулирование и правоприменительную практику.

Исследования режимов власти и моделей правового регулирования уделяют большое внимание изучению неформальных правил и практик, отмечая их особую важность для понимания побудительных мотивов, которые создают пространство и задают пределы для политического поведения, для анализа последствий работы формальных институтов в сфере законодательной

¹ Институциональная и неинституциональная теории исходят из того, что институциональные структуры (институты) имеют решающее значение в социально-политической жизни. Институциональные правила и нормы существенно влияют на индивидуальные предпочтения и поведение, а, следовательно, на общественно-политические процессы и результаты. Под «социальным институтом» мы понимаем организации (организации организаций), которые имеют собственный сложившийся механизм функционирования формальных и неформальных правил, обуславливающий характер доступа к символическому (в нашем случае религиозному) ресурсу и порядок использования данного ресурса. Правило само по себе может выступать как социальный институт, установление с внешней принудительной силой.

² Формальные правила – это официально закрепленные или зафиксированные правила, процедуры и нормы, которые создаются, распространяются и соблюдаются с помощью каналов, широко признанных официальными (избирательные системы, конституции, законы, договоры, уставы партий, правила и контракты и пр.).

³ В самых общих чертах неформальные правила представляют собой принятые в обществе, обычно неписанные правила, создающиеся, становящиеся известными и насаждающиеся вне официально санкционированных каналов.

и судебной политики, партийного строительства, финансового поведения, смены режимов, федерализма, отправления общественных обязанностей и, наконец, для государственного строительства как такового [1]. Российская модель управления не является исключением из этого правила.

Методы

Из общенаучных методов в исследовании применялись анализ и синтез, а также сравнительный метод. На основе методологических подходов из различных областей современного гуманитарного знания авторами предлагается новаторский междисциплинарный подход к рассматриваемой теме.

Многочисленная политологическая, социологическая и экономическая историография наглядно доказывает, что современная система управления в России состоит из смеси формального управления, являющегося результатом законодательного регулирования, официальных иерархий и политики, и неформальных установок, практик и сетей влияния. Во многих сферах прослеживается сосуществование параллельных систем организации (фиктивной и фактической), что в значительной степени отражает разделение на формальную и неформальную реальности российской жизни.

Россия также нередко становится объектом для сравнительных политологических исследований в странах Азии, Африки и Латинской Америки, посвященных неформальным институтам на постсоветском пространстве [2].

Ряд работ отечественных исследователей, описывающих неформальные практики, посвящены российской кулуарной политике [3, с. 102–120]. Элитологи анализируют формальные характеристики региональных властных сообществ, в т. ч. показывая, как соотносятся «неформальное» и «формальное» в процессе институционализации российской элиты [4, с. 10–30]. Большое внимание формальной и неформальной реальности уделяется при изучении теневизации российской экономики, выработке агентами бизнес-стратегий и стратегий лоббизма [5; 6, с. 6–27].

Результаты

Исследователи соглашались в том, что для понимания «правил игры» в России очень важно принимать во внимание так называемые «неписанные правила». Они отмечают как важную черту современной модели управления ее генетическую связь с позднесоветской политико-правовой, социальной системой [7, р. 17–28], сохраняющееся политико-правовое наследие [8, р. 121]. Это утверждение представляется обоснованным: хотя неформальные институты значимы для государственных служащих в большинстве стран мира, но они особенно заметны на постсоветском пространстве [9, р. 240–274]. Все это доказывает значимость изучения советского пространства неформальных правил и практик не только для исторического анализа, но и для понимания современной специфики правового регулирования и государственного управления, в т. ч. в религиозной сфере.

Анализ историографии демонстрирует, что тема неформальности в области экономики и права в советскую эпоху представлена довольно широко [10, р. 389–412], однако этого нельзя сказать об интересующей нас сфере взаимодействия государства и религиозных институтов.

Сегодня сформировано общее понимание того, как на самом деле (а не формально) работали советская экономика и управление [11; 12*]. В свою очередь усилия правоведов направлены на изучение советского права и особенностей «второго правосудия» как набора неформальных практик, причинами которого являлись прежде всего отсутствие реального разделения властей и зависимость судебной власти от исполнительной⁴. В числе базовых характеристик советской управленческой модели отмечается приоритет устных, личных приказов и поручений над письменными инструкциями и распоряжениями [13, р. 459], значимость «телефонного права»⁵.

Наибольший вклад в исследования советских неформальных правил и практик внесла интернациональная команда политологов под руководством Алены Леденевой. В базе данных, сформированной по итогам коллективного исследовательского проекта «Глобальная энциклопедия неформального» (*The Global Encyclopedia of Informality*), представлены в т. ч. материалы по России и СССР с акцентом на современность [13].

⁴ Исследования советских политических элит иллюстрируют, как Коммунистическая партия вмешивалась в судебную систему. Именно ведущая роль партии, ее статус над законом и ее защита по отношению к закону в конечном итоге подрывали независимость правовых институтов.

⁵ «Телефонное право» («телефонное правосудие») можно определить как неформальное влияние или давление, оказываемое на судебную систему, или, более широко, как зависимость правовой системы от политических порядков.

* Настоящий материал (информацию) произвел иностранный агент Митрохин Николай Александрович, либо материал (информация) касается деятельности данного иностранного агента.

Нет оснований полагать, что неформальные правила и подходы, характерные для советской правовой системы в целом, не касались сферы администрирования государственно-религиозных отношений, однако известно об этом чрезвычайно мало. Предпочтение исследователями отдается изучению советского законодательства и права (формальных правил), тому, как должны были выстраиваться взаимодействие государства и религиозных институтов и организаций, исходя из нормативных требований [14*, с. 505–511]. При таком подходе видимой является лишь верхушка политико-правового «айсберга», находящаяся в нормативно-правовой сфере.

Слабый «бумажный след» неправовых практик во многом объясняет их непроработанность в историографии советских государственно-религиозных отношений. Тем временем опубликованная переписка председателя Совета по делам Русской православной церкви Совета Народных Комиссаров СССР Г. Г. Карпова (1898–1967) с патриархом Алексием I (1877–1970) свидетельствует, что основное вмешательство государственной бюрократии в церковные дела шло именно через неформализованные каналы, осуществлялось неформальными методами [15*]. Также и Ренат Беккин, рассматривая взаимодействие государства и духовных управлений мусульман, приходит к выводу, что механизмы контроля государства над муфтиятами во многом опирались и опираются на неписанные правила. Однако исследователь описывает их общими категориями [16, с. 43].

Очевидно, что взаимодействие между двумя ключевыми социальными институтами – государством и Русской православной церковью не могут быть поняты исключительно в рамках формального, нормативного поля, как это представлено в подавляющем большинстве современных исследований. Образно говоря, необходимо заглянуть за стоящую перед нашими глазами советскую политико-правовую фальшпанель, которая задавала лишь самые общие рамки взаимодействий и часто служила камуфляжем социальной реальности государственно-религиозного взаимодействия.

В настоящей статье мы предлагаем новый подход к изучению этой важной научной проблемы. Для понимания неформальной, «теневой», стороны взаимодействия обоих институтов (государство-религиозные институты) нам необходимо: описать методологические подходы к исследованиям неформальных правил и практик в целом, их эвристический потенциал; определить возможные направления и конкретные методы междисциплинарных исследований таких правил в области государственно-религиозных отношений в исторической ретроспективе. Для сужения предметного поля мы хронологически ограничимся советским периодом, который принципиально важен для понимания постсоветской секулярной модели управления в этой сфере.

Методологические подходы в исследовании неформальных институтов и их эвристический потенциал

Институциональный и неинституциональный подходы в изучении политэкономии обществ в прошлом и настоящем указывают на «сквозной» характер неформальных институтов, существующих одновременно с формальными институтами. Как отмечает основоположник неинституциональной теории социально-экономического развития, нобелевский лауреат Дуглас Норт (1920–2015), «проще описать формальные правила, создаваемые обществом, и следовать им, чем описать неформальные правила (*informal rules*), которыми люди структурируют свои взаимоотношения, и следовать этим правилам. Но хотя содержание неформальных правил не поддается точному описанию, они имеют большое значение» [17, с. 56].

Формальные институты регулируют социальную жизнь с помощью формальных правил и санкций и отличаются от другого источника социального регулирования – неформальных стимулов и ограничений, присущих культурным укладам, социальным порядкам и традиционным практикам. Неформальные правила и практики могут основываться не просто на культурных факторах, но и на ожиданиях, регулируемых неформальными правилами и внешними санкциями [1, р. 730–731].

Что из себя представляют неформальные правила? Дуглас Норт исходит из того, что неформальные правила складываются стихийно, в процессе множества взаимодействий между агентами, как общепринятый способ снижения трансакционных издержек. Они возникают из информации, передаваемой посредством социальных механизмов, и являются частью того наследия, которое мы называем культурой [17, с. 57]. Возникая как средство координации устойчиво повторяющихся форм человеческого взаимодействия, неформальные ограничения (правила) являются: 1) продолжением, развитием и модификацией формальных правил; 2) социально санкционированными нормами поведения; 3) внутренне обязательными для человека стандартами поведения [17, с. 61].

Именно такие нормы создают легитимную основу для действия законов, а игнорирующие их революционные изменения законодательства часто приводят к результатам, отличаю-

* Настоящий материал (информацию) произвел иностранный агент Митрохин Николай Александрович, либо материал (информация) касается деятельности данного иностранного агента.

щимся от ожидаемых [17, с. 10–11]. Норт предполагает, что для эффективной работы формальных институтов необходимо, чтобы формальные правила «дополнялись неформальными ограничениями (убеждениями, нормами поведения), которые дополняют их и снижают затраты на обеспечение соблюдения правил». Как и формальные институты, неформальные правила и практики могут иметь как слабую, так и сильную степень влияния на общественные процессы.

Чтобы считаться неформальным институтом, «поведенческая закономерность должна соответствовать установленному правилу или ориентиру, нарушение которого влечет за собой некоторую внешнюю санкцию» [1, р. 727]. В отличие от формальных механизмов принуждения (полиция, суды), неформальные механизмы санкций часто бывают тонкими, скрытыми и даже незаконными. Санкции могут варьироваться от враждебных замечаний, сплетен, остракизма и других проявлений общественного неодобрения до внесудебного насилия⁶.

Неформальные правила также подвержены изменениям, но если законы могут быть изменены в течение короткого времени, то неформальные нормы, встроенные в более широкий контекст социально-политической культуры, трансформируются постепенно [18, р. 42–43]. Элла Панеях подмечает: «Формальное право предстает как фиксация устойчивого ядра уклада, а неформальные правила – как его изменчивая периферия» [19, с. 37].

Взаимоотношения между формальными и неформальными правилами и институтами описываются исследователями различными способами. Например, Э. Панеях предлагает четыре сценария взаимодействия между ними: продуктивный (реформаторский), консервативный (легитимизирующий), оппортунистический и контрпродуктивный [19, с. 33–52].

Отличие неформальных правил от неформальных практик

Неформальные практики, которые «укоренены в зоре законов и неписанных норм поведения» – это компромисс формальных правил и социальных норм⁷. «Образно говоря, неформальные практики – это мосты, опорами которых являются, с одной стороны, законодательные правила, с другой, – социальные нормы» [20, р. 11].

А. Леденева пишет: «Неформальные практики – это способы решения проблем, которые используются там, где формальные институты не предоставляют адекватных условий или позволяют играть по правилам системы и нарушать дух правил, но не их букву. Неформальные практики могут ускользать от официального дискурса, но они отражают „ноу-хау“ того, что работает на бытовом уровне... Не существует „хороших“ или „плохих“ неформальных практик. Люди – социальные существа, и их связи в основе своей двойственны. В ситуации, когда государство неспособно обеспечить их потребности, люди могут обратиться к своим неформальным сетям, чтобы удовлетворить свои нужды и планы» [2].

Модели управления в современной России опираются на концентрические круги «неписанных правил», которые являются текучими, устойчивыми к артикуляции и неуловимыми, и помогают их воспроизводить. Такие неписанные правила сохраняют дискрецию и обеспечивают дополнительный контроль на основе неформального рычага для достижения заявленных целей. Их скрытая социальная функция заключается в том, чтобы различать «своих» и «чужих».

Таким образом, мы можем сформулировать итоговые определения описанных понятий.

Неформальные («неписанные») правила – хорошо известные субъектам социальных взаимодействий ограничения, которые создаются, становятся известными и насаждаются вне официально санкционированных каналов. В совокупности с процедурами и санкциями за нарушение в рамках неинституционального подхода они могут обозначаться как неформальные институты.

Неформальные практики – «деятельность акторов, направленная на преобразование сложившихся в обществе формальных институтов для создания необходимых условий своего существования и развития» с целью обхода формальных ограничений и установлений [21, с. 18].

Неформальные практики действуют короткое время, часто возникают для решения ситуационной задачи, в то время как неформальные институты (правила) носят долгосрочный характер, применяются регулярно. В практики вовлечены лишь заинтересованные акторы, а институты воспринимаются как нормативный образец всеми акторами (или же государством и большинством акторов) [21, с. 19].

Д. Норт также обращает внимание на то, что одни и те же институты по-разному работают в разных обществах. Это связано с тем, что большое влияние на них оказывают

⁶ Однако неформальные правила не следует путать с неформальными поведенческими закономерностями, такими как мода, тенденции или привычки.

⁷ Необходимо отметить принципиальные отличия в оценке неформальных практик в разных науках: если экономисты видят в них естественную реакцию общества на неэффективную государственную политику, часто отмечают их «теневую» (коррупционную) составляющую, то социологи рассматривают их как естественную основу символического порядка, используемую для обеспечения социального контроля и организации социальных различий.

«убеждения» (*beliefs*) и «эффект колеи» (*path dependence*; «тропа зависимости»)⁸. Убеждения оказывают влияние на поведение людей, при этом они должны сочетаться с реальным поведением индивидов, относящихся к тем институтам и организациям, с которыми они взаимодействуют [22, с. 433].

Норт отводил общим убеждениям большую роль в формировании институтов, описывая идеологии как «общие ментальные модели», как интерпретации мира, которые во многом способствуют развитию формальных норм.

Большинство институтов включают в себя следующие три элемента: регулятивный (регулирующий поведение людей), нормативный (морально поощряющий или принуждающий людей действовать «надлежащим» образом в соответствии с институциональными ценностями и нормами) и культурно-когнитивный (общепринятые и само собой разумеющиеся представления, интерпретации, смыслы, рамки и схемы)⁹.

Полагаем, что при изучении религиозных институтов особое значение имеет их культурно-когнитивная составляющая: ценности, нормы, принципы, убеждения, знания о мире и о себе, которые они предлагают собственным членам и транслируют в обществе.

В книге британского антрополога Мэри Дуглас «Как мыслят институты» предложена антропологическая версия институционального анализа [23]¹⁰, на которую можно опереться для понимания внутренней когнитивной логики развития религиозных институтов, коллективного способа мышления их членов [24, с. 220–231].

Дуглас рассматривает социальные институты как легитимированные социальные группы и когнитивные конвенции, определяющие практики солидарности и коллективного действия. «У институтов не может быть собственного сознания, но и у людей нет другого способа принимать важные решения, кроме как в рамках институтов, которые они создают», – отмечает она [23, с. 63]. При этом только правового, юридического существования любого института недостаточно: «Нельзя сказать, что группа „действует“ – и еще меньше, что она мыслит или чувствует, – только потому, что она имеет правовой статус» [23, с. 63].

Поэтому институт, который заинтересован в своем выживании и сохранении прежней формы, приобретает легитимность путем специфического укоренения себя в природе и в разуме, предоставляя своим членам «ряд аналогий, позволяющих исследовать мир и обосновывать естественность и разумность установленных правил» [23, с. 207], контролирует память своих членов, обеспечивает мышление своих сторонников категориями, определяет условия для самопознания и фиксирует их идентичности.

В итоге институты, их материальные формы и социальные практики могут не просто формировать когнитивные процессы, но и быть их частью, кроме прочего, закрепляя социальную систему взглядов путем сакрализации принципов и убеждений.

Содержание и направления исследований неформальных практик и правил для изучения государственно-религиозных отношений в советский период

Выявление и измерение пространства неформальных практик и правил в управлении представляет собой серьезную исследовательскую проблему. Очевидно, что количественные методы в этом случае не работают, т. к. распространенность неформального влияния трудно документировать.

А. Леденева обращает внимание на то, что проявления неформального управления в современности трудно контролировать и измерять еще и потому, что «инсайдеры часто сами не осознают эти сложности полностью – или они выработали способность отрицать для себя то, что они делают» [7, р. 24].

Этапы и направления изучения. Первым шагом является описание самого сообщества, к которому применяются неформальные правила и изучение того, как его членами соблюдаются неформальные правила. Для этого необходимо:

- Выявить устойчивые модели поведения (в нашем случае – клира и прихожан религиозного института), которые не соответствуют формальным правилам, задающимся как внутри него самого, так и извне, то есть государственными институтами.

- Зафиксировать, как декларируемое или слаборефлексируемое правило нарушается, и реакцию на нарушение. Если за этим последует санкция и, возможно, изменение социального порядка, то это означает, что правило релевантно для изучаемого сообщества и определенные предписания и запреты для него действительно важны.

⁸ «Эффект колеи» – способ, при помощи которого институты и убеждения, сформированные в прошлом, влияют на нынешние решения; основанное на историческом опыте прошлого ограничение возможностей выбора в настоящем.

⁹ Значимость этих элементов может различаться в рамках конкретного институционального порядка и в разных институциональных условиях.

¹⁰ В рамках этой концепции институты не отождествляются со структурами власти или экономики, но понимаются как принципиальные основания моральных и этических норм, определяющие и ограничивающие поведение индивидов.

– Определить общие ожидания акторов, их отношение к фактическим ограничениям, с которыми они сталкиваются.

Второй шаг состоит в том, чтобы зафиксировать неформальные правила и практики, характерные для всей политико-правовой и социальной системы отношений в СССР, и уяснить их релевантность по отношению к советской государственной модели управления религиозными институтами. Для этого необходимо:

– выявить противоречия между содержанием правовых актов и непосредственным правоприменением; определить практики, в которых фиксируются эти противоречия (ложная отчетность, сфера применения личных связей – блат и пр.) [20, р. 17];

– вести изучение прерогативного права¹¹ на местном уровне, где оно просматривается более явно, описать случаи и механизмы прямого вмешательства заинтересованных акторов в решение церковных вопросов;

– обнаружить кейсы, в которых похожие формальные правила приводят к разным результатам (следует принимать во внимание, что в данном случае есть риск перепутать неформальные институты и слабые институты);

– ответить на вопрос: каковы были механизмы принуждения к соблюдению неформальных правил?

Важно упомянуть, что, снижая риски, советская бюрократия часто ограничивалась устными инструкциями представителям религиозных организаций в частных беседах или по телефону. В связи с этим перспективным видится исследовательский поиск общего пространства физических контактов: мест неформальных встреч иерархов Русской православной церкви (далее – РПЦ) и представителей советского политикума.

Методы и источники изучения неформальных правил и практик: общие замечания

Индуктивный метод (от частного к общему) в плане анализа неформальных политических практик и институтов представляет больше возможностей для исследователей, нежели дедуктивный [25, с. 106].

В нашем случае можно использовать *метод суждения по аналогии*: оттолкнуться от уже описанных советских неформальных правил и практик, выявляя пересечения или принципиально новые явления, которые следует описать и классифицировать. Требуется научной проверки гипотеза о влиянии на сферу государственно-религиозных отношений, существовавших в СССР, «неписаных» правил. Одна из глав «Глобальной энциклопедии неформального» («Контроль: инструменты неформального управления») описывает такие неформальные практики советской эпохи, как блат, телефонное право, «кураторы», «политика страха», практики сбора и использования компромата как средство устранения конкурентов или защиты интересов определенных акторов, обладающих материальным и / или символическим ресурсом и ряд других.

К этой категории исследователи относят характерные для постсоветской России клиентелизм, неформальные договоренности, селективное применение законодательства, деформализация правил и пр. Используя *историко-генетический метод*, можно попытаться выявить истоки современных неписаных правил в советском обществе.

В качестве одного из базовых методов А. Леденева предлагает использовать *качественные интервью с инсайдерами* – людьми, работавшими «во власти». Такой подход – интервью с критиками-инсайдерами – позволяет исследователю успешно выявлять институционализированные паттерны неформального управления. В нашем случае это могут быть служащие советских ведомств, отвечавшие за реализацию государственной политики в отношении религиозных организаций или работавшие в органах советской юстиции и соприкасавшиеся с данной проблематикой.

Описывая взаимодействие современного российского государства и РПЦ в категориях институционального анализа, Кирилл Лапицкий обращает внимание, что формальные правила формируют «язык публичных объяснений и риторических высказываний, которые маскируют неформальные практики» [26, с. 24–27]. Для деконструкции, выявления закамуфлированных сообщений важен анализ официальных церковных текстов, в т. ч. материалов «Журнала Московской Патриархии», которые, с одной стороны, показывают, какие внешние нарративы присваиваются религиозными институтами, с другой – какие именно неформальные правила камуфлируются. В работе с подобными источниками может быть эффективен *когнитивный метод* выявления неформальных правил, предложенный Эллой Панеях [19].

В отношении опубликованных источников и историографических находок, на которые можно опереться в ходе подобного исследования, необходимо отметить следующее.

¹¹ Прерогативное право подразумевает, что параллельно с формальной правовой системой действуют личные и политические сети, которые часто осуществляют власть вопреки писаным нормам. Для его описания также используется термин «второе правосудие».

Прежде всего интерес вызывают конфликтные поля – пространства несовпадений нормативного и фактического в политике, праве и социальном укладе вообще. В литературе зафиксированы отдельные ситуации, выражающие открытое сопротивление верующих существующему порядку (например, волнения как стихийные реакции на закрытие монастырей и церквей в 1959–1960 гг.). Как стратегии пассивного сопротивления и для анализа столкновений нормативных, формальных, предписаний с убеждениями верующих можно рассматривать «письма верующих во власть», в которых они формулируют свои ожидания и предпочтения [27–29]. В публикациях эти сюжеты анализируются в контексте изучения идентичности «советских верующих» и выбора стратегии их выживания в социалистической реальности.

Историками, религиоведами начато изучение «серой» зоны государственно-религиозных взаимодействий [30], которую можно рассматривать как пространство доминирования неформальности. Значительный эмпирический материал по данной теме содержат опубликованные документы советских спецслужб, отражающие форматы их взаимодействия с церковными иерархами и религиозными организациями [31].

Для понимания коллективных представлений и выявления форматов, содержания неформальных правил и практик большое значение имеет рефлексия самих представителей церкви разного уровня, отраженная в воспоминаниях, интервью о событиях и самоощущении верующих в советскую эпоху [32–35]. Примером использования элементов неинституционального подхода к анализу взаимодействий в области неформальных правил и практик государственного управления мусульманскими религиозными организациями является работа Р. Беккина. В ней он интервьюирует ряд чиновников, отвечавших за «исламскую тему» в первое постсоветское десятилетие, и пытается выявить действовавшие в то время «неписанные правила» [16].

Помимо мемуарной и биографической литературы, материалы, отражающие неформальные практики, можно найти в архивных документах Совета по делам религий при Совете министров СССР¹², исследованиях отечественных и зарубежных историков [36; 37], а также почерпнуть сведения из воспоминаний и интервью сотрудников Совета по делам религий. Большой интерес представляют материалы единственного в советское время периодического печатного издания РПЦ «Журнала Московской патриархии», который, несмотря на жесткую цензуру и подчеркнутую лояльность его авторов советскому режиму, может быть исследован с позиций наличия «красноречивых умолчаний» о важнейших церковно-политических событиях и формирования своеобразного «эзопова языка» советской церковной прессы.

3 заключение

В изучении пространства неформального, характерного для области государственного управления религиозными институтами, представляется методологически эффективным соединением неинституциональной аналитической рамки (для характеристики государственных институтов, политико-правовых социальных отношений, типичных для советского общества в целом) с антропологическим прочтением институционального анализа. Последний дает возможность изучения коллективного мышления членов религиозных институтов и поиска точек пересечения представлений, убеждений, сакрализованных ценностей с советским социальным порядком, включая характерные для него неформальные правила и практики.

Таким образом, нами сформулированы основные понятия, аналитическая рамка, ключевые вопросы и методы исследования неформальных правил и практик управления в области государственно-религиозных отношений в советский период отечественной истории. Полагаем, что они могут служить серьезными академическими основаниями для проведения такого рода исследований.

Список источников

1. Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // *Perspectives on Politics*. 2004. Vol. 2, № 4. P. 725–740. <https://doi.org/10.1017/S1537592704040472>
2. Ledeneva A. (ed.). *The Global Encyclopaedia of Informality: Understanding Social and Cultural Complexity*, Vol. 1. London : UCL Press, 2018. 434 p. <https://doi.org/10.14324/111.9781911307907>
3. Витковская Т. Б. Депутаты представительных органов местного самоуправления в пространстве неформальных практик // *Власть и элиты*. 2023. Т. 10, № 2. С. 102–120. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.5>
4. Колесник Н. В. Практики воспроизводства российской элиты: неформальный аспект // *Власть и элиты*. 2017. Т. 4, № 4. С. 10–30. <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.1>
5. Дегтярёв А. А. О роли формальных принципов и неформальных правил в современном GR-менеджменте // *Государство, бизнес, Общество: современные теории и российские реалии* / под ред. Л. Е. Ильичевой. Москва : Аналитик, 2012. С. 63–78.
6. Левин С. Н., Саблин К. С., Руцкий В. Н. Практики взаимодействия предпринимателей с властью в регионах «ресурсного типа» современной России: «картины власти» и подходы к исследованию // *Мир России*. Т. 27, № 3. С. 6–27. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-3-6-27>

¹² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991.

7. Ledeneva A., Granville C., Hanson P. Sistema – Russia's Informal System of Power // Barisch K. (ed.). Three views on modernization and the rule of law in Russia. London : Center for European Reform, 2012. P. 17–23.
8. Solomon P. H. Law in Public Administration: How Russia Differs // The Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2008. Vol. 24. № 1. P. 115–135. <https://doi.org/10.1080/13523270701840498>
9. Hendley K. Are Russian Judges Still Soviet? // Post Soviet Affairs. 2007. Vol. 23. № 3. P. 240–274. <http://doi.org/10.2747/1060-586X.23.3.240>
10. Heinzen J. The Art of the Bribe: Corruption and Everyday Practice in the Late Stalinist USSR // Slavic Review. 2007. Vol. 66. № 38. P. 389–412. <http://doi.org/10.2307/20060294>
11. Хлевнюк О. В. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. Москва : Новое литературное обозрение, 2023. 320 с.
12. Митрохин Н. А.* Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах : в 2 т. Москва : Новое литературное обозрение, 2023.
13. Ledeneva A. et al. (ed.). The Global Encyclopedia of Informality, Vol. 2. London : UCL Press, 2018. 538 p. <https://doi.org/10.14324/111.9781787351899>
14. Митрохин Н. А.* Болезнь под названием «фонд уполномоченного» или несколько страниц об актуальных проблемах изучения религиозности в СССР // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 505–511.
15. Митрохин Н. А.* Советская власть, церковь и верующие в послевоенный период // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2008. № 3 (59). С. 89–93.
16. Беккин Р. И. «Люди в верности надежные...»: Татарские муфтияты и государство в России (XVIII–XXI века). Москва : Новое литературное обозрение, 2022. 552 с.
17. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко ; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. Москва : Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. 190 с.
18. Sarigil Z. How Informal Institutions Matter : Evidence from Turkish Social and Political Spheres. United States of America : University of Michigan Press, 2023. 216 p. <https://doi.org/10.3998/mpub.12334157>
19. Панеях Э. Л. Неформальные институты и формальные правила: закон действующий VS. Закон применяемый // Политическая наука. 2003. № 1. С. 33–52.
20. Ledeneva A. V. How Russia Really Works : The Informal Practices that Shaped Post-Soviet Politics and Business. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2006. 288 p. <https://doi.org/10.7591/9780801461682-004>
21. Матвеев А. А. Соотношение неформальных институтов и практик // Власть. 2011. № 8. С. 18–21.
22. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. Москва : Издательство Гайдара, 2011. 480 с.
23. Дуглас М. Как мыслят институты / пер. с англ. А. М. Корбута. Москва : Элементарные формы, 2020. 250 с.
24. Давыдов И. П., Фадеев И. А. Как мыслят церковные институты: механизмы формирования этноконфессиональной идентичности // Диалог со временем. 2024. Вып. 89. С. 220–231. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.015>
25. Макарин А. В., Будко Д. А. К вопросу о классификации неформальных политических практик // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Международные отношения. 2013. Вып. 4. С. 103–109.
26. Лапицкий К. В. Характеристика форм взаимодействия Русской православной церкви и российского государства: институциональный анализ // Общество: политика, экономика, право. 2017. Вып. 11. С. 24–27. <https://doi.org/10.24158/per.2017.11.5>
27. Беглов А., Белякова Н. «Пишите хоть Папе Римскому». Письма верующих из СССР римскому понтифику: формирование и бытование традиции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 4 (39). С. 169–199. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-4-169-199>
28. Белякова Н. А. Советские по стилю, религиозные по содержанию. Письма верующих во власть в период позднего социализма // Российская история. 2019. № 1. С. 207–214; <https://doi.org/10.31857/S086956870004236-0>
29. Савин А. И., Деннингхаус В. А. «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху // Россия XXI. 2017. № 6 (ноябрь–декабрь). С. 118–141.
30. Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб» : церковное подполье в СССР. 2-е изд., испр. и доп. Москва : РОССПЭН, 2018. 350 с.
31. Савин А. И. Религиозные организации в СССР глазами 5-го Управления Комитета государственной безопасности (1971 год) // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 188–205. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-2-12>
32. Августин (Никитин Дмитрий Евгеньевич; архимандрит). Церковь плененная: митрополит Никодим (1929–1978) и его эпоха (в воспоминаниях современников). Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. 674 с.
33. Гусакова О. Хранители веры. О жизни Церкви в советское время: автобиографические истории : [протоиерей Валериан Кречетов, протоиерей Сергей Правдолюбов, протоиерей Георгий Бреев, протоиерей Владимир Тимаков, Феодора Никитична Кузовкова и др.]. 2-е изд. Москва : Никея, 2018. 416 с.
34. Ювеналий (Поярков Владимир Кириллович; митрополит). Человек Церкви : К 20-летию со дня кончины и 70-летию со дня рождения митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, патриаршего экзарха Западной Европы (1929–1978). 2-е изд. Москва : Московская патриархия РПЦ, 1998. 407 с.
35. Свеча Богу : Московский старец – протоиерей Василий Серебренников (1907–1996) : сборник. Москва : Журнал «Москва», 1999. 240 с.
36. Сосковец Л. И. Советские верующие: общие социодемографические и культурные характеристики // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 62–65.
37. Гераськин Ю. В. Подача ходатайств об открытии храмов в 1940–1950-е годы как способ отстаивания конституционного права на свободу вероисповедания // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2008. № 15. С. 132–138.
38. Леонтьева Т. Г. Церковная повседневность эпохи позднего сталинизма в провинциальном измерении // Советское государство и общество в период позднего сталинизма, 1943–1953 гг. : материалы VII Межвузовской научной конференции, г. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. Москва : РОССПЭН, 2015. С. 8–16.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

* Настоящий материал (информацию) произвел иностранный агент Митрохин Николай Александрович, либо материал (информация) касается деятельности данного иностранного агента.

Войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны как предмет историко-правовых исследований С. Г. Лысенкова

Нижник Надежда Степановна, доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
n.nishnik@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3369-9490>

Аннотация:

Введение. Великой Отечественной войне за 80 лет после ее окончания посвящено множество различных произведений, в т. ч. научных. Однако в научном описании военной истории до сих пор остаются белые пятна – малоизученные процессы, события, факты, в силу различных обстоятельств не подвергнутые научному анализу. Это используется для фальсификации отечественной истории с целью, переписав ее, лишить нашу страну исторической легитимности, целостности, дегуманизировать и демонизировать Россию. Особой страницей истории Великой Отечественной войны является участие войск НКВД в боевых действиях и обеспечении общественной безопасности в годы войны. Но вклад войск НКВД СССР в Победу над немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны должного осмысления и оценки до настоящего времени еще не получил. Критика войск НКВД акцентирует внимание на их карательной функциональной составляющей (прежде всего на деятельности заградительных отрядов), умаляя их значение в устранении угроз внутренней и внешней безопасности. Важную роль в реконструкции и анализе военно-правовой деятельности государства и его органов – участников Великой Отечественной войны играет доктор юридических наук, профессор С. Г. Лысенков, под руководством которого в Санкт-Петербурге сформировалась научная школа, сосредоточившая свой исследовательский интерес на ретроспективном анализе организации и деятельности войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны. С. Г. Лысенков – ровесник Победы в Великой Отечественной войне. В Год защитника Отечества, в год своего юбилея С. Г. Лысенков – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации вносит серьезный вклад в организацию историко-правовых исследований, направленных на получение систематизированных объективных знаний об особенностях обеспечения войсками НКВД общественной безопасности в годы Великой Отечественной войны, о статусе военнослужащих и его реализации в условиях военного времени. Статья посвящена научным достижениям профессора С. Г. Лысенкова – видного историка права современной России.

Методы. Диалектика как общая методология научного познания, методологические принципы единства теории и практики, объективности, комплексности, позволяющие осуществить анализ научных трудов С. Г. Лысенкова, составили методологическую основу исследования. Основными методологическими подходами были определены системный и биографический, а методами исследования – различные общенаучные и специальные методы правовых исследований, важную роль в числе которых играл метод проблемно-теоретической реконструкции.

Результаты. Глубина исследований историко-правовых проблем профессором С. Г. Лысенковым способствовала формированию под его руководством научной школы, в рамках которой его ученики осуществляют исследования, направленные на выявление закономерностей эффективного правового регулирования военной организации отечественного государства. Несмотря на наличие в современной гуманитарной науке множества исследований, посвященных истории войск НКВД СССР, труды профессора С. Г. Лысенкова, посвященные организации и функционированию войск НКВД в годы Великой Отечественной войны, занимают важное место в истории государства и права России, вносят заметный вклад в изучение правоохранительной системы отечественного государства и развитие теоретико-исторических наук в современной России.

Ключевые слова:

С. Г. Лысенков, историко-правовые исследования, история государства и права СССР, история Великой Отечественной войны, войска НКВД СССР, организационно-правовые основы военной службы, правовой статус военнослужащих

Для цитирования:

Нижник Н. С. Войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны как предмет историко-правовых исследований С. Г. Лысенкова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 28–43.

Статья поступила в редакцию 04.06.2025;
одобрена после рецензирования 15.08.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Troops of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War as a subject of historical-legal studies by S. G. Lysenkov

Nadezhda S. Nizhnik, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
n.nishnik@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3369-9490>

Abstract:

Introduction. Many different works, including scientific ones, are devoted to the Great Patriotic War during 80 years after its end. Nevertheless, there are still blanks in the scientific description of military history – understudied processes, events, facts, not subjected to scientific analysis due to various circumstances. It is used to rewrite the national history in order to deprive our country of historical legitimacy, integrity, to dehumanise and demonise Russia. The participation of NKVD troops in fighting and public security provision during the war years is a special page of the Great Patriotic War history. But the contribution of NKVD troops to the victory over the German-fascist invaders in the Great Patriotic War has not yet received its judgment and evaluation. Criticism of NKVD troops focuses mostly on their punitive function (especially the activities of barrage detachments), minimising their role in eliminating threats to internal and external security. An important role in the reconstruction and analysis of military legal activities of the state and its organs – participants of the Great Patriotic War is played by Doctor of law, Professor S. G. Lysenkov. Under his supervision, a scientific school was formed in Saint Petersburg focusing its scientific research on retrospective analysis of the organisation and activities of the NKVD troops in the USSR during the Great Patriotic War. S. G. Lysenkov is a peer of the victory in the Great Patriotic War. In the Year of the motherland defender, the year of his anniversary S. G. Lysenkov – the professor of the department of state-legal disciplines of the research center of the Military Academy by Zhukov's Order of the national guard troops of the Russian Federation makes a major contribution to the historical and legal studies organisation, targeted at obtaining systematic objective knowledge about the specificities of providing public security by NKVD troops in the years of the Great Patriotic War, about the military personnel status and its implementation in wartime conditions. The article is devoted to the scientific achievements of the Professor S. G. Lysenkov, a prominent historian of the modern Russian law.

Methods. Dialectics as a common methodology of scientific cognition, methodological principles of theory and practice cohesion, objectivity, complexity made it possible to perform analysis of the scientific works of S. G. Lysenkov, and formed the methodological basis of the study. The main methodological approaches were defined as systemic and biographical, and as the research methods – various general scientific and special legal research methods, including the method of problematic theoretical reconstruction which played an important role.

Results. The research depth of historical and legal problems by professor S. G. Lysenkov contributed to the formation of a scientific school under his supervision, within which his followers implement researches, aimed at revealing patterns of effective legal regulation of the military organisation of our state. Despite the existence of many studies on the history of NKVD troops in modern humanitarian science, the works of Professor S. G. Lysenkov devoted to the NKVD troops organisation and functioning during the Great Patriotic War hold an important position in the history of the state and law of Russia, make a notable contribution to the study of the law enforcement system of the national state and the development of theoretical and historical sciences in modern Russia.

Keywords:

S. G. Lysenkov, historical legal research, history of the state and law of the USSR, history of the Great Patriotic War, NKVD troops of the USSR, organisational-legal basis of military service, legal status of military men

For citation:

Nizhnik N. S. Troops of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War as a subject of historical-legal studies by S. G. Lysenkov // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 28–43.

The article was submitted June 4, 2025;
approved after reviewing August 15;
accepted for publication September 20, 2025.

Введение

Военную безопасность – «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения»¹, обеспечивает военная организация государства. Структура военной организации и основные направления деятельности ее институтов определяются на каждом историческом этапе с учетом социальной сущности государства и реально существующих угроз безопасности.

¹ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) // Российская газета. 2014. 30 декабря.

Составляющими военной организации отечественного государства в 1940-е годы являлись Рабоче-Крестьянская Красная Армия, Военно-Морской Флот СССР и войска НКВД. Их состояние, боеготовность и действия стали важным фактором в борьбе советского народа с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны.

Войска НКВД, являясь составной частью общей системы обеспечения военной безопасности и имея организацию и структуру, сходную с армейской, отличались спецификой выполняемых задач и принадлежностью к другому ведомству. Войска НКВД, ведущие свою историю от войск ВЧК – ГПУ – ОГПУ, организационно были оформлены в 1934 году после создания Наркомата внутренних дел СССР. В подчинение НКВД СССР перешли внутренние и пограничные войска ОГПУ, конвойная стража, а также войска по охране предприятий промышленности и войска по охране железнодорожных сооружений². Охрана государственной границы была отнесена к ведению пограничных войск. Войска НКВД, не являвшиеся пограничными, назывались внутренними и осуществляли охрану железнодорожных сооружений, военно-промышленных объектов, радиостанций и объектов энергетического комплекса; обеспечивали конвоирование осужденных и подследственных, осуществляли внешнюю охрану тюрем³; вели борьбу с диверсантами и шпионами, дезертирством и бандитизмом⁴. В годы Великой Отечественной войны военнослужащие войск НКВД не только выполняли специальные задачи, но и непосредственно участвовали в боевых действиях. Проявив на фронтах Второй мировой войны мужество, героизм и самоотверженность, советские воины внесли важный вклад в Победу советского народа над нацистами в 1945 году.

После окончания Великой Отечественной войны прошло 80 лет. За это время сюжеты и социальные процессы периода Великой Отечественной стали самыми обсуждаемыми отечественной и зарубежной общественностью. Никакому другому общезначимому явлению всемирной истории не уделяется такого внимания, как события 1941–1945 гг.: военной проблематике посвящены миллионы томов научной, документальной, специальной, мемуарной и художественной литературы, документальные и художественные фильмы, произведения музыкального, театрального, изобразительного и прикладного искусства. Память о Великой Отечественной войне получила закрепление в создании мемориальных мест и формировании разнообразных коммеморативных практик.

Государственно-политические, военно-технические, народно-хозяйственные, международно-правовые и другие проблемы войны стали предметом научных исследований. Но, несмотря на внимание историков, юристов, военных к вопросам, прямо или косвенно связанным с функционированием государственно-правовой системы СССР в 1941–1945 гг., вклад войск НКВД СССР в Победу над немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны должного осмысления и оценки еще не получил. В истории Великой Отечественной войны до сих пор остаются белые пятна – малоизученные процессы и события, факты, не подвергнутые научному анализу. Недостаточная осведомленность в вопросах, касающихся всех направлений деятельности войск НКВД, усугубляется возведенными в абсолют единичными, а часто и недостоверными фактами, транслируемыми средствами массовой информации и инициаторами переписывания истории, стремящимися лишить нашу страну исторической легитимности, дегуманизировать и демонизировать ее. Фальсификация истории используется как оружие в информационной войне для разрушения целостности России. Деформация исторической памяти и искажение исторической правды, направленные на отрицание или преуменьшение исторического вклада в Победу во Второй мировой войне и развитие мировой цивилизации, представляют реальную угрозу Российской Федерации, способствуют возрождению идей нацизма, активизации идей реваншизма, героизации нацистов⁵. Закономерно, что сохранение правды о Великой Отечественной войне и противостояние попыткам фальсификации ее истории рассматриваются как первоочередная задача в современной России.

Особая страница отечественной истории – участие в Великой Отечественной войне войск НКВД, военнослужащие которых показали стойкость «во всех тяжелейших сражениях и боях: в обороне Брестской крепости, Риги, Таллина, Могилева, Ленинграда, Киева, Одессы, Тулы, в Московской и Сталинградской битвах, в битвах на Кавказе и на Курской дуге. Всего в боях с различной продолжительностью участвовали воинские части 58 дивизий и 23 отдельных бригад войск НКВД»⁶. Сохранение до настоящего времени упорной агрессивной критики войск

² Внутренние войска: история и современность : (популярный очерк) / под общ. ред. С. Ф. Кавуна. Москва : ГКВВ МВД России, 2001. С. 18.

³ Ковыршин Е. В. Войска НКВД СССР: эволюция структуры и практики использования : 1934–1947 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011. 23 с.

⁴ Золотов В. В. Войска НКВД в годы Великой Отечественной войны // Патриотическое объединение «Ленрезерв» : [сайт]. URL: <https://lenrezerv.ru/articles/vojska-nkvd-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny/> (дата обращения: 17.05.2025).

⁵ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8669.

⁶ Войска НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://rosguard.gov.ru/ru/page/index/vojska-nkvd-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-1941--1945-gg> (дата обращения: 11.05.2025).

НКВД, акцентирующей внимание на их карательной составляющей (прежде всего на деятельности заградительных отрядов), требует дальнейшего комплексного научного анализа участия войск НКВД в военных действиях 1941–1945 гг. и оценки их вклада в Победу в Великой Отечественной войне.

Важную роль в изучении военно-правовой деятельности государства и его органов – участников Великой Отечественной войны сыграл доктор юридических наук, профессор Сергей Геннадьевич Лысенков, под руководством которого в Санкт-Петербурге сформировалась научная школа, сосредоточившая свой исследовательский интерес на ретроспективном анализе организации и деятельности войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны. Символично, что именно в Год защитника Отечества мы отмечаем юбилей профессора С. Г. Лысенкова – ровесника Победы в Великой Отечественной войне. Сегодня С. Г. Лысенков – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Научная и педагогическая деятельность профессора С. Г. Лысенкова внесла серьезный вклад в организацию историко-правовых исследований, направленных на получение систематизированных объективных знаний об особенностях обеспечения войсками НКВД общественной безопасности в годы Великой Отечественной войны, о статусе военнослужащих и его реализации в условиях военного времени. Исследования С. Г. Лысенкова углубляют знания о функционировании военной организации Советского государства; расширяют научные представления о реализации служебных прав и обязанностей военнослужащих, полномочий органов военного управления и должностных лиц в условиях ведения вооруженной борьбы; формируют основу для осмысления опыта применения норм международного гуманитарного права в отношении участников вооруженных конфликтов, юридической ответственности военнослужащих в военное время, государственного обеспечения и социальной защиты военнослужащих и их семей.

Методы

Методологическая основа историографического исследования трудов профессора С. Г. Лысенкова, посвященных войскам НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны, была определена в контексте диалектики как общей методологии научного познания.

С учетом того, что в современной социогуманитаристике формируются различные (историографическо-научное, историографическо-интеллектуальное, историографическо-проблемное, историографическо-биографическое, историографическо-источниковедческое) направления историографического анализа, изучение и осмысление результатов научных исследований профессора С. Г. Лысенкова позволяют выявить их значение и определить место интеллектуальных достижений ученого в советской и современной историко-правовой науке.

Методологические принципы единства теории и практики, объективности, комплексности позволили осуществить анализ научных трудов С. Г. Лысенкова и выявить: 1) исследователю удалось определить новые, не освоенные юриспруденцией пространства, показать их актуальность, научную и прикладную значимость для развития теоретической и прикладной юриспруденции; 2) исследования С. Г. Лысенковым осуществлялись на основе изучения широкого круга документов и материалов, опубликованных в России и за рубежом, а также находящихся в фондах центральных и региональных архивов (прежде всего Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Центрального военно-морского архива Министерства обороны Российской Федерации, Архива военно-медицинских документов Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации, Государственного архива документов новейшей истории Калужской области и др.), музеев (прежде всего Государственного музея политической истории России, Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации, Центрального военно-морского музея, Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи; музеев боевой славы и мемориальных комплексов городов Баку, Волгограда, Москвы, Новороссийска, Санкт-Петербурга, Севастополя и др.); 3) аргументированные выводы сделаны исследователем по различным вопросам, в комплексе характеризующим правовое положение военнослужащих войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны; 4) осуществляя научные исследования, С. Г. Лысенков стремился к максимальному учету социально-экономических, политико-правовых факторов объективного и субъективного характера, роли конкретных личностей в процессах и событиях Великой Отечественной войны.

Основными методологическими подходами были определены системный и биографический, которые позволили выявить последовательное изучение С. Г. Лысенковым научных проблем, демонстрировавшим честность и принципиальность исследователя, активную гражданскую позицию и стойкость к давлению факторов политической конъюнктуры.

При подготовке статьи были использованы различные общенаучные и специальные методы правовых исследований, важную роль в числе которых играл метод проблемно-теоретической реконструкции.

Результаты

С. Г. Лысенков родился 9 октября 1945 года в Калуге в семье потомственных военнослужащих. В 1963 году после окончания средней школы поступил на учебу в Горьковское радиотехническое училище войск противовоздушной обороны (ныне – Нижегородское высшее зенитное ракетное командное училище противовоздушной обороны). Окончив училище, в 1966–1970 гг. служил техником, старшим техником зенитно-ракетного полка Московского округа ПВО.

В 1970 году был избран секретарем комитета ВЛКСМ полка. Занимал должности помощника начальника политотдела корпуса и армии по комсомольской работе, начальника отдела – помощника начальника политуправления Бакинского округа ПВО по комсомольской работе. Обучаясь в Военно-политической академии имени В. И. Ленина (заочно), получил высшее военно-политическое образование (1978). В 1980 году назначен начальником политического отдела зенитно-ракетного полка, дислоцированного на первой линии северной зоны ответственности Московского округа ПВО.

В 1984 году был направлен на преподавательскую работу в Ленинградское высшее военно-политическое училище противовоздушной обороны имени Ю. В. Андропова, в котором занимал должности от преподавателя до начальника кафедры военно-политической работы. Защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук (1990)⁷, получил ученое звание доцента (1991). За безупречную службу был награжден девятью медалями. В 1992 году училище было расформировано, и С. Г. Лысенков в звании полковника уволен в запас.

Педагогическую деятельность С. Г. Лысенков продолжил в Санкт-Петербургском государственном университете технологии и дизайна (доцент, заместитель заведующего кафедрой истории и политологии), а с 1996 года – в Санкт-Петербургском военном институте внутренних войск МВД России (доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права), который позднее вошел в состав созданного в 1998 году Санкт-Петербургского университета МВД России (далее – СПбУ МВД России). В СПбУ МВД России С. Г. Лысенков являлся профессором кафедры истории органов и войск МВД. После реорганизации СПбУ МВД России и создания на базе его факультета по подготовке кадров для внутренних войск самостоятельного образовательного учреждения – Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России (2000), С. Г. Лысенков был приглашен на должность профессора кафедры теории и истории государства и права, на которой работает до настоящего времени.

Защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук (2005)⁸, получил ученое звание профессора (2006). За высококвалифицированный труд С. Г. Лысенкову было присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (2009).

Проработав четверть века на кафедре, С. Г. Лысенков внес заметный вклад в методическое обеспечение образовательного процесса курсантов, слушателей и адъюнктов по теоретико-историческим дисциплинам, а также в организацию научно-исследовательской работы в области историко-правовых проблем, касающихся организации и деятельности внутренних войск страны. Истории войск НКВД в годы Великой Отечественной войны С. Г. Лысенков посвятил более 200 научных работ, демонстрируя комплексный подход к рассмотрению предмета исследования, нашедший отражение и в проблематике публикаций, и в широте круга репрезентативных источников, и в глубине проведенных историко-правовых исследований.

Методологические и историографические основы исследования истории войск НКВД СССР

Определяя методологические основы своих исследований, С. Г. Лысенков признает важную роль в историко-правовых изысканиях понятийно-категориального аппарата и именно поэтому акцентирует внимание на важнейших категориях, позволяющих дать характеристику организации и деятельности войск НКВД в механизме государства и правового статуса военнослужащего войск НКВД. В круг таких категорий С. Г. Лысенков включил понятия «правовой режим» (позволяющее характеризовать правовые режимы в условиях ведения боевых действий в период Великой Отечественной войны [1, с. 375–384]), «военное положение» (отражающее специфику состояния государственно-правовой системы воюющей страны⁹), «правовой статус» и «правовое положение» [2; 3, с. 6–11]. Характеристика правового статуса военнослужащих потребовала определения содержания понятия «воинская дисциплина»¹⁰, а выявление особенностей обеспечения правового

⁷ Лысенков С. Г. Деятельность Коммунистической партии по перестройке идейно-воспитательной работы в Советской Армии в послевоенные годы (1945–1953) : дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1989. 198 с.

⁸ Лысенков С. Г. Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны (историко-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2005. 472 с.

⁹ Лысенков С. Г., Дерюгин А. А. Режим военного положения как правовое явление Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (91). С. 17–24. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-3-17-24>; Лысенков С. Г., Вележ С. И., Колокольцев В. А. Полномочия военных советов в условиях чрезвычайных правовых режимов периода Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2003. № 3 (19). С. 38–42.

¹⁰ Лысенков С. Г., Остриков И. И. Генезис содержания понятия «воинская дисциплина» в истории отечественного государства

статуса – конкретизации проблем, связанных с правовыми средствами его реализации, и уточнения понятий «правовой принцип»¹¹ [4; 5], «правовые ограничения», «правовые стимулы»¹². В связи с четко оформившимся интересом к проблемам социальной защиты военнослужащего особое внимание С. Г. Лысенков уделил понятию «семья военнослужащего» [6; 7]. Опираясь на знания о природе угроз общественной безопасности и специфике возникновения и развития террористических и экстремистских идей [8, с. 134–137], С. Г. Лысенков определил основные этапы и закономерности развития внутренних войск в отечественном государстве, охарактеризовал организационно-правовые основы их строительства и служебно-боевой деятельности¹³, особое внимание уделив системе органов обеспечения правопорядка в Советской России [9–11].

Войска НКВД СССР как предмет историко-правовых исследований С. Г. Лысенкова

Подчеркивая, что войны постоянно сопровождают человечество, вооруженных столкновений не удастся избежать до сих пор, не устранены внешние и внутренние угрозы военной безопасности нашей страны, С. Г. Лысенков важной задачей юридической науки считает выработку единых подходов и принципов в определении статуса участников вооруженного конфликта как субъектов правоотношений. Решению этой задачи должно способствовать осмысление опыта и уроков Великой Отечественной войны, в условиях которой были учреждены чрезвычайные органы государственной власти и управления, введены законы военного времени, оказавшие существенное влияние на оформление статуса участников вооруженной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

С. Г. Лысенков отмечает, что, несмотря на 80-летие Победы в Великой Отечественной войне, исследование военной тематики не теряет своей актуальности и в связи с сохранением белых пятен в истории этого периода, и в связи с ростом числа авторов, которые в угоду политической конъюнктуры и собственным идейным убеждениям становятся на путь фальсификации истории войны [12–15]. Пользуясь непроверенными сведениями и извращая содержание международно-правовых актов и советских законов военного времени, они навязывают свою точку зрения, выдвигая тезисы, касающиеся широкого круга проблем: от обвинения политического руководства СССР в развязывании войны до объявления изменников Родины борцами против сталинизма, а всенародного партизанского движения – противоречащим нормам международного права [15, с. 22–29; 16, с. 47–56]. Подобные утверждения создают у людей ошибочное представление о событиях военных лет, что в свою очередь притупляет чувства патриотизма, глубокого уважения к памяти не вернувшихся с фронта солдат и благодарности участникам войны. Поэтому, считает С. Г. Лысенков, «каждый новый труд о войне, правдиво и всесторонне отражающий ее события и факты, является важным источником историко-правовых знаний и служит делу общегосударственного значения – возрождению патриотического сознания российского народа»¹⁴.

Организационно-правовые основы службы в войсках НКВД в годы Великой Отечественной войны

Исследуя организационно-правовые основы военной службы в действующей армии, С. Г. Лысенков констатировал, что Красная Армия и Военно-Морской Флот вступили в Великую Отечественную войну, имея в своем составе 4 826 907 военнослужащих. За годы войны было мобилизовано еще 29 574,9 тыс. человек. В строю ежегодно находилось от 10,5 до 11,5 млн человек, половина которых воевали в составе действующей армии.

По способу поступления на службу в действующую армию военнослужащие представляли собой различные категории: кадровый состав Вооруженных Сил; военнослужащие запаса, призванные на учебные сборы и к началу войны находившиеся в войсках; военнослужащие, призванные на действительную службу по возрасту; военнообязанные, мобилизованные в действующую армию; граждане, добровольно вступившие в ряды Вооруженных Сил [17]. Независимо от способа поступления на военную службу все лица обладали статусом военнослужащих в полном объеме¹⁵ [12; 18].

Военно-служебные отношения военнослужащих действующей армии включали правоотношения, связанные с призывом граждан на действительную военную службу, принятием

и права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1 (53). С. 24–26.

¹¹ Аникушин С. В., Лысенков С. Г. Теоретико-философские аспекты понимания категории «принцип» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (62). С. 11–16.

¹² Лысенков С. Г. Опыт применения правовых ограничений и стимулов на фронтах Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2 (26). С. 37–41.

¹³ Лысенков С. Г. История внутренних войск: организационно-правовые основы строительства и служебно-боевой деятельности : учебное пособие / под ред. М. М. Тарасова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2001. 136 с.

¹⁴ Лысенков С. Г. Правовой статус военнослужащих ... С. 4.

¹⁵ Лысенков С. Г., Дубовицкая Н. В. Правовое обеспечение деятельности внутренних войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны : К 200-летию образования внутренних войск МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2 (50). С. 51–55.

военной присяги. Военную присягу С. Г. Лысенков рассматривает как морально-правовую норму Великой Отечественной войны [19], основу формирования правового статуса военнослужащих Красной Армии, войск НКВД СССР и советских партизан.

Организационно-правовые основы военной службы в действующей армии, сообщает С. Г. Лысенков, были сформированы в довоенный период, но за годы войны они претерпели изменения, устанавливая более четкие границы правового положения различных категорий военнослужащих и объединяя их усилия на выполнение боевых задач по разгрому врага.

Важную роль в действующей армии играли военные советы фронтов и армий – коллегиальные органы военного руководства, предназначенные для организации боевых действий, решения вопросов управления и обеспечения войск¹⁶. С первых дней войны военные советы получили полномочия органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности на обширной территории страны, объявленной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. на военном положении. Компетенция органов военного управления охватывала не только сферу боевого применения войск, но и вопросы реализации отдельных внутренних и внешних функций государства.

Особые полномочия в осуществлении государственных функций военные советы имели в условиях осадного положения; своим решением они были уполномочены устанавливать правовой режим прифронтовой полосы, режим в тылу фронта на глубину до 50 км от прифронтовой полосы. Опираясь на результаты анализа архивных материалов, С. Г. Лысенков установил, что в период стратегической обороны применяли и самый суровый из всех чрезвычайных режимов военного времени – «режим выжженной земли», в условиях которого при вынужденном отходе войска уводили с собой все советское население и уничтожали все населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать. Это была исключительная мера, принимавшаяся для остановки врага любой ценой.

Анализируя особенности реализации служебных прав и обязанностей военнослужащих в условиях ведения боевых действий, С. Г. Лысенков сделал вывод о том, что уже в самом начале войны стала очевидной несостоятельность требований предвоенных нормативных актов¹⁷, регламентировавших права и обязанности различных категорий военнослужащих в боевой обстановке. Боевой устав пехоты, например, содержал требование командиру находиться впереди своих подчиненных. Выполнение этой установки привело к тому, что уже в первые месяцы войны действующая армия потеряла более половины командно-начальствующего состава, и крупные боевые потери командного состава превратились в реальную угрозу боеспособности войск. Опыт реализации прав и обязанностей командного состава в бою потребовал разработки нового устава (1942), который установил место командира за боевым порядком, откуда ему можно было наблюдать за ходом боя своего и соседних подразделений и управлять действиями подчиненных.

Констатируя, что не все военнослужащие справлялись со своими обязанностями из-за слабой боевой и физической подготовки¹⁸, С. Г. Лысенков объясняет, почему командование фронтов ограничивало права командиров на использование в бою молодых и неопытных в военном отношении бойцов, хотя Верховное Главнокомандование придерживалось иного подхода. В архивных источниках С. Г. Лысенков обнаружил примеры необоснованных и неграмотных решений о немедленном вводе в бой неподготовленных маршевых пополнений, ценой которых стали неоправданные потери в личном составе действующей армии. Ученым был сделан вывод о том, что на оформление правового статуса военнослужащих существенное влияние оказывали два фактора, определявших противоположные подходы к организации вооруженной борьбы: первый отражал интересы военнослужащих и был направлен на сбережение их жизни в бою; второй – задачи руководства, требовавшего выполнения боевых задач любой ценой.

Существенно изменило служебно-правовое положение военнослужащих в боевой обстановке введение в действие приказа Наркомата обороны № 227 от 28 июля 1942 г.¹⁹, который вводил запрет на оставление боевых позиций без разрешения вышестоящего командования и требовал от военных советов фронтов и армий формирования штрафных подразделений и заградительных отрядов. Несмотря на то, что заградотрядам посвящены и документы, опубликованные в открытой печати, и многочисленные публикации, С. Г. Лысенков вопрос о заградотрядах считал изученным не в должной мере. Ученый описал причины создания заградотрядов, проанализировал процесс их формирования и боевого применения, сделал вывод о том, что заградотряды являлись средством военно-правового ограничения, основной функцией которого было сдерживание попыток невы-

¹⁶ Лысенков С. Г., Вележев С. И., Колокольцев В. А. Указ. соч.

¹⁷ Лысенков С. Г., Никонов Д. А. Чрезвычайное военное законодательство СССР 1934–1938 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2 (30). С. 61–65.

¹⁸ Лысенков С. Г., Молдабаев С. С. Реализация служебных прав и обязанностей – военнослужащих в боевой обстановке (по опыту Великой Отечественной войны) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2004. № 1 (21). С. 16–20.

¹⁹ О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций : приказ Народного комиссара обороны СССР от 28 июля 1942 г. № 227 // Родина : [сетевое издание]. URL: <https://rg.ru/articles/rodinapobeda/page35925117.html> (дата обращения: 11.05.2025).

полнения приказа о запрещении отступать с боевых позиций [20], развенчивая ошибочные домыслы о формировании заградотрядов из личного состава войск НКВД.

Исследуя положение военнослужащих и органов военного управления действующей армии, С. Г. Лысенков сделал вывод о том, что практически все стороны служебной и боевой деятельности войск, права и обязанности военнослужащих в боевой обстановке получили закрепление в правовых нормах, при этом создание правовых предписаний непосредственно в ходе вооруженной борьбы в ряде случаев приводило к неоднозначной трактовке и противоречивым правовым последствиям для ее участников. В связи с этим С. Г. Лысенков аргументировано обосновал вывод о том, что государство еще в мирное время, не дожидаясь вооруженного конфликта, должно располагать необходимым комплексом организационно-правовых документов, определяющих правовое положение военнослужащих в условиях войны.

Правовое положение военнослужащих и сотрудников органов НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны

Рассматривая правовое положение военнослужащих и сотрудников органов НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны, С. Г. Лысенков констатирует, что на них в полном объеме распространялись права, обязанности и ответственность военнослужащих Красной Армии, поскольку Законом от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской обязанности»²⁰ внутренние войска были включены в состав Вооруженных Сил СССР, но при этом военнослужащие войск НКВД наделялись специальными правами и обязанностями по обеспечению внутренней безопасности государства и поддержанию общественного порядка в условиях военного времени²¹ [21; 22].

С начала войны внутренние войска участвовали в оборонительных боях на всех стратегических направлениях [23], оставаясь в составе НКВД, но поступая в оперативное подчинение общевойсковому командованию. С. Г. Лысенков пришел к выводу о том, что двойное подчинение снижало эффективность боевого использования войск НКВД.

Вкладом С. Г. Лысенкова в развитие историко-правовой науки явилось определение особенностей правового положения военнослужащих внутренних войск:

- проводивших разведывательно-диверсионную работу в тылу противника и выполнявших задачи по сбору сведений о противнике; проведению диверсий на коммуникациях; уничтожению военных, жандармских и полицейских гарнизонов (обладая правом проведения карательных акций в отношении изменников Родины, перешедших на службу к оккупантам);

- охранявших фронтовой тыл (обладая правом проверять документы у всех без исключения лиц, проводить задержание нарушителей режима, установленного в прифронтовой полосе [24; 25], бороться с распространением слухов [26, с. 42–49]);

- выполнявших служебно-боевые задачи по борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе и в западных районах страны; организации гарнизонной службы в городах, освобожденных от немецкой оккупации; охране коммуникаций и обеспечению правопорядка на территории сопредельных государств по мере их освобождения Красной Армией; конвоированию военнопленных и интернированных; репатриации освобожденных из фашистских лагерей советских граждан.

С. Г. Лысенков не обошел вниманием и ту сторону оперативно-служебной деятельности войск НКВД, которая имела трагические последствия для миллионов советских людей – участие внутренних и конвойных войск в проведении политики насильственного переселения некоторых народов из родных мест в отдаленные районы страны.

Важнейшим элементом правового статуса военнослужащих в годы Великой Отечественной войны С. Г. Лысенков считает юридическую ответственность²² [27]. По мнению исследователя, обширную нормативно-правовую базу и правоприменительную практику в действующей армии получили уголовный и дисциплинарный виды юридической ответственности [28]. Карательно-предупредительная функция уголовной ответственности [29; 30] приобрела вид карательно-устрашающей. Действие законов военного времени распространялось не только на те местности, которые были объявлены на военном положении. Судебная практика считала военной обстановку во всех районах страны, независимо от расстояния места совершения преступления до фронта.

Дела о преступлениях, за совершение которых предусматривалась ответственность по законам военного времени, подлежали рассмотрению военными трибуналами в короткие сроки, что обеспечивало в условиях войны быстроту судебной репрессии²³. В действующей армии процессы проходили, как правило, в боевых порядках частей в присутствии военнослужащих [31; 32].

²⁰ О всеобщей воинской обязанности : Закон СССР от 1 сентября 1939 г. (в ред. от 26.06.1941) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. № 32.

²¹ Лысенков С. Г. Правовой статус военнослужащих ...

²² Лысенков С. Г., Вележев С. И., Молдабаев С. С. Уголовная ответственность военнослужащих в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2003. № 1 (17). С. 26–32.

²³ Лысенков С. Г. Судопроизводство военными трибуналами в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (62). С. 24–27.

Отдельным направлением исследований С. Г. Лысенкова явилось правовое положение военнослужащих и сотрудников органов НКВД – организаторов и руководителей иррегулярных вооруженных формирований – истребительных батальонов и партизанских отрядов.

Истребительные батальоны формировались при городских и районных органах НКВД [33]. Кадровый состав органов и войск НКВД стоял и у истоков массового партизанского движения. Организационным ядром многих отрядов являлись специалисты (подрывники, связисты и т. п.), подготовленные в учебных центрах НКВД, а также разведывательно-диверсионные группы, забрасываемые в тыл противника [34]. При этом правовое положение советских партизан имело особенности, обусловленные неразработанностью международно-правовых норм в отношении партизанского движения: Гаагское право, действовавшее в период Второй мировой войны, партизанские отряды по формальным признакам к вооруженным формированиям, на которые распространялись бы законы и обычаи сухопутной войны, не относилось [35], на основании чего руководством фашистской Германии партизанское движение на оккупированной территории было поставлено вне закона, а войскам была предоставлена полная свобода в выборе средств борьбы против советских партизан.

С. Г. Лысенков подчеркивает, что партизанские отряды – иррегулярные вооруженные формирования – постепенно приобретали вид войсковых частей и подразделений [36]. На бойцов партизанских отрядов распространялись все законы военного времени и установленные на период войны нормы юридической ответственности²⁴. Но для военнослужащих, вступивших в партизанские отряды, будучи в окружении противника или бежав из плена, сам факт нахождения в тылу врага, независимо от боевых заслуг в партизанском движении, влек неблагоприятные последствия в виде содержания и проверки в спецлагерях НКВД после их возвращения в советский тыл.

С. Г. Лысенков обращает внимание на то, что в политике и публицистике ныне суверенных прибалтийских государств партизанская война получила оценку как явление, противоречащее принципам и нормам международного права. В контексте такого подхода в 1990-х гг. имели место факты преследования, в т. ч. и уголовного, ветеранов Великой Отечественной войны за их участие в партизанской борьбе. Подобные «уголовные дела» ничего общего с отправлением правосудия не имеют и носят характер примитивного и жестокого по отношению ко всем бывшим партизанам политического фарса, утверждает С. Г. Лысенков [12].

Право военнослужащих на материальное обеспечение и его реализацию в условиях военного времени

Исследуя право военнослужащих на материальное обеспечение и его реализацию в условиях военного времени²⁵ [37], С. Г. Лысенков отмечает, что право на материальное обеспечение, являющееся одним из наиболее важных элементов статуса военнослужащих, включает денежное довольствие, вещевое и продовольственное обеспечение, создание необходимых бытовых условий и медицинское обслуживание личного состава.

Опираясь на опубликованные и архивные материалы, С. Г. Лысенков определил, что материальное обеспечение военнослужащих регламентировалось Законом от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской обязанности»²⁶ и иными нормативными правовыми актами, в числе которых только Наркомат обороны в 1941–1945 гг. издал 108 приказов и директив по вопросам денежного довольствия военнослужащих, по вопросам других видов довольствия – еще более 200 правовых актов. Преодолевать трудности в вещевом снабжении действующей армии в период стратегической обороны помогало массовое патриотическое движение по оказанию материальной помощи фронту. За годы войны населением было собрано и передано в войска столько теплых вещей, сколько требовалось для обеспечения 10 млн человек, т. е. почти всего личного состава армии и флота.

Трудности в продовольственном обеспечении военнослужащих проявились уже в первые месяцы войны. В тяжелейших условиях оказались защитники Ленинграда. Военный совет Ленинградского фронта своим решением от 19 ноября 1941 г. определил суточную норму хлеба на одного военнослужащего, не находящегося на передней линии обороны – 300 г. Неработающие жители Ленинграда в это время получали по 125 г суррогатного хлеба в сутки. При этом циркуляром Главного интенданта Красной Армии № 017 от 3 июля 1941 г. норма продуктового пайка немецким военнопленным включала 400–500 г хлеба в сутки.

Как определенную льготу, установленную на период ведения боевых действий для фронтовиков, С. Г. Лысенков характеризует включение водки в состав довольствия военнослужащих действующей армии и флота. Вопреки мнению о том, что «наркомовские сто граммов» ежедневно и в массовом масштабе потреблялись красноармейцами, исследователь делает вывод

²⁴ Лысенков С. Г. Юридическая ответственность военнослужащих в годы Великой Отечественной войны : учебное пособие / под ред. В. П. Сальникова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. 84 с.

²⁵ Лысенков С. Г. Правовое положение военнослужащих и сотрудников органов НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны : учебное пособие / под ред. В. П. Сальникова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. 76 с.

²⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. № 32.

о четкой регламентации выдачи водки. На фронтах, согласно Постановлению Государственного Комитета Оборона № ГОКО-1889сс от 6 июня 1942 г., водкой в размере 100 г на человека в сутки обеспечивались только те военнослужащие, кто успешно выполнял боевые задачи в наступлении. Остальные военнослужащие водку получали по 100 г на человека в дни государственных праздников.

Право военнослужащих на медицинское обеспечение и оказание помощи раненым в условиях военного времени

Анализируя архивные материалы, С. Г. Лысенков свидетельствует о тяжелых условиях жизни личного состава сухопутных частей, особенно в зимнее время. Затруднения в обеспечении личной гигиены бойцов создавали постоянную угрозу всплеск инфекционных заболеваний. Сложной была санитарная обстановка в частях, дислоцированных в северных широтах. С переходом Красной Армии в наступление серьезной проблемой стало предупреждение эпидемических заболеваний, очаги которых были зарегистрированы во многих освобожденных районах.

Закономерным следствием любой войны С. Г. Лысенков считает неизбежные людские потери – и безвозвратные, и санитарные. Исходы ранений находятся в прямой связи с уровнем организации и качеством медицинской помощи раненому, которые обеспечивают реализацию права раненого на жизнь. «Наставление по санитарной службе Красной Армии» устанавливало четкую преемственность медицинской помощи силами и средствами, эшелонированными от фронта к тылу: на поле боя – санитарями; в войсковом тылу – медико-санитарными подразделениями полков, дивизий и полевыми подвижными госпиталями; в армейском и фронтовом тылу – эвакуационными пунктами [38]. На этапах санитарной эвакуации медицинская помощь оказывалась всем нуждавшимся, независимо от их воинского звания и места службы. Служебное положение раненых не имело значения. Все они были равны за исключением тяжелораненых, которым медицинская помощь оказывалась в первую очередь [39].

С. Г. Лысенков выявил, что факт ранения реально учитывался при выдвижении военнослужащего на вышестоящую должность, присвоении очередного воинского звания, представлении к государственным наградам. Постановлением ГКО от 14 июля 1942 г.²⁷ был учрежден отличительный знак для раненных военнослужащих в виде нашивки из шелкового галуна темно-красного цвета при легком ранении и золотистого – при тяжелом ранении. Право ношения знаков отмечалось в документе, удостоверявшем личность, и в послужном списке.

С. Г. Лысенков подчеркнул, что в условиях военного времени большое значение имел учет безвозвратных потерь. Он был важен не только для органов военного управления, но и для самих военнослужащих и членов их семей [40].

Такой учет позволял достоверно устанавливать и официально регистрировать такие юридически значимые факты, как гибель на поле боя, смерть от полученных ран и болезней, пропажу без вести, а также сдачу в плен и судимость. Каждый из этих юридических фактов имел свои последствия, существенным образом влиявшие на правовое положение военнослужащего и его семьи.

«Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время», объявленное приказом НКО № 138 от 15 марта 1941 г.²⁸, требовало всех военнослужащих к 1 мая 1941 г. обеспечить индивидуальными медальонами. Однако к началу войны требования приказа выполнены не были. Это обстоятельство стало одной из основных причин большого количества неучтенных боевых потерь и неизвестных воинских захоронений. Погребение военнослужащих производилось только в масштабе дивизии (бригады) специальными командами на братских кладбищах или в братских могилах. Тела военнослужащих командного и начальствующего состава хоронились в отдельных могилах.

Волнующие С. Г. Лысенкова вопросы: почему до сих пор остается не преданным земле прах советских солдат? почему существуют заброшенные воинские захоронения, а фамилии покоящихся в них бойцов не установлены? – обусловили обращение исследователя к документам военного и послевоенного времени [41]. Выяснено, что в реальных условиях войны установленный порядок погребения и отдания воинских почестей мог соблюдаться только тогда, когда войска вели позиционные или наступательные бои. В оборонительных боях, когда потери были большими, у отступавших или пробивавшихся из окружения частей никакой практической возможности хоронить погибших воинов не было. Поэтому, если удавалось, тела погибших помещали в наскоро вырытые могилы, или могилами становились окопы, щели и блиндажи. Нередко павших бойцов оставляли без захоронения.

В оккупированных районах сбор и захоронение тел погибших производились по приказу немецких властей, опасавшихся эпидемий. Местные жители собирали останки советских бойцов

²⁷ О введении отличительных знаков для раненых военнослужащих Красной армии : Постановление Государственного Комитета Оборона от 14 июля 1942 г. № 2039 // Электронная библиотека исторических документов : [официальный сайт]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/261233> (дата обращения: 11.05.2025).

²⁸ Приказ с объявлением Положения о персональном учете потерь и погребении личного состава Красной Армии в военное время. 15 марта 1941 г. № 138 // Электронная библиотека исторических документов : [официальный сайт]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/140925#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 11.05.2025).

и закапывали их в подходящих для этого местах – рвах, ямах, канавах, воронках от разрывов снарядов. На оккупированной территории так же, как и на поле боя, обозначение мест захоронения не производилось. Не были обозначены и места массовых расстрелов советских военнопленных.

По мере освобождения территории страны от оккупантов производилась расчистка местности и ее разминирование. В ходе этих работ, когда должен был обследоваться каждый метр земли, тела погибших солдат не могли остаться незамеченными. Государство должно выполнить свою последнюю обязанность перед павшими защитниками Отечества – предать их прах земле и сохранить память о них, считает С. Г. Лысенков [42].

Особенности выполнения специальных задач военнослужащими войск НКВД в годы Великой Отечественной войны

Отдельное направление исследований истории войск НКВД СССР – организационно-правовые основы выполнения специальных задач военнослужащими войск НКВД СССР на разных этапах и в разных сражениях Великой Отечественной войны.

С. Г. Лысенков внес вклад в исследование особенностей организации и правового обеспечения деятельности войск НКВД в битве под Москвой [43], в обороне Сталинграда²⁹ [44], при деблокаровании Ленинграда [45], в битве за Кавказ³⁰, в борьбе с бандитизмом на Украине [46; 47].

С. Г. Лысенков подчеркивает, что эффективность служебно-боевого применения войск НКВД снижалась из-за двойного подчинения войск, которое в быстро меняющейся боевой обстановке затрудняло маневренность войск НКВД и их взаимодействие с частями фронта. Как войска, принадлежавшие другому ведомству, они часто использовались армейскими командирами не по назначению. Передача войск НКВД в полное подчинение военным советам фронтов, по мнению ученого, устранила бы эту проблему. Несмотря на сложности административно-нормативного характера, войска НКВД выполняли поставленные перед ними задачи.

С. Г. Лысенков отмечает, что при выполнении задач военнослужащими войск НКВД использовались моральные и материальные стимулы в разнообразных формах признания боевых заслуг военнослужащих, частей и соединений³¹. В их числе учреждение Советской Гвардии, почетных наименований, боевых наград, особых знаков отличия, почетных грамот, благодарственных писем. Были установлены денежные награды за уничтожение боевой техники противника: например, бойцу, уничтожившему танк противника – денежная награда от 1 тыс. рублей. Военнослужащие, награжденные орденами, получали дополнительные денежные выплаты и льготы [48].

Обсуждение

Опираясь на результаты исследования опыта функционирования государственно-правовой системы СССР в годы Великой Отечественной войны, С. Г. Лысенков подчеркивает, что функционирование государства, сохранение его территориальной целостности во многом зависит от состояния его военной организации [49], а также размещения объектов обороны и обеспечения безопасности. Для России, полагает С. Г. Лысенков, особую актуальность эта проблема приобретает в условиях включения в ее состав новых территорий [50; 51]. В связи с этим правовому анализу были подвергнуты проблемы территориального планирования объектов обороны и обеспечения безопасности и сделан вывод о необходимости дальнейшего научного исследования опыта размещения военных объектов в части установления в отношении них зон, имеющих особый режим использования прилегающей территории. Территориальное планирование должно стать первичным документом градостроительства, определяющим функциональное зонирование, планировку территорий [51, с. 81] и конкретизацию задач подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации [52–54].

Используя опыт воспитательной работы в войсках [9; 55–59], профессор С. Г. Лысенков вносит важный вклад в формирование профессионально значимых компетенций военнослужащих³² [60–66], прививая своим ученикам любовь к Родине и уважение к ее историческому прошлому, формируя понимание нелинейного развития государственно-правовых систем и укрепляя способность военнослужащих выполнять свой служебный долг в любой обстановке.

²⁹ Лысенков С. Г., Дубовицкая Н. В. Войска НКВД в системе обороны Сталинграда // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 4 (56). С. 20–23.

³⁰ Лысенков С. Г., Сидоренко В. П. Внутренние войска НКВД СССР в битве за Кавказ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 4 (56). С. 24–30.

³¹ Лысенков С. Г. Опыт применения правовых ограничений и стимулов...

³² Лысенков С. Г. Пути и средства укрепления воинской дисциплины в подразделении ПВО : учебное пособие. Ленинград : Ленинградское высшее военно-политическое училище ПВО, 1991. 136 с. ; Лысенков С. Г., Марченко С. М. Педагогическая профилактика героизации нацизма в воспитательном процессе с военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4 (72). С. 179–182.

3 заключение

На протяжении десятилетий осуществляя историко-правовые исследования, посвященные войскам НКВД в годы Великой Отечественной войны, С. Г. Лысенков обосновал многие выводы, которые сегодня положены в основу изучения и анализа статуса военнослужащих и определяющих его нормативное закрепление и практическую реализацию детерминант.

Война охарактеризована С. Г. Лысенковым как юридический факт, явившийся основанием для возникновения специфических правоотношений, в которые неизбежно вступали ее участники, независимо от их принадлежности к тем или иным вооруженным формированиям.

Военнослужащие действующей армии, самая многочисленная категория участников Великой Отечественной войны, как граждане СССР выполняли свой конституционный долг по вооруженной защите государства от врага, преследовавшего цели уничтожения советской страны и порабощения ее народов. Свой воинский долг фронтовики выполняли в исключительно сложной, быстро меняющейся оперативной обстановке, преодолевая тяготы и лишения, испытывая предельные физические и психические нагрузки, постоянно рискуя своей жизнью и здоровьем.

Войска и органы НКВД в годы Великой Отечественной войны обладали специфическими функциями. С. Г. Лысенковым показано, что правовой статус их личного состава представлял более сложный институт, по сравнению со статусом иных военнослужащих действующей армии: он включал комплекс специальных прав и полномочий, обусловленных предназначением войск и органов НКВД не только как структуры, обеспечивавшей государственную и военную безопасность, но и как инструмента жестоких репрессий отдельных граждан, некоторых категорий военнослужащих и целых народов.

Результатом исследований С. Г. Лысенкова стал вывод о том, что жизнь военнослужащих действующей армии во многом зависела от субъективного отношения командования к сбережению военнослужащих, исключению неоправданных потерь подчиненного им личного состава при выполнении задач военно-стратегического характера.

Одним из первых в отечественной историко-правовой науке С. Г. Лысенков проанализировал комплекс нормативных правовых актов органов военного управления, устанавливавших для военнослужащих действующей армии правовые ограничения. Они были обусловлены реалиями военного времени и целями вооруженной борьбы и применялись в виде строгих запретов и наказаний за невыполнение конкретных приказов Верховного Главнокомандования.

Правовые ограничения военного времени восполнялись предоставлением личному составу действующей армии льгот и преимуществ: имущественные, жилищные, трудовые, наследственные права военнослужащих и членов их семей являлись предметом защиты государства. С. Г. Лысенков обобщил положительный опыт реализации прав военнослужащих на материальное обеспечение в условиях военного времени, на медицинскую помощь в случае ранения на поле боя и в военно-лечебных учреждениях. Анализируя санитарно-гигиеническое обслуживание личного состава, С. Г. Лысенков подчеркнул, что впервые в истории войн действующая армия не только не превратилась в источник распространения эпидемических заболеваний, но и служила делу оздоровления гражданского населения.

С. Г. Лысенков определил, как на правовое положение личного состава действующей армии оказывала влияние практика применения мер уголовной ответственности военнослужащих. Нормы уголовного права военного времени содержали санкции, повышавшие ответственность военнослужащих за государственные, воинские и некоторые другие виды преступлений. Расширился круг должностных лиц, уполномоченных принимать решение о привлечении военнослужащих к уголовной ответственности. В боевой обстановке вводился упрощенный порядок ведения следствия и процесса. Имелись факты внесудебной репрессии военных кадров, публичных расстрелов военнослужащих, носивших в некоторых случаях массовый характер, а также необоснованных обвинений в измене и предательстве.

С. Г. Лысенков выявил, что в годы войны наблюдалось сближение признаков дисциплинарной и уголовной ответственности военнослужащих. Правовые акты органов военного управления часто не различали их: под формальным применением дисциплинарной ответственности в виде направления в штрафные подразделения фактически подразумевалась уголовная ответственность с присущими ей признаками репрессивного характера.

Правовое положение военнослужащих действующей армии в годы Великой Отечественной войны С. Г. Лысенков охарактеризовал как отличающееся неуравновешенностью его элементов, сопровождающееся ограничениями и ужесточением мер юридической ответственности. При том, что государство и его органы не всегда гарантировали соблюдение прав и законных интересов военнослужащих.

Глубина исследований историко-правовых проблем профессором С. Г. Лысенковым способствовала формированию под его руководством научной школы, в рамках которой его ученики осуществляют исследования, направленные на выявление закономерностей эффективного правового регулирования военной организации отечественного государства.

Несмотря на наличие в современной гуманитарной науке множества исследований, касающихся истории войск НКВД СССР, труды профессора С. Г. Лысенкова, посвященные

организации и функционированию войск НКВД в годы Великой Отечественной войны, занимают важное место в истории государства и права России, вносят заметный вклад в изучение правоохранительной системы отечественного государства и развитие теоретико-исторических наук в современной России.

Список источников

1. Лысенков С. Г. Правовые режимы в условиях ведения боевых действий в период Великой Отечественной войны / Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы международной научной конференции : в 2 ч., г. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 г. / под ред. Н. С. Нижник. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. Ч. 1. С. 378–385.
2. Лысенков С. Г., Бутов С. В. Отечественные юристы о содержании понятий «правовой статус» и «правовое положение» // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии : [сетевой журнал]. 2022. № 3 (20). С. 8–12. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/09/002.pdf>.
3. Бутов С. В., Лысенков С. Г. О соотношении понятий «правовой статус» и «правовое положение» как самостоятельных юридических категорий // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4(35). С. 6–11.
4. Лысенков С. Г., Аникушин С. В. Онтология общеправовых принципов в качестве источников права / Современные проблемы науки и образования в войсках национальной гвардии Российской Федерации : сборник научных трудов научно-педагогического состава Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2016. С. 182–188.
5. Лысенков С. Г., Аникушин С. В. Роль общеправовых принципов в обеспечении и реализации правового статуса субъектов правоохранительной деятельности (на примере военнослужащих) / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию Российской полиции) : материалы XIV международной научно-теоретической конференции, г. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. С. 29–32.
6. Лысенков С. Г. Механизм государственного обеспечения семей военнослужащих в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: организационно-правовые аспекты // История государства и права. 2003. № 6. С. 48–51.
7. Лысенков С. Г., Володина О. В. Эволюция понятия «семья военнослужащего» в правовой системе СССР в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны / Современные проблемы науки и образования в войсках национальной гвардии Российской Федерации : сборник научных трудов научно-педагогического состава Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2016. С. 189–195.
8. Лысенков С. Г., Крижановская Г. Н. Развитие террористических и экстремистских идей в Российской империи / Основные угрозы терроризма и экстремизма в Российской Федерации, противодействие им войсками национальной гвардии и иными правоохранительными органами : сборник научных статей международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 29 ноября 2017 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2017. С. 134–137.
9. Лысенков С. Г. Военные комиссары – организаторы воспитательной работы в Красной армии в период Гражданской войны в России // Научное мнение. 2018. № 12. С. 32–37. <https://doi.org/10.25807/PBH.22224378.2018.12.32.37>
10. Лысенков С. Г. Войска и органы правопорядка Петрограда в период становления Советской власти и Гражданской войны // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии : [сетевой журнал]. 2022. № 1 (18). С. 5–10. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/001.pdf>.
11. Родин А. В., Лысенков С. Г. О некоторых средствах правового регулирования территориального планирования объектов обороны и обеспечения безопасности в советский и современный период // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4 (55). С. 34–39. <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/34-39>
12. Лысенков С. Г. Соблюдая законы и обычаи войны / Война. Народ. Победа (посвящается 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 28 апреля 2015 г. : в 2 ч. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2015. С. 69–71.
13. Лысенков С. Г., Летягина В. В. Рассмотрение дел о геноциде в Международном уголовном суде: история и современное состояние // Право и образование. 2019. № 2. С. 96–103.
14. Лысенков С. Г., Бутов С. В. Правовые средства борьбы с фальсификацией истории Великой Отечественной войны // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10(173). С. 125–127.
15. Лысенков С. Г., Бутов С. В. Советское военное законодательство о войсках НКВД СССР по охране тыла действующей армии: ответ фальсификаторам истории Великой Отечественной войны / Решения Нюрнбергского трибунала как источник международного гуманитарного права : сборник научных статей межвузовского круглого стола, г. Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. С. 22–29.
16. Бутов С. В., Гутман М. Ю., Лысенков С. Г. Противодействие фальсификации истории войск НКВД СССР периода Великой Отечественной войны в современных условиях информатизации и цифровизации общества // Теория государства и права. 2024. № 3-1 (39). С. 47–56. https://doi.org/10.25839/MATGIP_2024_3-1_39_47
17. Лысенков С. Г. Из опыта комплектования действующей армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) : материалы XXII международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 г. : в 2 ч. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 345–350.
18. Лысенков С. Г., Дубовицкая Н. В. Правовые основы служебно-боевой деятельности войск НКВД СССР на Ленинградском фронте / Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности : материалы VI международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, г. Петрозаводск, 1–3 июня 2015 г. / науч. ред. К. Ф. Белоусов. Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 2016. С. 78–84.
19. Лысенков С. Г., Бутов С. В. Военная присяга военнослужащих Красной Армии, войск НКВД СССР и советских партизан как морально-правовая норма Великой Отечественной войны / Нравственность и гуманизм в праве

и культуре : сборник статей всероссийской научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии, 2024. С. 92–98.

20. Лысенков С. Г. К вопросу о заградотрядах периода Великой Отечественной войны / Россия в зеркале военной истории (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) : материалы II Международной научно-практической конференции, г. Кострома, 26 марта 2015 г. Кострома : Костромской государственный технологический университет, 2015. Т. II. С. 28–31.

21. Лысенков С. Г. Правовое положение военнослужащих действующей армии в период Великой Отечественной войны. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2004. 236 с.

22. Лысенков С. Г. Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны : монография. Москва : На боевом посту, 2010. 262 с.

23. Лысенков С. Г. Участие войск НКВД СССР в оборонительных сражениях Великой Отечественной войны / Участие войск НКВД в Великой Отечественной войне (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне) : сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 18–19 февраля 2015 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2015. Ч. 2. С. 17–19.

24. Лысенков С. Г., Бутов С. В. Правовое обеспечение деятельности войск НКВД СССР по охране тыла действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов / Яковлевские чтения : сборник научных статей I Межведомственной научно-практической конференции с международным участием, г. Новосибирск, 22–23 марта 2022 г. Новосибирск : Новосибирский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2022. С. 278–283.

25. Лысенков С. Г., Бутов С. В. Правовое положение войск НКВД СССР по охране тыла действующей армии в период Великой Отечественной войны / Актуальные проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства в современных геополитических условиях : сборник научных трудов Всероссийского межвузовского круглого стола, г. Санкт-Петербург, 17 марта 2023 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. С. 120–125.

26. Дерюгин А. А., Лысенков С. Г. Враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов... / Подвиг сотрудников и военнослужащих органов и войск НКВД СССР в годы фашистской блокады Ленинграда : материалы международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 25 января 2024 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 42–49.

27. Олейник С. А., Лысенков С. Г. Уголовная ответственность военнослужащих в период Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 33–36.

28. Лысенков С. Г. Принципы советского уголовного права и их трансформация в период строительства основ социализма / Принципы права: проблемы теории и практики : материалы XI международной научно-практической конференции, г. Москва, 18–22 апреля 2016 г. : в 2 т. Москва : Российский государственный университет правосудия, 2017. Т. 2. С. 195–202.

29. Лысенков С. Г., Журавлев Д. С. Уголовное право России XVIII века: цели и виды наказаний // Право и образование. 2018. № 7. С. 175–180.

30. Лысенков С. Г. Формирование норм советского уголовного права – нормативной основы деятельности милиции / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию Российской полиции) : материалы XIV международной научно-теоретической конференции, г. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. С. 258–260.

31. Лысенков С. Г. Уголовное судопроизводство в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / Правовое государство и правосудие. Проблемы теории и практики : материалы VIII Международной научно-практической конференции, г. Москва, 15–19 апреля 2013 г. Москва : Российская академия правосудия, 2014. С. 615–622.

32. Лысенков С. Г. Нормы и принципы советского уголовного права в период НЭПа и строительства в СССР основ социализма // Юридические исследования. 2016. № 7. С. 29–36. <https://doi.org/10.7256/2409-7136.2016.7.19507>

33. Лысенков С. Г. Истребительные батальоны НКВД в годы Великой Отечественной войны / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы международной научно-теоретической конференции, г. Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г. : в 2 т. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. Т. 1. С. 343–345.

34. Лысенков С. Г. Роль НКВД в организации партизанского движения в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.) / Органы и войска НКВД СССР в Великой Отечественной войне (К 80-летию победы в Великой Отечественной войне) : сборник научных статей по материалам Международной научно-исторической конференции, г. Москва, 7 июня 2024 г. Москва : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. С. 167–171.

35. Лысенков С. Г. К вопросу о соблюдении норм Гаагского права и правовом положении советских партизан в годы Великой Отечественной войны // Влияние норм международного права на законодательный процесс в России и зарубежных странах : монография / под ред. А. А. Дорской. Санкт-Петербург : Астерион, 2014. С. 157–175.

36. Бутов С. В., Лысенков С. Г. Особенности правового положения военнослужащих войск НКВД СССР в составе партизанских отрядов в годы Великой Отечественной войны / Актуальные проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства в современных геополитических условиях : сборник научных трудов Всероссийского межвузовского круглого стола, г. Санкт-Петербург, 17 марта 2023 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. С. 48–55.

37. Лысенков С. Г. Право военнослужащих на материальное обеспечение и социальную защиту в период Великой Отечественной войны : монография / под ред. В. П. Сальникова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. 158 с.

38. Лысенков С. Г. Организационно-правовые вопросы оказания помощи раненым в период Великой Отечественной войны // Военно-медицинский журнал. 2005. Т. 326, № 2. С. 55–60.

39. Лысенков С. Г. Организация медицинской помощи военнослужащим Красной Армии в период Великой Отечественной войны // Genesis: исторические исследования : [сетевой журнал]. 2016. № 3. С. 260–282. <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2016.3.19196>

40. Лысенков С. Г., Похиллюк А. В. Социальная защита семей военнослужащих в блокадном Ленинграде / XIX Царскосельские чтения : материалы международной научной конференции, г. Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2015 г. / под общ. ред. В. Н. Скворцова Л. М. Кобрин (отв. ред.). Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2015. Т. 1. С. 50–55.
41. Лысенков С. Г. Никто не забыт, ничто не забыто? (К вопросу об учете боевых потерь Красной Армии и отдании воинских почестей павшим на фронтах Великой Отечественной войны) // Genesis: исторические исследования : [сетевой журнал]. 2017. № 7. С. 144–157. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2017.7.23285>
42. Игнатъев Е. А., Лысенков С. Г. Правовое регулирование социального обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны // История государства и права. 2016. № 23. С. 55–59.
43. Бутов С. В., Лысенков С. Г. Организационно-правовые основы выполнения специальных задач военнослужащими войск НКВД СССР в битве под Москвой: историко-правовой аспект // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1(36). С. 11–17. <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2023-10102>
44. Лысенков С. Г. Участие войск и органов Народного комиссариата внутренних дел в обороне Сталинграда / Российская полиция: три века служения Отечеству : материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции, г. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 940–943.
45. Лысенков С. Г. Деблокирование Ленинграда в оперативных планах Ставки Верховного Главнокомандования / Ваш подвиг не забыт: к годовщине прорыва блокады Ленинграда и полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады : сборник научных статей. Военно-историческая межведомственная конференция, г. Санкт-Петербург, 25–27 января 2023 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. С. 99–101.
46. Лысенков С. Г., Бутов С. В., Мутигуллин А. В. Войска НКВД или ОУН-УПА: миф о злодеяниях на Украине // Евразийский юридический журнал. 2022. № 11 (174). С. 65–67.
47. Лысенков С. Г., Бутов С. В. Военнослужащие войск НКВД СССР в борьбе с бандитизмом на Украине в период Великой Отечественной войны / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) : материалы XX международной научно-теоретической конференции, г. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. : в 2 ч. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 1029–1035.
48. Лысенков С. Г. Государственные награды СССР и порядок награждения ими военнослужащих в период Великой Отечественной войны / Современные проблемы науки и образования во внутренних войсках МВД России : сборник научных трудов научно-педагогического состава Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. С. 164–166.
49. Лысенков С. Г., Сибгатуллин Ф. С. Правоприменительная деятельность военнослужащих войск национальной гвардии при выполнении служебно-боевых задач: теоретико-правовой аспект // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2022. № 1 (18). С. 34–41.
50. Родин А. В., Лысенков С. Г. Источники правового регулирования территориального планирования объектов обороны и обеспечения безопасности СССР // Право и государство: теория и практика. 2023. № 12 (228). С. 79–82. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_12_79
51. Лысенков С. Г., Родин А. В., Олейник С. А. Теоретико-правовая характеристика территориального планирования // Вестник Академии права и управления. 2022. № 3 S.1 (69). С. 33–40.
52. Зубарев Н. В., Лысенков С. Г. Место войск национальной гвардии в механизме российского государства // Право и образование. 2023. № 7. С. 28–35.
53. Лысенков С. Г., Зубарев Н. В. Предпосылки формирования войск национальной гвардии в силовом блоке российского государства // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 12. С. 16–31.
54. Бондаренко С. А., Дарбинян Э. В., Лысенков С. Г. К 35-летию юбилею образования подразделений службы войск и безопасности военной службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 4 (29). С. 150–158.
55. Лысенков С. Г., Олейник С. А. Из истории правового регулирования воинской дисциплины // Военно-юридический журнал. 2010. № 9. С. 28–31.
56. Лысенков С. Г., Полунин С. В. Проблемы поддержания воинской дисциплины в Красной Армии в период Второй мировой войны: историко-правовой аспект // Военное право. 2016. № 3 (39). С. 23–32.
57. Лысенков С. Г., Найдочий А. П. Методы воспитания дисциплинированности в Красной армии (по опыту Великой Отечественной войны) // Перспективы науки. 2017. № 12 (99). С. 50–57.
58. Лысенков С. Г. Культ личности и воспитание советских воинов: историко-педагогический анализ // Право и образование. 2019. № 12. С. 125–131.
59. Лысенков С. Г. Перестройка форм и методов воспитания советских воинов в послевоенные годы // Глобальный научный потенциал. 2020. № 11(116). С. 46–49.
60. Лысенков С. Г. Правовое воспитание в социокультурной среде / Современные тенденции развития гуманитарных и социально-экономических наук : сборник трудов Международной научно-практической конференции (с очным участием), г. Пермь, 3 декабря 2019 г. : в 2 ч. Пермь : Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2019. Ч. 1. С. 382–385.
61. Лысенков С. Г. Воспитательная роль воинского коллектива / Актуальные вопросы развития современной гуманитарной и социально-экономической мысли : сборник трудов Международной научно-практической конференции (с очным участием), г. Пермь, 24 апреля 2020 г. Пермь : Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2020. С. 196–200.
62. Психолого-педагогические основы формирования кадрового потенциала Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации : монография / А. А. Утюганов, В. А. Юматов, С. Г. Лысенков, А. В. Кравец [и др.]. Новосибирск : Новосибирский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2021. 84 с.

63. Шарухин А. П., Лысенков С. Г. Мотивационные регуляторы в структуре личностных качеств курсанта как объект педагогической деятельности командиров и преподавателей // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии : [сетевой журнал]. 2024. № 3 (28). С. 158–171. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/09/015.pdf>.

64. Лысенков С. Г. Нравственные ценности научно-педагогического работника / Актуальные вопросы противодействия коррупционным правонарушениям и преступлениям : сборник научных статей межведомственной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 11–12 декабря 2024 г. : в 2 ч. / под общ. ред. В. П. Сальникова. Санкт-Петербург : Академия войск национальной гвардии, 2024. Ч. 1. С. 151–154.

65. Лысенков С. Г., Никонов Д. А. Этика военного педагога // Владимир Яковлевич Слепов: Учитель, Учёный, Наставник (к 100-летию со дня рождения В. Я. Слепова) : материалы межведомственной научной конференции с международным участием, г. Санкт-Петербург, 25 февраля 2025 г. Санкт-Петербург : Типография Академии войск национальной гвардии, 2025. С. 283–287.

66. Лысенков С. Г., Похилук А. В. Возрастные роли офицера как руководителя и воспитателя подчиненных / Актуальные проблемы военно-политической работы в вооруженных Силах РФ : сборник материалов научно-методической конференции, г. Петергоф, 26 ноября 2021 г. Петергоф : Военный институт (железнодорожных войск и военных сообщений), 2021. С. 126–131.

Научная статья
УДК 340

Учредительная власть в контексте формирования и защиты внутреннего правового суверенитета Российской Федерации

Людмила Анатольевна Подосинникова, кандидат юридических наук

Российский университет адвокатуры и нотариата им. Г. Б. Мирзоева
Москва (105120, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр. 1), Российская Федерация
lapodosinnikova@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0008-3984-0919>

Аннотация:

Введение. Проблема формирования внутреннего суверенитета в настоящий период имеет огромное значение для укрепления российской государственности и взаимодействия с учредительным характером государственной власти. В данной статье дана интерпретация учредительной власти в контексте формирования и защиты внутреннего правового суверенитета. Существующие взгляды на данную научную проблему не имеют достаточного объяснения. Особенно это касается теоретико-правового обоснования учредительной власти, т. е. конституционной власти, которое диктует свой понятийно-смысловой дискурс. В юриспруденции данное понимание учредительной власти в контексте формирования и защиты внутреннего и внешнего правового суверенитета в Российской Федерации имеет свои особенности и практическую актуальность и должно быть наполнено собственным смысловым содержанием. Учредительная власть, с одной стороны, отграничивается от иных форм власти в государстве, а с другой – содержится в контексте конституционно-правового развития государства как факт инициации процесса конституционализации политической жизни общества. Особенно важно, что в рамках анализа российского внутреннего правового суверенитета это противостояние позволяет глубже понять роль учредительной власти в формировании и изменении Конституции.

Методы. В ходе исследования использовались материалистически-диалектический метод научного познания, логический, герменевтический, формально-догматический.

Результаты. В статье выявлена связь между учредительной властью и внутренним правовым суверенитетом, проистекающая из акта учреждения государства, поскольку в нем проявляется суверенное правовое действие народа, а также его суверенная воля, направленная на создание основ будущего государственного строя. Учредительный акт приобретает правогенерирующий характер, поскольку в нем воплощается суверенная воля народа, создающая базовые правовые нормы, которые являются фундаментом для всей системы законодательства и национального права. Это позволяет констатировать, что в действиях учредительной власти отчетливо проявляется правовой суверенитет как феномен социальной жизни. Автором сделан вывод о роли закона в процессе формирования правовой системы и правопорядка. Последний призван гармонизировать общественные отношения, гарантировать соблюдение прав и свобод человека и гражданина, отражать идею справедливости.

Ключевые слова:

учредительная власть, правовой суверенитет, российская государственность, право, правовая система, акт реализации

Для цитирования:

Подосинникова Л. А. Учредительная власть в контексте формирования и защиты внутреннего правового суверенитета Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 44–51.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025;
одобрена после рецензирования 28.08.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Founding power in the context of shaping and safeguarding the internal legal sovereignty of the Russian Federation

Lyudmila A. Podosinnikova, Cand. Sci. (Jurid.)

Gasar Mirzoev Russian University of Lawyers and Notaries
3/5, build. 1, Maly Poluyaroslavsky lane, Moscow, 105120, Russian Federation
lapodosinnikova@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0008-3984-0919>

© Подосинникова Л. А., 2025

Abstract:

Introduction. The issue of establishing internal sovereignty in the current period holds significant importance for enhancing Russian statehood and engaging with the founding character of state authority. This article offers an interpretation of founding power within the framework of forming and protecting internal legal sovereignty. Existing perspectives on this scholarly problem lack adequate explanation, particularly regarding the theoretical and legal rationale for founding power, i.e., constitutional power, which defines its own conceptual and semantic discourse. In legal scholarship, this conception of founding power in relation to the formation and protection of internal and external legal sovereignty in the Russian Federation possesses distinct features and practical relevance, requiring its own semantic content. On one hand, founding power is differentiated from other forms of authority within the state; on the other hand, it is embedded in the context of the constitutional and legal development of the state as an initiating factor in the constitutionalisation of the political life of society. Importantly, within the analysis of Russian internal legal sovereignty, this opposition facilitates a deeper understanding of the role of founding power in shaping and amending the Constitution.

Methods. The research employed materialistic-dialectical, logical, hermeneutical, and formal-dogmatic methods of scientific inquiry.

Results. The article uncovers the link between founding power and internal legal sovereignty, originating from the act of state establishment, wherein the sovereign legal action of the people and their sovereign will to create the foundations of the future state system are evident. The founding act assumes a law-generating character, embodying the sovereign will of the people and establishing fundamental legal norms that serve as the basis for the entire legislative system and national law. This enables the conclusion that legal sovereignty as a social phenomenon is clearly demonstrated in the actions of the founding authorities. The author deduces the role of legislation in the formation of the legal system and the rule of law, which aims to harmonise social relations, ensure the observance of human and civil rights and freedoms, and embody the principle of justice.

Keywords:

founding power, legal sovereignty, Russian statehood, law, legal system, implementation act

For citation:

Podosinnikova L. A. Founding power in the context of shaping and safeguarding the internal legal sovereignty of the Russian Federation // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 3 (107). P. 44–51.

The article was submitted June 19, 2025;
approved after reviewing August 28, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

В настоящей статье мы попытаемся проанализировать функциональную роль учредительной власти в формировании и защите внутреннего правового суверенитета Российской Федерации, и выявить закономерные связи между этим институтами.

Научной гипотезой статьи является предположение о том, что действие учредительной власти представляет собой акт реализации внутреннего правового суверенитета, в результате которого происходит учреждение (возникновение) государства или пересмотр основ его функционирования.

Новизна предлагаемого подхода заключается в рассмотрении учредительной власти не только как источника конституции, но и как конституирующего элемента самого внутреннего правового суверенитета. Традиционно суверенитет воспринимается как некий имманентный атрибут государства, существующий независимо от его конституционного устройства. Предлагаемая нами концепция подчеркивает производный характер суверенитета от учредительной власти народа. Именно народ, осуществляя учредительную власть, создает и легитимизирует государство и его правовой суверенитет. Данный тезис позволяет по-новому взглянуть на проблему ограничения суверенитета в условиях глобализации, подчеркивая право народа изменять и адаптировать суверенитет в соответствии с изменяющимися реалиями на основе традиционных ценностей.

Методы

Формально-логический и формально-догматический методы научного познания прежде всего позволяют обратиться к краткому рассмотрению основных теоретических положений современной юриспруденции относительно природы учредительной власти, а также отношения этого феномена к суверенитету государства. Герменевтический метод научного познания дает возможность интерпретировать роль учредительной власти в контексте формирования внутреннего правового суверенитета.

В частности, формально-догматический метод раскрыл взаимосвязь и иерархию основных категорий юриспруденции «учредительная власть» и «правовой суверенитет», которые находятся в сложноподчиненном состоянии. С одной стороны, категория «учредительная власть» отражает положение народного учредительства, описывает иерархию и значение власти и свое отношение к другим видам власти – «судебной», «законодательной» и др., а с другой, показывает связь с категорией «правовой суверенитет», которая описывает состояние независимости правовой системы, ее самобытности и ценностной идентичности.

Герменевтический метод позволил выявить диалогическое ядро дискуссии в отношении взглядов Карла Шмитта и Ганса Кельзена, предложивших разные подходы к пониманию гарантий конституционного строя и учредительной власти¹. В их полемике достаточно четко просматривается диалектическая связь между правовым суверенитетом и учредительной властью, которая, однако, слабо представлена в современной науке.

Результаты

Теория учредительной власти заняла видное место в теории права и науке конституционного права, обогатив научное понимание механизмов учреждения государства, формирования основ конституционного и государственного строя, а также их изменения в соответствии с трансформацией общественных отношений.

В дополнение к классической доктрине разделения государственной власти на три ветви (исполнительную, законодательную и судебную), учредительная власть расширяет научно-теоретическое представление о них. В теории права широко распространено мнение, что государственная власть может быть поделена на гораздо большее количество ветвей (так, С. А. Авакьян выделяет десять²), и теория учредительной власти позволила выделить еще одну, которая в некотором смысле является предшественницей (если не хронологически, то онтологически) всех остальных.

Действие учредительной власти – это первичное основание для формирования остальных ветвей власти и, следовательно, она обладает явными атрибутами суверенного правового воздействия. Именно через учредительную власть народ как носитель суверенитета реализует свою волю, устанавливая исходные принципы государственного строя.

Таким образом, учредительная власть выходит за пределы классической триады, ориентируясь на более широкий спектр функций власти в государстве. В юридической литературе учредительная власть наделяется особыми качествами, позволяющими отграничить ее от иных ветвей государственной власти.

М. П. Фомиченко отмечает, что учредительная власть функционирует в условиях отсутствия правовых ограничений, т. к. «нет ни одной правовой нормы, которая могла бы ограничить конституцию». Поэтому учредительная власть «стоит на более высокой ступени, чем учреждаемые ею конституционные органы» [1, с. 96], и выступает предшественницей иных ветвей власти.

Государственная власть принимает нормы права, определяющие основы конституционного строя, устанавливающие правовое положение субъектов права, включая себя самое. Но ее деятельность ограничена нормами права, а правовой суверенитет является производным от учредительной власти.

Достаточно распространено иное понимание учредительной власти, задающее конституционно-правовой ракурс рассмотрения ее как власти, обладающей правом и возможностью принимать конституционный акт, «учреждать те основы общественного и государственного устройства, которые выбирает для себя народ» [2, с. 17].

Можно констатировать, что учредительная власть, с одной стороны, отграничивается от иных форм власти в государстве (на этом настаивает В. В. Комарова, не распространяющая на учредительную власть действие теории разделения властей [3, с. 1381]), а, с другой – содержится в контексте конституционно-правового развития государства как факт инициации процесса конституционализации политической жизни общества.

Как часть общей теории права доктрина учредительной власти рассматривается в контексте развития теории народного суверенитета, поскольку учреждение государства, государственного строя квалифицируется как безусловное право народа, которое он может делегировать своим представителям. В праве на учреждение государства какому-либо иному субъекту обычно отказано, хотя, как мы установили, народ выражает свой внутренний правовой суверенитет через нормы права.

Отсюда вполне закономерна и ожидаема выявляемая в науке связь между народным суверенитетом и учредительной властью. Акт учреждения государства есть «суверенное действие народа, в рамках которого суверенитет транслируется от нации к учреждаемому государству, поскольку единственным источником выступает весь народ как субъект учредительной власти» [4, с. 62].

¹ См.: Уханов А. Д. Дискуссия Карла Шмитта и Ганса Кельзена: исторический опыт и современное значение : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2003. 182 с. ; Гаранов Е. Н. Государственно-правовая теория К. Шмитта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 26 с. ; Силантьев А. И. Ганс Кельзен и Карл Шмитт: две концепции государственной власти / Ломоносов-2017 : сборник трудов XXIV международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, г. Москва, 10–14 апреля 2017 г. / отв. ред.: И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. Москва : МАКС Пресс, 2017. С. 1–3 ; Кондуров В. Е. Основания действительности правопорядка и проблема юстициальности «политического»: К. Шмитт о границах юстиции // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 5. С. 63–91 ; Уханов А. Д. Дискуссия Карла Шмитта и Ганса Кельзена о гаранте конституции в контексте конфликта политико-правовых учений // Вестник Московского государственного областного университета : [электронный журнал]. 2022. № 3. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-3-1125> ; Мусихин Г. И. Концептуальная неоднозначность понятия «суверенитет» (Сравнительный анализ взглядов Карла Шмитта и Ганса Кельзена) // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 64–74 ; Уханов А. Д. Право в пространстве истины и политики: дескриптивизм и прескриптивизм в политико-правовых учениях Ганса Кельзена и Карла Шмитта // Вестник Московского Университета. Серия 12: Политические науки. 2022. № 1. С. 100–114.

² Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс : учебное пособие : в 2 т. Москва : Юристъ, 2005. Т. 1. С. 356.

Теория учредительной власти проводит разграничение двух видов этой власти – собственно учредительной и установленной учрежденной, под которой понимается «постконституционная власть, которая создается конституцией для последующих ее изменений и дополнений, поскольку они неизбежны» [5, с. 50].

Собственно учредительная власть является первичной и фундаментальной, она представляет собой силу, посредством которой осуществляется первоначальное создание правовых и политических основ государственного строя. Эта власть обладает уникальной способностью актуализироваться исключительно в моменты исторической необходимости, когда назрела потребность в создании новой государственной формы организации политической жизни общества. Она осуществляется в моменты перехода и становления, и обеспечивает правовую легитимность государства, создавая первоначальные государственно-правовые нормы, в соответствии с которыми впоследствии строится вся система национального законодательства.

Создавая основополагающие правовые нормы государства, учредительная власть непосредственно определяет и конституирует его внутренний правовой суверенитет. Закладывая базовые принципы государственного устройства, она устанавливает рамки и пределы суверенитета, определяет его содержание и механизмы реализации. Именно акт осуществления учредительной власти, выраженный в принятии конституции или иного основополагающего акта, знаменует собой рождение внутреннего правового суверенитета государства, предоставляя ему исключительное право на создание и применение правовых норм на своей территории. Таким образом, учредительная власть выступает не просто источником конституции, но и первоисточником самого правового суверенитета.

На современном этапе развития имеет место трансформация содержания суверенитета. Она обусловлена изменением сущности современного государства, доминированием его общесоциальных начал, закономерно приводящих к появлению принципиально новых обязанностей перед обществом. Государство обладает не только суверенными правами, но и суверенными обязанностями по признанию, обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина. Оно несет ответственность за результаты своей деятельности, поскольку правовой суверенитет вторичен по отношению к учредительной власти.

В дальнейшем функции учредительной власти переходят к учрежденной власти, которая обеспечивает постоянность и непрерывность деятельности государства на основе заложенных конституционных норм. В результате учредительная власть является незримым, но необходимым элементом, призванным «соблюдать установленные формальные и материальные (если они есть) пределы изменения конституции, а по отношению к изменениям может осуществляться конституционный контроль» [6, с. 29].

Когда создается государство, первоначальная учредительная власть не связана существующими конституционными нормами и имеет полномочия на разработку и утверждение новой конституции, отражающей основополагающие принципы и нормы будущего государства. С течением времени и появлением новых социальных и политических вызовов на арену истории выходит постконституционная учредительная власть, которая действует в рамках установленных процедур изменения конституции и адаптирует основной закон к изменениям реальности.

Учредительная власть реализуется в системной совокупности суверенных прав, возникающих у уполномоченных лиц по части конституционно определенных объектов фундаментальных властеотношений. Поэтому государственное право следует рассматривать как суверенное право народа на суверенную государственную власть, суверенную государственность и суверенное государственно-правовое бытие в границах своей страны и в отношениях с внешним миром.

Институциональным проявлением учредительной власти обычно является конкретный орган – учредительное собрание (совещание, конвент и проч.), который правомочен выступать от имени народа и реализовывать его волю. Р. Ф. Бренсел отмечает ограниченность выражения народной воли через подобные учреждения, поскольку «народ не может явить через волеизъявление трансцендентную социальную цель своего коллективного существования, не будучи в то же время в корне детерминированным этой целью» [7, с. 17].

Связь между учредительной властью и внутренним правовым суверенитетом явственно проистекает из акта учреждения государства, поскольку в нем проявляется суверенное правовое действие народа, а также его суверенная воля, направленная на создание основ будущего государственного строя. Учредительный акт приобретает правогенерирующий характер, поскольку в нем воплощается суверенная воля народа, создающая базовые правовые нормы, являющиеся фундаментом для всей системы законодательства и национального права. Это дает возможность констатировать, что в действиях учредительной власти отчетливым образом проявляется правовой суверенитет как феномен социальной жизни.

Взаимосвязь между учредительной властью и суверенитетом проявляется также в способности учредительной власти разрабатывать правовые нормы, которые будут определять способы и формы реализации правового суверенитета. Кроме того, учредительная власть должна восприниматься как суверенная сама по себе, поскольку ее мощный потенциал должен задействоваться в тех случаях, когда «требуется акт реализации учредительной власти народа для принятия наиболее значимых решений, носящих, по сути, конституирующий, во многом судьбоносный характер» [8, с. 90].

Суверенитет государства в значительной мере зависит также от способности учредительной власти заложить основы политической системы, которая в состоянии адаптироваться в ответ на внутренние и внешние вызовы. Классическим примером жизнеспособности внутреннего правового суверенитета как источника политической и правовой воли государства по преодолению исторических вызовов является модель реагирования государственного механизма на кризисные политические ситуации.

Концепция делегирования власти народом неразрывно связана с демократией как основой суверенного правового развития и правосознания современного народовластия, в рамках которого граждане осознают свою ответственность за качество принимаемых решений и последствия их реализации. Народовластие в этом смысле должно выступать не как периодическая реализация формально закрепленного права на участие в управлении делами государства (включая референдумы и избирательные полномочия), но как деятельное участие граждан в ответственном конструктивном диалоге с системой публичной власти, основанное на консолидации усилий. Учредительная власть есть институт, способствующий формированию внутреннего правового суверенитета, как решающий фактор становления государственности.

Обсуждение

Для понимания места теории внутреннего правового суверенитета в этом процессе целесообразно обратиться к теоретической полемике между известными немецкими правоведом Карлом Шмиттом и Гансом Кельзеном, которые предложили разные подходы к пониманию гарантий конституционного строя. В их полемике четко просматривается диалектическая связь между правовым суверенитетом и учредительной властью.

К. Шмитт, известный представитель децизионизма (учения о решении), утверждал, что суверенитет проявляется через способность принимать решения, выходящие за рамки действующего правопорядка, что связано с непосредственным использованием учредительной власти как первоисточника любого государственного строя. Это положение позволяет правовому суверенитету действовать вне формальных структур, будучи инструментом защиты политической и правовой идентичности государства. Идеи Шмитта продиктованы в значительной степени характером тех аспектов полемики, что возникали в интеллектуальных кругах Германии в части вопроса о гаранте конституции. Под ним подразумевался орган, который «сумел бы прекратить политический кризис и обеспечить государственно-правовую целостность при сохранении действующей конституции»³.

Его оппонентом стал другой известный правовед, Г. Кельзен, основоположник чистого учения о праве, который считал, что необходимо минимизировать вмешательство субъективных решений в правовую систему, сосредоточившись на идее о том, что нормы становятся основой для любой правовой деятельности. Его подход базировался на идее: правовой суверенитет должен быть институализирован в рамках строгого порядка норм, где учредительная власть понимается скорее как точка отсчета в цепи норм, нежели активный субъект изменений. Если законодатель лишь связан конституцией в том, что касается процедуры, то «деятельность негативного законодателя (конституционного суда), напротив, абсолютно определена конституцией» [9; 10].

Юридический нормативизм Кельзена стал примером очищения правовой действительности от неправовых компонентов, в т. ч. политических влияний. И если Кельзен считал это очищение необходимым, то Шмитт ратовал за «обязательное включение всех моральных, идеологических, исторических и политических категорий в теорию права с целью максимального приближения последней к политико-правовой реальности сего дня» [11, с. 118].

Различия в методологических установках обуславливают противоречия в понимании роли учредительной власти – в частности, в контексте разрешения вопроса о конституционном гарантировании. Шмитт и Кельзен заняли полярные позиции, и первый видит в учредительной власти источник активных изменений, а второй стремится к ее интеграции в нормативный порядок на правах структурного элемента.

Для него вопрос конституционного гарантирования был, прежде всего, вопросом политической легитимности, от недостатка которой страдал государственный механизм Германии. Центральная идея децизионизма провозглашала тезис: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [12, с. 8].

Важным аспектом здесь является вопрос, кто именно обладает полномочиями принимать окончательные решения в сложных ситуациях, когда конституционный строй поставлен под угрозу продолжающимся политическим кризисом. К. Шмитт подчеркивал важность наличия политической инстанции, обладающей суверенитетом для принятия решительных мер в экстремальных ситуациях. Только это создает необходимые гарантии конституционного строя. Он акцентирует внимание на суверенности как на способности принимать исключительные решения в кризисных ситуациях, когда гарантии конституционного строя становятся критически важными. В его понимании учредительная власть – это основополагающая сила, определяющая политическое и правовое устройство, ее поддержание и защита напрямую связаны с понятием суверенитета.

³ Уханов А. Д. Дискуссия Карла Шмитта и Ганса Кельзена о гаранте конституции в контексте конфликта политико-правовых учений // Вестник Московского государственного областного университета : [электронный журнал]. 2022. № 3. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-3-1125>

Гарантии конституционного строя у Шмитта рассматриваются как механизмы, позволяющие учредительной власти сохранять свою легитимность и защищать правопорядок, поэтому важно «настаивать на суверенности внепартийного президента – нейтральной власти, которая гарантировала бы действенность конституции» [13, с. 158].

Ганс Кельзен предлагает иную интерпретацию роли учредительной власти и гарантий конституционного строя. Он, будучи основоположником теории чистого учения о праве, рассматривает нормативный порядок как систему норм, где каждая норма обретает легитимность благодаря иерархической структуре. Учредительная власть в его понимании ограничена рамками действующего порядка и должна соответствовать установленным процедурам. Но затея К. Шмитта с выделением «легитимности» как «критерия правомерности существующего правопорядка приводит только к удвоению понятий» [14, с. 9].

По Кельзену, учредительная власть и производимое ей суверенное действие не должны находиться в руках одного человека. Вместо этого структура правовой системы должна обеспечивать решение конфликтов через механизмы конституционного правосудия. Конституционный суд, согласно Кельзену, должен играть центральную роль в обеспечении гарантии конституционного строя, выступая безличным арбитром в государственном механизме, негативным законодателем, обладающим правом отменять принятые парламентом законы.

Аргументация Г. Кельзена строится по преимуществу на делегировании конституционному суду качеств суверенного деятеля, поскольку он независим и никому не подчинен, то есть обладает реальной возможностью «проверить акт и, по итогам такой проверки, его отменить» [15, с. 89].

Таким образом, различия в подходах Шмитта и Кельзена к вопросу учредительной власти и гарантий конституционного строя демонстрируют глубокие противоречия в понимании природы нормативного порядка и суверенного правового воздействия. В то время как Шмитт видит в суверенитете концентрированное выражение политической воли, способное выходить за пределы обычного правопорядка, Кельзен считает, что нормативный порядок сам по себе должен обладать механизмами самоохранения. Карл Шмитт подчеркивает чрезвычайный характер конституционного гарантирования, связывая это с учредительной властью, которая инициирует соответствующие процедуры в моменты кризиса. По его мнению, кризисные ситуации выявляют необходимость в гарантиях, которые должны поддерживать устойчивость государства в исключительных условиях. Таким образом, конституционные гарантии в понимании Шмитта приобретают временный характер.

Сравнение подходов Шмитта и Кельзена иллюстрирует различие в восприятии роли учредительной власти и природы гарантий конституционного строя. Шмитт акцентирует внимание на ситуативных мерах, необходимых для предотвращения разрушения правопорядка в период кризиса, тогда как Кельзен видит в постоянных гарантиях основу стабильного и устойчивого развития правовой системы.

К. Шмитт подчеркивал значимость единого (единоличного) суверенного органа для гарантирования конституции, который может выступать в качестве учредительной власти. Для Шмитта суверенитет был прежде всего вопросом власти – силы, которая стоит выше нормы и может действовать за пределами юридических установлений.

Для Кельзена на первом месте стояло право, и он рассматривал учредительную власть как часть общей правовой иерархии.

Для теории государства и права принятие таких методологических установок имело вполне определенные последствия. Общее стремление к устранению излишнего неэмпирического содержания в юридическом позитивизме приводит к сведению права исключительно к нормам позитивного права, т. е. права формализованного государства. Позитивным правом признается лишь то, что «в данное время и в данном месте имеет законную силу – законодательство, формально санкционированные официальными властями или фактические акцептируемые ими обычаи, прецеденты и т. д.» [16, с. 149–150].

Для такого подхода характерен отказ от рассмотрения вопросов, связанных с соотношением права и справедливости, и прочих умозрительных проблем. Юридический позитивизм фактически отходит от вопроса о сущности права, заменяя его обширным проблемным полем вопросов о существовании права. Понимание природы государства как правового института в юридическом позитивизме, опирающемся на формально-догматический метод исследования, сводится к тому, что государство рассматривается «как корпорация, как особое юридическое лицо, как субъект правопонимания» [17, с. 33].

Последовательно отказываясь от умозрительных абстракций в области теории государства и права, юридический позитивизм не видит возможности считать носителем суверенитета народ, поскольку народ представляет собой неопределенное понятие. Государство же, рассматриваемое как корпорация или юридическое лицо, является в этом отношении тем конкретным феноменом, который только и может выступать в роли носителя суверенитета.

В рамках анализа российского внутреннего правового суверенитета это противостояние позволяет глубже понять роль учредительной власти в формировании и изменении Конституции. Учредительная власть в России была актуализирована в момент разработки и принятия конституционного акта, и впоследствии

проявлялась в моменты внесения в него изменений. В период с 2008 по 2020 год Конституция Российской Федерации⁴ претерпела ряд изменений; наиболее значительными стали поправки 2020 года.

Их можно рассматривать как пример функционирования установленной учредительной власти (постконституционной власти). Они касались различных аспектов публичного управления, включая перераспределение полномочий между ветвями власти и уточнение прав и обязанностей граждан. В юридической литературе часто подчеркивается, что конституционные поправки 2020 года в значительной мере способствовали укреплению правового суверенитета России [18].

В частности, новеллы конституционного законодательства (поправки и связанные с ними изменения в конституционном законодательстве) не только закрепили приоритетное значение Конституции Российской Федерации как основного закона страны, но и утвердили доктрину, согласно которой нормы Конституции Российской Федерации имеют преимущественную силу над решениями международных организаций и судов.

Поправки 2020 года представляют собой стратегический шаг в развитии российской правовой системы. Утверждая приоритет Конституции Российской Федерации над решениями международных организаций и судов, данные изменения задают новый вектор взаимодействия национального права с международным правом и становятся ярким примером укрепления правового суверенитета.

В условиях нарастающего давления внешних идеологических течений, государства, стремящиеся сохранить традиционные ценности, вынуждены находить способы для их законодательного закрепления.

При этом названный инструмент вовсе не предназначен для чрезмерно частого использования при решении государственно важных вопросов. Его потенциал должен задействоваться на государственном уровне в тех случаях, когда требуется акт реализации учредительной власти народа для принятия наиболее значимых решений.

Механизм правового обеспечения составляют гарантии обеспечения и инструменты правовой охраны и правовой защиты (средства обеспечения). Н. В. Витрук отмечает, что гарантии «направлены на обеспечение непосредственной реализации и защиты юридических прав, обязанностей и законных интересов личности» [19, с. 12]. А. В. Малько и В. В. Субочев относят к гарантиям «все те условия, которые, так или иначе, обеспечивают реализацию законных интересов, каким-либо образом способствуют ей» [20, с. 141].

В этом контексте правовое обеспечение становится механизмом, благодаря которому оказывается возможной реализация какого-либо правового явления. Конечно, применение механизма правового обеспечения прав и свобод личности по отношению к правовому обеспечению традиционных ценностей возможно лишь по аналогии, т. к. традиционные ценности не являются предметом правопритязания. Однако без правового обеспечения они оказываются лишь «провозглашенными, но юридически необеспеченными» [21, с. 12].

Концепция делегирования власти народом неразрывно связана с демократией как основой суверенного правового развития и правосознания современного народовластия, в рамках которого граждане осознают свою ответственность за качество принимаемых решений и последствия их реализации. Народовластие в этом смысле должно выступать не как периодическая реализация формально закрепленного права на участие в управлении делами государства (включая референдумы и избирательные полномочия), но как деятельное участие граждан в ответственном конструктивном диалоге с системой публичной власти, основанное на консолидации усилий.

Очевидно, что смысл внутреннего правового суверенитета обнаруживается в юридической институализации участия народа в реализации своей воли (по установлениям конституции). Такое понимание суверенитета находит подтверждение в современных конституциях, которые обычно устанавливают верховенство народа и объявляют его волю основой конституционного устройства общества.

3 заключение

Таким образом, сформированная концепция учредительной власти представляет собой значительный пласт научного знания в теории права и конституционном праве, при том что ее прямая связь с внутренним правовым суверенитетом разработана весьма слабо. В основном ее рассматривают как первопричину формирования государственности и конституции, но редко как первопричину правового суверенитета. В последнее время это подтверждается и рядом решений Конституционного Суда Российской Федерации. Между тем учредительное действие как политический и юридический факт, предшествующий моменту возникновения (учреждения) государства, обладает всеми чертами суверенного решения, принимающего надлежащую юридическую форму. Рассмотрение вопроса о значении учредительной власти для формирования и защиты внутреннего правового суверенитета содержит значительный научно-теоретический потенциал, позволяющий взглянуть на традиционный круг проблем и в ретроспекции, и в перспективе.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

Список источников

1. Фомиченко М. П. Учредительная власть: понятие, разновидности // Правовая культура. 2011. № 2 (11). С. 96–97.
2. Балагурова Н. Н. Учредительная власть: понятие и способы ее реализации // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145). С. 14–19.
3. Комарова В. В. Учредительная власть и основной закон // Lex Russica (Русский закон). 2013. Т. 95, № 12. С. 1374–1382.
4. Мирошник С. В. К вопросу о государственном суверенитете // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 2. С. 62–67. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2020-1-2-62-67>
5. Лихачев К. С. Учредительная власть: понятие, виды и современное воплощение // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 10. С. 48–50.
6. Шустров Д. Г. Конституция и учредительная власть: проблема ограничения // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 29–39. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-2-29-39>
7. Bensel R. F. The Founding of Modern States. UK : Cambridge University Press, 2022. 508 p. <https://doi.org/10.1017/9781009247245>
8. Головин А. Г. О сущности права на участие в референдуме в контексте делегирования власти народом // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 10 (143). С. 90–101. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.143.10.090-101>
9. Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (Конституционная юстиция. Часть 1) // Право и политика : [сетевое издание]. 2006. № 8. URL: https://nbpublish.com/lpmag/contents_2006_8.html#50010.
10. Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (Конституционная юстиция. Часть 2. Окончание) // Право и политика : [сетевое издание]. 2006. № 9. URL: https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=4023
11. Антонов М. В. Легитимность, признание, действительность и отмена правовых норм в юридическом словоупотреблении // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5, № 2 (15). С. 118–124.
12. Шмитт К. Политическая теология. Сборник // пер. с нем., заключ. и сост. А. Филиппова. Москва : КАНОН-пресс-Ц, 2000. 336 с.
13. Назмудинов Б. В. От «нормы» к «порядку»: эволюция правопонимания Карла Шмита // Правоведение. 2016. № 1 (324). С. 150–165.
14. Антонов Б. А. Об особенностях толкования нормативизма с позиции Карла Шмита: заметки на полях // Пролог: журнал о праве. 2023. № 3 (39). С. 7–17. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2023.3.1>
15. Котов О. Ю. Нормативистская теория Ганса Кельзена как основа для понимания правовой природы актов конституционного суда // Lex Russica. 2021. Т. 74, № 8. С. 89–98. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.177.8.089-098>
16. Право и закон в теории юридического позитивизма / Артамонова Г. К., Горбашев В. В., Ильичев В. В., Минаков И. А. [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 1. С. 148–152.
17. Корнев В. Н., Ломтев С. П. Понятие государства в контексте основных типов правопонимания // Российское правосудие. 2012. № 8 (76). С. 32–41.
18. Мазаев В. Д. Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ) // Lex Russica. 2021. Т. 74, № 7. С. 15–31. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.176.7.015-031>
19. Витрук Н. В. О категориях правового положения личности в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1974. № 12. С. 11–19.
20. Малько А. В., Субочев В. В. Гарантии осуществления законных интересов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 6 (275). С. 138–148.
21. Черданцев А. Ф., Гунин Д. И. Интересы законные, противозаконные и незаконные // Российское правосудие. 2013. № 7. С. 12–21.

Научная статья
УДК 34.03

Добросовестность в структуре правового поведения: теоретические и частноправовые аспекты

Артем Григорьевич Репьев, доктор юридических наук, доцент

Российский университет транспорта
Москва (127994, ул. Образцова, д. 9, стр. 9), Российская Федерация
repev-artem@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0718-698X>

Аннотация:

Введение. Статья представляет собой попытку автора обратиться к феномену «добросовестность» с точки зрения общетеоретического понимания применительно к структуре правового поведения. Выдвигается и аргументируется гипотеза о связи таких нетипичных форм правового поведения, как злоупотребление правом и обход закона через концепт добросовестности. Цель: восполнить отсутствие в юридической науке и практике сформированного представления о критериях добросовестного поведения участников правоотношений. Посредством восприятия феномена «добросовестность» в единстве естественно-правового и позитивистского правопонимания, формируется авторский подход его позиционирования как ключевого ценного критерия отграничения правомерного поведения от противоправного и «пограничного» (по примеру обхода закона).

Методология. Используется совокупность средств научного познания, при всем многообразии которых основными при подготовке рукописи статьи выступили диалектический метод, а также формально-юридический подход, реализуемый для анализа и толкования норм законодательства, судебной и иной правоприменительной практики.

Результаты. Осуществлен юрико-лингвистический анализ, а впоследствии на его основе – сущностное рассмотрение феномена «добросовестность» с позиции как доктрины права, так и современной правоприменительной практики и законодательства. Совокупное изучение общенаучной и справочной литературы, действующих нормативных правовых актов и официальных документов правоприменения показало, что добросовестность представляет собой способность личности самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности и обеспечивать их исполнение; формировать внутренние табу на основе осознания долга и ответственности перед обществом; а также осуществлять постоянную внутреннюю критичную самооценку совершаемых действий и бездействий на предмет соответствия морали. Констатируется, что в юридической доктрине и правоприменительной практике необходимо сформировать критерии добросовестного поведения субъекта правоотношений, которые в авторской концепции сводятся к следующим: открытость и честность намерений вступления в правоотношения; достоверность и своевременность взаимно транслируемой информации; прогнозируемость действий; сдержанность правовой активности, кратность процедурных действий; готовность оказания взаимного содействия; соответствие деловым обыкновениям (устоявшимся, традиционным правилам поведения). Предпринятая попытка может способствовать не только повышению эффективности правового регулирования на основе принципа добросовестности в частноправовых отношениях, но и повышению общего уровня доверия граждан к нормам законодательства и правовым позициям органов государственной власти, формируемым на основе интерпретации концепта добросовестности.

Ключевые слова:

добросовестность, обход закона, злоупотребление правом, мораль, нравственность, ценность

Для цитирования:

Репьев А. Г. Добросовестность в структуре правового поведения: теоретические и частноправовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 52–58.

Статья поступила в редакцию 31.05.2025;
одобрена после рецензирования 02.07.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Good faith in the structure of legal behavior: theoretical and private law aspects

Artem G. Repev, Doc. Sci (Jurid.), Docent

Russian University of Transport
9, Bld. 9, Obraztsova str., Moscow, 127994, Russian Federation
repev-artem@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0718-698X>

Abstract:

Introduction. This article represents the author's attempt to address the phenomenon of 'good faith' from the perspective of a general theoretical understanding the structure of legal behaviour. The research makes a hypothesis suggesting a connection between such uncommon forms of legal behaviour as abuse of right and circumvention of law through the concept of 'good faith'. Purpose: to fill the gap in legal science and practice regarding a formed understanding of the criteria for the good faith behaviour of participants in legal relations. By perceiving the phenomenon of 'good faith' through the unity of natural law and positivist legal understanding, the author forms his own approach to positioning it as a key valuable criterion for distinguishing lawful behaviour from illegal and 'borderline' behaviour (using circumvention of law as an example).

Methodology. A set of scientific cognition tools is used. Despite their diversity, the primary methods employed in preparing the manuscript were the dialectical method, as well as the formal legal approach implemented for the analysis and interpretation of legislative norms, judicial and other law enforcement practices.

Results. A legal-linguistic analysis was carried out, and subsequently, based on it, a substantive examination of the phenomenon of 'good faith' was performed, which served as the foundation for a substantive inquiry into the concept of 'good faith', examining it through the lens of law doctrine, contemporary jurisprudence, and legislation. A comprehensive study of general scientific and reference literature, regulations, and official law enforcement documents revealed that 'good faith' represents an individual's ability to independently formulate self's moral duties and ensure their fulfillment; to form inner taboos based on an awareness of duty and responsibility to society; and to conduct constant internal critical self-assessment of actions and omissions for their compliance with morality. The article states that legal doctrine and law enforcement practice need to develop criteria for good faith behaviour of a subject of legal relations, which, according to the author's concept come down to the following: openness and honesty of intentions when entering into legal relations; reliability and timeliness of mutually transmitted information; predictability of actions; restraint of legal activity, reasonableness of procedural actions; readiness to provide mutual assistance; compliance with business customs (established, traditional rules of conduct). This endeavor may not only contribute to increase of the effectiveness of legal regulation based on the principle of good faith in private law relations but also to raise general level of citizens' trust in legislative norms and legal positions of public authorities formed on the basis of the interpretation of the concept of good faith..

Keywords:

good faith, circumvention of the law, abuse of right, morality, ethics, value

For citation:

Repev A. G. Good faith in the structure of legal behaviour: theoretical and private law aspects // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. No. 3 (107). P. 52–58.

The article was submitted May 31, 2025;
approved after reviewing July 2, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Ни один народ не смог бы выжить,
не производя оценки – что есть добро и что есть зло.
Заратустра¹

Введение

Типология правового поведения, разработанная фундаментальными исследователями юридической стороны человеческой природы действий (и бездействий) [1; 2], сегодня, по всей видимости, требует определенной актуализации.

Классическое деление форм правового поведения на правомерное и противоправное не всегда в полной мере характеризует поступки человека. В условиях влияния цифровизации, перманентного кризиса экономики появились нетипичные формы правового поведения, можно сказать, «пограничные», стоящие на стыке правомерного и противоправного, балансирующие между ними. Формально они могут характеризоваться отсутствием признаков нарушения

¹ Цит. по: Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / пер. с нем. Ю. Антоновского, Е. Соколовой. Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2018. 544 с.

правовой нормы, но по существу будут отличаться или даже противоречить целям правового регулирования, искажать основы правопорядка. Одной из таких нетипичных форм правового поведения является «обход закона».

Для цивилистики «обход закона» категория если и не всецело устоявшаяся, то не новая, во всяком случае. Известны работы А. И. Муранова², Е. Д. Суворова [3] и других, в которых с определенных сторон авторы раскрывали особенности поведения участника гражданских правоотношений, совершающего действия в обход закона. Этого нельзя сказать об исследованиях общетеоретического характера. С позиции теории права феномен «обход закона» редко фигурирует в публикациях, а сама юридико-лингвистическая конструкция только начинает привлекать внимание ученых-теоретиков [4; 5].

Не менее сложным как в онтологическом смысле, так и формально-юридическом является такое явление, как злоупотребление правом. Снова стоит отметить, что для цивилистики категория «злоупотребление правом» основополагающая, если не сказать больше, – характеризующая специфику отрасли. Частноправовые отношения нередко создают иллюзию максимальной свободы, однако, как известно, субъективное гражданское право должно иметь пределы. Поиск, установление таких границ – задача не из легких, непосредственно детерминирующая конструкцию злоупотребления возможностями. Не случайно проблематика свободы поведения и злоупотребления правом представляла собой актуальное направление научного дискурса еще в римском частном праве [6]. Она не потеряла своей актуальности и сегодня.

В наше время частноправовой срез злоупотребления субъективной возможностью индивида проецируется на самые различные правоотношения, формирующиеся и развивающиеся в области как материального права (регулирующего вопросы трудовых отношений [7], транспорта [8], корпоративных связей [9] и пр.), так и процессуального [10; 11].

Ранее мы обращались к проблематике нетипичных или «пограничных» форм правового поведения и, несмотря на присутствующие в науке точки зрения относительно отождествления обхода закона и злоупотребления правом, аргументировали свою позицию о самостоятельности данных феноменов³ [12; 13].

Как видится, феномен злоупотребления в праве весьма широк по своему проецированию на общественные отношения и не ограничивается лишь выходом субъекта за рамки своих субъективных возможностей. Феномен злоупотребления стоит на стыке позитивистского и естественно-правового понимания. Возможно, для его правильной и целостной интерпретации необходимо обращаться к иным концепциям постижения духа права, интегративным по своей сущности.

Думается, не стоит повторять сказанное ранее, поэтому здесь лишь отметим безусловную связь данных не совсем типичных форм правового поведения. Связь эта, полагаем, определяется наличием в структуре правомерного поведения такой характеристики, как добросовестность, выступающей ценностным и формально-юридическим основанием отграничения правомерного поведения от любого иного.

Методы

Представленное исследование построено на фундаментальных законах диалектического познания, а также общенаучных и частнонаучных подходах, включая формально-юридический, сравнительно-правовой, системный методы. Начав с филологического (общезыкового) понимания термина «добросовестность», применяя методы герменевтики, осуществлено толкование словообразующих лексем (добро, совесть и др.) и смысловых антиподов (зло, бесчестие и пр.), автор переходит к установлению формально-юридических критериев добросовестного правового поведения. Применяя системный метод, аргументируется общеправовой характер феномена «добросовестность», проецирующийся в т. ч. на отраслевые правоотношения. Базируясь на сравнительно-правовом подходе, сопоставляются общеправовые аспекты добросовестного правового поведения со спецификой частноправовых отношений.

Обсуждение

Добросовестность, исходя из анализа отечественного законодательства, формально-юридически выступает как «предел осуществления гражданских прав» (ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации⁴), тогда как содержательно является принципом

² См.: Муранов А. И. Проблема «обхода закона» в материальном и коллизионном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1999. 272 с.

³ См.: Репьев А. Г. Юридические феномены «злоупотребление» и «дискриминация» в контексте существования правовых преимуществ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 86–95. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2019-2-86-95>

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1994. № 32. Ст. 3301.

частноправовых отношений⁵, технико-юридически закрепленным в форме правовой презумпции⁶, обеспечивающим стабильность правовой системы, поскольку «в силу своей универсальности распространяется на любое взаимодействие между субъектами права во всех сферах жизнедеятельности»⁷.

Несмотря на тот факт, что категория добросовестности является далеко не новой для цивилистической науки⁸, до настоящего времени не сформулированы конкретные критерии, характеризующие правовое поведение как добросовестное. Более того, даже и общие ее очертания весьма размыты. Как правило, в рамках судебной интерпретации субъекты толкования отталкиваются от обратного – предлагают примеры недобросовестного поведения. В частности, такие формы деяний, как намеренное изменение подсудности, предъявление надуманных исковых требований были сформулированы и обозначены как недобросовестные в одном из разъяснений Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2017 г. № 36-КГ16-26⁹.

Прежде чем предлагать критерии добросовестного поведения участников гражданских правоотношений, остановимся на его сущностном, общетеоретическом восприятии. Убеждены, что это имеет весьма ценное не только методологическое, но и практическое значение.

Начать видится уместным с филологического анализа категории «добросовестность», краткой характеристики ее этимологии, что, возможно, даст ответ на вопрос о причинах появления в текстах нормативных правовых актов. Так, добросовестность в русском языке является сложным словом, образованным двумя семантическими единицами: «добро» и «совесть». Обе они имеют ярко выраженное нравственно-этическое значение и оценочное толкование. Более того, «добро» – одна из ключевых категорий этики, позволяющая через сопоставление с категорией «зло» разграничивать моральное и безнравственное поведение.

По своему содержанию «добро» представляет собой максимально абстрактную модель наиболее желаемого поведения и оценки окружающей обстановки, заслуживающей одобрения¹⁰. Примечательно, что марксистская этика в понимании категории «добро» ориентировалась на объективные тенденции общественного прогресса, считая соответствующим добру все, что способствует освобождению трудящихся от эксплуатации¹¹. Сегодня мы можем заключить, что классические этические концепции создали основу для того, чтобы именно понятие «добро» впоследствии стало проецироваться на более привычные юридическому сознанию нравственные категории справедливость, гуманизм, уважение и пр. С учетом устоявшегося в позитивизме восприятия понятия «добро» через призму конкретных эмоций человека, а также проецирования оценки «доброе – злое» на общественные отношения, логичным выглядит его связь с другой этической категорией – совестью.

Последняя, как известно, представляет собой способность личности (именно ей, в отличие от абстрактного «человека», свойственно внутреннее самоограничение) к моральному самоконтролю¹². Литература по этической мысли позволяет предложить авторскую конструкцию совести, базирующуюся на трех элементах:

– способность личности самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности и обеспечивать их исполнение;

⁵ Одной из первых официальных позиций, позволяющих воспринимать добросовестность в качестве принципа осуществления гражданских прав, выступает интерпретация данного феномена в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 46 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации (далее – Бюллетень ВС РФ). 2022. № 3).

⁶ Формулировка закона, а также правовые позиции судов указывают на презюмируемый характер добросовестности участников гражданских правоотношений, которая «предполагается, пока не доказано иное» (Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15.11.2023) // Бюллетень ВС РФ. 2024. № 2).

⁷ По делу о проверке конституционности пункта 2 части 3 статьи 104 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в связи с жалобой гражданина В. В. Сонины : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2020 г. № 16-П // СЗ РФ. 2020. № 20. Ст. 3220 ; По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И. И. Покуля : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2023 г. № 6-П // СЗ РФ. 2023. № 8. Ст. 1414.

⁸ См., например: Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2009. 537 с. ; Коренченко Р. Е. Добросовестность в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2024. 209 с.

⁹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2017 г. № 85-КГ16-13 // «ГАРАНТ.РУ» : [сетевое издание]. URL: <https://base.garant.ru/71612652/> (дата обращения: 04.05.2025).

¹⁰ Словарь по этике / Адо А. В., Андриевская М. И., Архангельский Л. М. [и др.] ; под ред. И. С. Кона. 4-е изд. Москва : Издательство политической литературы, 1981. С. 73.

¹¹ Краткий словарь по философии / Азаров Н. И., Айзикович А. С., Аникеев Н. П. [и др.] ; под общ. ред. И. В. Блауберга, И. К. Пантина. 4-е изд. Москва : Политиздат, 1982. С. 80.

¹² Там же. С. 313.

- формировать внутренние табу на основе осознания долга и ответственности перед обществом;
- осуществлять постоянную внутреннюю критичную самооценку совершаемых действий и бездействий на предмет соответствия морали.

При этом обозначенные элементы конструкции совести базируются на таких качествах личности, как честность, рачительность, нравственная устойчивость (т. е. способность противостоять внешним манипуляциям). Данные качества сопровождаются естественными для добросовестного, глубоко морального человека внутренними переживаниями (в просторечии – «угрызениями совести»).

Результаты

Тезисный филологический и этимологический анализ феномена «добросовестность», а также ознакомление с решениями судебных органов и иной правоприменительной практикой позволяет сформировать следующие критерии, характеризующие поведение субъекта гражданских правоотношений, как добросовестное:

– *Открытость и честность намерений вступления в правоотношения.* Честность как морально-этическая категория оценки поведения субъекта характеризуется четким соответствием действий лица с их истинным замыслом. Так, исходя из анализа судебной практики, участник акционерного общества, к примеру, проявляющий интерес к получению информации об обществе, при этом в действительности ориентирующийся не на благое участие в управлении деятельностью хозяйственного общества, не на защиту прав и законных интересов общества, а на причинение обществу вреда, действует недобросовестно¹³. Аналогичное требование честности участия в правоотношениях относится и к совершению лицом действий, которые по форме соответствуют нормативным установлениям закона и обычаям гражданского оборота, но по содержанию являются вредными (совершение сделки на заведомо невыгодных для юридического лица условиях или с лицом, заведомо неспособным исполнить обязательство¹⁴).

Сказанное в определенной мере обуславливает следующие критерии:

– *Достоверность и своевременность взаимно транслируемой информации.* Участникам отношений должно быть гарантировано право своевременно узнать о таких сторонах сделки, как финансовое положение общества, состояние документации и пр.¹⁵. Подобный критерий добросовестности обеспечивает возможность защиты нарушенных прав и законных интересов в соответствии с юридической процедурой (в установленные законом сроки, с применением соответствующих обеспечительных мер и пр.). В частности, предоставление недостоверной, несвоевременной информации выступает одним из оснований внесения в реестр недобросовестных поставщиков¹⁶.

– *Прогнозируемость действий.* Предсказуемость, а по возможности планируемость поведения участников гражданских правоотношений – одно из важнейших требований повышения эффективности не только частноправового сегмента правореализации, но и в целом условие сохранения правопорядка в обществе, упрочения баланса публичных и частных интересов правового регулирования, интерпретации и реализации¹⁷ [14]. Так называемое качество «ожидаемости» поведения участника гражданского оборота позволяет учитывать права и законные интересы другой стороны правоотношения, на что ранее указывали судебные органы¹⁸. Прогноз потенциальной вероятности наступления каких-либо последствий – фундаментальная

¹³ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 февраля 2023 г. № Ф05-560/2023 по делу № А40-113533/2022 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (далее – СПС «КонсультантПлюс»). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=464654#2ZiOfqUecGqSM5IC1> (дата обращения: 04.05.2025); Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26 июня 2023 г. № Ф09-3835/23 по делу № А07-5707/2022 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=254086&cacheid=9D35B34CA6D6C36E1BB4C19A7635410B&mode=splus&rnd=ADaYaQ#hIHPFqUyeDuJ8uSk> (дата обращения: 04.05.2025); Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 августа 2022 г. № Ф07-9243/2022 по делу № А21-7648/2021 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=268138&cacheid=FE1759AEEE73C24770922DB24BAB879C&mode=splus&rnd=ADaYaQ#B3YPFqUN4TmRtKq4> (дата обращения: 04.05.2025) и др.

¹⁴ О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 34.

¹⁵ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28 июня 2024 г. № Ф01-2249/2024 по делу № А43-25521/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=123483&cacheid=D54D3BB5F60C499B5E5A1A1050FFD963&mode=splus&rnd=ADaYaQ#VY1QFqUeNmtDMbp6> (дата обращения: 04.05.2025).

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 8 июля 2024 г. № Ф08-3944/2024 по делу № А63-689/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=204835&cacheid=0B720AEBB22325A13B16AA155FCF0C5B&mode=splus&rnd=ADaYaQ#M4OQFqUgTJDhZvIA> (дата обращения: 04.05.2025).

¹⁷ См. об этом подробнее: Агамиров К. В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2020. 48 с. и др.

¹⁸ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 6 апреля 2022 г. по делу № 88-4919/2022 (УИД 03RS0007-01-2020-003794-72) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=80499&cacheid=20A678B3D0E53527C6F1B3D5211DE570&mode=splus&rnd=ADaYaQ#vIoQFqUHZHEY9Pf5> (дата обращения: 04.05.2025); Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 июля 2023 г. № Ф05-14237/2023 по делу № А40-212752/2022 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=482532&cacheid=90500FBAEB1EFB3EAE6614D93833F0DA&mode=splus&rnd=ADaYaQ#gI8RFqUiENRgmO511> (дата обращения: 04.05.2025).

основа для выстраивания добросовестных отношений с учетом ожидаемых рисков, возможных административных и иных барьеров и пр.

– *Сдержанность правовой активности, кратность процедурных действий.* Если предыдущие критерии характеризовались качественными свойствами, то представленный – количественный показатель, характеризующий конкретное поведение субъекта. Как известно, сочетание количественных и качественных компонентов – неотъемлемое условие диалектического соотношения и предполагает причинно-следственную связь данных критериев. С точки зрения добросовестности правовая активность субъекта, безусловно, должна иметь определенные рамки. Практика показывает, что постоянное изменение исковых требований или дополнение в список запрашиваемых сведений со стороны участников (акционеров) рассматривается арбитражными судами как недобросовестное поведение¹⁹. Аналогичную характеристику и оценку имеет поведение участника, который неоднократно требует предоставления одних и тех же документов²⁰.

– *Готовность оказания взаимного содействия.* Подобный критерий добросовестного поведения участников гражданского оборота нами предлагается в связи позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в одном из решений²¹. К сожалению, авторитетный субъект официального толкования правовых предписаний предметно не детализировал, о каком содействии должна идти речь, поэтому попытаемся с доктринальных позиций его конкретизировать. Как думается, речь может идти о том, что, например, вступая в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения сторонам рекомендуется учитывать интересы каждой стороны, проявлять готовность консенсуального разрешения споров и конфликтов, находить возможность компромиссного разрешения противоречий. К примеру, связку добросовестности и компромиссности действий участников правоотношений мы находим в содержании института банкротства. Так, прибегнув к процедуре банкротства, гражданин приобретает соответствующий статус (гражданина-банкрота), что влечет его освобождение от дальнейшего исполнения требований кредиторов и их последующих правопритязаний (п. 3 ст. 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»²²). Подобный специальный статус позволяет гражданину приобрести в определенном смысле правовой иммунитет, который придаст ему свойство неподверженности финансовым обременениям (в объеме всей задолженности). Иными словами, основными целями института банкротства будут выступать не только обеспечение частных интересов кредитной организации, но и социальная реабилитация гражданина. Однако ввиду того, что приобретение статуса банкрота шаг неординарный, а сама процедура есть крайняя мера по освобождению от долгов (поскольку имеет место ущемление прав кредиторов), цель социальной реабилитации ориентирована исключительно на добросовестного гражданина²³. Следовательно, механизм согласования интересов обеспечивает компромисс между добросовестным должником, стремящимся исполнять свои обязательства (но испытывающим в этом объективные затруднения), и его кредиторами.

– *Соответствие деловым обыкновениям* (устоявшимся, традиционным правилам поведения). Понимание добросовестности как рачительного поведения, не противоречащего сложившимся в предпринимательской среде нормам ведения дел, присутствует в науке [15, с. 89], хотя по-прежнему нуждается в более глубокой конкретизации. Следование деловым обыкновениям ведения дел, исходя из анализа правоприменительной практики, может означать: изменение договорных условий только по согласованию сторон²⁴, условия договора не могут быть явно обременительными для одной из сторон²⁵, заблаговременное предоставление производителем

¹⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 июля 2020 г. № Ф05-10675/2020 по делу № А40-83380/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=355779&cacheid=B6E65B30B19442D7E076643E01CC90EF&mode=splus&rnd=ADaYaQ#ZD0SFqUCACHWsh4l> (дата обращения: 04.05.2025); Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 апреля 2016 г. № Ф05-4298/2016 по делу № А41-34922/2015 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=243152&cacheid=8CFDA204E885FE944EC7C2454F7EFFF2&mode=splus&rnd=ADaYaQ#wFSFqU250Vlh3Fa1> (дата обращения: 04.05.2025).

²⁰ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28 апреля 2021 г. № Ф03-2117/2021 по делу № А73-12878/2019 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=119214&cacheid=39C42560110E5A4E718BF958DD141945&mode=splus&rnd=ADaYaQ#5zSSFqUolC9pOAIz> (дата обращения: 04.05.2025).

²¹ По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К. В. Матюшова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2023 г. № 14-П // СЗ РФ. 2023. № 15. Ст. 2748.

²² О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

²³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 1 октября 2024 г. № Ф05-20782/2024 по делу № А41-57670/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=536413&cacheid=02D8670DE4C0348078988D33DCB7F1B8&mode=splus&rnd=ADaYaQ#ymeTFqUymFihmQJHl> (дата обращения: 04.05.2025).

²⁴ Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2011 г. № 147 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 11.

²⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 83-КГ16-2 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=459617&cacheid=A25030165C6CB9D0829388D1A3FB8D6B&mode=splus&rnd=ADaYaQ#8YJUFqUgnwkjVf8x> (дата обращения: 04.05.2025).

(поставщиком) товаров покупателю прайс-листа до подписания контракта и (или) до поставки товара²⁶ и многое другое.

Сказанное выше в определенной мере объясняет точку зрения ряда специалистов, позиционирующих добросовестность как «онтологическое основание обхода закона»²⁷.

3 заключение

В представленном материале автором предпринята попытка общетеоретического рассмотрения феномена «добросовестность» в частноправовых отношениях. Безусловно, ею системобразующее проявление добросовестности в праве не ограничивается. Наука и практика остро нуждаются в установлении критериев добросовестного поведения участников конституционных [16] и административных [17] отношений, субъектов уголовного процесса [18], на что обращает внимание юридическая наука. Однако это, возможно, станет предметом иного исследования.

Подводя итог изложенному выше, отметим, что социальная ценность права, его высокое аксиологическое значение – в защите от всего того, что является олицетворением зла для человека. Конституционный постулат об идеологической основе общества и государства в виде «веры в добро» требует конкретных организационно-правовых элементов механизма реализации. Это должно проявляться не только путем повышения общей гуманности и демократичности государственно-правового воздействия и расширения сферы субъективных возможностей, но и наделения гарантиями последней.

С одной стороны, сегодня мы наблюдаем проявление «веры в добро» на примере таких начал частноправовых отношений, как «добровольность», «добрые намерения» и пр. С другой, речь должна идти и о мерах ответственности для свободы поведения, применении пределов активности воли, мер сдерживания нежелательных действий. Убеждены в свете сказанного, что ограничением, мерой сдерживания излишней свободы выступает императив добросовестности, одновременно являясь критерием отграничения правомерного поведения от любого иного. Следовательно, добросовестность включает в себя нарративы не только формально-юридического, но и иного, культурологического свойства: ценностного, нравственно-этического, духовного и пр.

Список источников

1. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение : Норма и патология. Москва : Наука, 1982. 287 с.
2. Оксамытний В. В. Правомерное поведение личности. Киев : Наукова думка, 1985. 175 с.
3. Суворов Е. Д. Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона. Москва : Издательский дом В. Ема, 2008. 186 с.
4. Баранов В. М. Обход закона: сущность и проблемы противодействия / Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, г. Нижний Новгород, 23–24 мая 2019 г. / под ред. В. А. Толстика, В. М. Баранова, П. В. Васильева. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2019. С. 8–34.
5. Игнатьева А. В. Понятие и признаки обхода закона: теория и практика // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 1. С. 290–295.
6. Дзаннини Л. П. Дружба, благодеяние и злоупотребление правом: собирая сведения в разных типологиях сделок // Древнее право. 2015. № 1 (31). С. 130–139.
7. Кузнецова И. А. К вопросу о злоупотреблении правом при изменении условий трудового договора // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 1. С. 35–38. <https://doi.org/10.18572/2221-3295-2025-1-35-38>
8. Каримуллина А. Э. Злоупотребление правом в автотранспортном страховании // Транспортное право. 2024. № 1. С. 24–26.
9. Шевчук Д. А. Злоупотребление правом участниками корпоративных правоотношений // Вестник арбитражной практики. 2024. № 4. С. 36–42.
10. Старицын А. Ю. О злоупотреблении правом в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 7. С. 7–10.
11. Тимофеев Ю. А. Злоупотребление правом на примирение // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 7. С. 16–17.
12. Баранов В. М., Репьев А. Г. Общеправовой феномен «обход закона»: понятие и соотношение со смежными явлениями // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 5 (97). С. 39–46.
13. Сенякин И. Н., Репьев А. Г., Торчилин К. Е. Запрет на обход закона в механизме правового регулирования: историко-правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 272–284. <https://doi.org/10.17223/15617793/474/30>
14. Липень С. В. Прогностическая методология в юридических исследованиях // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 5–13. <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.8.1>
15. Подшивалов Т. П. Запрет обхода закона в российском гражданском законодательстве и судебной практике // Вестник гражданского права. 2015. Т. 15, № 2. С. 87–115.
16. Крусс В. И. Конституционная презумпция добросовестности и проблемы ее отраслевой «конкретизации» // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 276–289.
17. Балашов А. Н. О проявлении добросовестности в административном судопроизводстве // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 3. С. 5–9.
18. Кулик Н. В., Ким А. Д. К вопросу о принципе добросовестности в уголовном процессе // КриминалистЪ. 2023. № 4 (45). С. 66–72.

²⁶ Информация Федеральной таможенной службы от 27 мая 2017 г. «Обзор судебной практики по вопросам применения судами положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. № 18 „О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства”» // «ГАРАНТ.РУ» : [сетевое издание]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71608772/> (дата обращения: 04.05.2025).

²⁷ Захарова О. Е. Обход закона как форма злоупотребления правом по российскому и германскому гражданскому законодательству : сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021. С. 23.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья
УДК 342.3

Муниципальная власть и технологический суверенитет: некоторые грани пересечения и взаимодействия

Олег Александрович Кожевников, доктор юридических наук, профессор

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева
Екатеринбург (620137, ул. Комсомольская, д. 21), Российская Федерация
Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург (620144, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45), Российская Федерация
jktu1976@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1371-7249>

Аннотация:

Введение. Сверхинтенсивное развитие российского законодательства, обусловленное наличием многочисленных внешних и внутренних угроз суверенному народу нашей страны, все чаще открывают перед исследователями новые горизонты приложения научной мысли. Одним из направлений бурного развития юридической доктрины становятся вопросы правового обеспечения «технологического суверенитета». Президент РФ в своих выступлениях неоднократно подчеркивал настоятельную необходимость осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития государства путем развития научных исследований и разработок в приоритетных областях научно-технологического развития. На основе анализа действующего законодательства, регламентирующего правоотношения в области технологического суверенитета и новейшего законодательства о местном самоуправлении сделана попытка оценить степень вовлеченности муниципальных властей в обеспечение государственной политики достижения технологического суверенитета.

Методы. В работе применялся комплекс методов, которые выработаны и апробированы конституционно-правовой, муниципально-правовой наукой, а также общей теорией государства и права. В ходе исследования использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический подход и иные общепринятые в юридической доктрине способы познания.

Результаты. По итогам исследования делается вывод о наличии у федеральных властей остаточного подхода по привлечению органов местного самоуправления к реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Автор полагает, что такой подход существенным образом принижает роль муниципальной власти в создании передовой инфраструктуры, научных исследований и разработок, поощрения инновационной деятельности, развития полноценных условий для научных и научно-образовательных центров в муниципальных образованиях, формирования целостной системы подготовки и профессионального роста кадров и т. д. Предлагается скорректировать подход федеральных властей для углубления и расширения возможностей участия муниципальных властей в механизмах обеспечения государственной политики достижения технологического суверенитета в РФ.

Ключевые слова:

глава государства, государственная политика, муниципальная власть, суверенитет, технологический суверенитет, полномочия органов местного самоуправления, комфортная среда

Для цитирования:

Кожевников О. А. Муниципальная власть и технологический суверенитет: некоторые грани пересечения и взаимодействия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 59–64.

Статья поступила в редакцию 13.05.2025;
одобрена после рецензирования 09.07.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Municipal government and technological sovereignty: some facets of intersection and interaction

Oleg A. Kozhevnikov, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolskaya str., Yekaterinburg, 620137, Russian Federation
Ural State University of Economics
62/45, 8 Marta / Narodnoy Voli str., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation
jktu1976@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1371-7249>

Abstract:

Introduction. The super-intensive development of Russian legislation, due to the presence of numerous external and internal threats to the sovereign people of our country, is increasingly opening up new horizons for researchers to apply scientific thought. Issues of legal support for "technological sovereignty" are becoming one of the areas of rapid development of legal doctrine. In his speeches, the President of the Russian Federation has repeatedly stressed the urgent need for breakthrough in the sphere of scientific, technological and socio-economic growth of the state due to the development of scientific research and its priority areas of science and technology. Based on the analysis of the current legislation regulating legal relations in the field of technological sovereignty and the latest legislation on local self-government, an attempt has been made to assess the degree of the involvement of municipal authorities in ensuring the state policy to achieve technological sovereignty.

Methods. The work used a set of methods that have been developed and tested by constitutional law, municipal law science, as well as the general theory of state and law. The research used methods of analysis and synthesis, induction and deduction, a dialectical approach and other methods of cognition generally accepted in legal doctrine.

Results. Based on the results of the study, it is concluded that the federal authorities have a residual approach to involving local governments in the implementation of the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation. The author believes that such approach significantly belittles the role of municipal authorities in creating advanced infrastructure, scientific research and development, encouraging innovation, developing full-fledged conditions for scientific and scientific educational centers in municipalities, forming an integrated system of training and professional growth, etc. It is proposed to adjust the approach of the federal authorities in order to deepen and expand the opportunities for municipal authorities to participate in the mechanisms for ensuring state policy to achieve technological sovereignty in the Russian Federation.

Keywords:

head of state, state policy, municipal government, sovereignty, technological sovereignty, powers of local governments, comfortable environment

For citation:

Kozhevnikov O. A. Municipal Power and Technological Sovereignty: Some Facets of Intersection and Interaction // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. No. 3 (107). P. 59–64.

The article was submitted May 13, 2025;
approved after reviewing July 9, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Категория «суверенитет» имеет давнюю историю в рамках не только российской, но и зарубежной правовой науки. Начинаясь в различных концепциях естественного права, понятие «суверенитет» сегодня стало неотъемлемой характеристикой государства, более того, одним из фундаментальных ориентиров развития как государственной политики, так и механизмов взаимодействия между субъектами, участвующими в формировании суверенных основ государства. Вместе с тем в последнее время на фоне динамичного и порой хаотичного развития законодательства заметна очевидная тенденция существенного изменения подходов к содержанию категории «суверенитет», в результате чего первоначальный (базовый) смысл этой категории не только существенно видоизменяется, но порой и вовсе приобретает иной смысл и содержание.

Длительное время, говоря о суверенитете (от фр. *souverainete* – господство, владычество)¹, многие исследователи права воспринимали эту категорию исключительно в контексте главенства и суверенитета власти [1; 2]. На данной основе в теории российского права, конституционно-правовой науке были выработаны и обоснованы в качестве разновидностей суверенитета государственный суверенитет, национальный суверенитет и, наконец, народный суверенитет.

¹ Суверенитет государственный // Большая советская энциклопедия / гл. редактор А. М. Прохоров. 3-е изд. Москва : Советская энциклопедия, 1976. Т. 25. С. 26.

Однако буквально в последние 3–5 лет развития отечественной государственности стали стремительно множиться и другие словосочетания с упоминанием «суверенитета», однако при этом связь с названными выше общепринятыми в российской правовой доктрине разновидностями суверенитета сохраняется лишь формально. Как пример можно привести такое часто встречающееся словосочетание, как «технологический суверенитет».

Методы

В работе использован комплекс методов, выработанных и апробированных конституционно-правовой, муниципально-правовой наукой, а также общей теорией государства и права. В ходе исследования использовались методы анализа и синтеза – при рассмотрении категории «суверенитет», его видов и отличительных признаков; метод индукции и дедукции – при анализе нормативного закрепления в российском праве категории «технологический суверенитет»; диалектический подход – при выявлении места и роли местного самоуправления в механизме реализации технологического суверенитета на современном этапе его формирования, а также иные общепринятые в юридической доктрине способы познания.

Результаты

Первое, что мы замечаем, когда слышим из уст государственных деятелей, видим в публикациях в средствах массовой информации упоминание о технологическом суверенитете, – это отсутствие единства в понимании содержания и сущности этого термина. Технологический суверенитет каждый автор интерпретирует по-своему: в зависимости от целей, стратегий, приоритетов и т. п. В одних случаях авторская трактовка «технологического суверенитета» лежит в плоскости обеспечения национальной безопасности страны, другие авторы привязывают рассматриваемую категорию к вопросам повышения конкурентоспособности национальной экономики, наконец, третьи утверждают, что технологический суверенитет является частью развития концепции национальной технологической автономии [3–6]. Представляется, что такой разброс мнений и понимания технологического суверенитета не способствует формированию истинной концепции при определении сущности и содержательных характеристик категории «технологический суверенитет» в рамках современной российской научной доктрины.

Поскольку категория «суверенитет» имеет несомненную связь с главенством и суверенитетом власти (а иначе пришлось бы игнорировать многие десятилетия и работы как отечественных, так и зарубежных правоведов), то разумно было бы рассчитывать, что власть на основе законодательного или подзаконного закрепления установит какую-либо юридическую опору для понимания категории «технологический суверенитет». Однако такой полноценной опоры, на наш взгляд, до сих пор нет.

Президент Российской Федерации в своем выступлении 17 июня 2022 г. в Санкт-Петербурге связал достижение настоящего технологического суверенитета с созданием целостной системы экономического развития, которая по критически важным составляющим не зависит от иностранных институтов. Для этого, как полагает глава государства, необходимо выстраивание всех сфер современного российского общества и государства на качественно новом технологическом уровне, используя при этом не чужие решения, а собственные технологические ключи для создания товаров и услуг будущих поколений².

Определяя приоритетные направления технологического суверенитета, вице-премьер Российской Федерации Дмитрий Чернышенко уже 2023 году пояснил, что под технологическим суверенитетом в Правительстве Российской Федерации подразумевают возможность воспользоваться технологией по своему усмотрению, обладание интеллектуальными правами на нее и принятие решений о масштабировании внутри страны или за ее пределами³. При этом он же на заседании Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре 13 февраля 2023 года поддержал инициативу сенаторов законодательно закрепить понятие «технологический суверенитет», чтобы этот термин имел четкое значение в каждой сфере⁴. Увы, до настоящего

² Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения: 06.05.2025).

³ В России определили приоритетные направления технологического суверенитета // СенатИнформ : сетевое издание. URL: https://senatinform.ru/news/v_rossii_opredelili_prioritetnye_napravleniya_tekhnologicheskogo_suvereniteta/www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.05.2025).

⁴ Вице-премьер Чернышенко поддержал предложение сенаторов закрепить в законе понятие «технологический суверенитет» // Там же. URL: https://senatinform.ru/news/vitse_premier_chernyshenko_podderzhal_predlozhenie_senatorov_zakrepit_v_zakone_ponyatie_tekhnologicheskogo_suvereniteta (дата обращения: 06.05.2025).

времени названная инициатива так и не нашла воплощения в законодательном акте. Единственный более-менее четкий ориентир в понимании технологического суверенитета приведен в Указе Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»⁵ и распоряжении Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года»⁶. При внимательном ознакомлении с этими документами нетрудно заметить, что даже на уровне высших федеральных органов государственной власти категория «технологический суверенитет» определяется по-разному, что, несомненно, говорит о дефектности правовой основы рассматриваемой категории.

20 марта 2025 года Президент Российской Федерации подписал Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»⁷ (далее – Закон № 33-ФЗ), который вызвал неоднозначную реакцию в профессиональном сообществе [7–9], но который, по мнению его разработчиков⁸, частично будет определять всю государственную политику в области местного самоуправления в обозримой перспективе.

Статья 32 Закона № 33-ФЗ определяет три группы полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, среди которых наиболее близко к категории «технологический суверенитет» подходит полномочие органов местного самоуправления, упомянутое в ч. 2 ст. 32 рассматриваемого Закона – оказание поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, осуществляемой на территории муниципального образования, принятие программ, организация и проведение мероприятий муниципального образования, направленных на популяризацию науки. Однако возникает объективный вопрос: а способны ли органы местного самоуправления реализовать данное полномочие? И вопрос этот далеко не праздный. Дело в том, что Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145⁹ упоминает о необходимости консолидации усилий органов публичной власти, научного и предпринимательского сообщества, институтов гражданского общества в создании благоприятных условий для применения достижений науки и технологий, обеспечения целостности и единства научно-технологического развития и т. д. Однако при детальном изучении данного правового документа можно сделать вывод о невозможности достижения такой консолидации и фактическом отстранении одного из уровней публичной власти – муниципальной – от реализации положений этого акта Президента Российской Федерации.

Так, в разделе V Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145, посвященной государственной политике в области научно-технологического развития, упоминание муниципальной власти присутствует единожды, и то в контексте необходимости согласованных действий со всеми субъектами научной, научно-технической и инновационной деятельности, задействованных в реализации государственной политики в области научно-технологического развития в соответствии с полномочиями каждого из участников вышеперечисленной деятельности. Глава VII Стратегии содержит упоминание о муниципальной власти лишь в контексте реализации отраслевых документов стратегического планирования, а также принятия муниципальных программ и иных муниципальных нормативных правовых актов, способствующих повышению эффективности реализации государственной политики в области научно-технологического развития. Ну и наконец, чтобы окончательно убедиться в фактическом отсутствии прямой

⁵ Технологический суверенитет – это способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства (О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2024. № 10. Ст. 1373).

⁶ Технологический суверенитет – это наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы (Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г. (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года») : распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ.РУ : [сетевое издание]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406831204/> (дата обращения: 11.05.2025)).

⁷ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

⁸ Вятчанин Н. Сенатор Клишас назвал главную идею нового закона о местном самоуправлении // Парламентская газета : [сайт]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/senator-klisshas-nazval-glavnuyu-ideyu-novogo-zakona-o-mestnom-samoupravleniya.html> (дата обращения: 11.05.2025) ; Куликов В., Панина Т. «Нет задачи всех стричь под одну гребенку». Павел Крашенинников – о новом законе о местном самоуправлении и доверии к чиновникам // Российская газета : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2025/04/21/vlasti-mesto.html> (дата обращения: 11.05.2025).

⁹ СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

вовлеченности органов местного самоуправления в вопросы реализации технологического суверенитета, следует обратить внимание на положения Глава VIII Стратегии, посвященная финансовому обеспечению реализации вышеуказанной Стратегии. В п. 55 данной главы в качестве финансового обеспечения реализации Стратегии предусматриваются средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации и внебюджетные источники, при этом уже в следующем п. 56 в числе бюджетных средств, которые могут быть направлены на финансовое обеспечение, отсутствует упоминание о местных бюджетах. Такой подход фактически исключает муниципальные бюджеты из числа источников финансового обеспечения реализации государственной политики в области научно-технологического развития. Возникает вопрос: а за счет чего муниципальные власти будут воплощать в жизнь и без того скудные полномочия по реализации государственной политики достижения технологического суверенитета в Российской Федерации?

3 заключение

Непродуманный, во многом остаточный по своей сущности подход к привлечению муниципальной власти в обеспечение технологического суверенитета уже давно стал характерной чертой государственной политики. На это неоднократно обращали внимание в своих публикациях многочисленные исследователи [7; 10–14], однако, как мы видим, до настоящего времени политика федерального центра не изменилась. С одной стороны, такой подход можно объяснить сложившимся у многих федеральных чиновников мнением о том, что местное самоуправление – это что-то очень близкое к населению к его повседневным нуждам (водоснабжение, дороги, бытовое обслуживание, детские сады, школы и т. п.), поэтому муниципальные власти хотя бы с этим справились, с другой стороны, очевидно, что именно от муниципальной власти зависит, насколько удобной и качественной окажется среда для развития научно-технической и инновационной деятельности, насколько комфортно будет работать и взаимодействовать в этой среде субъектам такой деятельности, и в конечном счете, насколько жизнеспособной окажется та или иная «локальная единица» общегосударственного технологического суверенитета. Несомненно, что специалисты, занятые в науке, образовании, производстве как первооснове достижения технологического суверенитета, одновременно являются жителями соответствующих муниципальных образований, чья жизнь связана не только с профессиональной деятельностью. Эти люди значительную часть своего времени проводят в пределах инфраструктуры муниципалитетов: микрорайонов или кварталов, посещают магазины, точки общепита, кинотеатры и иные развлекательные площадки, а многие дети, как потенциальный резерв будущего развития национального технологического суверенитета, посещают детские сады или школы, занимаются в творческих кружках, спортивных секциях и т. д. А все это чаще всего зона полномочий и ответственности муниципальной власти. Так можно ли достичь полноценного долговременного технологического суверенитета на уровне страны без полноценного развития комфортной среды для людей с удобным общественным транспортом, благоустроенными и безопасными общественными территориями, качественной социальной, образовательной и иной инфраструктуры? Думается, ответ очевиден. Тогда почему же до сих пор государственные власти фактически оставляют за бортом обеспечения технологического суверенитета десятки тысяч муниципалитетов, особенно с учетом чрезвычайной настойчивости федерального центра в формировании централизованной единой системы публичной власти [15–17]? Может быть, настало время посмотреть на местное самоуправление не только как на форму самоорганизации граждан, призванную решать вопросы непосредственного жизнеобеспечения населения, но и как на полноценного участника важнейших направлений государственной политики на современном этапе, в т. ч. и как полноправного субъекта реализации механизмов достижения технологического суверенитета, предусмотренного и в неоднократно упоминавшейся нами Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации.

Список источников

1. Гнедь А. Д. Глобализация и ее влияние на публично-правовое понятие и генезис государственного суверенитета // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12, № 3 (47). С. 35–43. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2024-12-3-4>
2. Кудрявцева Е. В., Филина Н. В. Понятие суверенитета в контексте современного государства / Актуальные проблемы современной экономики и общества : материалы XII международной научно-практической конференции, г. Омск, 14–15 мая 2024 г. : в 4 ч. Омск : Омский государственный университет путей сообщения, 2024. С. 220–226.
3. Лунёв А. Н. Технологический суверенитет России: стратегические ориентиры регионального развития / Теория и практика современной науки: взгляд молодежи : материалы III Всероссийской научно-практической конференции на английском языке, г. Санкт-Петербург, 30 ноября 2023 года. В 2 ч. Санкт-Петербург : Высшая школа технологии и энергетики, 2024. С. 144–147.
4. Потапова Е. В., Акбердина В. В. Технологический суверенитет: понятие, содержание и формы реализации // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2023. Т. 25, № 3. С. 5–16. <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2023.3.1>

5. Прищепа Ю. Н. Возникновение понятия технологического суверенитета // Закон и право. 2024. № 7. С. 65–70. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-7-65-70>
6. Сухарев О. С. Технологический суверенитет России: формирование на базе развития сектора «экономика знаний» // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 1. С. 47–64. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_1_47_64
7. Лаврентьев А. Р. Изменения в законодательстве о местном самоуправлении: резервы исчерпаны // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 455–459.
8. Леонов С. Н. Перспективы реформирования местного самоуправления в свете законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26, № 5. С. 24–38. <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.5.121.3>
9. Осипенко Д. А. Некоторые размышления о законопроекте «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2022. № 2. С. 13–17. <https://doi.org/10.18572/2072-4314-2022-2-13-17>
10. Глазунова И. В., Кожевников О. А. Наукоград как муниципальное образование: проблемы правового регулирования // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 4. С. 179–196. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(4\).179-196](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(4).179-196)
11. Калинин В. В. Наукограды Российской Федерации в механизме укрепления научного и технологического суверенитета / Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы : сборник докладов XXIV Международной научно-практической конференции и XXIV Международной научно-практической конференции юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в рамках XIII Московской юридической недели, г. Москва, 21–24 ноября 2023 г. : в 4 ч. Москва : Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. С. 50–52.
12. Кожевников О. А., Мочалов А. Н. К вопросу о роли местного самоуправления в научно-технологическом развитии России: нормативно-правовые аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2023. № 1. С. 89–101. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2023-1-89-101>
13. Кожевников О. А. Муниципальные образования в механизме реализации государственной научной и научно-технической политики: некоторые вопросы законодательной регламентации // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2023. № 1. С. 10–14. <https://doi.org/10.18572/2072-4314-2023-1-10-14>
14. Ларичев А. А., Кожевников О. А., Корсун К. И. Правовое регулирование технологий «умного города» в контексте решения вопросов местного значения на городских территориях // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 3. С. 56–77. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.3.56.77>
15. Гошуляк В. В. Единая система публичной власти в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 4. С. 7–12. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2024-4-7-12>
16. Умнова-Конюхова И. А. Конституционализация публичной власти в Российской Федерации: актуальные проблемы правопонимания и преодоления коллизий / Актуальные проблемы совершенствования системы публичной власти в Российской Федерации : сборник научных статей круглого стола, г. Москва, 10 декабря 2021 г. Москва : Российский государственный университет правосудия, 2024. С. 8–16.
17. Шульц А. Э. Единая система публичной власти. Вопрос о централизации и вызовы обществу // Закон и право. 2024. № 12. С. 133–137. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-12-133-137>

Научная статья
УДК 342

Конституционно-правовое измерение «культуры отмены» в условиях цифровизации

Виталий Евгеньевич Мушаков, кандидат юридических наук

Омская академия МВД России
Омск (644092, пр-т Комарова, д. 7), Российская Федерация
mushakov.2018@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0983-6985>

Аннотация:

Введение. В современных условиях глобализации информационного пространства, сгенерированного цифровыми технологиями, сетевые ресурсы повсеместно используются в качестве инструмента реализации «культуры отмены» (кэнселинга) как современной политико-культурной формы государственного либо общественного порицания физических и юридических лиц, направленного на бойкотирование и отказ от признания результатов их творческой деятельности. Кэнселинг, являясь внеправовым способом публичного ограничения конституционных прав и свобод личности, не находится под прямым запретом законодательства Российской Федерации. В связи с этим для приведения публично-правового законодательства Российской Федерации в соответствие с реалиями незаконного ограничения культурных прав и свобод граждан, автор ставит задачу теоретического осмысления феномена «культуры отмены», обращаясь к его конституционно-правовому, культурному, политическому и технологическому аспектам.

Методы. В ходе исследования использованы апробированные в рамках юридической науки общие методы исследования, формально-юридический и социологический методы, а также структурный и системный подходы.

Результаты. На основе проведенного исследования автором обосновываются теоретические положения о содержании понятия «культуры отмены», политико-идеологическом и частном уровнях применения кэнселинга, а также об особенностях влияния цифровых технологий на взаимодействие акторов и объектов воздействия «культуры отмены». Особое внимание уделяется конституционно-правовому положению личности, ставшей объектом воздействия рассматриваемого феномена. Обосновывается вывод об антиконституционности зарубежной и внутригосударственной практики «культуры отмены». Вынесены предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации о культуре в части, касающейся недопустимости распространения кэнселинга в целях принудительного исключения деятелей науки и культуры из российского и международного культурного пространства.

Ключевые слова:

культура отмены, кэнселинг, цифровизация, Конституция Российской Федерации, культурные права и свободы человека и гражданина, свобода творчества, право каждого на участие в культурной жизни, дискриминация граждан, культурная идентичность

Для цитирования:

Мушаков В. Е. Конституционно-правовое измерение «культуры отмены» в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 65–72.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025;
одобрена после рецензирования 09.07.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Constitutional and legal dimension of “culture of cancellation” in context of digitalization

Vitaly E. Mushakov, Cand. Sci. (Jurid.)

Omsk Academy of the MIA of Russia
7, Komarov ave., Omsk, 6440927, Russian Federation
mushakov.2018@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0983-6985>

Abstract:

Introduction. Under modern conditions of globalization of the information space generated by digital technologies, network resources are used everywhere as a tool for implementing the “culture of cancellation” (cancelling) as a modern political and cultural form of state or public censure of individuals and legal entities aimed at boycotting and refusing to recognize the results of their creative activity. Cancelling, being an extralegal way of public restricting the constitutional rights and personal freedom, is not directly prohibited by the legislation of the Russian Federation. In this regard, in order to bring the public law legislation of the Russian Federation in line with the realities of illegal restriction on cultural rights and freedoms of citizens, the author sets the task of theoretical understanding the phenomenon of “culture of cancelling”, appealing to its constitutional, legal, cultural, political and technological aspects.

Methods. During the study, approved methods within the bounds of legal science were used, including general methods of research, formal-legal and sociological methods, as well as structural and systematic approaches.

Results. Based on the conducted research, the author substantiates the theoretical propositions on the content of the concept of “culture of cancelling”, the political, ideological and private levels of the application of cancelling, as well as on the peculiarities of the influence of digital technologies on the interaction of actors and objects of the action of “culture of cancelling”. Special attention is paid to the constitutional and legal status of the individual who has become the object of influence of the phenomenon under consideration. The conclusion about the anti-constitutional foreign and domestic practice of “culture of cancelling” is substantiated. Proposals have been made to improve the legislation of the Russian Federation on culture in terms of the inadmissibility of the dissemination of cancelling in order to exclude forcibly the scientists and cultural figures from the Russian and international cultural space.

Keywords:

culture of cancelling, cancelling, digitalization, the Constitution of the Russian Federation, the cultural rights and freedoms of a person and citizen, freedom of creativity, the right of everyone to participate in cultural life, discrimination of citizens, cultural identity

For citation:

Mushakov V. E. Constitutional and legal dimension of “culture of cancelling” in context of digitalization // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. No. 3 (107). P. 65–72.

The article was submitted April 4, 2025;
approved after reviewing July 9, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Всестороннее проникновение достижений научно-технического прогресса в общественную жизнь изменило некогда традиционные формы межличностной коммуникации. Передовые цифровые технологии стали приоритетным способом придания публичности результатам интеллектуальной деятельности посредством их опубликования на открытых интернет-ресурсах, в мессенджерах и на иных площадках, опосредующих контент в информационной сети. Учитывая это, по-новому трактуются положения ст. 44 Конституции Российской Федерации¹: каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества (ч. 1); каждый имеет право на участие в культурной жизни (ч. 2). Современный цифровой аналог культурных взаимоотношений открывает для деятелей науки и искусства беспрецедентные возможности распространения результатов собственного творчества на широкую интернет-аудиторию.

При этом, учитывая процессы глобальной информатизации массмедиа, результат интеллектуальной деятельности может быть направлен на удовлетворение духовных, нравственных, развлекательных и иных потребностей граждан независимо от места их проживания, национальной, этнической, культурной принадлежности и других обстоятельств. Другими словами, в условиях цифровизации границы культурного пространства расширены, что способствует реализации культурных прав и свобод как деятелями науки и искусства, так и потребителями культурной продукции.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

Вместе с тем в настоящее время под сомнение поставлено традиционное рассмотрение сферы культурных ценностей вне идеологии и политики. Кэнселинг активно применяется на публично-властном (межгосударственном) уровне в качестве инструмента давления одного государства на другое для принятия (изменения) требуемого политического решения. Не случайно в рамках X Санкт-Петербургского международного форума объединенных культур (11–14 сентября 2024 г.) Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что культура должна и может существовать без грубого вмешательства, без так называемой «культуры отмены»². Действительно, недружественные Российской Федерации государства в лице их официальных представителей, крупных корпораций и лидеров общественного мнения используют механизмы информационного пространства для блокировки произведений литературы, науки и искусства по принципу гражданской, политической и идеологической принадлежности их авторов. Главным образом причиной кэнселинга выступает не только гражданство Российской Федерации, но и, в частности, гражданская позиция авторов по поддержке присоединения Республики Крым к Российской Федерации в 2014 году и проведения специальной военной операции с 2022 года.

Конституционная свобода творчества предполагает свободу распространения результатов творческой деятельности [1, с. 154]. Российское государство гарантирует, защищает и поощряет такую деятельность при условии, что она не ведет к пропаганде войны, насилия и жестокости, расовой, национальной, религиозной классовой и иной исключительности или нетерпимости, порнографии и т. п. [2, с. 27–28].

Однако вслед за реализацией антироссийских санкций в качестве «цепной реакции» преимущественно в западных странах участились отмены концертов российских музыкальных исполнителей, из театральных репертуаров исключаются произведения российских композиторов, сносятся памятники деятелей русской культуры, запрещаются печать и тиражирование произведений классиков и современников российской литературы, на международных кинофестивалях отказываются от показа российских кинолент, российские ученые отстраняются от работы на Большом адронном коллайдере в ЦЕРН (CERN – Европейская организация по ядерным исследованиям, Швейцария) и многое другое. Это означает, что причиной нарушения культурных прав и свобод являются политические мотивы, не связанные с нарушением деятелями науки и культуры законодательства Российской Федерации.

Более того, распространение кэнселинга как современной формы остракизма отнюдь не ограничивается политическим целеполаганием в рамках межгосударственных отношений. Кампании по прекращению поддержки публичных фигур и брендов юридических лиц в качестве социальной практики могут быть связаны с совершением последними поступков либо высказываниями, приведшими к общественному возмущению по иным поводам. Подобных фактов немало. Это, например, общественная травля британской писательницы Джоан Роулинг за трансфобию, обвинение дома моды “Balenciaga” в детской порнографии, отказ от профессионального сотрудничества с актером Дж. Деппом вследствие обвинений его в домашнем насилии со стороны бывшей супруги, разрыв рекламных контрактов и отказ от сотрудничества с телеведущей Р. П. Тодоренко вследствие оправдания ею домашнего насилия, массовая критика музыкального исполнителя М. Н. Бойко (известна под псевдонимом *Mia Boyka*) за осуждение «квадробера» во время концерта. В перечисленных случаях «культура отмены» применяется на частном уровне, т. е. со стороны общества, и в связи с этим отличается дезорганизованностью, стихийностью, хаотичностью, обезличенностью ее сторонников и, что важно отметить, в силу инициирования общественностью «снизу» не связана с государственным участием.

Принимая во внимание, что использование межгосударственной и общественной практики кэнселинга приводит к необоснованному ограничению культурных прав и свобод граждан, требуется обновленное конституционно-правовое исследование данного феномена и его законодательная регламентация.

Методы

Для применения к культурным правоотношениям законов формальной логики в настоящей работе использованы общие методы исследования – сравнения, описания, обобщения, анализа, контент-анализа, синтеза, экстраполяции и др. Кроме того, автором применен структурный подход для рассмотрения кэнселинга на двух уровнях: межгосударственном и частном. Системный подход использован при рассмотрении влияния цифровых технологий на нарушение культурных прав и свобод личности (на примере кэнселинга). Формально-юридический метод исследования использован для анализа юридических фактов и авторской интерпретации нормативных правовых актов. Социологический метод применен для оценки текущего состояния культурно-правового положения личности в цифровых условиях распространения практики кэнселинга.

² Пленарное заседание Форума объединенных культур // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75091> (дата обращения: 15.03.2025).

Результаты

Роль цифровых технологий в ограничении культурных прав и свобод посредством кэнселинга

В настоящее время ключевую роль в реализации публично-властной и общественной практики использования механизмов кэнселинга играют цифровые технологии. Активное применение информационно-телекоммуникационных технологий в повседневной жизни граждан позволило им свободно выражать мнения, транслировать их неограниченному кругу интернет-пользователей, обмениваться информацией любого характера. Обратной стороной сложно контролируемой свободы слова в интернете является возможность распространения анонимной, недостоверной, клеветнической и оскорбляющей честь и достоинство отдельной личности либо групп граждан информации.

По мнению автора, роль цифровых технологий в реализации культурной отмены отражается при их рассмотрении с позиции как акторов (инициаторов) отмены, так и ее объектов. Первые, будь то официальные представители государств или общественности, используют сетевые способы опубликования сведений, «отменяющих» личность в культурном пространстве, рассчитывая на их ускоренное донесение неограниченному кругу широкой интернет-аудитории. Кроме того, глобальная сеть «Интернет» позволяет найти единомышленников, разделяющих взгляды акторов «отмены», особенно по социальным, экономическим, политическим и идеологическим вопросам, вызывающим общественный резонанс. Не случайно поводом для «отмены» неоднократно выступали схожие темы, возникшие на почве защиты прав национальных, расовых и сексуальных меньшинств, харассмента, домашнего насилия в отношении женщин и др.

Эффективность реализации «культуры отмены» посредством цифровых технологий объясняется также рядом иных обстоятельств: ощущение анонимности и безнаказанности в интернете; упрощенное мышление среднестатистического интернет-пользователя, не склонного к критической оценке поступающей неverified информации и анализу различных источников; психологическая предрасположенность молодежи как наиболее активной части пользователей информационной сети, выраженная в виде их повышенной агрессии, импульсивности и эмоциональности. В этом интернет-аудитория условно сравнима с бессознательной толпой, где актор «культуры отмены» выступает ее руководителем и координатором, а виртуальное пространство – местом массового скопления граждан.

С позиции объекта «отмены» цифровые технологии следует рассматривать в двух аспектах. Во-первых, виртуальное пространство является местом безвозвратного распространения информации (по принципу «интернет помнит всё») и демонстрации поведения, которое может служить поводом для культурной отмены. Во-вторых, цифровые технологии используются для обратной связи по поводу государственного или общественного порицания за высказанные слова или совершенные поступки.

При этом У. Д. Хохлова отмечает, что, по мнению зарубежных и отечественных исследователей, «культура отмены» ущемляет базовые человеческие права, в т. ч. презумпцию невиновности [3, с. 193]. Действительно, особенностью феномена культурной «отмены» является то обстоятельство, что попытки публичного оправдания в виде извинений и объяснений воспринимаются как признание вины и только подогревают агрессию со стороны акторов «отмены» и интернет-аудитории. В условиях отсутствия равного диалога, состязательности сторон и презумпции невиновности оправдываемый заведомо находится в уязвимом положении. Следовательно, интернет-ресурсы являются малоэффективным способом защиты профессиональной репутации и восстановления общественной поддержки.

«Культура отмены» в социально-гуманитарном дискурсе

Полноценный публично-правовой анализ кэнселинга предопределяет необходимость обращения к научным социально-гуманитарным знаниям, посвященным данному вопросу. По замечанию И. И. Дубининой, «Культура отмены, как объект исследования, привлекает внимание многих ученых, представителей самых различных дисциплин» [4, с. 28]. Действительно, зарубежные и отечественные культурологи, политологи, историки, социологи, философы проводят исследования, прежде всего связанные с экспликацией социокультурного и политического содержания и последствий данного феномена.

Культурологи П. Г. Былевский и Е. П. Цацкина проводят аналогию между современной культурной отменой и архаичными формами притеснения личности – публичными экзекуциями, исполнениями смертных приговоров и телесных наказаний при большом скоплении людей, «остракизмом» античной Греции и преданием анафеме христианской церковью [5, с. 164]. Данное сравнение, конечно же, условно, однако оно позволяет сформулировать важный вывод: исторически изменяются формы притеснения граждан, неугодных публичной (религиозной) власти или общественности вследствие их поведения, отступающего от общепринятых норм

политического, нравственного, этического или правового характера. Если ранее притеснение доходило вплоть до лишения жизни объекта отмены, то в настоящее время гонения деятелей культуры и искусства направлены на лишение их доходов, исключение из профессионального сообщества и в ряде случаев предание их творчества забвению в рамках исторической памяти.

Культуролог Е. А. Мусалитина отмену российской культуры среди стран Запада связывает исключительно с политическими мотивами последних, выраженных в виде агрессии, русофобства и гибридной войны коллективного Запада, направленной на вытеснение русской культуры из европейского культурного пространства [6, с. 17–18].

Политологи Л. Р. Рустамова и А. К. Адрианов рассматривают культурную отмену в качестве инструмента межгосударственной политической борьбы: «Переименование картин, мероприятий, музеев, которые содержат историческую память о России и ее культурном вкладе, преследуют вполне конкретную цель: нивелировать, „затушевать“ вклад России в достижения мировой цивилизации, закрыть доступ гражданам западных стран к информации о культурной значимости России» [7, с. 45]. На наш взгляд, политическое обоснование культуры отмены является узким подходом к исследованию причинно-следственных связей данного феномена. Как показывает современная практика реализации кэнселинга, далеко не во всех случаях речь идет о геополитических и внутривнутриполитических мотивах инициаторов притеснений деятелей науки и искусства, о чем свидетельствуют примеры, упомянутые выше автором настоящего исследования.

В данном контексте заслуживает внимания отграничение действительной культуры отмены от антибрендинга, которое встречается в научной статье филологов Л. К. Салиевой, Э. А. Арутюновой–Ястребковой и А. Цеппи [8]. На их взгляд, культура отмены – это стихийная общественная инициатива снизу, тогда как антибрендинг представляет собой государственную стратегическую технологию, направленную на дискредитацию имиджа другого государства в культурном пространстве посредством «мягкой силы» [8, с. 49].

Ю. М. Вертий предлагает оригинальное трехуровневое понимание культуры отмены – на уровне личности, бренда и, собственно, культуры. На уровне личности цель культуры отмены заключается в том, чтобы повлиять на человека, заставив его поступать так, как удобнее другим людям; на уровне брендов – в том, чтобы осудить их за некорректное поведение на рынке или неудачные высказывания; на уровне культуры – в том, чтобы полностью стереть из истории объект отмены [9, с. 67–68]. В то же время попытки западных государств отменить русскую культуру он не относит к исследуемому феномену, а воспринимает как «деструктивную технологию, направленную на разрыв или, по крайней мере, на усложнение коммуникаций стран Запада с Россией» [9, с. 68].

Философ О. В. Котунова ограничивается рассмотрением культуры отмены с позиции социальной практики, трактуя ее как современную форму протеста и один из радикальных способов морального регулирования, когда объект отмены (человек, группа людей, организация или бренд) подвергается активному осуждению за поступки или взгляды, оцененные группой активистов как недопустимые [10, с. 190].

Учеными-юристами ожидаемо отстаивается скептическая позиция относительно «культуры отмены» как внеправового инструмента регулирования общественных отношений. Так, В. А. Виноградов называет ее «монстрической внеправовой конструкцией» [11, с. 18], которая «подменяет собой право, пытаясь привлечь к ответственности минувя правовые механизмы» и «опирается на шаткий фундамент ничем не регламентированного мнения толпы, а также слухов и домыслов» [11, с. 19]. К. Э. Лисица и В. А. Туркулец признают кэнселинг «крайне негуманным, несправедливым и неадекватным способом призвать к ответственности за деяния, зачастую даже не являющиеся правонарушением» [12, с. 109].

Е. И. Дискин утверждает, что массовое прекращение доступа российских граждан к программному обеспечению и цифровым продуктам влияет на уровень их заработка, выполнение трудовых функций и связь с родными и близкими за рубежом и приравняет данные процессы к культурной отмене в цифровом пространстве [13, с. 41]. Е. М. Подрабинок приходит к обоснованному выводу, что «культура отмены» имеет гражданско-правовые последствия в виде причинения морального вреда и умаления человеческого достоинства личности [14, с. 272].

В то же время конституционно-правовой наукой феномен «культуры отмены» по большей части теоретически не осмыслен, что, безусловно, в связи с нарушением культурных прав и свобод граждан, охраняемых Основным законом, является существенным упущением.

Конституционное-правовое измерение «культуры отмены»

Оценка юридической наукой определенного социально-правового явления в первую очередь осуществляется на предмет его соответствия либо противоречия Конституции Российской Федерации как нормативному правовому акту, имеющему высшую юридическую силу и составляющему основу правовой системы государства. Конституционно-правовой основой недопущения распространения в цифровом пространстве «культуры отмены» выступает ряд конституционных положений, требующих в данной части системного истолкования. Так, из анализа ранее упомянутых положений ч. 1 и 2 ст. 44 Конституции Российской Федерации о свободе творчества и праве каждого (курсив автора) на участие в культурной жизни следует, что авторы

произведений независимо от гражданства (подданства), взглядов и убеждений имеют гарантированную Основным законом возможность их создавать, передавать и распространять как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами, в т. ч. с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Другими словами, рассматриваемые правомочия носят экстерриториальный характер, поскольку культурное пространство имеет общемировой статус и в условиях цифровизации за редкими исключениями не ограничено.

В ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации³ государство гарантирует всеобщее равенство прав и свобод независимо от обстоятельств, круг которых не является исчерпывающим: расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, убеждений и др. Применительно к феномену «культуры отмены» положение ч. 2 ст. 19 подлежит расширительному толкованию. Ученые, писатели, композиторы, музыкальные исполнители и иные представители науки, культуры и искусства независимо от их политических, идеологических, религиозных и иных убеждений имеют равный набор культурных прав и свобод с теми субъектами, которые занимают иные позиции по тому или иному вопросу, служащему поводом для государственного или общественного порицания. Ограничение свободы их творчества за рубежом – пример умаления их культурных прав и, как результат, дискриминации личности. Подтверждением тому является нормативное предписание ч. 1 ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах⁴, которое гласит, что участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на участие в культурной жизни, а также пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является. К настоящему моменту данный Пакт как международно-правовой акт универсального характера ратифицирован более чем 170 государствами-участниками Организации Объединенных Наций, к числу которых в т. ч. относятся европейские страны. По этой причине факты «отмены» публичного лица, бренда и даже государства в мировом культурном пространстве, слагаемом из общепринятых межгосударственных норм и правил в соответствующей сфере, является нарушением прав и свобод объектов «отмены».

В соответствии с ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации недопустимы пропаганда или агитация, направленные на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды. Механизм общественного либо государственного порицания гражданской позиции отдельных авторов, приведенный в действие посредством общедоступных ресурсов в сети «Интернет», априори направлен на возбуждение ненависти и вражды в отношении определенного лица (определенных лиц) и рассчитан на поддержку со стороны неограниченной аудитории интернет-пользователей, занимающих аналогичную позицию.

Объект «отмены», в частности, публичная личность или представители известных компаний, вынуждено несет имиджевые и репутационные риски, финансовые потери (отмена выступлений артистов, выставок художников, снятие со съемок актеров, отказ в выдаче прокатного удостоверения фильмов и т. п.), получает моральные и нравственные страдания, что в совокупности оказывает на него давление, принуждающее к публичному отказу от ранее высказанного мнения. Следует учитывать, что целью распространения «культуры отмены» также является внутреннее переубеждение граждан, основанное на принуждении. В связи с этим прямым конституционным запретом «культуры отмены», на наш взгляд, следует считать конституционное положение ч. 3 ст. 29: «Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них»⁵.

Более того, государственное порицание за неосторожные высказывания, потоки негативных комментариев от пользователей социальных сетей за некорректные утверждения, противоречащие доминирующим общественным представлениям, свидетельствуют об ограничении свободы слова и цензуре за действия, которые в ряде случаев не противоречат действующему законодательству Российской Федерации. В частности, к числу табуированных тем относятся оправдание домашнего насилия, харассмента или оскорбление представителей молодежных субкультур (так называемых «анимешников», «квадроберов» и т. п.). Культура отмены не должна становиться цензурой в обществе [15, с. 197].

В связи с попытками недружественных государств отменить российскую культуру конституционные поправки 2020 года⁶, затронувшие вопросы духовно-нравственных основ российского общества, представляются превентивным ответом. Так, нормы об исторической преемственности развития российского государства (ч. 2 ст. 67.1 Закона Российской Федерации от 14 марта

³ Российская газета. 2020. 4 июля.

⁴ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят Резолюцией 2200 Генеральной Ассамблеи ООН 16.12.1966) // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 15.03.2025).

⁵ Российская газета. 2020. 4 июля.

⁶ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2020. № 11. Ст. 1416.

2020 г. № 1-ФКЗ), о защите исторической правды (ч. 3 ст. 67.1), поддержке и охране культуры Российской Федерации как уникального наследия ее многонационального народа (ч. 4 ст. 68), защите и гарантировании государством культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации, сохранении этнокультурного и языкового многообразия (ч. 2 ст. 69), а также поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, в сохранении общероссийской культурной идентичности (ч. 3 ст. 69) выступают правовой основой культурной самобытности и идентичности русского народа, которые не требуют одобрения и принятия со стороны зарубежных государств. Напротив, своеобразие и выразительность русской культуры в общемировом культурном пространстве привлекательна для межкультурного взаимодействия с зарубежными партнерами, свободными от политизации рассматриваемой сферы. Традиционные ценности, самобытность культуры и вера в патриотизм представляются оплотом сопротивления западным антикультурным нарративам и способом усиления русского геополитического влияния посредством «мягкой силы». Тем самым конституционные основы самобытности в историческом аспекте и культурной идентичности русского народа противопоставляются зарубежной практике «культуры отмены».

Выявленная конституционно-правовая проблематика требует принятия решений прежде всего на законодательном уровне. Принимая во внимание, что распространение культурной отмены подрывает основы конституционного статуса личности, автор считает целесообразным сформулировать предложения, направленные на совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере культуры. Ключевым нормативным правовым актом в данной сфере выступают Основы законодательства Российской Федерации о культуре⁷, которые в условиях распространения кэнселинга требуют следующих изменений.

Во-первых, в целях понимания содержания «культуры отмены» необходимо раскрыть законодательную дефиницию данного понятия в ст. 3: «Культура отмены – политико-культурная форма государственного и (или) общественного порицания деятелей науки и искусства, направленного на отказ от признания и запрет на распространение законных результатов их творческой деятельности».

Во-вторых, необходимо законодательно запретить использование кэнселинга как способа нарушения культурных прав и свобод личности. Для этого предлагается внести изменения в ст. 10, дополнив ее абз. 4 следующего содержания: «Каждый имеет право на распространение результатов творческой деятельности, не нарушающих права, свободы и законные интересы иных лиц. Применение культуры отмены, в том числе посредством информационно-телекоммуникационных сетей, недопустимо и влечет наступление ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации».

В-третьих, необходимо расширить обязанности государства по обеспечению свобод всех субъектов культурной деятельности с учетом практики распространения «культуры отмены». В этой связи абз. 3 ст. 31 предлагается дополнить следующим положением: «Обязанностью органов публичной власти и их должностных лиц является мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети „Интернет“, в целях выявления фактов применения культуры отмены в отношении физических лиц и представителей юридических лиц».

В-четвертых, в целях противодействия использованию кэнселинга в отношении русских деятелей науки и искусства в зарубежных государствах необходимо расширить обязанности Российской Федерации по сохранению отечественных культурных ценностей за пределами государственной территории. В связи с этим предлагается дополнить абз. 3 ст. 59 положением следующего содержания: «Государство разрабатывает и осуществляет меры по сохранению культурного наследия народов Российской Федерации, захоронений соотечественников, находящихся в зарубежных странах, а также по укреплению межгосударственного сотрудничества в области противодействия культуре отмены».

И наконец, в целях неотвратимости юридической ответственности за организацию и участие в культурной отмене деятелей науки и искусства необходимо внести изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях⁸, дополнив его гл. 5 «Административные правонарушения, посягающие на права граждан» ст. 5.70 «Нарушение требований законодательства в области культурных прав и свобод» следующего содержания: «Организация, участие или финансирование культуры отмены как формы государственного и (или) общественного порицания деятелей науки и искусства, направленного на отказ от признания и запрет на распространение законных результатов их творческой деятельности, – влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двадцати тысяч до трехсот тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица – от тридцати до четырехсот тысяч рублей; на должностных лиц – от пятидесяти до пятисот тысяч рублей; на юридических лиц – от одного миллиона до пяти миллионов рублей».

⁷ Основы законодательства Российской Федерации о культуре : Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. I). Ст. 32.

⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

3 заключение

На основании проведенного исследования автор под культурой отмены предлагает понимать политико-культурную форму государственного и (или) общественного порицания деятелей науки и искусства, направленного на отказ от признания и запрет на распространение законных результатов их творческой деятельности.

В современных условиях цифровизации практика культурной отмены представлена двумя уровнями: межгосударственным (политико-идеологический способ давления представителей одного государства на другое) и частным (выражение критической позиции общества относительно поступков и высказываний публичной фигуры или представителей юридического лица).

Негативным проявлением цифровизации является активное использование информационно-телекоммуникационных технологий в целях применения механизмов «культуры отмены» со стороны ее акторов и последователей. Информационно-телекоммуникационные технологии способствуют мгновенному, массовому, анонимному и обезличенному распространению информации, ограничивающей культурные права объекта «отмены» и порочащей его честь, достоинство и деловую репутацию.

Исходя из проведенного авторского толкования положений ч. 2 ст. 19, ч. 2 и 3 ст. 29 и ст. 44 Конституции Российской Федерации⁹, публично-правовая и социальная практики кэнселинга являются антиконституционными, поскольку направлены на умаление культурных прав и свобод ученых, писателей, композиторов и иных авторов результатов интеллектуальной деятельности. Духовно-нравственные основы Конституции Российской Федерации выступают идейной предпосылкой для отстаивания исторической самобытности и культурной идентичности российского народа в общемировом культурном пространстве и тем самым их противопоставления зарубежной «культуре отмены». Представленные в настоящей работе предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации направлены на обеспечение конституционно-правового статуса деятелей науки и искусства в части, связанной с актуальной межгосударственной и общественной практикой применения кэнселинга посредством информационно-телекоммуникационных технологий.

Список источников

1. Шутова В. Н. Свобода творчества в современной России: конституционно-правовой аспект / Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы VI Международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 8 декабря 2017 г. : в 2 т. / отв. ред. С. И. Суслова. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). 2018. Т. 1. С. 152–156.
2. Никишов А. Б. Право на свободу творчества в Российской Федерации : монография. Москва : Проспект, 2019. 64 с.
3. Хохлова У. Д. «Культура отмены» – принцип взаимодействия в современном интернет-пространстве / Цифровая педагогика: от дидактики к педагогическому дизайну : сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 31 марта – 1 апреля 2023 г. Екатеринбург : Издательство Уральского государственного университета, 2023. С. 96–107.
4. Дубинина И. И. Общетеоретические основы культуры отмены / Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире : материалы XVII международной научно-практической конференции, г. Волгоград, 7 февраля 2024 г. Волгоград : Издательство Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2024. С. 28–30.
5. Былевский П. Г., Цацкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2 (857). С. 162–169. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_2_857_162
6. Мусалитина Е. А. Повышение акцептации российской культуры в условиях эскалации культуры отмены // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2023. № 2 (66). С. 17–23.
7. Рустамова Л. Р., Адрианов А. К. «Культура отмены»: концептуализация понятия и его использование во внешней политике // Полис. Политические исследования. 2023. Т. 32, № 4. С. 37–53. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.04>
8. Салиева Л. К., Арутюнова-Ястребкова Э. В., Цепли А. «Отмена русской/российской культуры»: культура отмены или антибрендинг России? // Российская школа связей с общественностью. 2023. № 30. С. 44–72. <https://doi.org/10.24412/2949-2513-2023-30-44-72>
9. Вертий Ю. М. Понятия забвения и культуры отмены в контексте исследований памяти // Общество: философия, история, культура. 2024. № 9. С. 63–68. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.9.9>
10. Котунова О. В. Культура отмены в структуре мемориального дискурса новых медиа: критический анализ // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. Т. 6, № 1. С. 188–201. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i1.446>
11. Виноградов В. А. Анализ феномена «культура отмены» как инструмента регулирования общественных отношений // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 3. С. 17–30. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.026>
12. Лисица К. Э., Туркулец В. А. «Культура отмены» как форма проявления стигматизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 6. С. 107–110. <https://doi.org/10.23672/19940-2233-9740-s>
13. Дискун Е. И. Проблема «Цифровой отмены» граждан России // Труды по Интеллектуальной Собственности. 2024. Т. 50, № 3. С. 39–48. <https://doi.org/10.17323/tis.2024.22297>
14. Подрабинок Е. М. «Культура отмены» и достоинство личности // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 271–282.
15. Усенова М. Б. Свобода слова и культура отмены / Актуальные вопросы государства и права: проблемы и перспективы совершенствования : сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию академика С. З. Зиманова, г. Алматы, 30 марта 2021 г. Алматы : Центр оперативной печати, 2021. С. 195–198.

⁹ Российская газета. 2020. 4 июля.

Научная статья
УДК 342.5

Публичная власть и публичная служба: вопросы реформирования применительно к ротации служащих

Наталия Федоровна Попова, доктор юридических наук, профессор

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва (125167, Ленинградский пр-т, д. 49/2), Российская Федерация
nfpopova51@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5732-9064>

Аннотация:

Введение. Обращение к изучению аспектов ротации государственных служащих связано с необходимостью совершенствования института ротации служащих органов публичной власти путем устранения пробелов в правовом регулировании государственной службы, возникших вследствие конституционной реформы в Российской Федерации 2020 года.

Методы. Исследование основывалось на диалектическом подходе, в качестве основных применялись методы сравнительного правоведения и формально-логического анализа. Анализируются нормативные правовые акты, которые ввели категорию «публичная власть в Российской Федерации», новую административно-территориальную единицу в государственное устройство Российской Федерации в виде федеральной территории «Сириус», а также акты, регулирующие порядок прохождения государственной и муниципальной службы, в т. ч. и осуществление ротации служащих.

Результаты. Делаются выводы, что в Конституции Российской Федерации и федеральном законодательстве имеются различия в трактовке содержания дефиниции «публичная власть», 2) в законодательстве о федеральной территории «Сириус» не указано, какие органы местного самоуправления, создаются на этой территории; 3) институт ротации служащих урегулирован в отношении гражданских служащих (федеральных и субъектов Российской Федерации), в т. ч. и в отношении дипработников, а также сотрудников органов внутренних дел, органов принудительного исполнения, уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службы, которые находятся на госслужбе иных видов, однако отдельный федеральный закон о госслужбе иных видов до сих пор не принят; 4) в законодательных актах отсутствует регламентация ротации военнослужащих и муниципальных служащих.

Заключение. Сформулированы предложения по устранению высказанных замечаний.

Ключевые слова:

органы публичной власти, органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственная служба, муниципальная служба, ротация служащих, федеральные территории

Благодарности:

статья подготовлена при информационной поддержке Справочной правовой системы КонсультантПлюс.

Финансирование:

статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования:

Попова Н. Ф. Публичная власть и публичная служба: проблемы реформирования применительно к ротации служащих // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 73–78.

Статья поступила в редакцию 17.06.2025;
одобрена после рецензирования 03.09.2025;
принята к публикации 25.09.2025

Original article

Public authority and public service: reform issues relating to employees' rotation

Natalia F. Popova, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation
49/2, Leningradsky ave., Moscow, 125167, Russian Federation
nfpopova51@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5732-9064>

© Попова Н. Ф., 2025

Abstract:

Introduction. The focus on examining aspects of state employees' rotation is linked to the necessity of improving the mechanism for rotating public authority employees by eliminating deficiencies in the legal regulation of the state service resulted from the 2020 constitutional reform in the Russian Federation.

Methods. The research was based on a dialectical approach. The methods of comparative law and formal logical analysis were used as the main ones. The analysis concerns the regulatory legal acts having introduced the category of "public authority in the Russian Federation", a new administrative-territorial unit in the state structure of the Russian Federation in the form of the federal territory "Sirius", as well as the acts regulating the procedure for passing state and municipal service, including the rotation of employees.

Results. The author makes the following conclusions: 1) there are differences in the content interpretation of the "public authority" notion in the Constitution of the Russian Federation and federal legislation; 2) the legislation on the federal territory "Sirius" does not specify which local government bodies are to be established in this territory; 3) the mechanism for rotating employees is regulated with regard to civil employees (federal and constituent entities of the Russian Federation), including diplomatic staff, as well as employees of internal affairs bodies, law enforcement agencies, the penal system, the federal fire service, who are in other types of public service, but a separate federal law on other types of public service has not yet been adopted; 4) there is no legal regulation of the rotation of military and municipal employees.

Conclusion. Proposals for solving the issues raised are made.

Keywords:

public authorities, state authorities, local government bodies, state service, municipal service, employees' rotation, federal territories

Acknowledgements:

The article is prepared with the informational support of the Legal Reference System "ConsultantPlus".

Funding:

The article is prepared based on the results of researches carried out using budget funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation:

Popova N. F. Public authority and public service: reform issues relating to employees' rotation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. No 3 (107). P. 73–78.

The article was submitted June 17, 2025;
approved after reviewing September 3, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Для формулирования новых подходов (предложений) по совершенствованию института ротации служащих органов публичной власти (далее – ОПВ) необходимо назвать органы, которые входят в систему ОПВ, а также определить категории и виды служащих, в отношении которых предусмотрена ротация. В федеративных государствах ОПВ создаются минимум на трех уровнях управления: федеральном, субъекта федерации и местном. Россия в этом плане не исключение. Кроме федеральных органов государственной власти (далее – ФОГВ), в регионах Российской Федерации создаются ОПВ субъектов Российской Федерации. На территориях субъектов Российской Федерации осуществляют свои полномочия территориальные органы федеральных органов исполнительной власти (далее – ФОИВ), действуют федеральные суды, также самостоятельно функционируют и органы местного самоуправления (далее – ОМСУ). Таким образом, содержание термина «публичная власть» не тождественно понятию «государственная власть». Оно более объемное и включает еще и муниципальную власть.

Методы

Исследование основывалось на диалектическом подходе, в качестве основных применялись методы сравнительного правоведения и формально-логического анализа. Анализируются нормативные правовые акты, которые ввели категорию «публичная власть в Российской Федерации», новую административно-территориальную единицу в государственное устройство Российской Федерации в виде федеральной территории «Сириус», а также акты, регулирующие порядок прохождения государственной и муниципальной службы, в т. ч. и осуществление ротации служащих.

Результаты

До 2020 года термин «публичная власть» отсутствовал в Конституции Российской Федерации¹ и федеральных законах. Данный термин появился в Конституции Российской Федерации после внесения в нее поправок. В Основном Законе указано, что в систему публичной власти входят органы государственной власти (далее – ОГВ) и ОМСУ. Они «осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

соответствующей территории». Данная тема вызывает широкое обсуждение в научных трудах. Высказываются различные точки зрения как на публичную власть в целом, так и на составляющие ее институты [1–5].

В то же время в федеральных законах от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»² и от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»³ (далее – Федеральный закон № 414-ФЗ) содержится расширенное понимание дефиниции «система публичной власти». В нее входят и «иные госорганы». Какие именно федеральные государственные органы относятся к ним, не определено. На уровне субъектов Российской Федерации ими являются «уполномоченный по правам человека (ребенка, коренных малочисленных народов, по защите прав предпринимателей)» с оговоркой, «если такие должности предусмотрены в конституции, уставе субъекта Российской Федерации», а также «избирательная комиссия субъекта Российской Федерации и региональный контрольно-счетный орган». Законодательно определено, что «в аппаратах ОГВ субъекта Российской Федерации осуществляется государственная гражданская служба (далее – ГГС) субъекта Российской Федерации». Систему ОГВ субъекта Российской Федерации составляют: законодательный орган субъекта Российской Федерации; высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации; высший исполнительный орган субъекта Российской Федерации; иные ОГВ субъекта Российской Федерации. Можно предположить, что к последним законодатель относит иные органы исполнительной власти (далее – ОИВ) субъекта Российской Федерации.

В Российской Федерации Федеральная государственная служба (далее – ФГС) предусмотрена в соответствующих аппаратах. Например, Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»⁴ в ст. 12 регламентирует деятельность аппарата палаты и указывает, что палата «состоит из инспекторов, которые являются федеральными государственными гражданскими служащими, и из иных сотрудников». Правовое регулирование ФГС в аппаратах ОИВ содержится во многих федеральных законах. Например, в федеральных законах: от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵, от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶, от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»⁷ и др.

В федеральных законах от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»⁸ и от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»⁹ также имеются нормы о прохождении ФГС сотрудниками названных ОГВ. Следует напомнить, что «члены Правительства, Генпрокурор Российской Федерации, Председатель Следственного комитета Российской Федерации»¹⁰ замещают государственные должности Российской Федерации.

Новацией конституционной реформы 2020 года в России явилось появление нового структурного элемента в области госустройства – федеральных территорий. Данная новелла стала предметом пристального изучения и обсуждения в научных статьях О. А. Ежуковой [6], С. С. Старикова [7], Д. В. Астраханцева [8], О. А. Кожевникова [9], Т. М. Алексеевой [10], А. В. Чуклина [11] и др. [12–14]. Новые территории создаются только в рамках определенных в Российской Федерации федеративных единиц, т. е. функционируют в границах субъектов Российской Федерации.

² О Государственном Совете Российской Федерации : Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.

³ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 25.07.2025) // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

⁴ О Счетной палате Российской Федерации : Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.

⁵ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020.

⁶ О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // СЗ РФ. 2019. № 40. Ст. 5488.

⁷ О федеральной службе безопасности : Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

⁸ О Следственном комитете Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

⁹ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 03.02.2025) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.

¹⁰ О государственных должностях Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 14 ноября 2024 г. № 974 // СЗ РФ. 2024. № 47. Ст. 7101.

В настоящее время создана одна федеральная территория (далее – ФТ) «Сириус» «на территории г. Сочи с целью создания на базе олимпийской инфраструктуры инновационного образовательного кластера» [15, с. 37]. ФТ функционирует в соответствии с Федеральным законом от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории „Сириус“»¹¹ (далее – ФЗ о «Сириусе»). Названный Закон предусматривает в ч. 1 ст. 10 создание *системы органов* территории «Сириус», в которую входят: ОПВ; контрольно-счетная палата; территориальная избирательная комиссия; иные органы, которые могут создаваться на ФТ. Указано, что для последних не устанавливаются госдолжности и должности федеральной ГГС. К ОПВ ФТ относятся: «1) Совет ФТ; 2) администрация ФТ; 3) иные ОПВ, которые указаны в Уставе ФТ»¹².

Часть 4 статьи 10 ФЗ о «Сириусе» определяет, что в ОПВ ФТ устанавливаются должности федеральной государственной гражданской службы. Это значит, что лица, осуществляющие свою служебную профессиональную деятельность не только в аппаратах Совета и Администрации ФТ, но и в аппаратах контрольно-счетной палаты и территориальной избирательной комиссии ФТ «Сириус», являются федеральными государственными служащими. Указанное выше предписание вызвало необходимость внести соответствующие дополнения в Федеральный закон о системе государственной службы¹³ и Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹⁴ в части уточнения определений госслужбы и ГГС Российской Федерации. Они были дополнены положениями об осуществлении госслужбы в ОПВ, функционирующих на ФТ. Однако эти дополнения не учитывают предписания ФЗ о «Сириусе» о том, что государственная служба Российской Федерации осуществляется не только в ОПВ, но и в других органах этой территории. При рассмотрении вопросов госслужбы в органах ФТ важно сказать о статусе должностных лиц органов ФТ. Как отметил С. Н. Шевердяев, название территории определяет, что ее высшее руководство «относится к лицам, замещающим госдолжности Российской Федерации, а не госдолжности субъектов Российской Федерации» [12, с. 27]. Данное утверждение подтверждается Указом Президента Российской Федерации о государственных должностях Российской Федерации¹⁵. В соответствии с ним все члены Совета, Глава администрации, руководство и аудиторы контрольно-счетной палаты, руководство и секретарь территориальной избирательной комиссии территории «Сириус» замещают «госдолжности Российской Федерации».

Часть 2 статьи 2 ФЗ о «Сириусе» гласит, что на данной ФТ реализуется и местное самоуправление (далее – МСУ) в установленных формах (т. е. непосредственно или через ОМСУ), но не названы виды ОМСУ новой территории. Отмечается также, что МСУ осуществляется и через ОПВ: Совет и Администрацию ФТ. На них «возложены, в т. ч., и полномочия ОМСУ городского округа». Данная норма противоречит конституционному определению местного самоуправления в главе 8 Конституции Российской Федерации¹⁶, т. к. на территории «Сириус» право граждан на МСУ сводится к их участию в решении вопросов местного значения и выборам 9 из 17 членов представительного органа – Совета ФТ «Сириус». В статьях 12 и 14 ФЗ о «Сириусе» Совету ФТ предоставлено право назначать главу Администрации ФТ и согласовывать назначение его заместителей. В связи с этим Е. В. Гриценко справедливо замечает, что «в гибридном статусе ФТ „Сириус“ происходит смешение государственных и муниципальных задач» [15, с. 24].

Перейдем к муниципальной службе. Она осуществляется в ОМСУ. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», муниципальные акты определили «требования к должностям муниципальной службы, статус муниципального служащего, порядок осуществления муниципальной службы»¹⁷. Следовательно, в системе публичной власти осуществляется не только государственная служба Российской Федерации, но и муниципальная служба.

¹¹ О федеральной территории «Сириус»: Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8583.

¹² Там же.

¹³ О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

¹⁴ О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

¹⁵ СЗ РФ. 2024. № 47. Ст. 7101.

¹⁶ Российская газета. 2020. 4 июля.

¹⁷ О муниципальной службе в Российской Федерации: Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ (ред. от 30.09.2024) // СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.

3 заключение

Законодательство о публичной службе имеет ряд недостатков.

Во-первых, до сих пор не принят Федеральный закон о государственной службе иных видов, Президентом Российской Федерации не утверждены типовые перечни должностей этого вида государственной службы, не определено законодательно, в каких ФОГВ она предусмотрена. Поэтому следует принять отдельный Федеральный закон о государственной службе иных видов Российской Федерации по аналогии с Федеральным законом о государственной гражданской службе Российской Федерации¹⁸. В нем необходимо установить правовые, организационные и финансово-экономические основы государственной службы иных видов Российской Федерации, а также раскрыть порядок реализации института ротации во исполнение ч. 3 ст. 2 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»¹⁹. При этом необходимо взять за основу нормы о ротации Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁰.

Во-вторых, в законодательство о государственной службе Российской Федерации ввести дефиницию «государственной службы иных видов», под которой можно понимать вид федеральной государственной службы, «представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях государственной службы иных видов или не на указанных должностях в случаях и на условиях, установленных в законодательных и подзаконных актах, в войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах внутренних дел, органах федеральной фельдъегерской связи, органах принудительного исполнения, органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы, федеральной государственной противопожарной службе, таможенных органах, органах Следственного комитета Российской Федерации, органах прокуратуры». Таким гражданам присваиваются специальные звания полиции, или внутренней службы, или специальные звания таможенной службы, или специальные звания юстиции, или классные чины прокурорских работников.

В-третьих, федеральное законодательство содержит регламентацию института ротации в отношении федеральных государственных гражданских служащих, которые замещают должности руководителей «территориальных органов ФОИВ, осуществляющих контрольные и надзорные функции», в отношении дипломатических работников, а также федеральных госслужащих, осуществляющих федеральную государственную службу иных видов в органах внутренних дел, органах принудительного исполнения, уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службы.

В-четвертых, установлено, что ротация может применяться и к гражданским служащим на других должностях ФГГС. Предложения по ним предоставляют руководители ФОИВ.

В-пятых, в законах о государственной гражданской службе субъектов Российской Федерации и подзаконных актах высшего должностного лица субъектов Российской Федерации раскрыт порядок осуществления ротации в конкретном регионе. Ротация касается не только руководителей ОИВ субъектов Российской Федерации, но и руководителей их структурных подразделений (отделов, департаментов, управлений и т. п.), т. е. в пределах всех групп должностей категории «руководители», которые осуществляют надзорные (контрольные) полномочия.

В-шестых, институт ротации муниципальных служащих не урегулирован ни на федеральном, ни на региональном уровне. По данному вопросу принимаются только муниципальные акты ОМСУ. В них ротация применяется к категориям «руководители», «специалисты» и «обеспечивающие специалисты» высшей, главной, ведущей и старшей групп должностей, «предусмотренные штатным расписанием». Но в конкретных муниципалитетах эти категории и группы должностей разные. Ротация на практике применяется в крупных муниципальных образованиях – муниципальных районах и городских округах.

Список источников

1. Чиркин В. Е. Современные модели публичной власти // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 3. С. 42–63.
2. Иванов И. В. Принципы взаимодействия государственной и публичной власти в единой системе публичной власти Российской Федерации // Образование и право. 2023. № 7. С. 20–23.
3. Лебедев В. А. Публичная власть в субъектах РФ: понятие, принципы, система // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 31–36.

¹⁸ СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

¹⁹ СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

²⁰ СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020.

4. Михеева Т. Н. Законодательное обеспечение конституционных положений о публичной власти в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 11. С. 37–42.
5. Упоров И. В., Яблонский И. В. Признаки публичной власти // Общество и право. 2021. № 4 (78). С. 122–128.
6. Ежукова О. А. Территории с особым публично-правовым статусом как фактор федеративной политики России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 36–45.
7. Старилов С. С. Особенности организации исполнительной власти федеральной территории «Сириус» // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22, № 1. С. 53–59. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2022-1-53-59>
8. Астраханцев Д. В. Проблемы унификации конституционно-правового регулирования федеральных территорий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3 (43). С. 37–40.
9. Кожевников О. А. Законодательство о муниципальной и государственной гражданской службе через призму конституционных трансформаций // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2022. № 2. С. 16–20.
10. Алексеева Т. М. Отдельные аспекты деятельности публичной власти на федеральной территории // Мировой судья. 2022. № 1. С. 18–23.
11. Чуклин А. В. К вопросу об организации публичной власти на федеральной территории // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10. С. 11–14.
12. Шевердяев С. Н. Круг лиц, замещающих государственные должности субъектов РФ и муниципальные должности: к вопросу об актуализации антикоррупционного контроля в связи с конституционной реформой 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 26–34.
13. Чертков А. Н. Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 19–23.
14. Черняева В. А. Понятие и правовая природа публичной власти в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 4. С. 13–16. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2024-4-13-16>
15. Гриценко Е. В. Конституционная география России: как не заблудиться в лабиринтах особых режимов и статусов территорий? // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т.33, № 3 (160). С. 4–42. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2024-3-4-42>

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

CIVIL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 347.61/.64 + 347.2/.3

Внутренние противоречия содержания понятия «совместная собственность супругов» как отражение современного состояния семейного законодательства

Сергей Сергеевич Желонкин, кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург (191023, наб. канала Грибоедова, д. 30/32), Российская Федерация
spbumvd@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9761-2542>

Аннотация:

Введение. В современной юридической доктрине сохраняет свою актуальность дискуссия о соотношении правовых понятий «совместная собственность супругов» и «общее имущество супругов», которая вызвана отсутствием подходящей терминологии. Данная проблема приобрела особую значимость в свете более чем пятидесятилетнего закрепления в российском законодательстве понятия «совместная собственность супругов», вызывающего не только внешние противоречия между нормами гражданского и семейного законодательства, но и внутренние, подрывающие целостность конструкции общей совместной собственности, установленной Семейным кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ), что требует детального научного осмысления.

Методы. В ходе исследования были использованы общенаучные методы анализа, индукции и дедукции, толкования и систематизации исследуемых категорий, историко-правовой метод, а также метод обобщения.

Результаты исследования носят теоретико-прикладной характер и содержат выводы, о наличии противоречия между нормами семейного и гражданского законодательства в части определения объектов общей собственности, а также необходимости совершенствования терминологического аппарата, который служит не только основой для правотворческой и правоприменительной деятельности, но и инструментом для глубокого теоретического осмысления правовых явлений и процессов. Существующая терминологическая путаница в СК РФ создает внутренние противоречия в понятии «совместная собственность супругов», затрудняя защиту имущественных интересов супругов. Необходимо гармонизировать семейное законодательство, регулирующее имущественные отношения супругов, чтобы устранить эти противоречия и обеспечить четкое и однозначное понимание правовых норм.

Ключевые слова:

имущественные отношения, общая совместная собственность, вещи, объекты гражданского права, терминологический аппарат, семейное законодательство, имущественные права

Для цитирования:

Желонкин С. С. Внутренние противоречия содержания понятия «совместная собственность супругов» как отражение современного состояния семейного законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 79–85.

Статья поступила в редакцию 26.04.2025;
одобрена после рецензирования 07.07.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Internal contradictions in the concept of “matrimonial property” as the reflection of the current state of the Family legislation

Sergey Sergeevich Zhelonkin, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Saint Petersburg State University of Economics
30-32, Griboedov canal emb., Saint Petersburg, 191023, Russian Federation
spbumvd@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9761-2542>

Abstract:

Introduction. In contemporary legal doctrine, the discussion about the relationship between the concepts of “matrimonial property” and “the common property of spouses” continues to be significant due to the absence of clear and appropriate terminology. This issue has gained particular relevance, as the notion of “matrimonial property” has been a part of Russian legislation for over half a century. This has led not only to external contradictions between provisions of civil and family law but also to internal contradictions that weaken and undermine the integrity of the common property concept established by the Family Code of the Russian Federation. This issue requires thorough and detailed scientific analysis.

Methods. General scientific methods of analysis, induction, deduction, interpretation and systematisation of the categories, the historical-legal method and the method of generalisation are used in the study.

The results of the study are both theoretical and practical in nature. They reveal the existence of contradictions between the norms of family and civil law in terms of defining objects of common property, as well as the need to refine the terminological apparatus, which serves not only as the basis for law-making and law enforcement activities, but also as a tool for deep theoretical understanding of legal phenomena and processes. The existing terminological confusion in the Civil Code of the Russian Federation creates internal contradictions in the concept of “matrimonial property”, making it difficult to protect property interests of spouses. To resolve these contradictions and ensure a clear and non-ambiguous understanding of legal norms, it is essential to harmonise the Family legislation regulating the property relations of spouses.

Keywords:

property relations, matrimonial property, things, civil law objects, terminological apparatus, family law, property rights

For citation:

Zhelonkin S. S., Internal contradictions in the concept of “matrimonial property” as the reflection of the current state of the Family legislation // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 3 (107). P. 79–85.

The article was submitted April 26, 2025;
approved after reviewing July 7, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

В области юридической науки предприняты значительные усилия по исследованию отдельных институтов семейного права. Вместе с этим, как отмечает Н. А. Матвеева, «по мере накопления научных работ, имеющих практическое значение для деятельности законодательных и судебных органов, все больше возрастает потребность в теоретическом осмыслении институтов семейного права и разработке общенаучных понятий»¹.

В последнее время вырос интерес к исследованию проблем, связанных с правовыми понятиями и терминами [1–3] и др. Такое внимание к правовой терминологии, по мнению Н. Н. Вопленко и М. Л. Давыдовой, «отражает общее увеличение интереса к исследованиям в области языка права, законотворческой деятельности и юридической техники» [4, с. 65]. Указанная тенденция характерна и для отечественной науки семейного права.

Анализ научной и учебной юридической литературы позволил выявить достаточной большой перечень требований, предъявляемых к юридической терминологии (системность, ясность, обоснованность и т. д.) [5].

Важной особенностью правовой системы является взаимосвязанность всех правовых понятий, что обеспечивает формирование единой, целостной системы понятийно-категориального аппарата права. Такой аппарат служит не только основой для правотворческой и правоприменительной деятельности, но и инструментом для глубокого теоретического осмысления правовых явлений и процессов.

Исследование структуры и развития терминологического аппарата было проведено С. Ю. Головиной [6]. Несмотря на отраслевую направленность работы, которая была посвящена специфике

¹ Матвеева Н. А. Сравнительное брачное право России, Украины и Беларуси : учебное пособие. Москва : Юрлитинформ, 2008. С. 32.

трудового права, результаты, полученные автором, имеют междисциплинарный характер, позволяя интегративно исследовать терминологический аппарат с учетом потенциала других направлений юридической науки, например, науки семейного и гражданского права. На основе сформулированного С. Ю. Головиной отраслевого терминологического аппарата Н. Н. Вопленко и М. Л. Давыдова характеризуют понятийный аппарат права как «иерархически выстроенную, целостную информационную систему, включающую в себя логически связанные и структурно организованные правовые понятия, категории, термины и их определения» [4].

Современная доктрина семейного и гражданского права сталкивается с существенными теоретико-правовыми проблемами в сфере регулирования имущественных отношений супругов, что обусловлено прежде всего отсутствием законодательно закрепленной дефиниции категории «совместная собственность супругов». Данная категория, несмотря на ее многолетнее существование в российской правовой системе, продолжает вызывать серьезные научные дискуссии. Особо остро стоит вопрос о соотношении категорий «совместная собственность супругов» и «общее имущество супругов».

Методы

В ходе исследования были использованы общенаучные методы: а) *анализ и синтез* – позволили выявить структурные элементы понятий «совместная собственность супругов» и «общее имущество супругов», а также определить их взаимосвязь в системе семейного и гражданского права; б) *индукция и дедукция* – использовались для перехода от анализа частных случаев судебной практики и доктринальных позиций к формулированию общих выводов, а также для проверки соответствия теоретических конструкций действующему законодательству; в) *толкование правовых норм* – применялось для уяснения содержания ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации² (далее – СК РФ) и смежных положений гражданского законодательства, включая системное, историческое и логическое толкование; г) *систематизация исследуемых категорий* – способствовала выявлению противоречий между гражданско-правовым и семейно-правовым подходами к регулированию совместной собственности супругов.

Специальные юридические методы: а) *историко-правовой метод* – позволил проследить эволюцию понятий «общее имущество супругов» и «совместная собственность супругов» с момента их закрепления в Кодексе законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 года³ до современных положений СК РФ; б) *метод сравнительного правоведения* – использовался для сопоставления подходов к регулированию имущественных отношений супругов в советский и постсоветский периоды; в) *метод обобщения* – дал возможность сформулировать выводы о необходимости унификации терминологии и устранения коллизий между гражданским и семейным законодательством.

Результаты

Основная проблема в сфере правового регулирования имущественных отношений супругов долгое время сводилась к выбору релевантной терминологии. Вопрос выбора заключался в соотношении понятий «совместная собственность супругов» и «общее имущество супругов».

Как отмечает Т. И. Моисеева, «научные дискуссии по этому поводу возникли в середине прошлого века, после того как Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 года ввёл новое понятие – „общая совместная собственность супругов“, заменив использовавшееся ранее в Кодексе законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 года понятие „общее имущество супругов“» [7, с. 132].

Семейное законодательство Российской Федерации не содержит правовой дефиниции «совместная собственность супругов». М. Д. Локшина указывает, что «содержание понятия, его смысл в такой ситуации раскрывается, определяется в тексте, однако сама дефиниция отсутствует» [8]. Указанный термин – «совместная собственность супругов» – допустимо отнести к контекстуальным (неявным) определениям. В таких определениях содержание понятия прямо не раскрывается.

Н. А. Власенко отмечает, что «для контекстуальных определений их содержание может быть более или менее точно определено с помощью контекста нормы права или нормативного правового акта, в котором это понятие употребляется» [9].

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 1. Ст. 16.

³ Кодекс законов о браке, семье и опеке (утв. постановлением ВЦИК РСФСР от 19 ноября 1926 г.) (в ред. от 12.02.1968) // III сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета XII созыва. Москва : ВЦИК, 1926. С. 124–144. Утратил силу.

Историко-правовой анализ свидетельствует, что понятие совместной собственности было инкорпорировано в российскую правовую систему еще в советский период (ст. 20 Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 года⁴). Именно тогда законодателем был изменен ранее закрепленный в ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 года термин «общее имущество супругов» на термин «общая собственность супругов».

Между тем в научном сообществе превалировала идея о сохранении термина «общее имущество супругов». Отмечалось, что формулировка «общая собственность супругов» не в полной мере отражает специфику имущественных отношений между супругами. Так, М. О. Рейхель подчеркивал, что более корректно использовать именно термин «общее имущество», поскольку он охватывает не только объекты, находящиеся во владении супругов, но и иные вещные и обязательственные права [10, с. 119].

Несмотря на это, в последующем это понятие сохранило свою преимущество и в современном СК РФ (ст. 34). О. Н. Низамиева по этому поводу замечает следующее: «...в Семейном кодексе РФ понятия „совместная собственность супругов” и „общее имущество супругов” используются как синонимичные, взаимозаменяемые» [11, с. 16–17].

Несмотря на то, что СК РФ отождествляет указанные понятия (законодатель не проводит четкого разграничения между ними), проблема выбора юридической терминологии остается актуальной, поскольку в условиях перехода к рыночной экономике существенно изменилось содержательное наполнение имущественных отношений супругов.

Никола Буало-Депрео, французский поэт и критик, однажды сказал: «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает» [12, с. 12]. Четкость мышления напрямую связана с точностью используемых понятий. Когда в сознании человека хаотично перемешиваются мысли и слова, но отсутствует ясное понимание их смысла, это говорит о недостаточной ясности его мыслительного процесса. Выказывание Н. Буало-Депрео верно и в отношении законодателя, который в рамках законотворческого процесса принимает нормы, образующие важнейшие институты правовой системы, недостаточно четко понимая смысл юридической терминологии, создавая при этом ситуацию правовой неопределенности (противоречивости) в понятийно-категориальном аппарате.

Так, один из важнейших институтов российской правовой системы – институт общей совместной собственности не избежал проблем, связанных с терминологической путаницей, и как следствие, противоречивым содержанием понятия «совместная собственность супругов», закрепленного в ст. 34 СК РФ.

Какие категории объектов гражданского права, заключены в содержательной составляющей понятия «совместная собственность супругов»? Сегодня круг объектов гражданских прав расширяется прежде всего за счет появления новых видов объектов, подпадающих под понятие «иное имущество». Ярким примером тому являются изменения, внесенные в 2019 году в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации⁵ (далее – ГК РФ), и введение ст. 141.1 ГК РФ, посвященной цифровым правам, которые встали в один ряд с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами как видами имущественных прав, входящих в категорию «иное имущество».

В концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации отмечено, что «общая собственность является не особым экономическим отношением („формой”) собственности, а разновидностью существующих отношений собственности, представляя собой юридический вариант присвоенности конкретных материальных благ (вещей): не одним лицом, а несколькими лицами. ...общая собственность – правовой режим вещи (вещей), находящихся в собственности двух или более лиц» [13, с. 87].

Анализируя труды ведущих российских ученых, касающиеся природы вещных прав, и в первую очередь права собственности, Л. В. Щенникова приходит к выводу, что атрибутивным признаком этих прав является объект – «всегда индивидуально определенная вещь, имеющая материальную форму и полезные свойства для удовлетворения потребностей, при этом вещное право устанавливает принадлежность вещи и определяет возможности лица по отношению к ней, включая возможность непосредственного использования вещи путём собственных действий без привлечения помощи третьих лиц» [14, с. 369].

Общие правила о совместном имуществе супругов закреплены в ст. 34 СК РФ «Совместная собственность супругов». Вместе с тем следует заметить, что применение термина «собственность» с целью указания на титул, которым обладает супруг в отношении всех видов имущества,

⁴ Кодекс о браке и семье РСФСР : утв. Верховным Советом РСФСР 30 июля 1969 г. (ред. от 07.03.1995) // Свод законов РСФСР. Т. 2. С. 43. Утратил силу.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

является не вполне корректным и внутренне противоречивым. Ещё советские ученые отмечали, что «в состав общего имущества супругов может входить и другое имущество, так как перечень является открытым⁶, а понятие „имущество“, по существу, носит „собираательный характер”» [15, с. 172].

На современном этапе развития общественных отношений усложнение гражданского оборота приводит к тому, что в период брака супруги приобретают не только вещи, но и другие различные по своей природе объекты гражданского права (доли в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью; акции как бездокументарные ценные бумаги; денежные средства на счетах, являющиеся разновидностью имущественных прав; доли в праве собственности на вещи, а также исключительные права).

Перечисленные объекты не могут быть объектами вещных прав, а значит, применение к ним категории «общая совместная собственность» юридически неверно.

Объектом права общей собственности, как и любого другого права, может быть лишь индивидуально определенная вещь. Следовательно, под общим имуществом супругов следует понимать именно те вещи, которые принадлежат им, а не обязательственные права требования в виде банковских вкладов или акций⁷.

Название статьи 34 СК РФ – «Совместная собственность супругов» – порождает терминологическую путаницу, поскольку его формулировка значительно уже фактического содержания нормы. Это обстоятельство указывает на искажение правового понятия «совместная собственность», поскольку, являясь контекстуальным определением «совместная собственность супругов», кроме вещей, включает в свое содержание и различные по своей правовой природе объекты гражданского права, не относящиеся к категории вещей. При этом в других нормах главы 7 СК РФ «Законный режим имущества супругов» – ст. 35–39 законодатель оперирует понятием «общее имущество», которое по своему содержанию включает в себя не только вещи как объекты гражданского права, но и имущественные права и обязанности, т. е. имущество в широком смысле. Такой прием юридической техники, используемый законодателем, не поддается логическому объяснению.

Попробовать разрешить имеющееся противоречие, связанное с содержательным наполнением контекстного понятия «совместная собственность супругов» возможно через расширительное толкование видового понятия «собственность». Но видовой категорией в рамках понятия «общая собственность» является «долевая собственность», которая в качестве своих объектов предусматривает исключительно вещи [16].

В ситуации параллельного регулирования имущественных отношений, при которой тождественные по своей природе общественные отношения одновременно регулируются и нормами гражданского, и нормами семейного права, законодатель исказил содержание правового понятия «совместная собственность супругов», являющегося общеизвестным в доктрине и формирующим соответствующие разумные ожидания участников имущественных отношений, дав иное контекстуальное наполнение его содержания, объединив в нем различные по своей правовой природе объекты гражданского права.

Подобные действия законодателя привели к фиксации в СК РФ внутренне противоречивого понятия – «совместная собственность супругов», которое не совпадает по своему содержанию с понятием «общей собственности», закрепленной в ГК РФ. Такой подход противоречит общеправовому принципу, согласно которому институты, понятия и термины гражданского законодательства Российской Федерации, применяемые в семейном праве, сохраняют свое значение и объем, установленные в отрасли законодательства их происхождения. Данный принцип, являющийся основополагающим для правоприменительной практики, гарантирует единообразное толкование и применение правовых норм, обеспечивая стабильность и предсказуемость правового регулирования. Нарушение этого принципа может привести к коллизиям и неопределенности в правовом регулировании, подрывая основополагающие начала системности и непротиворечивости российского законодательства.

Более того, сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать как состоявшийся факт признания конструкции «право на право», чуждой российскому гражданскому законодательству, не допускающему распространения режима вещей на имущественные права. Такое положение дел (распространение режима вещных прав на все имущественные права) означает отход от классических канонов вещного права.

⁶ См. Белякова А. М., Ворожейкин Е. М. Советское семейное право : учебник / под ред. Грибанова В. П. Москва : Юридическая литература, 1974. С. 131.

⁷ Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права // Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / Ем В. С. [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стер. Москва : Статут, 2011. Т. I. 958 с.

Будучи частью системы законодательства, каждое понятие, пусть даже и контекстуальное, связано с другими законодательными понятиями. По этой причине ситуация, при которой в системе законодательства наличествуют схожие понятия с различным содержательным наполнением, является недопустимой. Основная задача правового понятия заключается в обеспечении единого подхода к интерпретации правовых норм не только конкретного нормативного акта, но и всей правовой системы в целом. Таким образом, в законодательстве каждое понятие должно иметь единственное и однозначное содержательное значение.

В контексте совершенствования правового регулирования имущественных отношений супругов представляется методологически обоснованным использование термина «общее имущество супругов» как наиболее соответствующего целям юридической техники. На данное обстоятельство многократно указывалось в научной литературе. Более того, в порядке реформирования семейного законодательства в части регулирования законного режима имущества супругов в 2019 году предлагалось дополнить название ст. 34 СК РФ указанием на общее имущество супругов. Таким образом термин «общее имущество супругов» непосредственно в законе должен был определяться как имущество в широком смысле слова, т. е. совокупность всех «активов» и «пассивов», «нажитых» супругами в браке. В заключении комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству на проект федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸ также указывалось на необходимость в трансформации категории «общая совместная собственность супругов», ранее в значительной мере оцениваемой исключительно как модель вещного правоотношения. Однако в принятом Федеральном законе от 14 июля 2022 г. № 310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹ указанные изменения отсутствуют.

3 заключение

Проведённый анализ позволяет констатировать, что институт совместной собственности супругов, закреплённый в российской правовой системе более полувека назад, в настоящее время содержит в себе существенные системные противоречия, требующие доктринального осмысления и законодательной корректировки.

Современное нормативное регулирование указанного института характеризуется: а) устойчивой межотраслевой коллизией между положениями гражданского и семейного законодательства; б) внутриотраслевыми противоречиями в рамках самого семейного права, подрывающими юридическую целостность конструкции общей совместной собственности; в) существенным затруднением защиты имущественных прав участников супружеских отношений.

Сложившаяся ситуация наглядно демонстрирует архаичность понятийного аппарата семейного законодательства, его очевидное несоответствие современным реалиям гражданского оборота и насущную необходимость концептуального пересмотра соответствующих правовых конструкций.

Перспективным направлением совершенствования законодательства видится разработка единой концепции имущественных отношений супругов, основанной на чётком нормативном определении ключевых понятий и устранении существующих межотраслевых и отраслевых противоречий в рамках конструкции общей совместной собственности.

Список источников

1. Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретические и практические проблемы использования : монография. Москва : Издательство СГУ, 2010. 259 с.
2. Пучков В. О. Понятийно-терминологический аппарат правоведения в цифровую эпоху: значимость, теория, методология // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 4 (34). С. 24–39.
3. Смолицкая Е. Е. Гражданско-правовые институты, понятия и термины в налоговом праве : монография. Москва : Проспект, 2018. 174 с.
4. Волпенко Н. Н., Давыдова М. Л. Правовые дефиниции в современном российском законодательстве // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. 2001. № 1. С. 64–71.
5. Толстик В. А. Требования, предъявляемые к юридической терминологии: формально-логическое и социокультурное обоснование // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 302–307.

⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части имущественных отношений супругов) : проект федерального закона № 835938-7 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») : [официальный сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 25.03.2025).

⁹ О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 310-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III). Ст. 5277.

6. Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права : монография. Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия, 1997. 180 с.
7. Моисеева Т. М. Совместная собственность супругов и (или) общее имущество супругов: анализ современного семейного и гражданского права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 131–136. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.78.5.131-136>
8. Локишина М. Д. ИмPLICITное (неявное) в законодательном тексте // Тезисы докладов на теоретической конференции аспирантов Института государства и права АН СССР. Москва : ИГПАН, 1988. С. 6–9.
9. Власенко Н. А. Язык права : монография. репр. изд. Москва : Норма, 2024. 176 с.
10. Рейхель М. О. Общеимущественные отношения супругов в советском праве // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 109–131.
11. Низамиева О. Н. Договорное регулирование имущественных отношений в семье : монография. Казань : Таглитат, 2005. 216 с.
12. Федоренко М. В. Мысли эффективно. Москва : Издательские решения, 2019. 240 с.
13. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.10.2009) / Вступ. статья А. Л. Маковского // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.
14. Щенникова Л. В. Понятие вещного права в аргументации российских цивилистов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 361–372. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2017-37-361-372>
15. Кулагина Е. В. Роль имущественных отношений в семье и правовые предпосылки их охраны // Право и защита семьи государством // Азарова Е. Г., Королев Ю. А., Кулагина Е. В., Литвинова Г. И. [и др.] ; отв. ред. В. П. Мозолин, В. А. Рясенцев. Москва : Наука, 1987. С. 46–56.
16. Желонкин С. С., Макарова О. А. Размытие доли в ООО: коллизийные вопросы семейных и корпоративных отношений // Философия права. 2024. № 2 (109). С. 91–98.

Научная статья

УДК 342.1

Проблемы и перспективы вещно-правового концепта доверительного управления имуществом

Екатерина Геннадьевна Семенова, доктор юридических наук, доцент

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва (117437, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация
e-g-semenova@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-0153-1055>

Аннотация:

Введение. Проблема надлежащего регулирования и допустимости существования различных моделей управления чужим имуществом в системе российского законодательства является дискуссионной, что обусловлено в т. ч. разным подходом к пониманию и использованию юридических понятий и механизмов. Целью исследования является переосмысление понимания конструкций доверительных (фидуциарных) отношений и управления чужим имуществом с целью определения основных правовых ориентиров вещно-правового концепта доверительного управления имуществом, учитывая перспективы расширения сферы управления имуществом и совершенствования механизма правового регулирования.

Методы. Исследование проводилось путем познания места института доверительного управления имуществом в статической и динамической проекции сквозь призму действующего законодательства и анализа актуальных исследований ученых с применением методологии, основанной на структурно-функциональном подходе.

Результаты. В сфере доверительного управления чужим имуществом целесообразно использование таких юридических инструментов, которые обеспечивают широкие возможности в регулировании отношений, основой которых являются фидуциарные связи. Непосредственно квалификация правоотношений сторон, которые фактически имеют место при управлении чужим имуществом как обязательства либо как вещного права обуславливается не самим фактом передачи имущества и управления им, а правовым принципом осуществления прав, который лежит в основе такой альтернативы.

Ключевые слова:

доверительное управление, право доверительного управления, договор доверительного управления имуществом, фидуциарные сделки, личные фонды

Для цитирования:

Семенова Е. Г. Проблемы и перспективы вещно-правового концепта доверительного управления имуществом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 86–91.

Статья поступила в редакцию 23.04.2025;
одобрена после рецензирования 01.07.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Problems and perspectives of the real-law concept of property trust management

Ekaterina G. Semenova, Doc. Sci. (Jurid.), Docent

Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation
e-g-semenova@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-0153-1055>

Abstract:

Introduction. The problem of proper regulation and admissibility of the existence of different models of management of other people's property in the system of Russian legislation is debatable, which is caused, among other things, by different approaches to understanding and using legal concepts and mechanisms. The purpose of the research is to rethink the understanding of the constructions of trust (fiduciary) relations and management of other people's property in order to determine the main legal guidelines of the concept of trust property management, taking into account the prospects of expanding the sphere of property management and improving the mechanism of legal regulation.

Methods. The research was conducted by cognizing the place of the institute of trust management of property in static and dynamic projection through the prism of the current legislation and analysing actual researches of scientists with the use of methodology based on structural-functional approach.

Keywords:

trust management, right of trust management, contract of trust management of property, fiduciary transactions, personal foundations

For citation:

Semenova E. G. Problems and perspectives of the real-law concept of property trust management // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 86–91.

Results. *In the sphere of trust management of other people's property it is expedient to use such legal instruments, which provide wide opportunities in regulation of relations, the basis of which are fiduciary ties. Directly qualification of legal relations of the parties, which actually take place at management of another's property as an obligation or as a proprietary right is conditioned not by the fact of transfer of property and its management, but by the legal principle of realisation of rights, which is the basis of such alternative.*

The article was submitted April 23, 2025;
approved after reviewing July 1, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Несмотря на повышенный интерес ученых и значительное количество проведенных научных исследований доверительного управления имуществом, проблема надлежащего регулирования и допустимости существования различных моделей управления чужим имуществом в системе российского законодательства остается дискуссионной, что обусловлено в т. ч. разным подходом к пониманию и использованию юридических понятий и механизмов.

В отечественной юридической доктрине, традиционно ограничиваясь дискуссиями относительно правовой природы доверительного управления и его соотношения с доверительной собственностью, трастом и фидуцией, зачастую отождествляются взаимосвязанные, но различные по своей сути понятия «доверительное управление» и «право доверительного управления». Учитывая, что на законодательном уровне получила закрепление обязательственная модель доверительного управления имуществом¹, в научных исследованиях отмечаются иные грани восприятия данного правового института (как вида права собственности, вещного права на чужое имущество, самостоятельного вещного права, производного от права собственности [1–3]), в т. ч. подчеркивается его дуалистичная природа (обязательственная с вещно-правовыми элементами) [4].

Наряду с указанным отмечается возникающая у многих владельцев имущества «экономическая потребность в передаче его во временное управление третьим лицам», которая, как справедливо полагает Е. А. Суханов, «...юридически может выражаться в различных гражданско-правовых формах, но не сводящихся к трасту, а появляющихся на исторической почве тех или иных национальных правопорядков» [5, с. 10]. А. О. Рыбалов в качестве возможного направления развития в данной сфере выделяет внедрение инструментов так называемой «транзитной собственности», когда имущество передается в собственность одному лицу с последующей его передачей другому лицу [6].

Следовательно, необходима детальная проработка проблематики и перспектив развития в российском праве вещно-правового концепта доверительного управления имуществом как «компенсации отсутствия интенсификации развития и усовершенствования инструментов обязательственного и корпоративного права» [7].

Методы

Следует подчеркнуть, что целесообразность использования конструкции доверительного управления в отечественном гражданском (в т. ч. вещном) праве учеными анализируется путем применения структурного метода (в статике). Современное состояние правовой регламентации доверительных отношений требует переосмысления концепта управления чужим имуществом с применением методологии, основанной на структурно-функциональном подходе. Использование указанного подхода в настоящей статье позволило не только акцентировать внимание на правовых явлениях (доверительном управлении чужим имуществом) и их месте в системе права, но и определить перспективы вещно-правового концепта доверительного управления имуществом.

Результаты

Развитие права показывает, что формирование законодательства, признание и инкорпорация отдельных правовых институтов отвечают не только требованиям соответствующей правовой системы, но и требованиям экономического оборота². В свое время отказ от монополии в экономической сфере, процессы приватизации обусловили поиск новых эффективных механизмов управления имуществом. Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 г. № 2296 «О доверительной собственности (трасте)»³, который впоследствии

¹ Глава 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 5. Ст. 410).

² В исследованиях отмечалось существование элементов доверительных конструкций в российской правовой системе при введении таких правовых институтов, как право хозяйственного ведения и право оперативного управления (См.: Ковалев С. И. Доверительное управление имуществом в зарубежном и российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1999. 17 с.)

³ О доверительной собственности (трасте) : Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 г. № 2296 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1994. № 1. Ст. 6. Утратил силу.

прекратил свое действие, были заложены концептуальные основы управления чужим имуществом без создания юридического лица. Указом устанавливалась специфическая конструкция, которая возникает на основании договора об учреждении траста⁴ (п. 2). Вместе с тем в пункте 4 устанавливалось, что «к праву доверительной собственности применяются правила о праве собственности», тем самым подчеркивался вещно-правовой характер конструкции доверительной собственности⁵.

Однако в результате длительных дискуссий относительно прямого заимствования иностранных конструкций (траста), на доктринальном уровне и в законодательстве все же восторжествовала обязательственная концепция доверительного управления имуществом, в определенной степени близкая к трасту, но имеющая иную правовую природу. Такой подход к решению проблемы правового регулирования управления имуществом обосновывался тем, что не требовал изменения основ правовой системы [8].

В то же время необходимость продолжения исследований доверительных отношений и возможности существования различных моделей правового регулирования управления чужим имуществом связана с рядом факторов.

С практической точки зрения назрела необходимость более подробной регламентации отношений управления чужим имуществом, как с целью повышения эффективности такого управления, так и во избежание возможных злоупотреблений в процессе его установления. Сегодня управление имуществом становится полноценным инструментом минимизации экономических рисков, особенно в условиях санкционного давления [9].

На доктринальном уровне вопросы востребованности правовых инструментов управления имуществом актуализировались в рамках обсуждения внесенных изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [10–12], текст которого был дополнен положениями о личных фондах (ст. 123.20–4–123.20–8 ГК РФ)⁶.

По своей сути конструкция личных фондов основывается на сочетании двух титулов – вещного права и управления имуществом. Соответственно, в юридической доктрине вопросу вещного титула личных фондов уделяется особое внимание. В частности, И. А. Емелькина, анализируя нормы статей 123.20–4, 123.20–5, 123.20–7 ГК РФ приходит к выводу, что право собственности личного фонда является весьма ограниченным (неполным) [9, с. 744]. В исследовании вещных прав наследственного фонда получила обоснование дуалистическая концепция, в соответствии с которой «в случае наделения учредителем наследственного фонда имуществом, не входящим в наследственную массу, фонд приобретает на него право собственности; в отношении имущества, входящего в наследственную массу, фонд приобретает вещное право, отличное от права собственности („право управления имуществом“)»⁷.

Опыт сравнительного правоведения в исследовании доверительного управления имуществом позволяет говорить о существовании за рубежом различных моделей управления имуществом. Широкое распространение получила конструкция английского траста, уникальность которой традиционно объясняется «расщеплением собственности», наличием прав на одно и то же имущество доверительного собственника и бенефициара по общему праву и праву справедливости [13–15]. С точки зрения структурно-функционального подхода основным признаком траста является распределение правомочий на имущество между несколькими лицами (распоряжение и управление имуществом за доверительным собственником, получение выгоды от имущества за бенефициаром / бенефициарами).

Функциональность трастоподобных конструкций позволяет рассуждать о возможностях их адаптации (применения отдельных элементов) к особенностям законодательства стран континентальной системы права. В качестве примера можно привести французское законодательство, где фидуциарная конструкция рассматривается как универсальный правовой инструмент, который предусматривает управление имуществом в пользу учредителя или доверительного собственника, а также обеспечение исполнения обязательств [16].

Ярким примером закрепления различных моделей доверительного управления является модельный закон «О доверительном управлении имуществом и трасте»⁸. В нем доверительное управление рассматривается как «правоотношение, установленное договором доверительного управления имуществом ... без перехода права собственности на передаваемое в доверительное управление имущество к доверительному управляющему, но с наделением его правомочиями

⁴ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1994. № 1. Ст. 6. Утратил силу.

⁵ Там же.

⁶ О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 287-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5115.

⁷ Никитин М. И. Наследственный фонд как некоммерческая унитарная организация : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. 31 с.

⁸ О модельном законе «О доверительном управлении имуществом и трасте» : постановление № 50-5 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств (принято в г. Санкт-Петербурге 22.11.2019) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2020. № 72 (ч. 2).

владения, пользования и распоряжения этим имуществом...»⁹ (п. 1 ст. 2). В свою очередь траст, несмотря на то, что также определяется посредством категории «правоотношение», рассматривается как субъективное гражданское право (право собственности) на обособленный имущественный комплекс (трастовый фонд)¹⁰ (п. 3 ст. 2).

Действующее гражданское законодательство хотя и содержит унифицированные положения о доверительном управлении имуществом (глава 53 ГК РФ¹¹), дополнительно устанавливает правила, определяющие порядок управления имуществом подопечного (ст. 37, 38 ГК РФ¹²), гражданина, находящегося под патронажем (ст. 41 ГК РФ), гражданина, признанного безвестно отсутствующим (ст. 43 ГК РФ), при управлении паевыми инвестиционными фондами (п. 4 ст. 1012 ГК РФ¹³), автомобильными дорогами общего пользования (п. 5 ст. 1012 ГК РФ).

Необходимо подчеркнуть, что в ст. 209 ГК РФ также закреплено, что собственник может передать свое имущество в доверительное управление другому лицу (доверительному управлению) с оговоркой о том, что это не влечет перехода права собственности. Однако присутствие в статье, раскрывающей содержание права собственности, положения о возможности передачи имущества в доверительное управление, позволяет ученым усомниться в том, что «вопрос о выборе доверительного управления как обязательственной конструкции и отказе от доверительной собственности как вещно-правовой можно считать окончательно решенным» [17].

В гражданском законодательстве среди основных положений о личном фонде закреплено осуществление организацией управления «переданным ей гражданином имуществом или унаследованным от этого гражданина имуществом, а также иным имуществом в соответствии с утвержденными им условиями управления» (п. 1 ст. 123.20-4 ГК РФ¹⁴). Предусмотрена обязанность личного фонда «действовать добросовестно или разумно в интересах личного фонда и (или) его выгодоприобретателей» (п. 4 ст. 123.20-4 ГК РФ). При этом установлено, что «имущество личного фонда принадлежит личному фонду на праве собственности» (п. 4 ст. 123.20-4 ГК РФ).

В свою очередь анализ содержания фидуциарных сделок помимо наличия собственно доверительных отношений сторон свидетельствует о наличии особого интереса со стороны фидуциария. Правовая природа фидуциарных отношений при установлении управления имуществом заключается в признании титула управляющего специфической формой господства над имуществом, переданным в управление, которая проявляется в «должной заботливости» о чужих интересах. В то же время конструкция личного фонда предусматривает возникновение права собственности на имущество у самого личного фонда, что нивелирует идею фидуциарного характера управления чужим имуществом.

Сложность восприятия доверительного управления чужим имуществом как универсальной (единой) конструкции обусловливается расхождением содержания внутренних отношений между сторонами, которые возникают в силу договора, с их внешними проявлениями, когда уполномоченное лицо осуществляет все правомочия собственника в отношении имущества, переданного в доверительное управление. Этому в определенной степени способствует и сам законодатель, добавляя к обязательственно-правовой по своей природе конструкции доверительного управления вещно-правовые элементы.

Так, доверительный управляющий наделяется правом требовать всякого устранения нарушения его прав (истребование имущества из чужого незаконного владения, от добросовестного приобретателя, а также не связанных с лишением владения) (п. 3 ст. 1020 ГК РФ¹⁵), что говорит об абсолютном характере защиты прав на имущество, находящееся в доверительном управлении. Кроме того, законом предусмотрена возможность обособления имущества, переданного в доверительное управление, на которое не допускается обращение взыскания по долгам (за исключением несостоятельности (банкротства) учредителя управления, что является отражением действия принципа, характерного для трастового регулирования (п. 2 ст. 1018 ГК РФ).

Наиболее четко вещно-правовой эффект при учреждении управления имуществом выражен в конструкции личного фонда. М. И. Никитин при определении вида вещного права наследственного фонда уточняет, что «такая конструкция отдаленно напоминает ограниченные вещные права (право оперативного управления и хозяйственного ведения)» и выделяет такие общие признаки с вещными правами на чужие вещи, как производность от права собственности, ограниченность по содержанию, абсолютный характер¹⁶. По мнению автора, «отсутствие

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹³ СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

¹⁴ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁵ СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

¹⁶ Никитин М. И. Указ. соч.

признака права следования не позволяет признать такое вещное право наследственного фонда ограниченным вещным правом»¹⁷.

Однако необходимо отметить, что это не признаки вещных прав, а принципы их осуществления, которые законодатель может применить и при регулировании иных имущественных прав. В настоящее время в части правового регулирования имущественных отношений указанные принципы применяются при регламентации арендных отношений.

Правовая природа вещных прав определяется возможностью господства над объектом, что обуславливает необходимость предоставления им абсолютной защиты. Указанное является определяющим фактором для прогнозирования дальнейших перспектив развития вещного права в условиях постоянного расширения сферы интересов участников гражданского оборота [18].

Правовой целью установления доверительного управления является не владение переданным в управление имуществом, а совершение определенных действий в отношении этого имущества для достижения экономически желаемых для субъектов результатов. При этом определяющим является осуществление управления имуществом в интересах учредителя управления (выгодоприобретателя) и установление контроля действий доверительного управляющего со стороны учредителя управления (п. 1 ст. 1012, п. 4 ст. 1020 ГК РФ¹⁸).

По мнению Е. А. Суханова, «главное, что характеризует правомочия собственника в российском гражданском праве – это возможность осуществлять их по своему усмотрению (п. 2 ст. 209 ГК РФ), то есть самому решать, что делать с принадлежащим имуществом, руководствуясь исключительно собственными интересами ... В этом-то и состоит существо юридической власти собственника над своей вещью»¹⁹. Именно необходимость руководствоваться чужим интересом при осуществлении управления имуществом лежит в основе позиции авторов, полагающих, что обладатель права не является одновременно его субъектом, имея при этом возможность осуществления этого права [1].

Необходимо подчеркнуть, что вещные права призваны способствовать стабильности и устоявшемуся развитию имущественных отношений. Сама система вещных прав должна отвечать реально существующим отношениям имущественного оборота и быть сбалансированной с иными субъективными (обязательственными) правами. В настоящее время запросам времени отвечает более устойчивая конструкция доверительного управления чужим имуществом.

3 заключение

Правовое регулирование управления имуществом устанавливается различными предусмотренными действующим законодательством конструкциями, среди которых договор доверительного управления имуществом, который предусматривает передачу имущества в управление доверительному управляющему без перехода права собственности и личные фонды, предусматривающие управление не чужим, а своим имуществом (имуществом фонда). Соответственно, говорить о системности и целостности регламентации отношений, которые складываются в данной области, преждевременно, поскольку в современных реалиях существует необходимость эффективного управления чужим имуществом. При таких обстоятельствах целесообразно использование таких инструментов, которые обеспечивают широкие возможности в регулировании сферы фидуциарных отношений.

Непосредственно квалификация отношений сторон, которые фактически возникают при управлении чужим имуществом, как обязательства либо как вещного права обуславливается не самим фактом передачи имущества и управления им, а правовым принципом осуществления права, который лежит в основе такой альтернативы.

Исходя из изложенного, в сфере доверительного управления чужим имуществом целесообразно говорить о возможности существования альтернативной (вещно-правовой) модели, предусматривающей абсолютную защиту в случае, если доверительный управляющий, действуя в интересах выгодоприобретателя и осуществляя правомочия по управлению имуществом, реализует свой интерес как сущность субъективного права. Под имущественным интересом в доверительном управлении имуществом необходимо понимать такую предпосылку возникновения субъективного права, которая основывается на категории «должной заботливости». С возникновением потребностей правоприменения и формирования единообразной судебной практики по удовлетворению такого интереса будет определена необходимость, а следовательно, и возможность нормативного закрепления права доверительного управления имуществом как вещного права на чужое имущество.

¹⁷ Там же.

¹⁸ СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

¹⁹ Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права // Гражданское право : учебник : в 4 т. / Ем В. С. [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд. перераб и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2006. Т. 2. С. 31.

Список источников

1. Ананьев А. Г. Вопросы правовой сущности отношений по доверительному управлению имуществом // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 86–97. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2021-3-86-97>
2. Беневоленская З. Э. О перспективах права доверительной собственности в России с позиции проектов изменений // Предпринимательское право. 2012. № 1 (300). С. 57–76.
3. Пьяных Е. С. Место договора доверительного управления имуществом в системе гражданско-правовых обязательств // Юрист. 2004. № 12. С. 24–28.
4. Фунтикова Н. В. О регулировании доверительной собственности и договора доверительного управления имуществом // Журнал российского права. 2002. № 12. С. 83–88.
5. Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2024. 624 с.
6. Рыбалов А. О. Нам нужно учение о вещном праве, а не изменения в Гражданский кодекс // Закон. 2023. № 7. С. 8–18.
7. Научные концепции развития российского законодательства : монография / Авхадеев В. Р., Азарова Е. Г., Андриченко Л. В. [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. 8-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма, 2024. 656 с.
8. Рудоквас А. Д. Пункт 4 статьи 209 ГК РФ: будущее одной иллюзии / Вещное право: вчера, сегодня, завтра : сборник статей к 50-летию А. О. Рыбалова. Москва : Статут, 2023. С. 153–185.
9. Емелькина И. А. Опыт правового регулирования управления чужим бизнесом в различных регионах мира // Регионология. 2024. Т. 32, № 4. С. 733–748. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.733-748>
10. Никитин М. И. Гражданско-правовой статус наследственного фонда // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 5. С. 169–171. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-5-169-171>
11. Нестерова Т. И., Живаева А. Ю. Правовое регулирование личных фондов в Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 2 (259). С. 84–94. <https://doi.org/10.24412/2072-4098-2023-2257-84-94>
12. Домшенко (Червец) Е. И. Личный фонд – новый российский правовой инструмент для управления, сохранения и передачи наследуемого имущества // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 2 (269). С. 78–92.
13. Жданов А. А. Возникновение и эволюция доверительной собственности в Общем праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 6 (239). С. 189–198;
14. Мазаева А. В. Доверительное управление и траст: опыт стран континентального права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1 (62). С. 108–113.
15. Алябьев Д. Н. К вопросу о рецепции института доверительной собственности (траста) в российское гражданское право // Юрист-Правовед. 2009. № 2 (33). С. 58–61.
16. Соколова Н. В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе. Москва : Инфотропик, 2012. 160 с.
17. Дождев Д. В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности // Бахнов М. С., Богуславский М. М., Дмитриева Г. К. [и др.] ; сост. и отв. ред. О. А. Хазова. Москва : Волтерс Клувер, 2006. С. 251–286.
18. Семенова Е. Г. Общие подходы и принципы вещного права в современных условиях // Вестник экономической безопасности. 2023. № 6. С. 149–152. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-6-149-152>

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 343.9

Массовые убийства в образовательных организациях: детерминанты и организация профилактики

Павел Васильевич Елфимов¹, доктор медицинских наук, профессор
Ольга Павловна Виноградова², кандидат юридических наук, доцент

^{1, 2} Уральский юридический институт МВД России

Екатеринбург (620057, ул. Корепина, д. 66), Российская Федерация

¹ pvelfimov47@mail.ru, ² olga10vin@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0007-7798-9362>, ² <https://orcid.org/0009-0000-1908-6930>

Аннотация:

Введение. За последние несколько лет в российских образовательных учреждениях зафиксирована динамично развивающаяся тенденция совершения массовых убийств, жертвами которых становятся учащиеся, педагоги и сотрудники правоохранительных органов, пытающиеся обезвредить преступника (как правило, ученика или студента учебного заведения, являющегося местом совершения преступления). Современные реалии таковы, что массовые убийства в образовательных организациях совершаются практически ежегодно. Это относительно новое «направление» преступности несовершеннолетних получило название «скулшутинг» или «колумбайн», применительно к событиям, произошедшим в 1999 году в одноименной американской школе. Однако с тех пор это явление получило популяризацию среди подростков, вышедшую далеко за пределы Соединенных Штатов Америки, образовав самостоятельный общемировой криминальный феномен.

Методы. Методологическую основу исследования представляют сравнительный анализ, изучение и синтез литературы, которые нашли свое отражение непосредственно в достижении выдвигаемой цели исследования и решении поставленных задач, а именно в синтезе структурных элементов деятельности, направленной на выявление и пресечение скулшутинга, анализе организации профилактики, а также установлении структурных связей между элементами системы предотвращения скулшутинга. Авторами применялся деятельностный методологический подход, также были использованы общенаучные методы исследования (системно-структурный анализ, метод диалектического познания).

Результаты. Преступность несовершеннолетних всегда привлекала внимание ученых, поскольку для нее характерны специфические черты, во многом обусловленные особенностями личности несовершеннолетнего преступника. На основе изученных случаев школьной стрельбы в Российской Федерации можно выделить некоторые психологические и криминальные аспекты личности «скулшутера» для определения мер профилактики и предупреждения скулшутинга как преступного явления.

Ключевые слова:

скулшутинг, колумбайн, несовершеннолетний, массовое убийство, образовательная организация, учебное заведение, профилактика, причины, условия

Для цитирования:

Елфимов П. В., Виноградова О. П. Массовые убийства в образовательных организациях: детерминанты и организация профилактики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 92–101.

Статья поступила в редакцию 18.06.2025;
одобрена после рецензирования 18.09.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Mass murders in educational institutions: determinants and organisation of prevention

Pavel V. Elfimov¹, Doc. Sci. (Med.), Professor
Olga P. Vinogradova², Cand. Sci. (Jurid.), Docent

^{1,2} Ural Institute of the MIA of Russia

66, Korepina str., Yekaterinburg, 620057, Russian Federation

¹ pvelfimov47@mail.ru, ² olga10vin@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0007-7798-9362>, ² <https://orcid.org/0009-0000-1908-6930>

Abstract:

Introduction. Over the past few years, Russian educational institutions have recorded a dynamically developing trend of committing mass murders, the victims of which are students, teachers, and law enforcement officers trying to neutralise the perpetrator (usually a schooler or student of an educational institution that is the scene of the crime). Modern realities are such that mass murders in educational institutions are committed almost annually. This relatively new "trend" of juvenile delinquency has been dubbed "schoolshooting" or "Columbine" in reference to the events that took place in 1999 at the American school of the same name. However, since then, this phenomenon has become popularised among teenagers, reaching far beyond the borders of the United States of America, forming an independent global criminal phenomenon.

Methods. The methodological basis of the study is a comparative analysis, study and synthesis of literature, which are reflected directly in achieving the stated research goal and solving the tasks set, namely in the synthesis of structural elements of activities aimed at identifying and suppressing schoolshooting, analysing the organisation of prevention, as well as establishing structural links between the elements of the schoolshooting prevention system. The authors applied an activity-based methodological approach, and general scientific research methods (system-structural analysis, dialectical cognition method) were also used.

Results. Juvenile delinquency has always attracted the attention of scientists, as it is characterised by specific features, largely determined by the personality of a juvenile offender. Based on the studied cases of school shootings in the Russian Federation, it is possible to identify some psychological and criminal aspects of the personality of the "schoolshooter" in order to determine preventive measures and prevent schoolshooting as a criminal phenomenon.

Keywords:

school shooting, Columbine, juvenile, mass murder, educational organisation, educational institution, prevention, causes, conditions

For citation:

Elfimov P. V., Vinogradova O. P. Mass murders in educational institutions: determinants and organisation of prevention // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 92–101.

The article was submitted June 18, 2025;
approved after reviewing September 3, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Всеобщая информатизация и глобализация позволили каждому человеку активно реализовать право свободного доступа к информационным ресурсам всей цивилизации. Вместе с тем «любое сообщество подвержено информационным импульсам, в т. ч. и дестабилизирующим. Особенно уязвимым и восприимчивым для деструктивной информации и различного рода социальных девиаций, получивших распространение в сети «Интернет», является сознание молодежи. Указанные обстоятельства дают основания утверждать, что заявленная тема, отражающая крупную социальную проблему, нуждается в глубоком научном осмыслении и разработке на этой основе мер по предупреждению массовых убийств в образовательных организациях»¹. Кроме того, актуальность данной темы подтверждается тремя аспектами: во-первых, это отсутствие четкой научно обоснованной позиции о правовой природе скулшутинга, в т. ч. корректных свойствах личности преступника, что влечет за собой рост мнимых заявлений о детерминантах данного вида преступности среди общественности. Во-вторых, это несовершенство современного отечественного законодательства, вследствие чего для предупреждения данного вида преступности предпринимаемые действия являются малоэффективными. В-третьих, в общей системе профилактики преступлений и правонарушений, реализуемой как государственными органами, так и иными негосударственными институтами общества, отсутствуют специализированные меры профилактики скулшутинга. Практическая значимость выбранной темы обусловлена необходимостью недопущения случаев совершения скулшутинга в Российской Федерации

¹ См.: Суходольская Ю. В. Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. 210 с.

и ликвидации комплекса причин и условий, способствующих их совершению, поскольку криминализация образовательной среды является потенциальной угрозой национальной безопасности России.

Научная новизна исследования определена выявлением и систематизацией детерминантного комплекса массовых убийств в образовательных организациях, действующей на уровне макро- и микросреды (раскрыто криминогенное влияние внешней среды и специфических условий в близком окружении и образовательных организациях); составлен типичный портрет массовых убийц и лиц, склонных к совершению рассматриваемой категории преступлений.

Следует отметить, что феномен массовых убийств, совершаемых несовершеннолетними в школах и колледжах, известен с 1999 года, когда двумя старшеклассниками американской школы «Колумбайн» в штате Колорадо был совершен расстрел своих одноклассников и сотрудников школы. После этого события аналогичные трагедии имели место во множестве других государств. Исключением не стала и наша страна. Участвовавшие случаи совершения массовых нападений в образовательных учреждениях России свидетельствуют о том, что меры, предпринимаемые для своевременного выявления и недопущения таких преступлений, неэффективны. Это свидетельствует о необходимости обобщения данных для поиска путей по совершенствованию алгоритма предупреждения таких преступлений.

Столь быстрое и широкое распространение массовых убийств со значительным числом жертв и нередко совершением самоубийства самим виновным не могло оставаться без внимания ученых в самых различных отраслях научного знания. В частности, юристов преступность несовершеннолетних привлекает в уголовно-правовом, уголовно-процессуальном, криминалистическом и криминологическом аспектах, а педагогов, психологов и психиатров – с точки зрения выявления предпосылок совершения подростками преступлений, а также коррекционной работы с лицами, имеющими признаки девиантного поведения.

Среди отечественных ученых, посвятивших свои исследования проблемам предупреждения и профилактики массовых убийств, совершаемых несовершеннолетними, а также в целом выявлению признаков данного вида преступности, следует отметить Ю. В. Суходольскую, защитившую кандидатскую диссертацию по теме «Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования»², Ж. И. Рыбокитову, исследовавшую отдельные аспекты предупреждения преступности среди студентов образовательных организаций³, А. В. Пучнина, М. Ю. Пучнину, в соавторстве уделивших внимание аналогичному аспекту проблемы⁴, А. Е. Серикова, посвятившего свое исследование проблемам распространения феномена «колумбайна» посредством сети «Интернет» [1], Д. Г. Давыдова, К. Д. Хломова [2], А. А. Коновалову, О. Г. Савчишкину [3], Н. Ф. Борисову [4] и других ученых.

Особое значение анализ массовых убийств приобретает в юридической науке, поскольку именно перед юриспруденцией стоит задача противодействия массовым убийствам, т. е. разработки мер профилактики данного вида преступности путем воздействия на причины и условия совершения массовых убийств несовершеннолетними лицами.

Методы

Методологическую основу исследования представляют сравнительный анализ, изучение и синтез литературы, которые нашли отражение непосредственно в достижении выдвигаемой цели исследования и решении поставленных задач, а именно, в синтезе структурных элементов деятельности, направленной на профилактику скулшутинга, анализе организации профилактики, а также установлении структурных связей между элементами системы противодействия скулшутингу. Авторами применялся деятельностный методологический подход, использованы общенаучные методы исследования (системно-структурный анализ, метод диалектического познания).

Дедуктивный метод был использован при определении критериев отнесения насильственных преступлений к массовому убийству. При разработке отдельных научных категорий, определенных тематикой исследования, использовались методы индукции, анализа и синтеза. Системно-структурный метод применялся при построении классификаций, анализе

² Суходольская Ю. В. Указ. соч.

³ Рыбокитова Ж. И. Предупреждение преступности среди студентов образовательных организаций (по материалам Центрального федерального округа) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2024. 30 с.

⁴ Пучнин А. В., Пучнина М. Ю. Влияние деструктивного интернет-контента на формирование колумбайн-идей среди несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (91). С. 115–120. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-3-115-120>

и разработке профилактических мер как единого комплекса взаимосвязанных мероприятий. Факторный анализ был использован при изучении процессов детерминации преступного поведения массового убийцы.

Результаты

О появлении криминального феномена «скулшутинг» («колумбайн») в науке принято говорить применительно к событиям, произошедшим в 1999 году в американской школе «Колумбайн» в штате Колорадо. Массовое убийство готовилось двумя учениками старших классов – Эриком Харрисом и Диланом Клиболдом. На протяжении длительного времени они публично выражали свое намерение совершить преступление в школе, выкладывали в интернет видеозаписи процесса подготовки ими взрывчатки, а также обнародовали списки одноклассников, которых планировали убить. Впоследствии было установлено, что данные старшеклассники входили в группу «затравленных» учеников. Именно отношение к ним со стороны других учащихся, с их слов, породило желание отомстить, совершив массовое убийство. Несмотря на то, что подростки не скрывали своих намерений, а напротив, активно афишировали их, со стороны правоохранительных органов этим предупреждением не было придано никакого значения, что и позволило преступникам реализовать задуманное. В результате произошедшей трагедии погибли 13 сотрудников школы и еще около 25 человек получили ранения⁵.

События первого массового убийства потрясли весь мир, став причиной зарождения «колумбайна» как криминального феномена на территории многочисленных государств. Поскольку преступники из школы «Колумбайн» размещали в интернете свои дневниковые записи, где подробно описывали процесс подготовки преступления, именно эти дневники и стали привлекать внимание других подростков, которые подвергались травле в школе. «Колумбайн» фактически стал рассматриваться в среде несовершеннолетних как способ защиты от возможных угроз со стороны одноклассников и учащихся школы в целом.

Ярким примером служит трагедия, произошедшая 15 января 2018 г. в школе № 127 города Перми, когда вооруженные ножами 16-летние подростки напали на учеников младших классов и их учительницу. 12 человек были госпитализированы с множественными ножевыми ранениями. Сразу после нападения, несовершеннолетние преступники попытались покончить с собой. Нападавшими оказались двое бывших учеников данной школы. Один из них часто избивал своих одноклассников и состоял на учете у психиатра. Кроме того в социальной сети «ВКонтакте» он был подписан на сообщество, посвященное расстрелу в школе «Колумбайн». Мотовилихинский районный суд Перми по обвинению в покушении на убийство двух или более лиц по предварительному сговору приговорил несовершеннолетних к 9 годам и 8 месяцам лишения свободы в воспитательной колонии⁶.

Феномен массовых убийств, получивший в Америке название «колумбайн», в России чаще стал именоваться скулшутингом. Н. Ф. Борисова определяет данное явление как «совершение массовых убийств, учащихся и персонала образовательных организаций, которые проводятся учащимися или посторонними лицами, проникшими в школу с оружием» [4, с. 125]. С английского данный термин переводится как «стрельба в школе», т. е. предполагается совершение нападения с применением огнестрельного оружия, способного поразить гораздо большее количество целей по сравнению, например, с холодным оружием. В науке же признак использования огнестрельного оружия, а также совершение убийства нескольких лиц стали рассматриваться как характерные черты скулшутинга. Кроме указанных признаков, к характеристике таких преступлений А. А. Коновалова и О. Г. Савчишкина относят тот факт, что «массовые убийства совершаются учащимися образовательных учреждений или их выпускниками, а потерпевшими становятся другие учащиеся образовательного учреждения, педагоги и иные работники» [3, с. 104].

Анализ публикаций, проведенный Д. Г. Давыдовым и К. Д. Хломовым, позволил ученым прийти к следующим обобщающим выводам: «Вопросы, поднимаемые в литературе по поводу школьных расстрелов, чаще всего касаются двух аспектов: определения мотивов и предикторов нападений и поиск путей предупреждения такого поведения. В частности, многие публикации сосредоточены на описании признаков, которые должны насторожить

⁵ «Колумбайнеры» из соцсетей: как обычные дети становятся беспощадными убийцами // «kubnews» : [сетевое издание]. URL: <https://kubnews.ru/obshchestvo/2018/03/14/kolumbaynery-iz-sotssetey-kak-obychnye-deti-stanovyatsya-bespshchadnymi-ubiysami/> (дата обращения: 04.05.2025).

⁶ Суд оставил без изменения приговор подростку, напавшему на школу в Перми // Информационное агентство ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/6084137/amp> (дата обращения: 04.05.2025).

школьный персонал, и на разработке системы выявления подростков, склонных к подобному поведению. Учителей, директоров и школьных психологов предлагается научить отличать намерение совершить вооруженное нападение от обычного «бунтарского» подросткового поведения. Имеет место критика того, что большинство публикаций посвящено описанию и анализу одиночных фактов, но не принимаются во внимание многие важные переменные и вероятное взаимодействие между ними» [2, с. 67]. Например, недостаточно исследована категория «личности преступника».

Следует подчеркнуть, что личность «скулшутера» складывается под влиянием нескольких предпосылок, а именно, особенностей его личности, семьи, школьной и социальной среды. При этом лицо предпринимает решительные действия, направленные на массовое убийство, чаще всего при наличии всех вышеуказанных предпосылок.

Глубоким изучением данного вопроса отечественные ученые и психологи занялись относительно недавно, поскольку для того, чтобы системно объяснить преступное поведение, необходимо изучить психологический механизм личности преступника – ведь в каждом человеке заложены взаимосвязанные психические процессы, состояния, свойства, которые позволяют совершать те или иные действия и поступки.

Если «скулшутинг» характеризовать с криминальной точки зрения, то можно выделить такие признаки, как отсутствие избирательности жертв; намерение нападающего передать какое-либо послание или сообщение; умысел не конкретизирован; «сопротивление без руководства», т. е. реализация идей стрелков «Колумбайна», которую последователи превратили в своеобразную традицию, объединяющую их в единое сообщество при условии реального отсутствия данного сообщества как такового [5, с. 89].

Если проанализировать отдельные акты «скулшутинга», можно увидеть, что сценарий совершения каждого преступного акта имеет одинаковую структуру. Так, неуверенный в себе, имеющий проблемы с самореализацией, замкнутый молодой человек, используя огнестрельное оружие в учебном заведении, причиняет физический вред неопределенному кругу лиц, после чего пытается покончить или кончает жизнь самоубийством. Иными словами, у «скулшутера» имеется установленный алгоритм совершения преступления, сформированный действиями колумбайнеров. При этом этот алгоритм совершается не любым узнавшим о нем человеком, а именно тем, кто обладает определенным набором психологических качеств. Практически во всех случаях психологическая характеристика преступников была идентична.

Классическим примером скулшутера является 19-летний Ильназ Галявиев, который 11 мая 2021 г. совершил массовое убийство в гимназии № 175 города Казани. Перед нападением Ильназ поджег свою квартиру в многоэтажном доме, после чего открыл огонь на улице около гимназии, где пострадали девушка и разнорабочий гимназии. Войдя в здание, Ильназ застрелил учительницу и активировал взрывное устройство у кабинетов младших классов. Поднявшись на этаж выше, преступник вошел в кабинет восьмого класса и застрелил классного руководителя, после чего открыл огонь по ученикам. В это время выжившие дети выпрыгивали из окна. Когда Ильназ это заметил, то снова открыл огонь по ученикам. В результате нападения погибли 9 человек, 32 пострадали. Прибывшие сотрудники полиции незамедлительно задержали нападавшего. По данному факту было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации⁷ – убийство двух или более лиц общеопасным способом. Потерпевшими по делу признаны 667 человек (143 из них причинен тяжкий вред здоровью). Пытаясь обжаловать приговор в виде пожизненного заключения, адвокат Руслан Нуриахметов заявил, что «...на его подзащитного повлияли „идеи человеконенавистничества и самообожествления”»⁸.

К социально-демографическим свойствам личности «скулшутера» относятся следующие.

1. Нападения на образовательные организации осуществляются, как правило, представителями мужского пола. Объясняется это тем, что мужчинам чаще свойственны агрессивные насильственные действия. При этом отмечены единичные случаи, когда школьную стрельбу устраивали девушки (например, 7 декабря 2023 г. в г. Брянске).

2. Возрастной диапазон для дифференциации несовершеннолетних преступников на основе анализа отечественной судебной практики устанавливается от 14 до 18 лет. Если же проанализировать зарубежный опыт в данном вопросе, то средним возрастом преступника является 21 год.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

⁸ Апелляционный суд оставил в силе приговор Галявиеву : Суд оставил в силе пожизненное заключение устроившему стрельбу в школе в Казани Галявиеву // РИА Новости : [сетевое издание]. URL: <https://ria.ru/20230807/galyaviev-1888584313.html> (дата обращения: 04.05.2025).

3. Также «скулшутеры» являются представителями европеоидной расы, при этом в их действиях не прослеживается мотива национальной, расовой, религиозной или иной ненависти [6, с. 105].

4. Если говорить про семейные отношения «скулшутера», то чаще всего внутри семьи существуют свои определенные проблемы, о которых окружающие люди не знают и не догадываются. При этом «скулшутеры» могут воспитываться в полной семье, имеющей хорошее материальное положение.

К нравственно-психологическим особенностям преступника относятся: проблемы с самооценкой; скрытный, замкнутый характер; склонность к нарциссизму и вандализму; проблемы в общении со сверстниками, особенно с женским полом; отсутствие интереса к религии либо наоборот считает себя Богом; интерес к насилию, но при этом «скулшутера» нельзя назвать «драчуном» или «хулиганом»; неразвитость чувства юмора либо его пугающие формы; астенический синдром, т. е. такое состояние, при котором ярко ощущается слабость, подавленность, негативные эмоции; наличие в эмоциональном состоянии чувств агрессии, раздражительности, обиды, подозрительности; борьба за свои идеи, но, как правило, насильственными способами; комплекс неполноценности, фрустрированности и чувства собственной недооцененности обществом; потребность в самоутверждении; отсутствие цели в жизни; чувство мизантропии, социопатии, т. е. ненависти к окружающим.

Характеризуя личность «скулшутеров», важно отметить, что их действия отличаются тщательной подготовкой к преступлению. Приготовление к совершению вооруженного нападения на учебное заведение может ими осуществляться как за несколько дней, так и в течение продолжительного времени, например, около года. Обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, сравнительно низкое число нападений в июне и июле: в это время школы, как правило, закрыты, и массового убийства с широким освещением в прессе организовать не получится. Во-вторых, жертвы школьной стрельбы обычно случайны, что свидетельствует о том, что действия школьного стрелка не направлены на конкретных членов школьного сообщества; они адресованы школе как социальному институту.

Одним из этапов подготовки является поиск орудия совершения преступления. В большинстве случаев орудием является огнестрельное оружие, также могут быть использованы взрывчатые вещества, взрывные устройства, холодное оружие и иные предметы. Проанализировав случаи «скулшутинга», можно установить, что чаще всего оружие изымается у лиц, которые владеют им на законных основаниях (чаще всего – у родственников). Также есть случаи, когда оружие было продано. Так, в 2018 году керченский стрелок, которому на тот момент было 18 лет, на законных основаниях получил лицензию на приобретение оружия, которое впоследствии было использовано для совершения массового убийства людей в Керченском политехническом колледже. После этого случая Президент Российской Федерации В. В. Путин приказал сотрудникам Росгвардии ужесточить меры по контролю и обороту оружия. Так, редакцией Федерального закона от 28 июня 2021 г. № 231-ФЗ⁹ в ст. 13 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»¹⁰ был изменен возраст, по достижении которого лицо имеет право приобрести огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие самообороны – до 21 года вместо 18 лет.

Следующим отличительным признаком действий «скулшутеров» является оставление предупреждений о своих намерениях, т. е. несовершеннолетние «скулшутеры» могут оставить некие послания о том, что они собираются совершить что-то противоправное, тем самым показывая, что те люди, которые заметят их сообщения, смогут спастись от их действий или предотвратить негативные последствия. Также это можно охарактеризовать, как стремление остаться замеченным, подсознательное желание, чтобы его увидели, поняли, чтобы он был нужен кому-то.

Следовательно, можно выделить два предупреждающих сигнала о намерении совершить массовое убийство: утечка и угроза [7, с. 444]. В первом случае «скулшутер» намеренно или случайно сообщает о своих чувствах, мыслях, идеях, выражает свое отношение к насилию и демонстрирует, какие действия он собирается совершить. Данное сообщение может быть высказано в различных формах, прямых или косвенных. Если говорить про прямые сигналы, то лицо может рассказать о своих планах своим знакомым, друзьям, тем самым предупредить их, чтобы они не стали жертвами его насильственных действий, также может выложить пост в социальных сетях, демонстрирующий его намерение совершить общественно опасное преступление

⁹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 28 июня 2021 г. № 231-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5059.

¹⁰ Об оружии : Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

с тяжкими последствиями. При этом преступник в данном случае не угрожает конкретному лицу, а лишь предупреждает.

Косвенные же сигналы могут быть выражены посредством записей в дневнике; в виде прослушивания определенных музыкальных композиций, где можно найти ответы, если пристально изучить текст; в виде просмотра видеозаписей, где убивают людей, применяют различные насильственные действия или где обучают стрельбе из различных видов оружия; в рисунках, татуировках и в ином виде. Тем самым можно сказать, что утечка предшествует акту насилия. Однако окружающие часто не воспринимают сигналы «скулшутера» всерьез или вовсе не замечают его намеки. В большинстве случаев люди знали, что может быть совершенно вооруженное нападение, но не придавали этому должного значения. Таким образом, утечка может показаться абсолютно незначительной и неважной, но на самом деле содержать в себе серьезную опасность.

Следующий вид сигнала, который следует после утечки, – это угроза, когда выражается намерение совершить акт насилия различными способами, но при этом в данном случае она будет иметь наступательный характер. «Скулшутер» уже не предупреждает людей, а явно демонстрирует, что он может причинить вред, что для него это все всерьез. Угроза может быть произнесена, написана или, например, показана жестами, как стреляют в человека или перерезают горло. Тем самым угроза со стороны «скулшутера» представляет существенную опасность, т. к. чем более открытый характер она будет иметь, тем больше шансов, что она будет воплощена в жизнь.

Таким образом, можно выделить следующие психологические и криминальные особенности в личности «скулшутера»:

- 1) «скулшутер» может быть незаметным, скрытным, замкнутым человеком, при этом не вызывающим ни у кого беспокойства;
- 2) у «скулшутера» проявляются проблемы во взаимоотношениях со сверстниками, он может подвергаться травле с их стороны;
- 3) основным мотивом поведения является агрессия, обида, подозрительность;
- 4) «скулшутинг» требует тщательной подготовки, в связи с чем лицо может овладеть навыками стрельбы из оружия, а также на каждом этапе подготовки «скулшутер» демонстрирует соответствующие сигналы, распознав которые можно предпринять меры к предупреждению совершения противоправных действий этим лицом.

Обобщение точек зрения зарубежных ученых к определению спектра причин совершения несовершеннолетними лицами массовых убийств позволяет выделить четыре основных подхода.

1. Исследования ученых направлены на установление основных факторов, влияющих на совершение несовершеннолетними массовых убийств. В частности, представители данного подхода пытаются определить такие факторы в самой личности подростка, в социальных условиях его жизни, школьной среде, а также в целом путем анализа социальной динамики. Подобного рода исследования позволяют выявить «сигналы риска», т. е. те факторы, которые в абсолютном числе случаев определяют намерение и решение подростка совершить массовый расстрел в образовательной организации.

2. Вторая группа ученых, будучи убежденными в том, что основной причиной совершения массовых убийств становятся те или иные отклонения в психике несовершеннолетнего, всех школьных стрелков делят на три разновидности: психопаты, психотики и травматик. Для первого типа стрелков характерно отсутствие какой-либо эмоциональной связи с другими людьми; нередко такие личности испытывают удовольствие, причиняя боль другим живым существам. Второй тип отличается тем, что подросток, страдающий психотическим состоянием, обособляет себя от других, ощущает существенную разницу между собой и другими – нормальными – людьми, чувствует себя изгнанником. Наконец, травматик – это личности, пережившие определенные эмоциональные потрясения или постоянно подвергающиеся насилию, в т. ч. сексуальному [8, с. 36].

3. Третий подход к выявлению причин совершения массовых убийств отсылает к анализу различных внешних факторов, оказывающих воздействие на принятие подростком решения о совершении массового расстрела. Особое значение придается учеными факторам, существующим в интернет-среде – в частности, пропаганде оружия и признанию его панацеей от всех проблем, призывам к совершению актов агрессии и отсутствию необходимости корректировать свое поведение, обуздывать свою ярость и гнев. Немаловажное значение придается факторам, складывающимся в сфере отношений виновного с иными лицами – насмешки, травля, социальная изоляция, по мнению ученых, нередко выступают первой и основной причиной совершения

массовых убийств в образовательных учреждениях: лицо, решившееся на такое преступление, не видит других способов изменить ситуацию и прекратить столь унижительное и невыносимое отношение к себе со стороны внешнего мира.

4. Наконец, четвертый подход, также отмечаемый зарубежными учеными, можно назвать комплексным, поскольку он причинами совершения массовых убийств называет целых пять факторов, тем или иным образом отмеченных в ранее приведенных подходах. К числу таких факторов ученые предлагают относить: «самоощущение социальной изоляции, рассмотрение себя как изгоя; наличие психологических трудностей или расстройств (не обязательно психических заболеваний); распространенность культурных сценариев, в которых поддерживают насилие как средство решения проблем; отсутствие системы выявления потенциальных стрелков в школе; доступность оружия» [9–11].

В пубертатном периоде молодые люди чаще всего подвергаются влиянию не только взрослых, но и сверстников, а также средств массовой информации и массовой культуры. В незрелой личности подростка может плотно засесть образ величия насилия и жестокости из фильмов, компьютерных видеоигр, специфических музыкальных произведений. Ю. М. Антонян по данному поводу высказывает следующее мнение: «Таким образом убийца пытается преодолеть свою ничтожность и малость, осознание которых весьма травматично, а поэтому изгоняются в бессознательное; это – желание утвердить себя, в т. ч. в собственных глазах, преодолеть свою изоляцию и доказать свою нужность» [12, с. 149].

Отечественные ученые также уделяют пристальное внимание изучению причин и условий совершения массовых убийств подростками. Особенностью подходов российских ученых следует считать попытку выявления целей и мотивов совершения преступлений, которые также приводят к определению причин совершения массовых убийств. Например, среди основных мотивов совершения анализируемых преступлений Н. Ф. Борисова выделила «озлобленность на общество, обида, месть, желание самоутвердиться» [4, с. 125]. Ю. В. Суходольская, проанализировав материалы уголовных дел о школьных массовых убийствах, представила статистику по основным целям совершения таких преступлений. Согласно полученным данным, наиболее распространенной причиной становятся издевательства в отношении виновного и его травля в образовательном учреждении; прекращение такого отношения становится целью массового убийства. Такой мотив имел место в 75 % случаев. В 25 % – таким мотивом стало желание подростка привлечь внимание к своей личности [13, с. 64].

Доказано, что одной из основных причин стрельбы является дискриминация и травля, с которой также необходимо бороться в учебных заведениях. По предварительным оценкам, 42 % школьников сталкивались с буллингом в школах, что очень негативно отражается на их личностном развитии, поскольку нарушается психическое и физическое здоровье, а также начинаются проблемы с коммуникацией. Рвение к учебе ослабевает, зато повышается риск совершения правонарушений. Для минимизации подобных ситуаций необходимо активизировать работу психологов с детьми, проводить в школах опросы, касающиеся взаимодействия с учениками, либо же домашней обстановки, выявлять детей с отрицательными ответами, вызывать родителей на беседы, больше общаться с самим ребенком и наблюдать, как к нему относятся окружающие. Если же педагог замечает, что ребенка ущемляют или подавляют сверстники, нужно это немедленно пресекать, а к обидчикам применять санкции в профилактических целях. Кроме того, интересным представляется пример школ в Израиле, где «здания поделены на определенные сектора, оснащенные решеткой и тяжелой дверью, которые заблокируют вооруженного человека при появлении его на территории»¹¹.

Говоря о профилактике «скулшутинга» у подростков, необходимо выявить и полно или частично устранить проблемы, возникающие в процессе социализации. Такими проблемами могут быть одиночество, чувство тревожности, неумение общаться, асоциальный образ жизни, депрессивные переживания [14, с. 104]. Соответственно, с подростками должна быть проведена комплексная работа, направленная на оказание им поддержки, заключающейся в проведении обучающих мероприятий, которые позволят преодолеть подросткам определенные страхи, комплексы. Также им будет оказана психологическая, правовая и медицинская помощь. Таким образом, главной задачей в профилактике «скулшутинга» выступает именно формирование у подростков способности совладания с определенными трудностями сначала в процессе школьной социализации, а затем и во взрослой жизни.

¹¹ Кацуба В. И. Система обеспечения внутренней безопасности государства Израиль : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. 30 с.

3 заключение

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что проблема предупреждения массовых убийств, совершенных несовершеннолетними, феномен которых получил название «скулшутинг» или «колумбайн», является злободневной для современных государств, исключением из числа которых не является и Российская Федерация. Столь широкое распространение опасного преступного явления по всему миру привлекает внимание зарубежных и отечественных ученых к его исследованию, выявлению причин и условий преступности, поиску эффективных инструментов их пресечения, в т. ч. посредством регулирования информационной среды. Отметим, что проблема массовых убийств, совершаемых несовершеннолетними, сегодня широко обсуждается и в науке, и в практике.

Среди наиболее значимых факторов, влияющих на преступность несовершеннолетних, ученые называют прежде всего информационное влияние интернета в результате его бесконтрольного использования детьми с раннего возраста. Отмечают и то, что в настоящее время в России проживает множество неблагополучных семей, материальное положение которых свидетельствует о низком уровне жизни. Таким образом, экономические факторы и информационное воздействие на подростков сегодня признаются основными факторами, определяющими выбор подростками преступного поведения в период взросления.

Сделаем выводы относительно причин и условий массовых убийств, совершаемых несовершеннолетними. Детерминанты в этой сфере имеют общий и специальный характер. В свою очередь, общие детерминанты также можно разделить на две группы: в первую войдут детерминанты, обуславливающие преступность в целом, во вторую – детерминанты преступности несовершеннолетних лиц. Детерминантами преступности несовершеннолетних следует считать: недостаточное внимание воспитанию детей в семьях, отсутствие внимания к их эмоциональному и психическому состоянию со стороны близких; рост числа неблагополучных семей и, соответственно, детей, вырастающих в неблагоприятных условиях; снижение внимания к нравственной составляющей в воспитании детей в условиях образовательных учреждений; деградация индустрии досуга для детей и подростков; негативное влияние на подростков со стороны средств массовой информации [15, с. 17].

Не стоит забывать, что личность – весьма специфический субъект исследования, поэтому придерживаться только одной конкретной теории формирования личности «скулшутера» не стоит [16, с. 584]. На личность могут оказывать воздействие множество различных факторов, поэтому выявить одну-единственную причину, почему подросток решил устроить нападение на учебное заведение, сложно. Следует рассматривать причины с разных сторон, тем самым формируя комплексные меры профилактики и предупреждения преступлений, совершенных «скулшутерами».

Список источников

1. Сериков А. Е. «Колумбайн» как медийный прототип школьных расстрелов / Человек в информационном обществе : сборник материалов научно-практической международной конференции, посвященной 60-летию полёта в космос Ю. А. Гагарина, г. Самара, 28–30 апреля 2021 г. / редкол.: пред. А. Ю. Нестеров, Н. В. Авдошина, А. Ю. Агафонов : [электронное издание]. Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева, 2021. С. 658–661. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Chelovek-v-informacionnom-obshchestve/«Kolumbain»-kak-mediinyi-prototip-shkolnyh-rasstrelov-91767> (дата обращения: 04.05.2025).
2. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Массовые убийства в образовательных организациях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4. С. 62–76. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0406>
3. Конавалова А. А., Савчишанина О. Г. Скулшутинг и причины массовых убийств школьниками // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 3. С. 104–107. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-10-3-104-106>
4. Борисова Н. Ф. Скулшутинг – новая криминальная угроза обществу // Российской правовой журнал. 2021. № 1 (6). С. 125–129.
5. Малюшина Ю. А., Шатилович С. Н., Федорова О. Б. Изучение психологического механизма насильственных преступлений как один из аспектов профилактики скулшутинга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 3. С. 86–97. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-3-86-97>
6. Виноградова О. П. Отдельные элементы криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья, совершаемых по мотивам политической, идеологической, религиозной, расовой ненависти или вражды // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3 (43). С. 105–110.
7. Карпов В. О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 4. С. 442–446. <https://doi.org/10.24420/KUI.2018.49.27.001>
8. Виноградова О. П. Особенности уголовного судопроизводства в отношении лиц, страдающих психическим расстройством / Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции (памяти доктора юридических наук, Почетного профессора Московской академии СК России Евгения Петровича Кима), г. Хабаровск, 30 мая 2024 г. Москва : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, 2024. С. 36–42.

9. Jonson Ch. L. Preventing School Shootings: The Effectiveness of Safety Measures // Victims and Offenders. 2017. Vol. 12. No. 6. P. 956–973. <https://doi.org/10.1080/15564886.2017.1307293>
10. Kostinsky S., Bixler E., Kettl P. Threats of School Violence in Pennsylvania After Media Coverage of the Columbine High School Massacre. Examining the Role of Imitation Adolescent masculinity, homophobia, and violence // Archives of Pediatrics and Adolescent Medicine. 2001. Vol. 155. No. 9. P. 994–1001. <https://doi.org/10.1001/archpedi.155.9.994>
11. Lankford A., Madfis E. Media Coverage of Mass Killers: Content, Consequences, and Solutions // American Behavioral Scientist. 2018. Vol. 62. No. 2. P. 151–162. <https://doi.org/10.1177/0002764218763476>
12. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника : Криминологическое исследование : монография. Москва : Норма, 2010. 366 с.
13. Суходольская Ю. В. Факторы, детерминирующие совершение массового убийства в образовательной организации и механизм преступного поведения склушутера // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 3 (83). С. 64–70.
14. Формирование готовности специалистов психолого-педагогической службы образовательных организаций к профилактике склушутинга / Паатова М. Э., Грунина С. С., Сажина Н. М., Агошкова О. В. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2023. Вып. 1 (313). С. 100–108. <https://doi.org/10.53598/2410-3004-2023-1-313-100-108>
15. Узлов Н. Д., Семенова М. Н. Скулшутинг: убийство и постгомицидное самоубийство как трансгрессивный акт // Суицидология. 2021. № 12 (4). С. 16–30. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-12-04\(45\)-16-30](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-12-04(45)-16-30)
16. Волчецкая Т. С., Авакьян М. В., Осипова Е. В. Криминологическая характеристика и профилактика склушутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 5. С. 578–591. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(5\).578-591](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591)

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 343.272

Дифференциация конфискации имущества как уголовно-правового средства социального контроля

Кирилл Николаевич Карпов, кандидат юридических наук, доцент, докторант

Омская академия МВД России
Омск (644092, пр-т Комарова, д. 7), Российская Федерация
Kkn83@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5220-0571>

Аннотация:

Введение. Проблемы недостаточной эффективности института конфискации имущества, а также наличие неразрешенных противоречий правовой регламентации изъятия имущества, полученного в результате совершения преступления, требуют изыскания новых подходов к определению оснований и условий применения данной меры уголовно-правового характера. Рассмотрение института конфискации имущества как одного из средств социального контроля, позволяющего исключить возможность экономической выгоды совершения преступлений, дает возможность устранить существующие в действующем законодательстве и правоприменительной практике пробелы.

Методы. Основу исследования составили общенаучные методы: синтез, индукция, обобщение. С помощью формально-юридического метода осуществлен анализ норм отечественного уголовного законодательства, регламентирующего основания и условия применения конфискации имущества. Применяя подходы междисциплинарной концепции ресурсного контроля, разработанной в сферах корпоративного и государственного управления, экономики, менеджмента автор демонстрирует возможность определения более полных и всеобъемлющих оснований конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера. Метод правового моделирования позволил сформулировать конкретные предложения по совершенствованию института конфискации имущества.

Результаты. Выстраивая концепцию неприемлемости экономической выгоды совершения преступлений, автор предлагает отказаться от выборочной конфискации доходов от совершения только отдельных преступлений и распространять конфискацию на имущество, полученное в результате совершения любого преступления. Кроме того, констатируется необходимость исключения необоснованной дифференциации конфискации имущества в зависимости от имущественного положения, которое предполагает выгоду совершения преступления с использованием транспортных средств, не принадлежащих виновному.

Ключевые слова:

конфискация, социальный контроль, имущество, основания дифференциации, ответственность, транспортное средство

Для цитирования:

Карпов К. Н. Дифференциация конфискации имущества как уголовно-правового средства социального контроля // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 102–109.

Статья поступила в редакцию 07.04.2025;
одобрена после рецензирования 01.07.2025;
принята к публикации 20.09.2025.

Original article

Differentiation of property confiscation as a criminal law means of social control

Kirill N. Karpov, Cand. Sci. (Jurid.) Docent, Doctoral Student

Omsk Academy of the MIA of Russia
7, Komarov Ave., Omsk, 644092, Russian Federation
Kkn83@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5220-0571>

© Карпов К. Н., 2025

Abstract:

Introduction. Problems related to the insufficient effectiveness of the process of property confiscation, as well as the existence of unresolved contradictions in the legal regulation of the seizure of property obtained as a result of committing a crime, require the search for new approaches to determining the grounds and conditions for applying such a measure of a criminal law nature. Considering the process of property confiscation as a means of social control allowing to exclude the possibility of economic profit from committing crimes, makes it possible to fill existing gaps in current legislation and enforcement practice.

Methods. The research is based on general scientific methods: synthesis, induction, and generalisation. Using a formal legal method, the norms of domestic criminal legislation regulating the grounds and conditions for applying property confiscation were analysed. Based on the interdisciplinary concept of resource control developed in the fields of corporate and public administration, economics, and management, the author illustrates the possibility of establishing more comprehensive grounds for property confiscation as an alternative measure of a criminal law nature. The method of legal modelling has made it possible to formulate specific proposals for improving the process of property confiscation.

Results. In developing the concept of the unacceptability of economic profits from crime committing, the author proposes refusing selective confiscation of incomes from certain offences only and extending confiscation to property obtained as a result of any offence. In addition, the author states the need to exclude unreasonable differentiation in the confiscation of property depending on financial status that implies the profitability of committing crimes using vehicles not belonging to an offender.

Keywords:

confiscation, social control, property, grounds for differentiation, responsibility, vehicle

For citation:

Karpov K. N. Differentiation of property confiscation as a criminal law means of social control // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 102–109.

The article was submitted April 7, 2025;
approved after reviewing July 1, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Дифференциация уголовной ответственности выступает одним из необходимых методов реализации уголовно-правовой политики [1; 2]. Так, Л. Л. Кругликов пишет, что благодаря дифференциации происходит «создание для правоприменителя желаемого режима при определении меры (вида и размера) ответственности за совершенное правонарушение» [3, с. 62]. В свою очередь Т. А. Лесниевски-Костарева относит к дифференциации «градуацию, разделение, расслоение ответственности в уголовном законе, в результате которой законодателем устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления и типовой степени общественной опасности личности виновного» [4].

Дифференциация в рамках определения санкции статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) обладает достаточно разработанным инструментарием, сформированными подходами к взаимосвязи характера и степени общественной опасности преступления (отягчающими, смягчающими обстоятельствами) с видом и размером назначаемого наказания. В то же время вопросы определения механизма дифференциации применительно к категории иных мер уголовно-правового характера, как правило, не имеют столь детальной разработанности и устоявшихся критериев. Например, применение конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера хоть и предусматривает основания изъятия определенных видов имущества, сохраняет неопределенность критериев такого изъятия, категорий дел, по которым оно может происходить, и других условий реализации данной формы уголовной ответственности. В рамках ст. 104¹ УК РФ неприменим критерий категоризации преступлений, исходя из степени тяжести (ст. 15 УК РФ). Представляется, что определение критериев, позволяющих провести корректную дифференциацию конфискации имущества как одной из форм реализации уголовной ответственности, является обязательным элементом эффективности уголовного законодательства.

Методы

Ресурсный контроль (ресурсный подход), выступая в качестве междисциплинарной концепции, применяемой в сферах корпоративного и государственного управления, экономики, менеджмента [5; 6], включает совокупность приемов, методик, технологий оперирования материальной базой какой-либо деятельности. В контексте социального контроля к таким методам принято относить инструменты изъятия (отчуждения) материальных благ (денежных средств, прав пользования, владения или распоряжения имуществом и т. п.)². Обеспечение сохранности ресурсов также называют одной из функций контроля.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

² Слепенков И. М., Аверин Ю. П. Основы теории социального управления : учебное пособие. Москва : Высшая школа, 1990. 301 с.

В то же время сами ресурсы рассматриваются как средство контроля. Например, А. Слоун считал финансы «последним необходимым ключом к решению проблемы сочетания децентрализации с координированным контролем» [7, с. 198]. В. Г. Афанасьев добавлял: «Деньги – вот всесильное средство контроля и управления» [8, с. 68].

Данный подход может, на наш взгляд, служить одним из методов социального контроля, т. е. совокупности способов оказания влияния на членов общества. Интерпретируя данную концепцию применительно к сфере уголовно-правового регулирования, можно констатировать очевидную потребность в использовании ресурсного подхода для решения задач уголовного права в целом и предупреждения преступлений в частности. Средствами ресурсного контроля в сфере уголовно-правового регулирования могут быть имущественные наказания (штраф, исправительные работы, принудительные работы), конфискация имущества (ст. 104¹–104³ УК РФ), судебный штраф (ст. 76² УК РФ); институт возмещения вреда, причиненного преступлением (ст. 73, 79 УК РФ), которые в совокупности предназначены для устранения материальной базы преступности.

В части конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера тезис о его предназначенности для устранения материальной заинтересованности в совершении преступления и ликвидации материальной базы преступности является достаточно распространенным в научной литературе и вызывает одобрение большинства ученых [9–14]. На это прямо указывается в ст. 12–14 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности³, а также в ст. 31 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, где конфискация активов рассматривается в качестве способа предотвращения незаконного приобретения личного состояния от преступности⁴. Представляется, что сознательное, а не стихийное управление в сфере противодействия преступности позволяет сформировать указанные инструменты таким образом, при котором материальная база преступности (в т. ч. перспективная) если не нивелируется, то во всяком случае будет минимизирована.

В свою очередь конфискация имущества как мера ресурсного контроля, связанная исключительно с материальными средствами, вовлеченными в преступную деятельность в качестве орудий (средств) либо дохода, требует обязательного учета данного фактора.

Этот тезис предполагает соответствующее выстраивание правовой регламентации конфискации имущества как меры, позволяющей либо исключить возможность получения имущественной (финансовой) прибыли в результате совершения преступления, либо лишения имущества, используемого для совершения преступления (как материальной основы преступности).

Данные, казалось бы, естественные постулаты не в полной мере находят отражение в действующем уголовном законодательстве, регламентирующем вопросы конфискации имущества. В частности, это можно увидеть на примере дифференциации оснований конфискации имущества.

Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового воздействия содержит строгую привязку к фактическим свойствам непосредственно совершенного преступления (размера / стоимости) полученных в результате совершения преступления доходов [15], размера средств, предназначенных для финансирования преступления, стоимости предмета, выступившего орудием совершения преступления, и т. п.). В то же время дифференциация проявляется в отдельных компонентах института конфискации.

В первую очередь речь идет об основании конфискации (п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ). Данная норма предусматривает необходимость конфискации денег, ценностей и имущества, полученных в результате совершения отдельной группы преступлений.

Само по себе установление данного выборочного основания конфискации предполагает особый правовой статус рассматриваемых составов преступления. При этом детальный анализ указанных преступлений не позволяет говорить об их повышенной степени общественной опасности по сравнению с другими либо особом корыстном характере посяательства, требующем именно дополнительной имущественной санкции, и т. д.

Проблема выборочности содержания перечня составов преступлений, предусмотренного в п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ неоднократно служила объектом научного анализа и дискуссии. При этом законодателю обозначалось на недопустимость невключения в данный список преступлений, схожих по механизму преступного действия и требующих адекватного противодействия [16]. Зачастую такое невключение носит (на первый взгляд) характер технического упущения,

³ Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000) // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003) // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

допускаемого при принятии поправок в УК РФ, вводящих новые составы преступления в статьи Особенной части УК РФ, но не дополняющих перечень п. «а» ч 1 ст. 104¹ УК РФ. Однако даже по прошествии длительного времени данные «ошибки» не устраняются. Например, речь идет об отсутствии в перечне ряда коррупционных преступлений, предполагающих непосредственное получение денежных средств или иного имущества (ст. 204¹ УК РФ и др. составы).

Изъятие имущества, выступившего орудием преступления, т. е. предметом, использованным для умышленного причинения вреда охраняемым уголовным законом правоотношениям, в принципе согласуется с правовой природой конфискации. Например, вытекает из конфискации имущества, использованного в целях совершения сделки, противной основам правопорядка (ст. 169 Гражданского кодекса Российской Федерации⁵ (далее – ГК РФ)), о чем свидетельствует практика «подмены» гражданско-правовым изъятием имущества, выступившего предметом взятничества в случаях невозможности применения уголовно-правовой конфискации⁶.

Однако позиция Верховного Суда Российской Федерации не позволяет изымать данное имущество даже на основании норм ГК РФ, регламентирующих неосновательное обогащение. Ярким примером тому – определение Верховного Суда Российской Федерации⁷ (по ст. 290 УК РФ), в котором было указано на недопустимость применения принудительных мер уголовно-правового характера (конфискации имущества по ст. 104¹ УК РФ) в порядке гражданского судопроизводства (изъятия имущества, выступившего предметом ничтожной сделки в силу статьи 169 ГК РФ). Данный подход Верховного Суда Российской Федерации признал разновидностью повторного осуждения за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации⁸).

Если в отношении получения взятки (ст. 290 УК РФ) такой подход Верховным Судом Российской Федерации запрещается, то применительно к составу мелкого взяточничества суды используют данный прием и не усматривают повторности ответственности, признавая факт мелкого взяточничества разновидностью незаконной сделки, а в качестве последствия недействительности сделки принимают решение об изъятии предмета мелкого взяточничества [17].

Показательный пример непоследовательности содержания данного перечня – наличие в нем составов ч. 4 ст. 111 УК РФ и ч. 2 ст. 105 УК РФ. Так, механизм преступного поведения не предполагает возможности получения какой-либо имущественной выгоды непосредственно в результате совершения убийства. Если же речь идет о сопряженности убийства с иными преступлениями, такими как разбой, вымогательство и т. д., то изымаемое в данном случае имущество имеет законного собственника и не может подлежать изъятию обращению в доход государства. Исключения могут составлять только случаи совершения убийства по найму. При этом к данному деянию как раз в большей степени подходит правило о применении правовых последствий недействительности сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ) [18]. Анализ судебной практики свидетельствует, что именно совершение убийства из корыстных побуждений, а равно по найму, чаще всего выступает как основание для изъятия имущества, явившегося средством оплаты за совершение данного преступления. При этом рассматриваемый список содержит выборочно лишь отдельные составы, связанные с посягательством на жизнь, например, ст. 317 УК РФ (посягательство на жизнь представителя власти), и почему-то не может повлечь за собой конфискацию имущества, полученного исполнителем от заказчика. В то же время ст. 395 УК РФ – посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие либо предварительное расследование, имеется в указанном списке.

Уголовное законодательство содержит большое количество иных составов преступлений, которые могут быть совершены по найму, однако по логике законодателя в таких случаях эти денежные средства не могут быть изъяты. Например, судебной практике известны случаи

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

⁶ Определение СК по гражданским делам ВС от 13 июня 2023 г. № 88-КГ23-2-К8 // «ГАРАНТ.РУ»: [сетевое издание]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407347943/> (дата обращения: 10.02.2025); Панфилов В. В. Взыскание денежных средств, полученных в качестве взятки по ст. 290, 291.1 УК РФ, по иску прокурора: НОВАЯ судебная практика ВС РФ 12.2023 // Информационно-правовой портал «Закон.ру»: [сайт]. URL: https://zakon.ru/blog/2024/09/15/vzyskanie_denezhnyh_sredstv_poluchennyh_v_kachestve_vzyatki_po_st_290_2911_uk_rf_po_isku_prokurora_n (дата обращения: 10.02.2025).

⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 29 октября 2024 г. по делу № 18-КГ24-248-К4 // Юридическая информационная система «Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» (ЮИС Легалакт): [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29102024-n-18-kg24-248-k4-uid-23rs0050-01-2023-000197-81/> (дата обращения: 10.02.2025).

⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/> (дата обращения: 10.02.2025).

совершения по найму различных насильственных преступлений: изнасилований или насильственных действий сексуального характера (ст. 131, 132 УК РФ), побоев либо причинения вреда здоровью (ст. 112, 115, 116 УК РФ), незаконного помещения в психиатрический стационар (ст. 128 УК РФ), самоуправства (ст. 330 УК РФ) и т. д. Однако данные составы не фигурируют в рассматриваемом перечне п. «а» ст. 104¹ УК РФ.

Таким образом, включение в перечень п. «а» ст. 104¹ УК РФ отдельных составов преступлений по причине более высокой вероятности получения имущественной выгоды от их совершения не может выступать в качестве объективного критерия формирования оснований конфискации имущества.

Результаты

Детальный анализ обоснованности включения каждого из составов в перечень п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ позволяет говорить о ситуативности данного законодательного решения, продиктованного отчасти общественной опасностью ряда составов преступлений, отчасти наличием политической подоплеки усиления борьбы с той либо иной группой преступных посягательств, что далеко не всегда совпадает с реальным механизмом незаконного получения имущественной выгоды в результате факта совершения преступления. Об этом свидетельствует систематическое внесение изменений в указанный перечень, а также попытки включить в него новые составы преступлений⁹.

Такое выборочное указание на возможность конфискации имущества за совершение только отдельных составов преступления не позволяет полноценно реализовывать ресурсный контроль, направленный на исключение возможности получения прибыли в результате преступной деятельности.

В результате существующего подхода возникает ситуация, когда лицо, совершившее преступление, не указанное в приведенном перечне и получившее от этого доход, остается «законным» собственником данного имущества и может им распоряжаться. Примером служат судебные решения, подтверждающие невозможность изъятия такого имущества¹⁰.

Таким образом, устранение неоправданной дифференциации оснований конфискации имущества возможно путем исключения излишнего перечня преступлений из содержания п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ с сохранением значимых свойств самого имущества – полученного в результате совершения преступления и установления ограничения для конфискации имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу.

Данный подход обосновывается тем фактом, что получение имущества тем либо иным образом связывается с его незаконным изъятием из владения собственника и соответственно не может порождать лишение «незаконного» права собственности виновного лица и возникновения вторичного права государства на обращение в свою пользу данного имущества.

Несомненно, данный аргумент имеет право на существование, и такого рода преступления существуют, однако механизм получения имущества (а также и доходов от имущества) в зависимости от характера совершенного преступления может предполагать различный способ обогащения виновного.

Так, полученные доходы от использования похищенного имущества, согласно предписаниям ст. 104¹ УК РФ, не могут быть обращены в доход государства, т. к. данная норма не содержит соответствующих составов преступления (ст. 158, 159 УК РФ и т. д.). Если в отношении самого имущества справедливо возвращение его законному владельцу, то доходы от его использования по логике либо должны быть тоже изъяты у виновного и переданы собственнику, либо обращены в пользу государства.

Дифференциация конфискации имущества не предполагает произвольного выбора судом размера изымаемого имущества и вообще возможности неприменения данной меры. Исключения составляют только случаи конфискации орудий и средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому. Так, в судебной практике встречаются примеры неприменения

⁹ Бастрыкин предложил конфисковать имущество у виновных в мошенничестве и растрате // «Коммерсантъ» : [сетевое издание]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7479784> (дата обращения: 17.03.2025) ; Козлова Н. Бастрыкин предложил конфискацию за мошенничество и растрату // Российская газета : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2025/02/05/vor-anfas-i-v-profil.html> (дата обращения: 17.03.2025) ; Лунькова В. Глава СК предложил конфисковывать у коррупционеров все имущество // РБК : [сетевое издание]. URL: <https://reality.rbc.ru/news/645cf3d39a7947bcf462e44b?from=copy> (дата обращения: 17.03.2025).

¹⁰ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 июня 2023 г. № 88-КГ23-2-К8 // «ГАРАНТ.РУ» : [сетевое издание]. URL: <https://www.garant.ru/news/1639157/> (дата обращения: 17.03.2025) ; URL: https://zakon.ru/blog/2024/09/15/vzyskanie_denezhnyh_sredstv_poluchennyh_v_kachestve_vzyatki_po_st_290_2911_uk_rf_po_isku_prokurora_n (дата обращения: 17.03.2025).

конфискации орудий, средств, оборудования совершения преступления, принадлежащих обвиняемому, в случаях, когда стоимость данных предметов несопоставима с размером причиненного ущерба (существенно его превышает), а также если данные предметы выступают единственным источником дохода для лица, совершившего преступление [19].

Другим дифференцирующим обстоятельством конфискации имущества выступает сочетание специфики совершенного преступления с инымиотягощающими его обстоятельствами. В частности, речь идет о неоднократных грубых нарушениях правил дорожного движения (ст. 264²⁻³ УК РФ), а также управлении транспортным средством в состоянии опьянения (ст. 264¹ УК РФ).

Только в отношении данных составов закреплена возможность конфискации транспортного средства, которым управлял виновный в момент совершения преступления. Придание данному случаю конфискации имущества карательного свойства позволяет говорить об использовании его фактически в качестве аналога дополнительного наказания.

В первую очередь вызывает возражение выборочность именно данных составов преступления. Если обоснование введения данной меры в УК РФ выступала повышенная опасность управления транспортным средством в состоянии опьянения, то не вполне понятно, почему законодатель ограничился только одним составом преступления (ст. 264¹ УК РФ). Схожие нарушения могут происходить и в процессе использования средств индивидуальной мобильности либо приравненных к ним (самокаты, электровелосипеды, сигвеи и т. п.), а также воздушных либо водных транспортных средств, которые относятся к числу источников повышенной опасности и соответственно требуют повышенной ответственности лиц, их эксплуатирующих.

Второй критерий дифференциации – субъект права собственности на транспортное средство (виновный либо иное лицо) создает условия для нарушения принципа равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), т. к. ставит вопрос об объеме репрессивного воздействия в прямую зависимость от имущественного положения лица. Такой вывод следует из ряда обстоятельств: до введения в УК РФ соответствующего п. «д» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ попытки изымать транспортные средства как орудия или средства совершения преступления были отвергнуты Верховным Судом Российской Федерации¹¹. В 2016 году Верховный Суд Российской Федерации разъяснил: «Следует иметь в виду, что для целей применения пункта «г» части 1 статьи 104¹ УК РФ транспортное средство не может быть признано орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления, предусмотренного статьей 264 либо 264¹ УК РФ»¹² (п. 30). Однако в последующем, законодатель, по сути, преодолел данный запрет Верховного Суда Российской Федерации путем введения специального дополнительного основания конфискации имущества (п. «д» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ).

Если согласиться с тезисом о том, что ст. 264¹–264³ УК РФ не предполагают умышленного использования транспортных средств для причинения вреда, то и конфискация соответственно имеет иные обоснования. Таковым представляется желание дополнительного сдерживающего общепредупредительного воздействия (как средство устрашения) и специально предупредительного (как лишение (сокращение) возможности продолжения преступной деятельности). Последовательная реализация данного подхода с очевидностью приводит нас к выводу о необходимости аналогичного изъятия не только транспортного средства, но и иных источников повышенной опасности (воздушные, водные (морские, речные) суда и др.) в случае совершения преступлений, предусмотренных ст. 216, 238, 263, 264, 271, 271¹ УК РФ, лицом, находящимся в состоянии опьянения [20, с. 44–45].

Так, в судебной практике при вынесении приговоров довольно часто встречаются спорные ситуации в части решения вопроса о конфискации транспортного средства, фактически находящегося в пользовании виновного, однако юридически оформленного на супруга (супругу), близкого родственника (родителей, детей) либо на юридическое лицо, учредителем либо руководителем которого является виновный¹³. Также оспариваемыми выступают ситуации, когда транспортное средство находится в залоге у банка либо иной кредитной организации.

¹¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 25.06.2024) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 2.

¹² О внесении изменений в постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2016 г. № 22 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 7.

¹³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2023 г. № 3-УДП23-16-К3 // «ГАРАНТ.РУ» : [сетевое издание]. URL: <https://base.garant.ru/408261865/?ysclid=mcmzyuxhc523784703> (дата обращения: 17.03.2025).

Правоприменители и научное сообщество выдвигают различные критерии и аргументы от- носительно возможности применения в таких ситуациях конфискации. Например, предлагает- ся учитывать интересы права собственности второго собственника и конфисковать только часть имущества, непосредственно принадлежащую виновному (с учетом потенциально возможного раздела имущества), либо игнорировать данные права и изымать все имущество [21–23]. При этом отсылка к таким обстоятельствам, как происхождение денежных средств, на которые приобрете- но транспортное средство; определение режима собственности (наличие либо отсутствие разде- ла имущества); нуждаемость членов семьи в транспортном средстве представляются как мини- мум вторичными и точно не влияющими непосредственно на решение вопроса о необходимости изъятия имущества¹⁴. Указанные критерии представляются искусственно создаваемыми с целью исправить либо каким-либо образом нивелировать допущенную законодателем некорректную формулировку данного основания конфискации имущества.

В таком случае дифференциация оснований конфискации не должна зависеть от принадлеж- ности имущества исключительно виновному. По сути, лицо, совершающее преступление, пред- усмотренное ст. 264¹⁻³ УК РФ с использованием не принадлежащего ему транспортного средства, находится в более выгодном положении, нежели лицо, нарушающее правила дорожного движе- ния, использующее транспортное средство, принадлежащее ему. Такое положение представля- ется недопустимым и требует урегулирования на уровне уголовного законодательства.

Конфискация имущества как один из способов ресурсного контроля должна предполагать формирование концепции экономической невыгодности совершения любого преступления. В связи с этим возможность применения конфискации имущества должна распространяться на все категории преступлений вне зависимости от их характера и степени тяжести. Основани- ем изъятия имущества должен выступать факт получения имущественной выгоды (денег, цен- ностей, имущества) в результате совершения преступления. Ограничением на такое изъятие должны выступать требования норм гражданского законодательства, регламентирующие пра- вомерное владение имуществом и вопросы возмещения вреда, причиненного преступлением.

3 заключение

В связи с изложенным выше необходимо отказаться от закрытого перечня составов преступлений, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ и предусмотреть возможность конфискации любого имущества, полученного в результате совершения преступления.

Реализация данного подхода представляется возможной путем внесения изменений в нор- мы ст. 104¹ УК РФ. Пункты «а», «д» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ предлагается изложить в редакции:

1. «а) денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения престу- плений и любых доходов от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу;».

2. «д) транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совер- шении преступлений в состоянии опьянения, а также преступлений, предусмотренных ст. 264², 264³ настоящего Кодекса, либо эквивалента стоимости данного транспортного средства, в случае принадлежности его иному физическому либо юридическому лицу.».

Ограничением на применение конфискации имущества должно выступать правило, согласно которому не подлежит конфискации то имущество, которое должно быть передано законному добросовестному собственнику (приобретателю).

Список источников

1. Петров С. В. Методы уголовно-правовой политики Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и обще- ственные науки. 2024. № 7. С. 145–148. <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-7-16>
2. Кузнецова И. А. Методы уголовно-правовой политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, куль- турология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11 (25) : в 2-х ч. Ч. I. С. 100–104.
3. Кругликов Л. Д., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 268 с.
4. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности : Теория и законодательная практика. Изд. 2-е, пере- раб. и доп. Москва : Норма, 2000. 389 с.

¹⁴Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20 июня 2023 г. № 77-2856/2023 (УИД 21RS0003-01-2022-000955- 41) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=121094&cacheid=3B7C16372F86C7453D28E2B792690FE0&mode=splus&rnd=ADaYaQ#GXSRFqU81o8qmaTn> (дата обращения: 17.03.2025) ; Определение судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 1 февраля 2024 г. № 64-УДП23-9-9К// «ГАРАНТ.РУ» : [сетевое издание]. URL: <https://base.garant.ru/408517871/> (дата обращения: 17.03.2025).

5. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма : Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация : [Пер. с англ.] / науч. ред. и вступ. ст. В. С. Каткало. Санкт-Петербург : Лениздат, 1996. 702 с.
6. Клейнер Г. Б. Ресурсная теория системной организации экономики // Российский журнал менеджмента. 2011. Т. 9, № 3. С. 3–28.
7. Слоун А. Мои годы в General Motors. / пер с англ.: А. Козлова, А. Врублевского, В. Карпюка, Ю. Левчука [и др.]. Москва : Эксмо, 2022. 706 с.
8. Афанасьев В. Г. Научное управление обществом : (Опыт системного исследования). 2-е изд., доп. Москва : Политиздат, 1973. 391 с.
9. Лунеев В. В. Конфискация имущества из УК РФ незаконно исключена: что дальше? // Государство и право. 2006. № 4. С. 5–10.
10. Яни П. С. Конфискация имущества и уголовная ответственность // Уголовное право. 2006. № 6. С. 131–135.
11. Кузнецова О. А., Степанов В. В. Межотраслевая правовая природа конфискации имущества // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 27–37.
12. Бавсун М. В., Николаев К. Д., Самойлова С. Ю. Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве : монография. Москва : Юрлитинформ, 2016. 239 с.
13. Голованова Н. А. Конфискация как реакция на корыстное преступление // Журнал российского права. 2015. № 7 (223). С. 78–86. <https://doi.org/10.12737/11754>
14. Шевелева С. В. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 3. С. 73–84.
15. Краснов Ю. К. Институт конфискации имущества в уголовном праве России уроки борьбы с доходами, полученными преступным путем, в оценке Верховного суда РФ // Право и управление. XXI век. 2018. № 2 (47). С. 22–30. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2018-2-47-22-30>
16. Рарог А. И. Институт конфискации имущества нуждается в совершенствовании / Институт конфискации имущества в законодательстве государств-членов совета Европы и в российском законодательстве : материалы Международного семинара, Белокуриха, 3–6 октября 2007 г. Барнаул : Алтайский государственный университет, 2008. С. 53–59.
17. Турицын А. В. Проблема подмены понятий конфискация (ст. 104.1 УК РФ) и «изъятие имущества» по сделке, совершённой с целью, противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ), по делам о взяточничестве // Право и практика. 2023. № 3. С. 54–60. <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2023-3-54-60>
18. Гончарова В. А. Конфискация (ст. 104.1 Уголовного кодекса РФ) и обращение всего полученного сторонами по антисоциальной сделке в доход Российской Федерации (ст. 169 Гражданского кодекса РФ): проблемы соотношения и обеспечения единообразия в применении // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2024. № 2. С. 89–97. https://doi.org/10.52452/19931778_2024_2_89
19. Карпов К. Н. Когда не применяется конфискация имущества // Законность. 2017. № 12 (998). С. 36–40.
20. Мингалимова М. Конфискация транспортных средств как способ предупреждения совершения преступлений в состоянии опьянения // Законность. 2024. № 2. С. 41–47.
21. Шевелева С. В. Трансформация уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 3. С. 106–123. <https://doi.org/10.61205/S160565900029134-1>
22. Маматов М. В., Маслов И. А. Конфискация транспортного средства как элемент предупреждения общественно-опасных деяний в области дорожного движения // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 66–68.
23. Надин А. Конфискация транспортных средств: проблемы правоприменения // Законность. 2024. № 11. С. 55–58.

Научная статья

УДК 343.98

Объект в типовой методике расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних

Игорь Михайлович Комаров, доктор юридических наук, профессор

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва (119991, Ленинские горы, д. 1), Российская Федерация
mgu.ikomarov@mail.ru

Аннотация:

Введение. Очевидно, что качественное и оперативное расследование преступлений против семьи и несовершеннолетних – одна из важнейших государственных задач, поскольку семья является системообразующим элементом российского общества, а несовершеннолетние граждане – это его настоящее, а главное, будущее. Основная задача расследования преступлений вообще и рассмотренных в настоящей статье в частности – не только установление виновных лиц, но и предотвращение подобных преступлений. По этой причине разработки соответствующих методик расследования следует считать приоритетной криминалистической задачей. Вместе с тем методология таких разработок требует первоначально определить объект, в соответствии с которым будет сформирована данная методика, поскольку от правильного определения объекта зависят ее система и структура. По этой причине данный вопрос представляет особую актуальность для криминалистических исследований.

Методы. Определяются кругом решаемых научных задач, ориентированных на выявление и разрешение проблем, связанных с установлением актуальных преступлений, направленных против семьи и несовершеннолетних, что позволит правильно определить систему и структуру методик их расследования. В ходе исследования применены методы: сравнительно-правовой, описательный, анализ и синтез, классификация и др. Изучались материалы научных исследований, отраженные в диссертациях, монографиях, научных статьях и др.

Результаты. В статье проведен анализ и осуществлен критический разбор взглядов ученых-правоведов на понятие «объект» и «семья», что позволило выявить объективные проблемы, связанные с уяснением этих понятий, в т. ч. как объектов криминалистического исследования и познания. Это позволило соответствующим образом аргументировать авторское отношение к данным понятиям. Сформулированы выводы, направленные на разрешение указанной проблемы, актуальные как для науки криминалистики, так и для практики правоприменительной деятельности. Обосновано определение объекта в типовой методике расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Ключевые слова:

криминалистика, криминалистическая методика, семья, объект исследования, несовершеннолетние

Для цитирования:

Комаров И. М. Объект в типовой методике расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 110–115.

Статья поступила в редакцию 04.07.2025;
одобрена после рецензирования 24.08.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

The object of study in the typical methodology for investigating crimes against the family and minors

Igor M. Komarov, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
mgu.ikomarov@mail.ru

Abstract:

Introduction. It is obvious that thorough and prompt investigation of crimes against the family and minors is one of the most important state tasks, since the family is a cornerstone of Russian society, and minor citizens are its present and, most importantly, its future. The main objective of investigating crimes in general, and those discussed in this article in particular, is not only to identify the guilty parties but also to prevent such crimes. For this reason, the development of appropriate investigation methodologies should be considered a priority forensic task. However, the methodology for such development initially requires defining the object in accordance with which this methodology will be formed, as its system and structure depend on the correct definition of the object. For this reason, this issue is particularly relevant for criminalistic research.

Keywords:

forensic science, forensic methodology, family, research object, minors

Methods. The methods are determined by the range of scientific tasks aimed at identifying and resolving problems related to the detection of current crimes committed against the family and minors. This helps to define the system and structure of their investigation methodologies. The study employed the following methods: comparative legal, descriptive, analysis and synthesis, classification, and others. We studied scientific research materials presented in dissertations, monographs, journal articles, and other sources.

Results. The article provides a critical analysis of the views of legal scholars on the concepts of 'object' and 'family', which made it possible to identify objective problems related to understanding these concepts, including objects of forensic research and cognition. This enabled the author to appropriately argue their position regarding these concepts. The study formulates conclusions aimed at resolving the identified problem, which are relevant for both forensic science and the practical work of law enforcement agencies. The paper provides a justification for the definition of the object in the typical methodology for the investigation of crimes against the family and minors.

For citation:

Komarov I. M. The object of study in the typical methodology for investigating crimes against the family and minors // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 110–115.

The article was submitted July 4, 2024;

approved after reviewing August 24, 2025;

accepted for publication September 25, 2025.

Введение

В системе криминалистики методика расследования преступлений представляет собой важнейший интегрирующий элемент, который в соответствии с объектом и задачами исследования синтезирует в своем содержании основные разработки общей теории криминалистики, криминалистической техники и тактики. Эта интеграция позволяет разработать методику расследования преступлений, ориентированную на конкретное преступление в смысле отдельно взятого состава, определенного нормой УК РФ, группы преступлений, его вида. Эта методика ориентирована на общие положения криминалистической методики как элемента системы криминалистики, разработанные еще в советский период такими учеными, как Р. С. Белкин, И. А. Возгрин, С. А. Голунский, И. Н. Якимов, А. Н. Васильев, Н. П. Яблоков, Е. П. Ищенко, И. Ф. Крылов и многими другими. Однако методика расследования преступлений – категория достаточно динамичная, поскольку ее содержание в смысле рекомендаций самым непосредственным образом связано с данными современной судебно-следственной практики. По этой причине требуется постоянное научное обоснование с целью уточнения и дальнейшего развития основных ее положений, среди которых важным является объект отдельно взятой методики расследования. К сожалению, этот вопрос в последние годы вышел из фокуса внимания в криминалистических исследованиях, касающихся методики расследования, что мы относим к явлениям негативного порядка.

Методы

В процессе исследования был задействован комплекс общенаучных и частнонаучных методов. В их числе: анализ и синтез для структурирования информации, сравнительно-правовой метод для сопоставления различных подходов, формально-юридический метод для точной интерпретации правовых норм. Теоретическую базу исследования составило изучение широкого круга научных материалов, отраженных в диссертациях, монографиях, статьях в рецензируемых журналах и других источниках.

Результаты

Методика расследования преступлений представляет собой закономерный, исторически сложившийся элемент системы науки криминалистики. Он представляет собой систему знаний о типовых методиках расследования преступлений, их групп и видов, которые формируются в соответствии с общими положениями криминалистической методики, отражающих типовую систему и структуру указанных методик в зависимости от их видов, основанных на классификационных признаках.

Одним из основных элементов системы и структуры типовой методики расследования преступлений является ее объект.

Понятие объекта, как и любое другое понятие в науке, имеет различные определения и может формулироваться как в широком, так и в узком смысле этого слова.

В широком смысле это понятие следует рассматривать в качестве философской категории, которая выражает направление практической и теоретической деятельности исследователя. В системе категорий диалектического метода познания данное понятие относится к категории «общее», если рассматривать эту систему как «общее – особенное – единичное».

Объект исследования в науке представляется основным полем деятельности исследователя в определенной сфере науки. Для криминалистики как науки, разрабатывающей приемы

и средства техники, тактики и методики расследования, таким объектом следует считать правонарушения (в широком смысле), т. е. преступления и различные проступки (гражданские, административные и т. п.). Согласно категориям диалектического метода познания этот объект мы рассматриваем как «особенный».

В соответствии с приведенными выше тезисами можно предположить, что разрабатываемые в криминалистике технические, тактические и методические рекомендации, направленные на расследование нарушенных преступлением (проступком) определенных общественных отношений, являются объектом криминалистического исследования и познания, т. е. «единичным», если следовать логике категорий диалектического метода познания.

Это «единичное» и представляет собой типовую методику расследования преступления (группы преступлений, вида). В нашем случае это методика расследования преступлений, направленных против семьи и несовершеннолетних (глава 20 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ)).

Закономерен вопрос: является ли семья объектом криминалистического исследования и познания? Можно ли рассматривать ее в качестве сферы общественных отношений, которые могут быть нарушены преступлением (проступком)?

Доказывание этих гипотез позволит говорить о том, что в системе криминалистики в соответствии с накопленными научно-практическими знаниями возможна разработка предметных технических и тактических рекомендаций, а на их основе и методических рекомендаций, направленных на расследование преступлений, связанных с общественными отношениями внутри семьи и против несовершеннолетних.

Сразу возникает вопрос, а что, собственно, представляет собой семья?

Одним из фундаментальных исследований, связанных с понятием «семья», является работа Фридриха Энгельса «Происхождения семьи, частной собственности и государства»² (1884), где автор называл семью институтом общества и государства, которые неразрывно связаны между собой.

Всеобщая декларация прав человека³ (1948) в ст. 16 определяет, что семья является естественной и основной ячейкой общества, имеет право на защиту со стороны общества и государства.

Между тем, как полагают члены комитета по правам человека Организации Объединенных Наций, концепция семьи и определение ее понятия может существенно отличаться в каждом государстве, а в некоторых случаях даже регионах одного государства, и поэтому дать универсальное определение понятию «семья» достаточно сложно [1].

Попытки определения понятия «семья» предпринимались и зарубежными учеными. Английский социолог Энтони Гидденс так определяет это понятие: семья – это «группа людей, связанных прямыми родственными отношениями, взрослые члены которой принимают на себя обязательства по уходу за детьми»⁴.

В российской науке «семья» как социальное понятие исследовано достаточно полно в различных ее аспектах.

В понимании В. И. Бошко семьей являются лица, объединенные взаимной материально-моральной поддержкой, заботой о воспитании потомства, обладающие соответствующими правами и обязанностями [2].

Советский исследователь А. Г. Харчев, рассматривая семью с социологической точки зрения, писал, что ее следует воспринимать как историко-конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения [3, с. 75].

В связи с тем, что понятие «семья» имеет множество существенных признаков, его унифицированное определение до настоящего времени не сформулировано. Отсутствует оно и в юридических науках.

В зависимости от предмета исследования авторы при определении понятия «семья» выделяют различные его существенные признаки.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Энгельс Ф. Происхождения семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Сочинения / Маркс К., Энгельс Ф. Изд. 2-е. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 21. С. 23–178.

³ Всеобщая декларация прав человека (принята третьей на сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1998. 10 декабря.

⁴ Гидденс Э. Социология : учебник / науч. ред. В. А. Ядов ; общ. ред. Л. С. Гурьевой и Л. Н. Иосилевича ; пер. В. Малышенко [и др.]. Москва : Эдиториал УРСС, 1999. С. 275.

На взгляд Д. А. Шарманджиева, основным критерием, по которому происходит отнесение малой группы к семье, является не кровное родство, не совместное ведение хозяйства и проживание под «одной крышей», а самоощущение и самоидентификация членов этой группы [4, с. 210].

Профессор Р. П. Мананкова считает, что под семьей следует понимать малую социальную группу, основанную на браке, родстве, усыновлении и иных формах принятия детей на воспитание, связанная общностью жизни, а также семейными правами и обязанностями [5, с. 27].

Есть предложения закрепить в понятии «семья» признаки, основанные на союзе совместно проживающих лиц, объединенных браком, близким родством или приравненным к нему законом правовым состоянием, имеющих близкие личные связи, выраженные в эмоциональной привязанности [6].

Интересна позиция А. Н. Ильяшенко, который обоснованно полагает, что в понятие семьи следует также включить лиц, которые находятся во взаимоотношениях в результате осуществления фактического воспитания и содержания несовершеннолетних детей, а также иных лиц, нашедших приют у других лиц и попавших в материальную, психологическую или иную зависимость от них вследствие неспособности обеспечить уход за собой, самостоятельно защитить свои права из-за несовершеннолетия или по иным причинам (например, нетрудоспособный иждивенец) [7, с. 42]. Анализ отечественного и зарубежного законодательства разных стран позволяет предложить следующее определение понятия «семья» в его самых общих и часто встречающихся признаках. Под семьей предлагается понимать добровольный союз мужчины и женщины, связанных общим бытом, взаимными правами и обязанностями, целью которого является продолжение рода, рождение и совместное воспитание детей. Не подлежит сомнению, что семья должна находиться под защитой государства [8].

Вместе с тем полагаем, что более приемлемым для различных исследований, в т. ч. и криминалистических, является определение семьи российского ученого-демографа Н. М. Римашевской, которая считает, что «семья – первичная ячейка общества, изначальный элемент социальной структуры, в процессе функционирования и развития которой отчетливо преломляются основные социально-экономические отношения. В рамках семьи сосредоточивается существенная часть человеческой деятельности, преимущественно лежащей вне общественного производства и связанной с удовлетворением многообразных материальных и духовных потребностей людей» [9, с. 158]. Это определение поддержано и другими авторитетными российскими учеными, такими, например, как Т. К. Ростовская и О. В. Кучмаева⁵.

Понятие «семья» по причине, указанной выше, отсутствует и в Семейном кодексе Российской Федерации (как 1995 года, так и в современной редакции). Однако этот кодифицированный нормативный правовой акт указывает некоторые признаки семьи, среди которых: наличие взаимных прав и обязанностей, совместное проживание членов семьи и их (членов семьи – И. М.) определение.

Фактически семью в современном ее понимании можно считать частью микросоциума, т. е. ближайшего социального окружения человека в его пространственно-временном континууме, которое самым непосредственным образом влияет на его, человека, развитие – эмоциональный мир, нравственные устои и элементы самосознания, а в конечном итоге – существование.

Этот тезис указывает на важнейшую социальную функцию семьи – воспитание детей, которое является частью такого сложного понятия, как родительское правоотношение, объединяющее как права родителей, так и их обязанности в отношении детей. Родительское правоотношение здесь следует рассматривать не только как внутрисемейное отношение – это понятие значительно шире.

Последние десятилетия стали испытанием для российской семьи по причинам как объективного, так и субъективного характера, что породило для нее ряд негативных тенденций, в первую очередь связанных с ростом числа так называемых неблагополучных семей и, как следствие, процессами криминализации в семейных отношениях [10].

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что ежегодно российские суды рассматривают более 50 тысяч дел по заявлениям о лишении родительских прав, растет количество приемных семей, с которыми досрочно расторгнуты договоры по причине возникновения неблагоприятных условий для содержания, воспитания и образования ребенка [11, с. 62].

Наблюдается высокий уровень и рост правонарушений среди несовершеннолетних, что также указывает на серьезные недостатки в сфере воспитания детей. В целом отмечен значительный рост преступлений против семьи и несовершеннолетних.

⁵ Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Семья в системе социальных институтов общества : учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2019. 299 с.

Рамки настоящей статьи не позволяют дать подробный правовой анализ состояния преступности, связанной с семьей и несовершеннолетними, однако даже беглый взгляд на проблему свидетельствует о тревожной ситуации, которая требует внимания со стороны государства, и в первую очередь уголовно-правовой защиты института семьи.

Безусловно, важным средством реализации этой правовой защиты является глава 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних»⁶, где отражены основные правовые нормы, направленные на защиту семьи и несовершеннолетних, исследованию которых посвящено значительное число публикаций⁷ [12–13 и др.]

Вместе с тем указанная правовая защита, и это очевидный факт, не может быть эффективно реализована субъектами правоохранительной деятельности без научно обоснованных криминалистических рекомендаций для расследования как преступлений, определенных указанной выше главой УК РФ, так и преступлений, которые могут иметь факультативное (опосредованное) значение в аспекте посягательств на семью и несовершеннолетних, например, ст. 131–133, 135, 127¹ УК РФ и т. п.

В основе этих рекомендаций должны лежать в первую очередь данные анализа судебно-следственной практики, а также современные научно-теоретические технические и тактические криминалистические разработки, что позволит создать в соответствии с правильно определенным объектом соответствующие типовые методики расследования преступлений, связанных с семьей и несовершеннолетними.

При этом в основе данных методик должны быть не только рекомендации, непосредственно связанные с выявлением, раскрытием, расследованием и судебным рассмотрением таких преступлений, но и рекомендации профилактического характера, обусловленные установлением в процессе предварительного расследования причин и условий, способствовавших совершению преступлений в отношении семьи и несовершеннолетних, что также поглощается объектом методики расследования [14; 15].

По нашему мнению, в современной криминалистике уделяется еще недостаточно внимания проблемам, связанным с исследованием преступлений против семьи и несовершеннолетних, их выявлению, раскрытию, расследованию, судебному рассмотрению и предотвращению. Еще немало неизученных вопросов, связанных с тактикой и методикой расследования, требующих своего криминалистического разрешения, что при реализации в правоприменительной деятельности позволит улучшить криминальную ситуацию, снизив число преступлений против семьи и несовершеннолетних. В связи с этим также важен вопрос правильного определения объекта исследования.

Очевидно, что в отдельно взятой публикации невозможно детально рассмотреть такой сложный вопрос, как семья – объект криминалистического исследования и познания в соответствующей методике расследования преступлений.

Однако даже тезисное его обоснование позволяет сделать вывод, что разрабатываемые в криминалистике технические, тактические и методические рекомендации, направленные на расследование преступлений в сфере семьи и несовершеннолетних, являются объектом криминалистического исследования и познания, а также «единичным», с позиции методики расследования.

Следует определиться с тем, что, собственно, представляет собой объект типовой методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних.

В основе этого определения лежит объект криминалистики, которым, по нашему мнению, является правонарушение. Содержательно оно включает преступления и различные проступки, а точнее деятельность лиц по совершению преступлений и проступков, а также деятельность уполномоченных процессуальных субъектов по расследованию преступлений и проступков.

Отсюда следует вывод, что объектом в типовой методике расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних следует считать преступную деятельность, направленную на семейные общественные отношения и несовершеннолетних, а также деятельность процессуально уполномоченных субъектов правоохранительных органов по выявлению, раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений против семьи и несовершеннолетних.

В отдельно взятой публикации достаточно проблемно рассмотреть такой сложный вопрос, каким является объект типовой методики расследования, однако даже тезисное рассмотрение проблемы, приведенное в настоящей публикации, убеждает нас в правильности сделанного вывода.

⁶ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁷ Мясникова А. И. Актуальные проблемы квалификации преступлений против семьи и несовершеннолетних // Молодой ученый. 2020. № 21 (311). С. 334–336.

3 заключение

Подведем итог.

1. Семья, как социальная категория, безусловно, является объектом криминалистического исследования и познания, важным объектом исследования, поскольку, она представляет собой системообразующий элемент российского общества, от социального здоровья которого зависит и здоровье общества.

2. Объектом криминалистики как науки является правонарушение, содержание которого представляют преступление и проступок. Уточнив, укажем, что это – деятельность лиц по совершению преступлений и проступков, а также противоположная ей деятельность уполномоченных процессуальных субъектов по расследованию преступлений и проступков.

3. В соответствии с этим можно сделать вывод, что объектом в типовой методике расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних следует считать преступную деятельность, направленную на семейные общественные отношения и несовершеннолетних, нарушение этих отношений с позиции действующего законодательства, а также деятельность процессуально уполномоченных субъектов правоохранительных органов по выявлению, раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений (проступков) против семьи и несовершеннолетних.

Список источников

1. *Защита семьи: вклад семьи в реализацию права на достаточный жизненный уровень для ее членов, в частности, посредством ее роли в искоренении нищеты и достижении устойчивого развития* : Ежегодный доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека и доклады Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека и Генерального секретаря 27 июня 2016 г. // Совет по правам человека Организации Объединенных Наций : [официальный сайт]. URL: http://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/ProtectionFamily/A-HRC-31-37_en.doc (дата обращения: 20.06.2025).
2. *Бошко В. И.* Очерки советского семейного права / перераб. и доп. В. А. Рясенцевым. Киев : Госполитиздат УССР, 1952. 372 с.
3. *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Мысль, 1979. 367 с.
4. *Шарманджиев Д. А.* Определения понятия «Семья» в социально-философских исследованиях // Манускрипт. 2016. № 12-3 (74). С. 209–211.
5. *Мананкова Р. П.* Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации. Введение // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 26–42.
6. *Аникина А. А., Квициния Н. В.* Определение понятия «семья»: проблемы нормативного толкования // Наука через призму времени. 2020. № 5 (38). С. 122–125.
7. *Ильяшенко А. Н.* Борьба с насильственной преступностью в семье : монография / под науч. ред. П. Г. Пономарева. Москва : ВНИИ МВД России, 2003. 186 с.
8. *Конева Е. М., Конев Ф. Ф., Шишенина И. В.* Определение понятия «семья» в международном и национальном праве // Современные научные исследования и инновации : [электронный журнал]. 2021. № 4. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2021/04/95262> (дата обращения: 20.06.2025).
9. *Римашевская Н. М.* Человек и реформы : Секреты выживания : [монография]. Москва : Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2003. 392 с.
10. *Кравцов Д. А., Ульянова К. А.* Криминологическая характеристика семейного насилия: виктимологические аспекты, проблемы и меры противодействия в Российской Федерации // Молодой ученый. 2023. № 22 (469). С. 280–282.
11. *Куемжиева С. А.* Методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних : монография / под науч. ред. В. Д. Зеленского. Москва : Юрлитинформ, 2018. 257 с.
12. *Маршакова Н. Н.* Преступления против семьи и несовершеннолетних в системе Особенной части УК РФ // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 3. С. 171–174.
13. *Кручинина Н. В., Пятибратова Н. Д.* Расследование преступлений против семьи : монография / под общ. ред. Е. П. Ищенко. Москва : Проспект, 2019. 136 с.
14. *Ивасюк О. Н.* Современные проблемы предупреждения преступлений в сфере семейно-бытовых отношений / Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки, 2020. Т. 6 (72), № 2. С. 230–235. <https://doi.org/0.37279/2413-1733-2020-6-2-230-235>
15. *Медведев С. С., Фотиадис Р. М.* Семья в системе мероприятий по предупреждению преступлений // Эпомен. 2019. № 26. С. 172–177.

Значение данных о лице, совершившем преступление, для определения системы и выбора мер уголовной ответственности

Валентина Николаевна Куфлева, кандидат юридических наук, доцент

Кубанский государственный университет
Краснодар (350040, ул. Ставропольская, д. 149), Российская Федерация
val_swatch@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6432-9452>

Аннотация:

Введение. В статье рассматривается динамичная природа уголовной ответственности и роль данных о лице, совершившем преступление, в процессе ее реализации. Определены три ключевых этапа ее развития: установление, привлечение и реализация уголовной ответственности. Подчеркивается, что объем и значимость информации о личности достигают максимума именно на заключительном этапе.

Методы. В исследовании использовались такие методы, как анализ, синтез, обобщение, формально-юридический, а также метод толкования норм права и ряд др.

Результаты. Исследование проблем функциональной связи данных о лице, совершившем преступление, и системы мер уголовно-правового характера позволило сформулировать следующие выводы: а) меры уголовно-правового характера составляют систему мер, которые могут применяться только в рамках реализации уголовной ответственности, в связи с чем освобождение от уголовной ответственности не может рассматриваться как часть системы мер уголовно-правового характера, оно является отказом государства от реализации ответственности; б) в отношении лица, совершившего преступление, сохраняющего криминальный уровень опасности, могут быть применены следующие меры уголовно-правового характера: наказание, условное осуждение, освобождение от наказания в связи с изменением обстановки, отсрочка отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания больному наркоманией, освобождение от наказания с применением мер воспитательного воздействия или помещением несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа; в) данные о личности лица, совершившего преступление, отражают широкий спектр его отрицательных и положительных характеристик, среди которых показатели уровня общественной опасности являются ведущими при решении вопроса о необходимости реализации уголовной ответственности и о выборе формы ее реализации.

Ключевые слова:

лицо, совершившее преступление, уголовная ответственность, меры уголовной ответственности, дифференциация уголовной ответственности, меры уголовно-правового характера, наказание, освобождение от наказания

Для цитирования:

Куфлева В. Н. Значение данных о лице, совершившем преступление, для определения системы и выбора мер уголовной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 116–124.

Статья поступила в редакцию 18.06.2025;
одобрена после рецензирования 31.08.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

The significance of data on a perpetrator of a crime for determining the system and choice of criminal liability measures

Valentina N. Kufleva, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Kuban State University
149, Stavropolskaya str., Krasnodar, 350040, Russian Federation
val_swatch@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6432-9452>

© Куфлева В. Н., 2025

Abstract:

Introduction. The article examines the dynamic nature of criminal liability and the role of data on a perpetrator of a crime in the process of its implementation. Three key stages of its development are identified: establishment, bringing to responsibility and implementation of criminal liability. It is emphasised that the volume and significance of information about a criminal reach their maximum at the final stage.

Methods. The study used methods such as analysis, synthesis, generalisation, formal legal analysis, as well as the method of interpreting legal norms and a number of other documents.

Results. The study of the functional relationship between data on a person who committed a crime and the system of criminal law measures led to the following conclusions: a) criminal law measures constitute a system of measures that can only be applied within the framework of criminal liability, and therefore exemption from criminal liability cannot be considered part of the system of criminal law measures; it represents the state's refusal to enforce liability; b) with regard to a person who has committed a crime and who continues to pose a criminal threat, the following criminal law measures may be applied: punishment, suspended sentence, exemption from punishment in connection with a change in circumstances, deferral of punishment, deferral of serving a sentence for a drug addict, exemption from punishment with the application of educational measures or placement of a minor to a special custodial institution; c) data on the personality of a person who committed a crime reflect a wide range of his negative and positive characteristics, among which indicators of the level of public danger are leading in deciding on the need to implement criminal liability and on the choice of the form of its implementation. .

Keywords:

a person who committed a crime, criminal responsibility, measures of criminal responsibility, differentiation of criminal responsibility, measures of a criminal law nature, punishment, exemption from punishment

For citation:

Kufleva V. N. The significance of data on a perpetrator of a crime for determining the system and choice of criminal liability measures // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 116–124.

The article was submitted June 18, 2025;
approved after reviewing August 31, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Уголовная ответственность – категория динамическая. В контексте развития уголовно-правового отношения можно выделить несколько этапов ее развития:

- 1) установление уголовной ответственности, когда законодатель конструирует ее основания, описывая признаки состава преступления в уголовном кодексе;
- 2) привлечение к уголовной ответственности, когда правоприменитель устанавливает наличие в деянии лица состава преступления и факт того, что это лицо обладает признаками, составляющими предпосылки уголовной ответственности;
- 3) реализация уголовной ответственности, когда правоприменитель определяет конкретный объем правоограничений, который следует возложить на лицо, привлеченное к уголовной ответственности за совершенное преступление.

На каждом из этих этапов объем данных о лице, совершившем преступление, и их значимость для решения вопросов, связанных с уголовной ответственностью, возрастает. Максимум они достигают именно на третьем этапе. Здесь лицо, совершившее преступление, предстает не просто как субъект права или как субъект уголовно-правового отношения, но как конкретная личность с комплексом характеризующих ее индивидуальных свойств и качеств.

Обозначая необходимые для реализации уголовной ответственности свойства лица, совершившего преступление, законодатель использует термин «личность виновного». Он активно используется в законе, судебных решениях и в научных произведениях. Однако сфера его применения вполне четко ограничена. Он может применяться только для обозначения лиц, признанных виновными, т. е. в отношении которых вынесен обвинительный приговор. Вместе с тем, потребность оценить данные о личности возникает на этапе решения вопроса о реализации уголовной ответственности еще до внесения приговора, в частности, освобождении от уголовной ответственности. В теории нет подходящего термина для обозначения личностных характеристик тех, в отношении кого принимается решение о реализации уголовной ответственности, кроме не вполне благозвучного «личность лица, совершившего преступление». Но именно личностные особенности таких лиц становятся значимыми при выборе судом формы и содержания уголовной ответственности.

Методы

При изучении данных о лице, совершившем преступление, и определении системы и выборе мер уголовной ответственности, применяемых к нему, использовался комплекс различных общенаучных (анализ, синтез, обобщение) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования норм права) методов, способствующий формированию глубокого понимания проблематики.

Результаты

Оценочный и динамичный характер данных о лице, совершившем преступление

Объем данных о личности, совершившей преступление, весьма широк. В целях проведения анализа достаточно будет сказать, что эти данные не ограничиваются только теми, на основании которых можно оценить общественную опасность лица. Такой ограничительный подход может быть пригоден при проведении криминологических исследований и установлении связи личности с системой детерминант преступного поведения [1, с. 16]. Однако в уголовном праве при решении вопросов, связанных с реализацией уголовной ответственности, акцентированное восприятие только негативных свойств личности является недостаточным и недопустимым.

«Лица, оказавшиеся в состоянии конфликта с уголовно-правовым законом, – пишет А. В. Варданян, – в подавляющем большинстве обладают не только негативными, но и нейтральными и даже некоторыми позитивными качествами (например, профессионализм, высокий уровень интеллектуального развития, таланты в какой-либо сфере, отзывчивость и готовность к взаимовыручке и т. д.)» [2, с. 246]. Это дало основание В. Н. Бурлакову для заключения о том, что правильное суждение о личности в уголовном праве возможно только «исходя из соотношения удельного веса социально-положительных и социально-отрицательных свойств», что в структуре личности необходимо выделять два компонента: «1) негативную направленность, которая проявляется в противоправных поступках и определяет общественную опасность личности; 2) позитивную направленность, которая проявляется в материальной деятельности, в социально-политической активности и культурно-бытовой деятельности и определяет социальную ценность личности» [3, с. 31–34].

Судебная практика последовательно исходит именно из такого понимания структуры личности. В решениях судов признается, в частности, что данные о личности являются самостоятельным критерием назначения наказания и не обязательно должны учитываться в качестве отдельных смягчающих обстоятельств¹; что суд вправе учитывать не только положительные характеристики подсудимого, но отрицательные, при том что такая характеристика отражает сведения о личности и не являетсяотягчающим обстоятельством². Пленум Верховного Суда Российской Федерации предписывает, что «к сведениям о личности, которые подлежат учету при назначении наказания, относятся характеризующие виновного сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора. К таковым могут, в частности, относиться данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников)³. И хотя вопрос о пределах учета данных о личности является достаточно сложным⁴, в целом нет оснований

¹ Положительные характеристики, состояние здоровья и семейное положение относятся к данным о личности и по закону необязательно подлежат учету отдельно в качестве обстоятельств, смягчающих наказание виновного лица (См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 апреля 2019 г. № 41-АП/19-7 // Справочная правовая система (далее – СПС) КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=581673#YrzRWvUPrsoUZZU> (дата обращения: 10.06.2025)).

² См.: Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 сентября 2023 г. № 77-3902/2023 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=94665&cacheid=D40468F7C2F1359235B177032398A6AE&mode=splus&rnd=L9Hw8g#M18TWvUsNr25ICFJ1> (дата обращения: 10.06.2025); Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17 августа 2021 г. № 77-2460/2021 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=44873&cacheid=E5E9E32D057E3BC42A84F34A15FF1064&mode=splus&rnd=L9Hw8g#LMTWvU00Sg0yqKPI> (дата обращения: 10.06.2025); Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 февраля 2022 г. № 77-590/2022 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=61313&cacheid=5FDA643271A727280E3498A48FB144FD&mode=splus&rnd=L9Hw8g#rjXTWvUZjXdDQbo4> (дата обращения: 10.06.2025); Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 13 января 2021 г. по делу № 55-6/2021 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOAS&n=14653&cacheid=1BE82A8E46740092557B0B788E100854&mode=splus&rnd=L9Hw8g#RohTWvUoEgWDhwkZ> (дата обращения: 10.06.2025); Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19 мая 2020 г. № 77-809/2020 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=12390&cacheid=EE0B7CBA2FF5D52E6B32E44AE28D27F3&mode=splus&rnd=L9Hw8g#gbuTWvUQtyKzGPc61> (дата обращения: 10.06.2025).

³ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

⁴ В частности, вызывает серьезную проблему учет данных о личности в качестве основания для ужесточения наказания, принимая во внимание, что согласно буквальному тексту закона (ст. 60 УК РФ), отягчающие обстоятельства учитываются «в числе» данных о личности, а сам перечень отягчающих обстоятельств является закрытым (ст. 63 УК РФ). Еще в 2003 году в своем Особом мнении судья Конституционного Суда Российской Федерации А. Л. Кононов отмечал: «Учет личности при назначении наказания требует особой оговорки. Уголовный кодекс Российской Федерации не препятствует учету личностных факторов и особенностей для смягчения наказания. ... Перечень обстоятельств, смягчающих наказание (статья 61), не закрыт, что существенно важно. Учет личности в целях усиления наказания имеет жесткие пределы. Справедливость со времен Аристотеля понималась как средство смягчения, а не отягчения закона. Перечень обстоятельств, отягчающих наказание, является закрытым и не может быть расширен. Кроме перечисленных в перечне (статья 63) обстоятельств, никакие иные данные о личности не могут быть приняты во внимание при назначении более строгого наказания» (Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А. Л. Кононова. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности

сомневаться в том, что сведения о личности признаются законом, практикой и доктриной существенным элементом мотивировки выбора формы реализации уголовной ответственности.

Важно подчеркнуть, что оценка опасности совершенного деяния и личности виновного, необходимая для реализации уголовной ответственности, для «перевода» обязанности и возможности претерпеть меры государственного воздействия в плоскость реального претерпевания этих мер, не является константной. Специалисты правильно пишут, что «наличие общественной опасности как потенциальной предрасположенности к совершению преступлений в будущем не выступает атрибутивным (непременным) признаком личности виновного как объекта уголовно-правового воздействия. Лицо, совершившее преступление, являясь источником опасности для общества, может полностью или в значительной мере утратить это состояние ко времени рассмотрения дела в суде» [4, с. 233]. Добавим от себя, что изменение оценки опасности и в целом оценки данных о личности может иметь место и после рассмотрения уголовного дела, в процессе отбывания назначенных судом мер ответственности. На этом основана концепция прогрессивной системы исполнения наказаний [5], а также уголовно-правовые институты освобождения от уголовной ответственности и от уголовного наказания (включая освобождения от назначения и от отбывания наказания).

Проблемы теории дифференциации уголовной ответственности

В контексте обсуждения вопроса о дифференциации уголовной ответственности и роли данных о лице, совершившем преступление, в этом процессе сказанное заставляет обратить внимание на проблемы построения системы мер уголовно-правового характера, применение которых образует различные формы реализации ответственности. Признавая самостоятельный характер этой темы, отметим лишь два необходимых момента.

Первый связан с определением номенклатуры и систематизацией мер уголовно-правового характера⁵. Если абстрагироваться от частных особенностей, то в науке сформировались две базовые позиции. Одну из них отчетливо выразил И. Э. Звечаровский. Отталкиваясь от того, что меры уголовно-правового характера своим содержанием предназначены менять уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление, он пишет, что «изменение уголовно-правового статуса субъекта может быть следствием не только преступного, но и любого поведения, имеющего уголовно-правовое значение (в процессе реализации охранительного уголовно-правового отношения, порожденного фактом совершения преступления)». К такому поведению он относит преступление, а также постпреступное правомерное и неправомерное поведение. Отсюда – и предлагаемый им весьма широкий спектр мер уголовно-правового характера [6, с. 20–21; 7, с. 171–175]. Принципиально иную позицию занимают исследователи, которые, ссылаясь на предписание ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации⁶ (далее – УК РФ), к мерам уголовно-правового характера относят только те предусмотренные законом меры, основанием которых выступает исключительно преступление, но не постпреступное поведение, с соответствующим ограничением номенклатуры таких мер [8, с. 117; 9, с. 74; 10, с. 462].

В этой дискуссии, полагаем, специалисты недооценивают того важного обстоятельства, что постпреступное поведение лица, совершившего преступление, – далеко не однородный

и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 г. № 3–П // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2003. № 14. Ст. 1302). Эта мысль поддерживается в научной литературе. К примеру, Э. Г. Шкредова пишет, что «отрицательные характеристики личности (например, бездельник), не проявляющие себя в преступном поведении и не свидетельствующие о ее общественной опасности, не должны учитываться при назначении наказания (Шкредова Э. Г. Учет личности виновного и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, как один из критериев справедливого наказания // Журнал российского права. 2016. № 6 (234). С. 135. <https://doi.org/10.12737/19773>). Отчасти разделяет эту позицию и судебная практика, отмечая, что «по смыслу закона признание каких-либо иных обстоятельств, влияющих на наказание осужденного в сторону ухудшения его положения, уголовным законом не допускается» (См.: Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18 января 2023 г. № 77–84/2023 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=106114&cacheid=6C79BD322E49F75722CD51685073327E&mode=splus&rnd=L9Hw8g#LM0WWvUhJYw88si4> (дата обращения: 10.06.2025); Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23 октября 2024 г. № 77–3987/2024 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=189955&cacheid=4358C894F4E134066F36D12D648DA088&mode=splus&rnd=L9Hw8g#LOLWWvUsBg0YDDKV1> (дата обращения: 10.06.2025); Постановление Президиума Верховного Суда Республики Крым от 7 августа 2019 г. по делу № 44У–131/2019 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUG&n=172117&cacheid=FBAC84358E12DD5FB5467E0ED37D7519&mode=splus&rnd=L9Hw8g#VgeWWvUgnnzpnjHU1> (дата обращения: 10.06.2025)).

⁵ Полагаем недостаточно обоснованной «пораженческую» позицию А. Н. Батанова, который в своих публикациях фактически отказывается от разработки общей теории мер уголовно-правового характера, ссылаясь на их многокомпонентный состав. Автор пишет, что меры уголовно-правового характера крайне неоднородны и различаются по основаниям назначения, содержанию, целям применения, процессуальному порядку применения и правовым последствиям. В целом они не представляют собою единую систему, не взаимосвязаны, не могут применяться в комплексе, не дополняют друг друга. Более того, применение одной из рассматриваемых мер прямо исключает применение другой меры (См.: Батанов А. Н. Иные меры уголовно-правового характера – самостоятельный институт российского уголовного законодательства? // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 152, 154). Однако эти трудности, на наш взгляд, должны служить не препятствием, а источником развития теории, и при должной интерпретации самих мер вполне преодолимы.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

с уголовно-правовой точки зрения феномен. Постпреступное поведение (как часть сведений о личности) учитывается судом при разрешении уголовного дела по существу, когда обсуждается вопрос о необходимости реализации уголовной ответственности (таковы, например, ситуации учета постпреступного поведения при освобождении лица от уголовной ответственности). Но в то же время оно может быть представлено и в качестве самостоятельного юридического факта, оказывающего влияние на динамику уже возникшего уголовно-правового отношения (например, в ситуациях неисполнения мер или несоблюдения обязанностей, возложенных на условно осужденного).

По этой причине жесткое деление мер уголовно-правового характера на те, что назначаются за преступление или за постпреступное поведение, не вполне корректно. Гораздо точнее будет провести разделение на меры, которые применяются в качестве средства разрешения уголовно-правового конфликта на этапе рассмотрения уголовного дела по существу, т. е. средства регулирования уголовно-правового отношения и определения правового статуса лица, совершившего преступление, с одной стороны, и с другой стороны, – меры, которые применяются в процессе исполнения приговора и служат средством корректировки правового статуса осужденного лица.

Можно, разумеется, поставить вопрос о том, составляют ли вторую из обозначенных групп собственно меры уголовно-правового характера или же это какие-то иные меры. В нашем представлении они должны получить статус самостоятельной группы мер, не относящихся к мерам уголовно-правового характера. Причина тому – не только прямые предписания ч. 2 ст. 2, ч. 1 ст. 6 и ч. 2 ст. 7 УК РФ, связывающие меры уголовно-правового характера с преступлением и лицом, его совершившим, но и фактическая ситуация, в рамках которой основание применения данных мер является принципиально отличным от основания применения мер уголовно-правового характера. Так, разъясняя нормы об освобождении осужденных от наказания, Пленум Верховного Суда Российской Федерации подчеркивает: «Характер и степень общественной опасности совершенного осужденным преступления, в том числе его тяжесть и последствия, не могут являться основаниями для отказа в удовлетворении ходатайства или представления, поскольку они служат критериями для установления сроков, указанных в статьях 79, 80 и 93 УК РФ, а также учтены судом в приговоре при назначении наказания осужденному»⁷. Что же касается данных о личности, то их учет при решении вопроса об освобождении от наказания ограничивается теми, что проявили себя после осуждения, в процессе отбывания уголовного наказания. Судам необходимо учитывать при оценке поведения осужденного его отношение к учебе и труду, если он проходил профессиональное обучение и (или) привлекался к труду в период отбывания наказания, всю совокупность имеющихся об этом сведений. Как видим, основания корректировки правового статуса осужденного лица не включают в себя сведения, которые были известны и учтены судом при назначении уголовного наказания. Это новая юридически значимая информация, характеризующая лицо и его поведение после вступления приговора в законную силу.

Второй момент, связанный с характеристикой системы мер уголовно-правового характера, состоит в выяснении вопроса об их соотношении с уголовной ответственностью. Здесь высказаны самые разные научные позиции. Н. Е. Крылова пишет, что «иные», отличные от наказания, меры уголовно-правового характера не могут рассматриваться как форма реализации уголовной ответственности [11, с. 9]. Т. В. Непомнящая, напротив, отмечает, что все меры уголовно-правового характера являются формами реализации уголовной ответственности [8, с. 119]. М. В. Гареев⁸, Е. В. Проводина полагают, что меры уголовно-правового характера могут применяться в рамках реализации уголовной ответственности, но могут также и не выступать формами ее реализации [12, с. 158–159; 13, с. 157].

Детальное обсуждение проблемы не входит в задачу настоящего исследования. Однако, исходя из того что ответственность есть реальное претерпевание неблагоприятных последствий, предусмотренных уголовным законом, важно решить: составляют ответственность лишь меры, которые применяются к виновному лицу (следовательно, назначенные лишь по приговору суда) или же она может включать меры, применяемые к лицу, совершившему преступление, вне зависимости от установления его вины, или наоборот, меры уголовно-правового характера включают в себя уголовную ответственность.

Наиболее ярко эта дилемма проявляет себя при теоретической интерпретации института освобождения от уголовной ответственности. Некоторые авторы, как известно, считают этот институт средством дифференциации уголовной ответственности [14], а освобождение от ответственности – формой его реализации [15]. Другие же, напротив, полагают, что поскольку ответственность всегда требует вины и осуждения, освобождение от ответственности не может восприниматься как форма ее реализации [16]. В этом случае освобождение

⁷ О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 7.

⁸ Гареев М. Ф. Цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по российскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 10.

от ответственности [6; 12] либо применяемые при ее освобождении меры⁹ признаются мерами уголовно-правового характера.

Представляется, что введение в уголовный закон категории «меры уголовно-правового характера» не может поколебать устоявшегося в доктрине и на практике тезиса о связи ответственности с виной и, как следствие, с обвинительным приговором суда. Что же касается мер уголовно-правового характера, то их правовую природу, полагаем, удачно определил В. Д. Филимонов. Он пишет, что меры уголовно-правового характера (наказание и иные меры) всегда являются мерами уголовной ответственности. К ним он относит, помимо наказания, условное осуждение, отсрочку наказания и соединенные с освобождением от наказания меры, применяемые к несовершеннолетним [17, с. 112, 123].

При таком подходе освобождение от уголовной ответственности не может рассматриваться в контексте обсуждения вопроса о мерах уголовно-правового характера. Как указал Пленум Верховного Суда Российской Федерации, «освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)»¹⁰. В той мере, в какой исключительно государству принадлежит право установления и реализации уголовной ответственности, ему принадлежит и эксклюзивное право при наличии к тому оснований отказаться от этого права. Такой отказ нельзя воспринимать как правовую меру, адресованную лицу, совершившему преступление. Он означает лишь прекращение по воле уполномоченного субъекта уголовно-правового отношения.

На этом фоне, конечно, обостряется вопрос о мерах, которые государство применяет при освобождении от уголовной ответственности на основании ст. 762 и ст. 90 УК РФ. Не углубляясь в детали его обсуждения, приведем совпадающее с нашей позицией мнение А. В. Ендольцевой¹¹ и иных авторов, которые полагают, что меры воспитательного воздействия могут применяться только в порядке освобождения от уголовного наказания [18], а также общее суждение Н. Е. Крыловой о том, что применение системы «публично-правовых санкций», «структурно обособленных от наказаний», имеющих «уголовно превентивный» характер и назначаемых в отсутствие приговора суда, разрушает в целом уголовно-правовую концепцию и доктрину [11, с. 13, 17]. Действительно, освобождение от уголовной ответственности, выражая собой отказ государства от ее реализации, означает прекращение уголовно-правового отношения. Такое прекращение может быть только окончательным, следовательно, никакие меры уголовно-правового воздействия вне рамок уголовно-правового отношения применяться не могут¹².

Таким образом, можно заключить, что меры уголовно-правового характера, будучи исключительно мерами уголовной ответственности, применяются: а) только как реакция на преступление, а не на постпреступные юридические факты; б) только на основании обвинительного приговора суда. С этой точки зрения мерами уголовно-правового характера, применение которых составляет разнообразные формы реализации уголовной ответственности, следует признать: наказание, условное осуждение, освобождение от наказания в связи с изменением обстановки, отсрочку отбывания наказания, отсрочку отбывания наказания больным наркоманией, освобождение от наказания с применением мер воспитательного воздействия или помещением несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Взаимосвязь динамики уголовной ответственности и данных о лице, совершившем преступление

По итогам представленных выше рассуждений выстраивается вполне логичная и последовательная схема. Установив в конкретном деле основание уголовной ответственности и убедившись в наличии предпосылок привлечения к ней, правоприменитель, оценивая опасность деяния и данные о личности лица, совершившего преступление, решает два принципиальных вопроса: а) реализации или нереализации уголовной ответственности и о форме ее реализации.

На каждом из этих этапов правоприменительной деятельности роль данных о личности совершившего преступление чрезвычайно велика. При этом можно вполне уверенно считать,

⁹ Лаптев Д. Б. Акцессорные меры уголовно-правового характера : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2023. 456 с.

¹⁰ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 8.

¹¹ Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. С. 13–14, 41.

¹² Если и сохранять институт судебного штрафа либо мер воспитательного воздействия в контексте института освобождения от уголовной ответственности, то гораздо логичнее и перспективней выглядит позиция специалистов, которые считают, что применение таких мер должно осуществляться в рамках механизма, установленного ст. 78¹ УК РФ, не как следствие освобождения от ответственности, а как его условие. Приостановив расследование, правоприменитель может назначить такие меры и если их реализация приведет к тому, что лицо, совершившее преступление, утратит общественную опасность, государство освободит это лицо от уголовной ответственности (См.: Звечаровский И. Э. Новый вид освобождения от уголовной ответственности: минусы и плюсы законодательной регламентации // Законность. 2024. № 10. С. 48–49; Пилюк А. В. Уголовное наказание и меры уголовно-правового характера: соотношение и перспективы применения // Судья. 2020. № 8. С. 35–41).

что роль данных о личности обратно зависима от оценки общественной опасности деяния. При совершении преступлений небольшой или средней тяжести (как это прямо следует из положений ст. 75 или ст. 801 УК РФ) сведения о личности имеют существенно большее значение для решения вопроса о реализации ответственности; тогда как при совершении преступлений тяжких и особо тяжких учет данных о личности перемещается на этап выбора формы реализации ответственности и мер уголовно-правового характера.

Общая логика такова, что основанием освобождения от уголовной ответственности признается такое изменение показателей общественной опасности лица, совершившего преступление, которое свидетельствует о нецелесообразности применения к нему уголовной ответственности в любой из его форм. Детально исследовавший вопрос о роли и значении данных об опасности лица, совершившего преступление, в механизме освобождения его от уголовной ответственности П. С. Яни, со ссылкой на позицию Пленума Верховного Суда Российской Федерации, правильно пишет, что не только в ст. 75 УК РФ, которая прямо требует, чтобы лицо, освобождаемое от ответственности, «перестало быть общественно опасным», но и в иных статьях закона (ст. 76, 762 УК РФ) основания освобождения от уголовной ответственности требуют учета данных о личности. Это требование «следует из факта наделения правоприменителя именно правом, а не обязанностью освобождать лицо от уголовной ответственности. Потому приведенные обстоятельства, характеризующие виновное лицо, и находятся в области оснований для усмотрения правоприменителя, в ином случае, то есть если бы для принятия решения об освобождении от ответственности было предписано учитывать только формализованные в ст. 75 и 76 УК РФ условия, принятие такого решения следовало бы предусмотреть как обязанность, а не право» [19, с. 27–31].

При оценке данных о личности на этапе решения вопроса о том, стоит ли правоприменителю переходить к стадии реализации уголовной ответственности или же достаточным для достижения задач уголовного права будет освобождение лица, совершившего преступление, от ответственности, надо учитывать несколько обстоятельств:

Во-первых, общественная опасность лица, совершившего преступление, выступает вполне самостоятельной его характеристикой, отражающей как совокупность признаков, приведших к совершению преступления и отразившихся в нем, так и иных признаков, позволяющих делать обоснованные прогнозы относительно дальнейшего правового поведения этого лица в контексте решения уголовно-правовой задачи исправления виновного¹³.

Во-вторых, общественная опасность лица, совершившего преступление, как оценочная и динамичная категория может подлежать ранжированию¹⁴, в связи с чем по аналогии с используемым Конституционным Судом Российской Федерации понятием «криминальная общественная опасность деяния» вполне допустимо использовать понятие «криминальная опасность лица, совершившего преступление», которое призвано подчеркнуть такой уровень опасности, для минимизации которого необходима целенаправленная реализация мер уголовно-правового характера.

В-третьих, введение категории «криминальная опасность лица, совершившего преступление», позволяет уточнить содержание основания освобождения от ответственности. Традиционно считается, что такое основание связано с утратой или снижением опасности лица, совершившего преступление¹⁵. Однако в современных источниках была высказана мысль о том, что «снижение общественной опасности виновного, пусть и существенное, не должно включаться в основание освобождения от уголовной ответственности. ... Если общественная опасность виновного не отпала, то нет сомнений, что цели наказания не достигнуты. Если общественная опасность только снизилась, пусть и существенно, уже сомнительно, что цели того же достигнуты» [20, с. 79]. Этот теоретический спор, как представляется, не учитывает того обстоятельства, что полное отпадение опасности лица может мыслиться только как некая идеальная, гипотетическая ситуация. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях обоснованно указывает, что «прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям само по себе не исключает потенциальную опасность лица, в отношении которого уголовное

¹³ По этой причине едва ли можно согласиться с мнением о том, что «общественная опасность лица, совершившего преступление, отдельно от общественной опасности преступления не существует и существовать не может», что «самостоятельное существование категории «общественная опасность лица, совершившего преступление» противоречит уголовному закону и уголовно-правовой теории» (См.: Ефремова И. А. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки по российскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 7). Такое суждение не основывается на предписаниях закона и не вытекает из анализа современной правоприменительной практики.

¹⁴ На этой основе в науке предлагаются различные типологические построения личности виновного. Последние разработки по этому вопросу в уголовно-правовой науке (См., например: Бурлаков В. Н. Уголовное право и личность преступника. Санкт-Петербург : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 43–49 ; Сверчков В. В. Ответственность и меры уголовно-правового воздействия: наказание, воспитание, лечение, имущественное взыскание : монография. Москва : Юрайт, 2025. С. 59–78).

¹⁵ Келина С. Г. Теоретические проблемы освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1976. С. 12–13.

преследование не было доведено до вынесения судом приговора»¹⁶. Следовательно, не абсолютное отпадение опасности, а отпадение «криминальной» опасности, или иными словами – снижение опасности лица до «некриминального» уровня, может выступать основанием освобождения его от уголовной ответственности.

В-четвертых, изменение показателей опасности лица, совершившего преступление, может быть связано как с его собственными позитивными постпреступными действиями (ст. 75, 76, 761, 762, 781 УК РФ), так и с какими-либо внешними обстоятельствами, изменением обстановки (ст. 801 УК РФ). Этот факт необходимо учитывать при решении вопроса о том, заслуживает или не заслуживает лицо, совершившее преступление и утратившее криминальную общественную опасность, порицания со стороны государства. Именно отсутствие связи динамики опасности с собственными целенаправленными действиями лица обуславливает поддержку решения законодателя, который в 2003 году уточнил правовое значение такого обстоятельства, как изменение обстановки, установив его в ст. 801 УК РФ в качестве основания освобождения от наказания.

В итоге, если при изучении всех обстоятельств дела и личности лица, совершившего преступление, к моменту принятия решения о необходимости реализации уголовной ответственности будет установлено наличие трех обязательных условий: а) совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести; б) отпадение криминальной общественной опасности лица; в) наличие целенаправленных действий этого лица к минимизации опасности, правоприменитель принимает решение об освобождении от уголовной ответственности.

Во всех остальных случаях правоприменитель переходит в стадию реализации уголовной ответственности, осуждает виновное лицо и определяет ему адекватную и справедливую меру уголовно-правового характера, выбор которой определяется среди прочего, также с учетом данных о личности виновного. Оценка опасности личности как криминальной, т. е. требующей специально организованного уголовно-правового воздействия, предопределяет здесь факт наличия ответственности, а специфика личности влияет на выбор содержания и формы этого воздействия, составляющий суть дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и мер уголовно-правового характера.

3 заключение

Подводя итоги исследованию проблем функциональной связи данных о лице, совершившем преступление, и системой мер уголовно-правового характера, мы можем сформулировать следующие выводы:

– Меры уголовно-правового характера составляют систему мер, которые могут применяться только в рамках реализации уголовной ответственности, в связи с чем освобождение от уголовной ответственности не может рассматриваться как часть системы мер уголовно-правового характера, поскольку оно являет собой отказ государства от реализации ответственности, прекращение уголовно-правового отношения в случаях, когда при совершении преступления небольшой или средней тяжести опасность лица, совершившего преступление, в силу его позитивных постпреступных действий оказывается ниже уровня криминальной опасности; по этой причине освобождение от ответственности не может предполагать применения к лицу, совершившему преступление, каких-либо мер воздействия (в частности, судебного штрафа).

– Когда лицо, совершившее преступление, сохраняет криминальный уровень опасности и, как следствие, для ее минимизации требуется применение целенаправленных мер воздействия, в отношении него реализуется уголовная ответственность, формы которой определяются применяемыми к нему мерами уголовно-правового характера. К числу таковых относятся: наказание, основное осуждение, освобождение от наказания в связи с изменением обстановки, отсрочка отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания больным наркоманией, освобождение от наказания с применением мер воспитательного воздействия или помещением несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

– Данные о личности лица, совершившего преступление, отражают широкий спектр его отрицательных и положительных характеристик, среди которых показатели уровня общественной опасности, оцениваемого на момент рассмотрения уголовного дела по существу, являются ведущими при решении вопроса о необходимости реализации уголовной ответственности и о выборе формы ее реализации.

¹⁶ По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Барабаш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2013 г. № 19-П // СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. II). Ст. 4189 ; По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Аникиева : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2014 г. № 1-П // СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 735.

Список источников

1. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. Санкт-Петербург : Юрический центр Пресс, 2004. 364 с.
2. Варданян А. В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 244–251. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10\(2\).244-251](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(2).244-251)
3. Бурлаков В. Н. Уголовное право и личность преступника. Санкт-Петербург : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. 238 с.
4. Ивинская Д. С. Формально-догматический подход к разграничению понятий «личность преступника», «субъект преступления», «личность виновного», «личность обвиняемого» // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики : сборник научных трудов / под общ. ред. О. А. Заячковского. Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2018. С. 229–235.
5. Ткачевский Ю. М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. Москва : Городец, 2007. 237 с.
6. Звечаровский И. Э. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1 (867). С. 19–21.
7. Звечаровский И. Э. Еще раз о мерах уголовно-правового характера // Закон и право. 2023. № 7. С. 171–175.
8. Непомнящая Т. В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 1. С. 114–121. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1\(1\).114-121](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1(1).114-121)
9. Андрианов В. К., Лапшин В. Ф., Пудовочкин Ю. Е., Толкаченко А. А. Меры уголовно-правового характера : монография / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. Москва : Библиотека российского судьи (РГУП), 2022. 608 с.
10. Пудовочкин Ю. Е. Меры уголовно-правового характера и уголовная ответственность: научная дискуссия и поиск решения // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 4 (52). С. 460–472. <https://doi.org/10.46741/2686-9764-2020-14-4-460-472>
11. Крылова Н. Е. «Иные» меры уголовно-правового характера в законопроекте Верховного Суда РФ об уголовном проступке // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2021. № 1. С. 3–20.
12. Гареев М. Ф. Уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность // Юридическая мысль. 2021. № 4 (124). С. 154–169. <https://doi.org/10.47905/MATGIP.2021.124.4.012>
13. Проводина Е. В. Социальное предназначение иных мер уголовно-правового характера // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113). С. 156–160.
14. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности : Теория и законодательная практика : [монография]. Москва : Норма, 1998. 287 с.
15. Сухарева Н. Д. Общеуголовное освобождение от ответственности в российском уголовном праве : монография / науч. ред. А. В. Наумов. Москва : Илекса, 2005. 261 с.
16. Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности. Проблемы и пути их решения : монография. Москва : ЮНИТИ, 2004. 231 с.
17. Филимонов В. Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. Москва : Институт Актуального образования «ЮрИнфоР-МГУ», 2008. 249 с.
18. Щедрин Н. В., Никитина Н. А. О правовой природе и перспективах института освобождения с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 8 (33). С. 1007–1011.
19. Яни П. С. Назначение судебного штрафа как обязанность суда // Законность. 2021. № 7. С. 27–31.
20. Благоев Е. В. Освобождение от уголовной ответственности (размышления о проблемах и их преодолении) : монография. Москва : Юрлитинформ, 2018. 224 с.

Научная статья
УДК 343.13

Предпосылки типологии отечественного уголовного процесса

Анна Вячеславовна Ламтева, кандидат юридических наук

Нижегородская академия МВД России
Нижний Новгород (603950, БОКС-268, Анкудиновское шоссе, д. 3), Российская Федерация
doctoroflaw2024@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0007-6676-5136>

Аннотация:

Введение. В статье рассматривается становление такой категории, как «тип», применительно к отечественному уголовному судопроизводству. Решаются следующие научные проблемы: 1) насколько оптимальна категория «тип» для раскрытия сущности и содержания уголовного судопроизводства каждого исторического периода развития России, 2) когда уголовно-процессуальный тип вошел в доктринальный оборот, 3) как соотносятся между собой Отечественный и Русский типы уголовного процесса?

Методы. Ведущим инструментом исследования выступает типологический метод, при помощи которого удается произвести систематизацию исторических типов отечественного уголовного судопроизводства. Также нами были применены: а) метод сравнения в контексте анализа понятийного ряда «порядок – начала – форма – тип»; б) метод обобщения, благодаря которому была сконструирована авторская модель дуалистической уголовно-процессуальной типологии; в) аналитический метод развёртывания, когда с помощью пяти типологических предпосылок обосновывается процесс введения в научный оборот словосочетания «тип уголовного процесса».

Результаты. В работе делается вывод о том, что именно «тип» – оптимальная характеристика для деления и раскрытия каждого исторического этапа развития отечественной уголовно-процессуальной типологии. Был прослежен юридический путь взаимодействия уголовного судопроизводства с различными категориями-компаньонами, по-разному раскрывающими его процессуальную сущность. Благодаря типологическому анализу разработано шесть авторских классификаций, связанных с многогранностью типов уголовного судопроизводства, а также представлен абрис авторской дуалистической уголовно-процессуальной типологии. Делается вывод о том, что типологический анализ выступает фундаментом и отправной точкой для дальнейшего совершенствования уголовно-процессуальной сферы как в легислативном, так и в доктринальном ключе.

Ключевые слова:

тип, порядок, форма, предпосылки, типология, дуализм, состязательность, розыскной процесс, обвинительные начала, Русский тип уголовного процесса

Для цитирования:

Ламтева А. В. Предпосылки типологии отечественного уголовного процесса // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 125–135.

Статья поступила в редакцию 07.12.2024;
одобрена после рецензирования 09.09.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Prerequisites for the typology of domestic criminal proceedings

Anna V. Lamteva, Cand. Sci. (Jurid.)

Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia
3, Ankudinovskoe highway, BOX -268, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation
doctoroflaw2024@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0007-6676-5136>,

Abstract:

Introduction. The formation of such category as the type in relation to national criminal procedure is discussed in the scientific article. The following scientific problems are solved in the work: 1) how optimal is the category «type» for revealing the essence and content of criminal procedure of each historical period of Russia's development, 2) when the type of criminal procedure entered into the doctrinal circulation, 3) How do the Domestic and Russian types of criminal procedure relate to each other?

Methods. The typological method with which it is possible to systematize the historical types of national criminal procedure acts as the leading research tool. We also used: a) the method of comparison in the context of an analysis of the conceptual series «order-beginnings-form-type», b) the method of generalization, thanks to which the

Keywords:

type, order, form, prerequisites, typology, dualism, competition, investigative process, accusatory principles, Russian type of criminal procedure

author's model of dualistic criminal procedure typology was constructed, v) the analytical method of deployment, when the process of introducing into scientific circulation the phrase «type of criminal procedure» is justified by means of five typological prerequisites were applied by us.

The results of the study. The conclusion is that the type is the optimal characteristic for dividing and disclosing each historical stage of the national criminal procedure typology was given in the work. The legal way of interaction of criminal proceedings with various companion categories, which reveal its essences in different ways. Six author's classifications related to the versatility of types of criminal procedure were developed and also the outline of a dualistic typology of criminal procedure was presented thanks to typological analysis. The typological analysis acts as the foundation and starting point for further improvement of the criminal procedure sphere both in a legislative and doctrinal manner.

For citation:

Lamteva A. V. The typology's prerequisites of the national criminal procedure // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 125–135.

The article was submitted December 7, 2024;
approved after reviewing September 9, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Уголовное судопроизводство России – динамичная проактивная конструкция со своей богатой историей, нашедшей отражение в следующих типологических единицах: в обвинительной, следственной (розыскной) и состязательной. Каждый тип уголовного процесса способствовал совершенствованию уголовного судопроизводства в целом, процессуальной эволюции в понимании центральных ориентиров и фундаментальных ценностей. Однако сегодня общество XXI века стоит перед разрешением следующей проблемы: уголовный процесс нуждается в поступательном развитии. В нем имманентно прослеживаются родственные черты различных исторических технологий, концептов и начал, что затрудняет определение однозначного вектора развития. Эта проблема лежит на поверхности. Однако институциональному и аксиологическому выбору на этой процессуальной развилке предшествует и проблема завуалированная, методологическая. Уголовный процесс – это деятельность по раскрытию, расследованию и разрешению уголовных дел. Но существует ли эта деятельность автономно, либо ее целесообразно анализировать и совершенствовать с точки зрения порядка, основных начал, формы, модели, типа? Полагаем, что именно «тип» из методологического инструментария позволит нам изучить каждую веху развития отечественного уголовного процесса разносторонне, комплексно и структурировано.

Новизна исследования заключается в том, что типологический подход для изучения отечественного уголовного судопроизводства в целом и каждого исторического типа в частности исследуется не как данность. Изучается эволюция притяжения и сближения уголовного судопроизводства и типа. В работе отстаивается мнение о том, что для раскрытия многогранности уголовного процесса необходимо постижение его процессуальных граней с помощью различных категорий (форма, модель, порядок и др.). Необходимо сделать акцент на «типе», разработать новые классификации, типологии. Это позволит по-новому взглянуть на уголовное судопроизводство, чтобы разглядеть процессуальные альтернативы для его прогрессивного образцового развития.

Материалами для исследования послужили репринтные издания ученых-процессуалистов XIX–XX вв., современные научные изыскания в сфере развития отечественной уголовно-процессуальной типологии. Также в статье в качестве методологического и концептологического базиса используются философские трактаты Аристотеля («Метафизика»¹, «Категории»²), работы по теории государства и права (типологии Р. Давида³, К. Цвайгерта и Х. Кётца⁴).

«Предпосылка» в соответствии с разъяснениями толкового словаря означает «исходный пункт какого-нибудь рассуждения» либо «предварительное условие чего-нибудь»⁵. На типологию отечественного уголовного процесса хотелось бы взглянуть также двояко – и как на базис для конструирования уголовного судопроизводства, и как на условие для разработки совершенной уголовно-процессуальной модели.

Полагаем, что тип отражает сущность первого порядка каждого отдельно взятого исторического периода развития уголовного процесса. Логической единицей типологии выступает тип, под идеалы и аксиологические ценности которого подстраиваются все уголовно-

¹ Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П. Д. Перлова, В. В. Розанова. Москва : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.

² Аристотель. Категории ; Об истолковании / пер. с древнегреч. А. Кубицкого, Э. Радлова. Москва : АСТ, 2003. 160 с.

³ Рене Д. Основные правовые системы современности : (Сравнительное право) / пер. с фр. М. А. Крутоголова, В. А. Туманова ; [предисл. В. Туманова]. Москва : Прогресс, 1967. 496 с.

⁴ Цвайгерт К., Кёцц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. Москва : Международные отношения, 1998.

⁵ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва : А ТЕМП, 2006. С. 581.

процессуальные институты. Отметим, что в России развиты положительные традиции, связанные с преемственностью юридически значимых и полезных конструкций, а следовательно, каждый тип отечественного уголовного судопроизводства базируется на своей уникальной типологии, состоящей из типа доминирующего (сущности первого порядка) и тех идей и постулатов, которые с точки зрения процессуальной наследственности сохранились в его генетическом коде в силу эволюционно-поступательного развития уголовно-процессуальной мысли (сущности второго порядка).

Исходным началом в рассуждениях о типологии отечественного уголовного процесса *de jure* мы будем считать распространение и использование в уголовно-процессуальной литературе категории «тип». Однако, как показывает анализ репринтных источников, первоначальное понятие сущностной характеристики уголовного судопроизводства типу было не тождественно. *De facto* типу предшествовали «порядки», начала, склад, форма и другие варианты. Предвосхищая ход промежуточного исследования, предположим, что категория «тип» в связке с уголовным судопроизводством вошла в научный оборот с момента создания теории общественно-экономических формаций, когда тип государства определялся по типу способа производства. Подбор правильной характеристики для постижения сути уголовного судопроизводства длился веками и, как показывают современные исследования, все-таки определился со своим категориальным аппаратом в целом, но не в промежуточных авторских частностях.

Методы

В статье применяется метод сравнения для изучения и сопоставления таких категорий, как «порядок – начала – форма – тип», выступающих оптимальным инструментарием для изучения сущности уголовного судопроизводства России.

Благодаря обобщению ключевых черт исторических типов отечественного уголовного процесса появляется возможность сконструировать авторскую модель дуалистической уголовно-процессуальной типологии, базирующейся на двух началах – на государственном взгляде на уголовный процесс определенного хронологического этапа и на общественном восприятии уголовного судопроизводства того же временного периода. Аналитический метод разворачивания позволяет при помощи пяти типологических предпосылок проиллюстрировать эволюцию процесса самодиагностики и самоидентификации уголовного судопроизводства через призму разноплановых фундаментальных понятий и попытаться обосновать введение в научный оборот словосочетания «тип уголовного процесса».

Типологический подход позволяет нам изучать уголовно-процессуальную типологию как сумму исторических типов уголовного процесса с присущими им особенностями и уникальными чертами. В перспективе тип будет использован нами как методологический инструментарий для раскрытия сущности и содержания каждой типологической единицы.

Первая типологическая предпосылка. Профессор С. В. Познышев в элементарном учебнике русского уголовного процесса уголовное судопроизводство анализирует в контексте процесса древнерусского (состязательного или частно-искового)⁶, инквизиционного (розыскного) и современного обвинительного. Сергей Викторович не обращается к вспомогательным понятиям, соединяя сущностную характеристику с уголовным процессом, например, «инквизиционный или розыскной процесс»⁷. Приведем цитату С. В. Познышева: «Отъ инквизиціонного процесса современный процессъ отличается, главнымъ образомъ, темъ, что онъ есть процессъ состязательный, гласный и устный. Он носить название процесса обвинительнаго»⁸.

Полагаем, уголовное судопроизводство – это не абстрактная институциональная система, не безродный механизм борьбы с преступностью. Это всегда результат достижений юридической мысли, апробированной на практике в процессе непрерывного совершенствования. Будем рассуждать об уголовном процессе с помощью привязки к конкретной стране-прародительнице, с акцентом на уголовно-процессуальный тип с детальной проработкой, свойственной типу системы принципов. В работе Аристотеля «Категории» мы найдем указание на первую и вторую сущности⁹. Полагаем, что уголовный процесс конкретной страны – это первая сущность. Типологическая принадлежность к обвинительной, следственной или состязательной форме – это сущностная характеристика второго порядка.

⁶ Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. Москва : Издание Г. А. Лемана, 1913. С. 20–21.

⁷ Там же. С. 22.

⁸ Там же. С. 28.

⁹ Аристотель. Аналитики / пер. с древнегреч. А. Кубицкого [и др.]. Санкт-Петербург : Азбука, 2024. С. 10.

Таким образом, первый научный подход сводится к тому, что уголовный процесс в целом и уголовное судопроизводство конкретного исторического периода в частности не нуждаются во вспомогательных категориальных единицах для раскрытия своей сущности, назначения и структуры. Уголовное судопроизводство анализируется С. В. Познышевым без привязки к порядку, форме или типу, но это не означает отказа от качественной характеристики в целом. Придание уголовному судопроизводству статуса инквизиционного, состязательного или обвинительного является способом иллюстрации его многовариантности и многогранности.

Вторая типологическая предпосылка. Н. Н. Розин использует следующий понятийный аппарат: порядок судопроизводства, состязательное начало, главные основные начала и др. Приведем цитату: «Съ постепеннымъ утверждѣніемъ первенства Московскаго княжества этотъ состязательный **порядокъ** начинаетъ соединяться съ розыскнымъ»¹⁰. Можно сформулировать следующие исторические порядки по своей хронологии, обозначенные в этой работе: *состязательный – соединение состязательного с розыскным* (состязательный порядок – для менее важных уголовных дел, по которым в т. ч. может иметь место примирение, розыскной порядок или сыск – применим для расследования тяжких преступлений¹¹) – *укрепление розыскного порядка* и *вытеснение состязательного* (эпоха Соборного уложения 1649 года) – *замена розыскного порядка состязательным*¹².

Таким образом, уголовный процесс любого историко-юридического периода может быть рассмотрен через призму порядка как эквивалентной характеристики уголовного процесса определенного места и времени. Порядок можно понимать как «состояние благоустройства и налаженности, систематичность, правильность в расположении чего-нибудь, в ходе дел»; как «последовательность, ход»; как «способ, метод, путь в осуществлении чего-нибудь»¹³; как режим и система управления и др. Идея налаженности в сфере уголовного устройства, идея благополучного устройства общества с позиции социальной безопасности в контексте снижения уровня преступности и восстановления личности в ее нарушенных правах находит свое отражение в категории «порядок». Им охватывается и уголовно-процессуальная форма, и содержание.

Третья типологическая предпосылка. Уголовное судопроизводство отдельно взятого временного периода может оцениваться и анализироваться с помощью процессуального начала. Фактически с того, что его образует, с самых фундаментальных постулатов и первоначальных абрисных и более глубинных сущностных характеристик. Приведем цитату из работы профессора Н.Н. Полянского: «Состязательное начало въ уголовномъ процессе, соответствуя въ большей мере природе правового государства, чѣмъ начало розыскное, вместе съ темъ гораздо лучше послѣдняго обезпечиваетъ интересы правосудія»¹⁴.

Считаем целесообразным определиться с содержанием категории «начало». Это «первый момент или первые моменты какого-нибудь действия, явления», а также «исходный пункт, исходная точка», «основа», «основные положения, принципы», «способы и методы осуществления чего-нибудь»¹⁵.

Данный подход сводится к следующей процессуальной связке идей: есть уголовный процесс. Это динамичная и совершенствуемая логически абстрагированная конструкция, находящаяся в пограничном состоянии между логической фикцией и правовой действительностью. В процессе своего развития происходит трансформация уголовного процесса по своему смысловому содержанию, приоритетным мировоззренческим идеалам и ориентирам. Поэтому хотя уголовный процесс всегда одинаков и тождествен сам себе – это всегда Русский уголовный процесс, но *начала его переменчивы*. В этом смысле приведем выдержку из работы Аристотеля: «Сущность же, будучи одной и тождественной по числу, способна принимать противоположности; так, отдельный человек, будучи единым и одним и тем же, иногда бывает...теплым и холодным, плохим и хорошим...»¹⁶.

С одной стороны, можно утверждать, что сущность не свойственна неодушевленной сфере уголовного судопроизводства как сумме легислативных положений. А с другой стороны, уголовно-процессуальные нормы в жизнь воплощают именно люди, именно они

¹⁰ Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство : Пособіе къ лекціямъ. Третье пересмотренное изданіе. Петроградъ : Изданіе Юридическаго книжнаго склада «ПРАВО», 1916. С. 49.

¹¹ Там же. С. 50.

¹² Там же. С. 63.

¹³ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. Москва : Альта-Принт, 2005. С. 750.

¹⁴ Там же. С. 72.

¹⁵ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 399.

¹⁶ Аристотель. Аналитики... С. 16–17.

оживляют уголовный процесс. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹⁷ (далее – УПК РФ) закреплены юридические основы господствующего порядка, но именно их фактическое воплощение позволяет поставить знак больше, меньше или равно между идеальными началами уголовного процесса как в законе и реальными началами как в практической действительности.

Таким образом, можно говорить о собирательной и универсальной категории «уголовный процесс», но при этом производить процессуальную оговорку – с состязательными или обвинительными началами. Но и, кроме того, начала не отменяют промежуточного и финального состояния уголовного судопроизводства. И на процессуальной почве состязательных начал могут развиваться, в некоторой степени, следственные институты (например, особые порядки при согласии с предъявленным обвинением и др.).

Четвертая типологическая предпосылка. Уголовное судопроизводство анализируется через призму процессуальной формы.

Приведем цитату: «Вся история уголовного процесса сложилась въ три основные типа его – въ формы: обвинительного, следственного и ныне господствующаго следственно-обвинительнаго процесса»¹⁸, «каждая из исторических форм уголовного процесса характеризуется своим набором техник доказывания, в совокупности образующих определенную технологию производства судебной истины»¹⁹.

Пятая типологическая предпосылка. Считается, что впервые термин «тип» был введен Бленвилем в 1816 году и затем через призму данного понятия была рассмотрена работа Ж. Кювье²⁰. В научном исследовании «*Le Règne Animal*»²¹ («Царство животных») ученый разделил всех животных на четыре «ветви» (позвоночные, моллюски, членистые и лучистые). Каждой была свойственна общность плана строения. А. Бленвиль предложил смежное понятие «тип», которое теоретически по своему смысловому содержанию было идентично «ветвям»²². Была высказана идея о том, что между различными типами животных отсутствуют и ни при каком условии переходные формы возникнуть не могут. Биологический градуализм, то есть постепенность в эволюции означает, что развитие возможно, но только внутри своей ветви/типа и обособленности от других типов.

Тип – это «форма, вид чего-нибудь, обладающие определенными признаками, а также образец, которому соответствует известная группа предметов, явлений», «образ, содержащий характерные, обобщенные черты какой-нибудь группы людей»²³.

Полагаем, что уголовный процесс для демонстрации своей процессуальной сущности нуждается в юридическом компаньоне. С данной задачей успешно справлялся порядок, склад, форма и в конечном итоге – тип. Обвинительный, следственный или состязательный окрас помогал мгновенно сориентироваться в иерархии уголовно-процессуальных ценностей на общегосударственном уровне, выстроить представление о соотношении процессуальных сил и средств сторон защиты и обвинения, о действующей системе оценки доказательств и др.

Современное уголовное судопроизводство ищет процессуальную опору в модели²⁴, архетипе [1, с. 13], в аксиологических ценностях (прагматический, алетический и охранительный типы уголовного процесса [2, с. 454], предложенные Е. Г. Васильевой), в теоретической концепции [3, с. 46], в типе [4, с. 277], в форме, виде и др. Эта ценностная характеристика, в которой уголовный процесс имманентно нуждается, всегда дифференцирована, подвижна, отчасти дуалистична, но при этом может считаться его «визитной карточкой» на процессуальной арене зарекомендовавших себя уникальным образом исторических типов уголовного судопроизводства.

Может ли образцовый уголовный процесс, в отношении которого наличествовала парадигмальная акцентуация, именоваться своим собственным именем, например, уголовный процесс России? От этого он не перестанет быть более или менее многогранным. Но при этом именно для иллюстрации его красоты, разносторонности, учета многообразия пересекающихся социальных

¹⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

¹⁸ Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Изд. 4-е, доп. и испр. Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1913. С. 36.

¹⁹ Уголовный процесс России : учебник / Александров А. С., Ковтун Н. Н., Поляков М. П., Сереброва С. П. ; науч. ред. В. Т. Томин. Москва : Юрайт, 2003. С. 27.

²⁰ Брокгауз Ф. А., Ефронъ И. А. Энциклопедический словарь // под ред. проф. И. Е. Андреевского. Санкт-Петербург : Типография Акц. Общ. «Издательское Дело», 1901. Т. XXXIII. С. 223.

²¹ Cuvier G. *Le Règne Animal*. Paris : Deterville, 1817. 4 vol.

²² Blainville A. *Manuel de malacologie et de conchyliologie*. T. 1–2. P.-Strasbourg, 1825.

²³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 798.

²⁴ Курс уголовного процесса / Арутюнян А. А. [и др.] ; под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. Москва : Статут, 2017. С. 126.

(ст. 6, 61, 160 УПК РФ²⁵), политических (ст. 7, 20 гл. 53–55¹ УПК РФ) и даже медицинских интересов (ч. 11 ст. 110, гл. 51 УПК РФ) следует даже сам процесс, цельный и единый внутренне, рассматривать с помощью типов. Это емкое, лаконичное понятие, того же мужского рода, что и сам уголовный процесс. Это не должна быть модель, потому как это прообраз, макет, планируемая идеальная разработка. В этом смысле эти понятия не тождественны. И это не уголовно-процессуальная форма, не только алгоритмы последовательности. Это нечто большее, «живое». В этом смысле, хотя уголовный процесс и обладает формой, он все же гораздо шире данного понятия.

Промежуточные размышления о правильном наименовании определенного отрезка уголовно-процессуального развития хотелось бы завершить фразой из трагедии У. Шекспира: «Что в имени? То, что зовем мы розой, – и под другим названием сохраняло б свой сладкий запах!»²⁶.

Полагаем, что уголовно-процессуальный тип – это инструмент познания действительности, доктринально-методологическая разработка. Отметим, что уголовное судопроизводство всегда является смешанным, но при этом в нем можно разглядеть преобладающий тип, поскольку та или иная форма занимает господствующую позицию. Например, в XVII веке при параллельном существовании розыска (технология повального обыска с градацией на лихих и добрых людей) и суда (классическое судебное заседание при участии сторон) преобладала первая, и сам уголовный процесс этого периода чаще именуют именно розыскным.

Уголовный процесс не каждой страны может претендовать на статус типа. Тип уголовного процесса рождается эмпирически, когда становится идеей для подражания. Советское уголовное судопроизводство обладало всеми видами процессуальной энергетики, делающей его именно типом. Русский тип уголовного процесса распространился и на территории соседних государств. Это позитивное заимствование наших отечественных форм и алгоритмов законодателями других стран – один из индикаторов, связанных со статусом типа уголовного процесса.

Отметим, что Отечественный и Русский типы уголовного процесса являются синонимами. Но при этом отечественный тип представляется более широким по своему смысловому объему. Английский, французский, испанский типы являются отечественными для граждан своих стран. Русский тип уголовного судопроизводства является Отечественным, отражающим историческую типологическую преемственность и социально-культурный склад именно наших граждан и всей страны в целом в своей ретроспективе и перспективе.

Хотелось бы также порассуждать по поводу типологии. Профессор М. П. Поляков в ходе научной дискуссии с автором статьи отметил, что типология подобна новогодней елке с игрушками. Нам это сравнение показалось наглядным и смыслообразующим. Типология появилась тогда, когда появился второй тип. Она представляет собой хранилище для всех известных исторических форм и институтов. Синергетика типологии выражается в том, что аккумулируя все известные идеи и технологии, она путем их разнообразного синтеза способна конструировать новые уголовно-процессуальные идеи и типы. Так, в уголовном судопроизводстве на примере ст. 20 УПК РФ²⁷ мы можем наблюдать черты обвинительного, розыскного и состязательного типов. Подчеркнем, что тип уголовного процесса не исчерпывается только ведущей технологией. На тип оказывают влияние: культурная и духовно-нравственная составляющие, имеющиеся правовые символы (в т. ч. символические уголовно-процессуальные обряды), политическая и военная сферы, климатические и географические условия, финансово-экономические реалии и др. Все вышеперечисленное накладывает свой особенный отпечаток на существующий тип отечественного уголовного судопроизводства.

Интересный пример конструирования типологии можно наблюдать в работе Рене Давида «Основные правовые системы современности»²⁸. Ученый выделяет три главных группы правовых систем – романо-германскую, семью общего права (Англия и страны, последовавшие образцу английского права) и семью социалистического права. Идея трихотомии, связанная с выделением трех правовых систем, подкрепляется тезисом о том, что «мы выделяем мусульманское и индусское право среди основных систем современного права»²⁹.

«В основе этой классификации лежат два критерия – идеологический (сюда Р. Давид относит факторы религии, философии, экономической и социальной структуры) и критерий юридической техники, причем оба они должны быть использованы «не изолированно, а в совокупности»³⁰.

²⁵ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

²⁶ Шекспир У. Ромео и Джульетта : трагедия / пер. с англ. Т. Щепкиной-Куперник. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2024. С. 52.

²⁷ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

²⁸ Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. Москва : Прогресс, 1988. С. 40, 42.

²⁹ Там же. С. 46.

³⁰ Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. Москва : Юрайт, 2013. С. 685.

Перейдем к разработке авторской дуалистической уголовно-процессуальной типологии, в основе которой лежит сумма двух взаимосвязанных начал: 1) государственный взгляд на преступность; 2) общественное восприятие уголовного судопроизводства.

Первый тип (*самостоятельный*): 1) государство имеет экономический интерес в качестве предпосылки для разрешения уголовно-процессуального спора; 2) личность – частный интерес, заключающийся в защите своей жизни, здоровья и собственности. Это период действия «Русской Правды»³¹.

Второй тип (*демонстративный*): 1) государство – взгляд на преступление как на всеобщее бедствие, формирование общественного интереса к индивидуальной проблеме частного лица; 2) личность – кто умнее, физически сильнее, везучее, тот признается правым в уголовно-процессуальном конфликте. Можно вести речь, например, о Судебнике 1497 года³².

Третий тип (*интеллигентный*): 1) государство – развиваются публичные начала с сохранением частных по наименее общественно-опасным составам преступлений; 2) личность – побеждает тот, кто юридически подкованнее, кто может оспорить уголовно-процессуальную форму и содержание источников доказательственной информации. Можно вести речь об Уставе уголовного судопроизводства 1864 года³³.

Четвертый (*сбалансированный*): 1) государство – тройственный взгляд на проблему преступности сообразно трем видам уголовного преследования; 2) личность – частный интерес в восстановлении объективно нарушенного права на фоне бескорыстно помогающего государства. Речь о действующем УПК РФ.

Приведем точки зрения отдельных ученых по поводу типов уголовного процесса и типологии в целом:

– А. Б. Диваев предлагает произвести типологизацию, в основе которой будет находиться такой критерий как «социальная цель уголовно-процессуального права» [4, с. 279];

– «современный этап развития юридических наук характеризуется тем, что произошел полнейший отказ от формационно-классового основания типологии судопроизводства» [5, с. 10];

– «никакой тип не может долго оставаться в первичном виде уже по той причине, что он существует в реальном мире, где все взаимосвязано и подлежит взаимному влиянию» [6, с. 248];

– «исторический тип процесса складывается не стихийно... искусственно спровоцированный революционный переход от одного типа уголовного процесса к другому историческому типу повлечет отторжение практикой принудительно насаждаемых идеологически чуждых процедур и институтов» [7, с. 8];

– «основная проблема российского уголовного процесса состоит в подмене понятий, формально он признан состязательным, но фактически таковым не является»³⁴;

– «исходная причина нынешнего состояния УПК РФ заключается, на наш взгляд, в попытке его авторов реформировать исторически сложившийся континентальный тип отечественного уголовного производства в англосаксонскую модель...» [8, с. 34];

– «тип или модель уголовного судопроизводства определяют не качество правосудия, а лишь характерные сферы правоприменения, в которых оно может измеряться» [9, с. 23]. Тип не является гарантом качественного уголовного судопроизводства. Но при этом система принципов, система оценки доказательств, система стадий и общих условий создают предпосылки к качественному прообразу уголовного судопроизводства.

Выскажем авторское мнение относительно реформирования отечественного уголовного судопроизводства: нами были детально изучены исторические нормативно-правовые акты, начиная с XI века по текущий момент. Мы заметили, что каждому типу была присуща своя особая технология. В «Русской Правде»³⁵ это ордалии и розыскная процедура: *заклич, свод и гонение следа*. В соответствии с Судебниками 1497³⁶ и 1550³⁷ гг. это поле как отражение состязательного начала и технология повального обыска как пример розыскного доминирования. Если граждане

³¹ Русская правда : (пространная редакция) // Библиотека литературы Древней Руси / под. ред. Д. С. Лихачева [и др.]. Санкт-Петербург : Наука, 1997. Т. 4: XII век. 685 с.

³² Судебник 1497 г. // Российская юстиция. 2006. № 11.

³³ Устав уголовного судопроизводства [1864] // Россия, Законы и постановления : Судебные уставы 20 ноября 1864 года : [в 4-х частях]. [1864]. VII. 164 с.

³⁴ Зенцова В. М., Чашина И. А. Становление современной модели российского уголовного процесса в историческом и компаративистском аспектах / Актуальные проблемы права и управления глазами молодежи: материалы 6-ой международной научной студенческой конференции, г. Тула, 11 декабря 2019 г. Тула : Институт законовещения и управления ВПА, 2019. С. 130.

³⁵ Русская правда...

³⁶ Судебник 1497 г....

³⁷ Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский // Российское законодательство X–XX веков : В 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва : Юридическая литература, 1985. Т. 2. С. 50–177.

называли предполагаемого субъекта преступления добрым, а он сам не признавался в содеянном, то он отдавался на поруки тем, кто за него поручился. Если лицо называли лихим, а сам он давал признательные показания, то подлежал смертной казни. Если свою вину гражданин при этом не признавал, то в качестве наказания применялось пожизненное лишение свободы. Отметим, что жители околотка опрашивались не столько о событии преступления, сколько о личности обвиняемого. Современный уголовный процесс также обладает двумя разнополярными технологиями-индикаторами: это суд присяжных как пример состязательного типа и двух-этапный сбор-исследование доказательств по уголовному делу следователем (дознавателем), а затем судей. Полагаем, что отечественный уголовный процесс очень часто в поисках истины опирался на мнение своих граждан. В XVII веке именно у них интересовались о личности заподозренного. Сегодня от присяжных заседателей, наоборот, тщательно скрывается информация, которая может сформировать предубеждение о личности подсудимого (ч. 8 ст. 335 УПК РФ³⁸). Этот поиск оптимального взаимодействия суда и общества должен служить отправной точкой при реформировании состязательного базиса Отечественного уголовного процесса. Кроме того, мы является сторонниками разработки идеи дружественного уголовного судопроизводства. Следует расширить возможности для примирения сторон, которые бы зависели не только от диспозитивного усмотрения должностного лица правоохранительных органов. Кроме того, полагаем, что следует сконцентрировать внимание на проработке такого нового четвертого вида уголовного преследования как публично-частный, идейным вдохновителем которого является Л. В. Головки.

Результаты

Рассмотрим несколько авторских классификаций типов уголовного процесса, а затем перейдем к конструированию оригинальной уголовно-процессуальной типологии.

1. В зависимости от способа оценки доказательств по уголовному делу предлагаем подразделить все типы на рациональные (состязательный, смешанный) и иррациональные (обвинительный и следственный). Например, в рамках обвинительного типа уголовного процесса при отсутствии очевидных доказательств производились ордалии, т. е. испытания огнем, железом, водой. Судьба уголовного дела отдавалась на откуп силам природы, божественному началу. В контексте «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» от 26 апреля 1715 г. при сомнениях в показаниях свидетелей приоритет отдавался по гендерному, социальному или интеллектуальному критерию³⁹.

2. В зависимости от способа перехода от одного исторического типа к другому: турбулентные и ламинарные. Процессуальная турбулентия – это свойство юридической жизни общества, когда сложившаяся система норм в определенной правовой сфере требует качественного переосмысления и глубинного нормативно-сущностного изменения. Эти новации не связаны с закономерным развитием юридической жизни общества, а обусловлены потребностями всего общества в целом – в новом уголовно-процессуальном продукте, который бы более эффективно решал текущие потребности граждан. Пример турбулентного типа – состязательная форма XIX века, нашедшая отражение в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года⁴⁰. Пример процессуальной ламинарности – когда новый тип уголовного процесса – это следствие качественного развития типа действующего, закономерный эволюционный переход на более высокую ступень научной мысли в рамках одноименной технологии. Теоретически смешанный тип уголовного процесса может выступить примером ламинарной трансформации.

3. В зависимости от преимущественного способа фиксации доказательств по уголовному делу: техноцентрический, чартарный и комбинированный. Полагаем, что уголовный процесс *de lege ferenda* – это сумма следственных и иных процессуальных действий, фиксируемых исключительно посредством видео с помощью цифровых помощников – ИИ-ассистентов (Маруся, Алиса, Анфиса и др.). Уголовное дело будущего – это видеодело с мгновенным воспроизведением нужного момента роботом-помощником. Только три документа здесь имеет смысл составлять и в письменном эквиваленте – постановление о возбуждении уголовного дела, обвинительное заключение и приговор суда. Это прообраз техноцентрического способа фиксации доказательственной базы. Чартарный – от слова “*charta*” что в переводе с латинского означает «бумага». Яркий пример – состязательный тип уголовного процесса, начиная с 1864 года, а также следственный (или розыскной) тип.

³⁸ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

³⁹ Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков // Российское законодательство X–XX веков : В 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва : Юридическая литература, 1986. 511 с.

⁴⁰ Устав уголовного судопроизводства [1864]...

4. В зависимости от способа установления истины по уголовному делу (сообразно нормативному уголовно-процессуальному совершенствованию): 1) сверхъестественный («Русская Правда»⁴¹); 2) силовой (идея судебных поединков, заложенная в Судебник 1497 года⁴²); 3) математический («Краткое изображение процессов или судебных тяжб» от 26 апреля 1715 г.⁴³ и основы формальной системы оценки доказательств); 4) ораторский (наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1767–1768 гг.⁴⁴, возможность ответчика защищаться самостоятельно, либо выбрать другое лицо для своей защиты); 5) народный (Декрет «О суде»⁴⁵, согласно ст. 25 которого народный суд мог заседать в т. ч. в составе народного судьи и двух народных заседателей); 6) примирительный или согласительный (УПК РФ⁴⁶, наличие примирительных процедур, особых порядков, сотрудничество стороны защиты и стороны обвинения и др.).

5. В зависимости от распределения уголовно-процессуальных функций между участниками уголовного процесса: *монополистический тип* (все три основных функции сосредоточены у должностного лица); *дуополистический тип* (должностное лицо вправе легально выполнять две процессуальных функции) и *индивидуалистический* (у каждого участника одна уголовно-процессуальная функция).

6. В зависимости от наименования – *одноименные типы* (общее имя, а сущность разная). Состязательный тип XI, XIX и XXI вв. обладает различными сущностями. То же самое можно сказать об обвинительно-состязательным) и XXI века (отдельные ученые отмечают, что современный уголовный процесс никогда не был состязательным, эта характеристика больше пригодна для гражданского процесса, правильное говорить о современном обвинительном уголовном судопроизводстве). И *разноименные* уголовно-процессуальные типы (имена разные, а соответствующая именам сущность схожа). В этом смысле следует вести речь об обвинительном и состязательном типах уголовного процесса, которые зачастую употребляются в процессуальной связке, либо отождествляются, либо сопоставляются с отысканием большого количестве смежных черт.

Сегодня высказывается множество интересных предложений относительно совершенствования отечественного уголовного судопроизводства. Приведем некоторые из них, чтобы разобраться с тем, к какой исторической парадигме доктринальных и праксеологических постулатов тяготеет уголовный процесс *de lege ferenda*:

– «почему наша страна, являясь частью романо-германской правовой семьи, должна ориентироваться на англосаксонскую правовую модель?!» [10, с. 10]. В этом риторическом вопросе можно разглядеть предложение отказаться от суда присяжных;

– высказывается мнение, что модель деятельности прокурора оказывает непосредственное влияние на тип уголовного процесса [11, с. 59];

– «определяющими для совершенствования процессуальной формы служат непосредственно уголовно-процессуальные принципы» [12, с. 49]. В этом контексте можно сделать вывод о том, что господствующий тип уголовного процесса конструируется с опорой на систему мировоззренческих идей высокой степени общности;

– «совершенно незаслуженно в тексте УПК РФ “заретуширована” объективная истина... выполняет системообразующую роль главного фактора формирования национальной модели уголовного процесса» [13, с. 15];

– «слово “истина” без процедурного обеспечения достоверного установления юридически значимых обстоятельств дела остается лозунгом, мировоззренческим ориентиром, громким заявлением» [14, с. 109];

– «Суду необходимо прямо... вернуть... право по своей инициативе устанавливать фактические данные (собирать доказательства). Иллюзии “пассивного арбитра” должны быть преодолены» [15, с. 79];

– «уголовное правосудие – форма творчества, позволяющая участникам процесса, в первую очередь судам, находить оригинальные конфигурации прежних ресурсов и функций» [16, с. 9] и др.

⁴¹ Русская правда...

⁴² Судебник 1497 г....

⁴³ Законодательство периода становления абсолютизма...

⁴⁴ Екатерина II (имп.; 1729-1796). Наказ Комиссии, о составлении проекта нового уложения. [Санктпетербург] : [Печ. при Сенате], [1768]. 265 с.

⁴⁵ О суде : Декрет Совет Народных Комиссаров от 13 июля 1918 г. № 3 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

⁴⁶ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Таким образом, уголовно-процессуальная наука содержит уникальное по содержанию и разнообразию количество предложений, направленных на реформирование действующего уголовно-процессуального закона. Мы в своих авторских идеях постарались учесть историко-типологические закономерности и ориентироваться на достижение баланса интересов общества и государства. Полагаем, что «процессуальный ремонт» в УПК РФ⁴⁷ следует начать с отказа от ненужных институтов и наведения процессуального порядка. А на освободившемся пространстве построить новое актуальное и исключительно национальное.

3 заключение

В данной статье мы изучили пять предпосылок, связанных с формированием типологии отечественного уголовного судопроизводства, проследив доктринальный путь становления категории «тип» в качестве процессуального компаньона уголовного процесса определенного исторического периода: уголовный процесс сам по себе – уголовно-процессуальный порядок – склад – форма – тип и другие варианты. Красивая эволюция понятий каждый раз позволяет рассмотреть новые черты в портрете отечественного уголовного судопроизводства. Также было предложено шесть авторских классификаций исторических типов отечественного уголовного процесса и сконструирована конфигурация дуалистической уголовно-процессуальной типологии.

Отечественный уголовный процесс – это яркая вариативная комбинация типологических начал, которые генерируются из концептуальных, технологических и идеологических компонентов обвинительного, следственного и состязательного типов. Типология – это и метод научного исследования, и способ изучения и сопоставления исторических типов уголовного процесса. Тип наряду с порядком, формой, моделью и складом выступает методологическим инструментом исследования, самоидентификации, прогрессивного и проактивного развития отечественного уголовного судопроизводства. Именно тип как образ, содержащий особенные характерные черты, присущие состязательному или следственному уголовному процессу, позволяет их детально изучить.

Ключевое препятствие для развития отечественного уголовного судопроизводства – это проблема его самоидентификации в целом, а также двух его частей – досудебного и судебного производства в частности. *De lege ferenda* уголовному процессу присущ состязательный формат, в котором состязательность – это и принцип, и тип, и общее условие судебного заседания. *De lege lata* уголовное судопроизводство дуалистично и в высокой степени ему присуще свойство конвергенции: досудебное производство содержит отдельные элементы состязательности (например, разрешение судом ходатайства о заключении обвиняемого под домашний арест), однако они наслаиваются на розыскную технологию, процессуально ограняя ее.

Судебное производство, хотя и зиждется на состязательном начале, одновременно с этим не лишено и розыскного компонента. Как бы ни боролись сторонники пассивной теории судьи за нейтралитет к объективной истине и за поддержку истины судебной, несомненная цель судебного заседания – это именно установление всех обстоятельств общего и специального предметов доказывания (если они имеют место) благодаря позиции активного судьи, разыскивающего истину. И при таком подходе стираются границы между судом и сыском.

Итоговый вывод можно свести к следующему: *отечественное уголовное судопроизводство, интуитивно опираясь на диалектические законы развития, вышло на новый эволюционный уровень обновления, именуемый конвергентным*. Состязательность и розыск гармонично переплелись в нормах статей, что позволяет нам не отграничивать один институт от другого, а целено воспринимать технологию по борьбе с преступностью. Сегодня должен быть сделан акцент на продолжении гуманизации уголовного процесса, на проработке концепции публично-частного вида уголовного преследования, на возможности примирения сторон по преступлениям небольшой и средней тяжести, совершенным впервые, по диспозитивному усмотрению потерпевшего, а не дискреционному волеизъявлению должного лица. Состязательность немыслима без розыска, иначе уголовный процесс превратится в сборник красивых решений, далеких от объективной истины. Закон отрицания отрицания и закон единства и борьбы противоположностей доказывают нам, что совершенствование уголовно-процессуальных типов было возможно только при переходе от одного к другому и при слиянии наилучших технологий каждого из них в единое целое. Уголовный процесс XXI века достаточно процессуально укомплектован для достижения своего назначения. Однако этими технологиями нужно уметь пользоваться. Это как умный дом, но без определенных навыков и в нем можно продолжать собственноручно выполнять уже давно автоматизированные функции.

⁴⁷ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Не столько необходимы изменения в УПК РФ⁴⁸, сколько понимание и применение имеющегося процессуального инструментария: возможность примирения сторон на досудебном производстве дознавателем и следователем, дознание в действительно сокращенной форме, введение фигуры судебного примирителя для дружественного разрешения уголовно-правового спора в судебных стадиях и др.

Конвергентный тип уголовного процесса предполагает понимание и применение участниками как технологий розыска, так и состязательности в повседневной действительности для комплексного динамичного расследования и разрешения уголовных дел.

Список источников

1. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса : [монография]. Санкт-Петербург : Наука, 2000. 222 с.
2. Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование : монография. Москва : Юрлитинформ, 2013. 579 с.
3. Акимов В. С. Историческое развитие состязательного уголовного процесса в России и некоторых зарубежных странах // Российский судья. 2020. № 5. С. 44–48. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-5-44-48>
4. Диваев А. Б. О зависимости типа уголовного процесса от социальной цели уголовно-процессуального права // Право и правоприменение в современной России : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Новосибирск, 24–26 сентября 2020 г. Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020. С. 277–281.
5. Дорошков В. В. Мировоззренческие подходы к состязательности в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2019. № 7. С. 3–11.
6. Соловьев А. А. Типология уголовного процесса РФ и ее значение для формирования системы принципов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 1 (105). С. 247–254.
7. Зайцева Е. А. Уголовный процесс России: «есть у революции начало, нет у революции конца»? // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1. С. 4–9.
8. Давлетов А. А., Азаренок Н. В. Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактор формирования современного российского уголовного процесса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 31–37.
9. Гизатуллин И. А. Концептуальные проблемы оценки качества уголовного правосудия // Российская юстиция. 2024. № 4. С. 19–30. https://doi.org/10.52433/01316761_2024_04_19
10. Агеев А. Н. К вопросу о перспективной отечественной модели уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. 2023. № 2. С. 9–12. <https://doi.org/10.18572/2072-4411-2023-2-9-12>
11. Чурикова А. Ю., Лавнов М. А. Типология уголовного процесса и правовая модель деятельности прокурора // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 57–64. <https://doi.org/10.25724/VAMVD.A076>
12. Власова Н. А. О закономерностях развития уголовно-процессуальной формы // Научный портал МВД России. 2020. № 3 (51). С. 47–52.
13. Азаров В. А. Действительно ли отказ от «общесовременного мирового тренда» в уголовном судопроизводстве губелен для России? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 11–19. <https://doi.org/10.25724/VAMVD.A210>
14. Тарасов А. А. Рациональное и иррациональное в дискуссиях о развитии российского уголовного процесса // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 3. С. 100–112. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.032>
15. Головкин Л. В. О проблемах российского уголовного процесса // Вестник юридического факультета южного федерального университета. 2024. № 1. С. 75–80.
16. Колоколов Н. А. Уголовное правосудие: к вопросу о его содержании, стандартах и эффективности // Мировой судья. 2023. № 12. С. 2–13. <https://doi.org/10.18572/2072-4152-2023-12-2-13>

⁴⁸ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Научная статья
УДК 343.98

Киберпреступления, совершаемые несовершеннолетними: причины, способы, профилактика

Илона Анатольевна Макаренко, доктор юридических наук, профессор

Уфимский университет науки и технологий
Уфа (450076, ул. Заки Валиди, д. 32), Российская Федерация
ilona475@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0003-4853-6736>

Аннотация:

Введение. Современный этап развития общества характеризуется повсеместным использованием информационных технологий во всех сферах деятельности. Не стала исключением и преступная деятельность, анонимность которой в настоящее время довольно просто обеспечить с помощью различных технических средств. Широкая распространенность киберпреступлений и отчасти шаблонность их совершения способствуют вовлечению в незаконную деятельность несовершеннолетних, что ставит под угрозу не только дальнейшее становление их как личности, формирование и закрепление в сознании негативных социальных установок, но и расширяет круг правонарушителей, оказывая деструктивное воздействие на состояние общества. Особое внимание в статье уделяется причинам совершения киберпреступлений несовершеннолетними правонарушителями и наиболее распространенным способам реализации ими преступных действий. Отмечается необходимость дальнейших исследований закономерностей криминальных деяний в этой сфере, формулирования предложений по их раскрытию и расследованию, осуществления комплекса профилактических мер.

Методы. При подготовке статьи использовались соответствующие поставленной цели научные методы – анализ, обобщение, классификация, моделирование.

Результаты. В работе раскрыты актуальные на данный момент причины совершения несовершеннолетними преступлений в области информационно-телекоммуникационных технологий, учитывая которые, необходимо предпринять комплекс мер в целях профилактики противоправного поведения данной категории граждан, показана необходимость дальнейшей разработки методики расследования этого вида преступных деяний. Отмечено, что необходим комплекс мер для профилактики рассматриваемых преступлений – внесение изменений в законодательство, объяснение уголовно-правового запрета (для развенчания ореола высокопрофессионального хакера, способного управлять информационными технологиями или цифровой вселенной), общественный и родительский контроль за действиями подростков в социальных сетях и др.

Ключевые слова:

киберпреступления, компьютерные преступления, несовершеннолетний правонарушитель, способы совершения киберпреступлений, меры профилактики

Для цитирования:

Макаренко И. А. Киберпреступления, совершаемые несовершеннолетними: причины, способы, профилактика // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 136–141.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025;
одобрена после рецензирования 29.08.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Cybercrime committed by minors: causes, methods, prevention

Ilona A. Makarenko, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

Ufa University of Science and Technology
32, Zaki Validi str., Ufa, 450076, Russian Federation
ilona475@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0003-4853-6736>

Abstract:

Introduction. The current stage of societal development is characterised by the widespread use of information technology in all areas of activity. Criminal activity has not been exempt from this process, as its anonymity can now be easily ensured through various technical means. Due to the widespread occurrence of cybercrimes and their often standardised modus operandi, minors are increasingly involved in illegal activities. This poses a threat not only to their ongoing personal maturation and the development of negative social orientations in their minds, but also expands

Keywords:

cybercrime, computer crime, minor offender, methods of committing cybercrime, preventive measures.

the scope of individuals engaged in criminal conduct causing detrimental effects on the state of society. The author pays particular attention to the reasons why minors commit cybercrimes as well as to the most common methods they use to carry out their criminal activities. The author points out the need for further work concerning criminal schemes in this area, developing proposals for their detection and investigation, and implementing a set of preventative measures.

Methods. The preparation of this article involved the application of scientific methods relevant to the research's purpose, including analysis, generalisation, classification and modelling.

Results. The research reveals the current reasons for committing crimes in the field of information and telecommunications technologies by minors. Taking these reasons into account, it is necessary to take a set of measures to prevent unlawful behaviour by this group of citizens. The research also demonstrates the need for further development of methods for investigating this type of criminal activity. The author stresses the importance of a comprehensive set of measures for preventing crimes in question, such as amending legislation, explaining criminal law prohibitions (for debunking the myth of highly professional hackers capable of controlling information technologies or the digital universe), public and parental monitoring of teenagers' activities on social media, etc.

For citation:

Makarenko I. A. Cybercrime committed by minors: causes, methods, prevention // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 136–141.

The article was submitted June 25, 2025;
approved after reviewing August 29, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Сегодня мы уже не можем представить себе существования без использования информационных технологий, которыми пользуемся повсеместно во всех сферах деятельности. Однако приходится констатировать, что интернет и различные технические средства используются не всегда во благо. В условиях растущей зависимости общества от информационных технологий пропорционально растут угрозы компьютерных атак, краж цифровых данных, кибертерроризма и т. п. При этом большинство киберпреступлений носит международный характер, а на катастрофичность их последствий западные ученые указывали более 20 лет назад, описывая как случайные, так и преднамеренные инциденты информационной безопасности, показывая различие между традиционными угрозами и новыми опасностями, исходящими от киберпреступников [1, с. 28].

Только в России в январе–мае 2025 года зарегистрировано 308,1 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 1,3 % больше, чем за аналогичный период прошлого года¹. При этом с каждым годом растет количество таких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии. Аналогичная тенденция активного вовлечения несовершеннолетних в киберпреступность отмечается и учеными, что обусловлено такими привлекательными особенностями интернета, как обеспечение анонимности действий, возможность нейтрализации средств защиты информационной безопасности, сокрытие следов преступной деятельности и пр. [2, с. 144].

Исследование причин совершения несовершеннолетними преступлений с использованием компьютерных технологий, безусловно, является одним из звеньев формирования криминалистической характеристики указанных преступлений, совершаемых этой категорией лиц, выдвижения версий при расследовании преступлений, справедливого наказания виновных в совершении преступлений и главное – своевременного принятия превентивных мер. Несовершеннолетние – будущее нашего общества, и от того, насколько их противоправные действия будут своевременно пресекаться, раскрываться и наказываться, зависит распространение киберпреступлений в будущем.

Методы

При подготовке статьи использовались соответствующие поставленной цели научные методы – анализ научной литературы, статистической информации, обобщение имеющихся разработок в исследуемой области, классификация способов совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, моделирование возможных последствий от рассматриваемых преступных деяний и способов их предотвращения.

Результаты

В. Н. Карагодин отмечает, что «именно подростки приобретают достаточные умения по использованию в различных целях цифровых технологий. Бесконтрольное ознакомление с компьютерной информацией у ряда подростков усиливает желание, хоть временно оторваться от повседневности, представляющей им скучной и неинтересной. Будничным занятиям они предпочитают общение на привлекательные темы с малоизвестными людьми, ознакомление

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – май 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://мвд.пф/reports/item/66517593> (дата обращения: 10.07.2025).

с информацией о возможности нарушения установленных запретов, в том числе и влекущих уголовное наказание» [3, с. 82]. По существу, современные подростки уже с раннего детства погружены в виртуальное пространство, причем многие не просто пользуются гаджетами для развлечения и решения примитивных задач, а глубоко погружены в возможности использования программного обеспечения, в создание самих программ – и не всегда законных. Мы согласны с учеными [4, с. 175; 5, с. 2], которые считают, что раннее знакомство с электронными устройствами и цифровыми сервисами, возможность самостоятельно действовать в цифровом пространстве становятся факторами для формирования личности несовершеннолетнего киберпреступника.

В связи с этим задача изучения личности несовершеннолетнего преступника продолжает оставаться актуальной. Кроме обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – УПК РФ), в отношении несовершеннолетнего существуют дополнительные, перечисленные в ст. 421 УПК РФ: возраст, число, месяц и год рождения; условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности; влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. Изучая личность несовершеннолетнего, совершающего преступления с использованием информационных технологий, важной представляется информация о его практических навыках и умениях в использовании компьютерных технологий. Безусловно, имеет значение умысел подростка и понимание совершаемых действий как преступных. Нередко их используют вслепую либо внушают, что совершаемые ими действия не являются противозаконными, более того, совершив их, он докажет свои способности хакера, что принесет известность и уважение среди сверстников.

Современные подростки во многом отличаются от своих сверстников, живших ранее. Социально-экономическое развитие общества не могло не отразиться на их формировании, равно как и повсеместное внедрение интернета в их жизнь. Живое общение чаще стало заменяться виртуальным, а контроль родителей за тем, с кем и о чем общается ребенок, максимально снижен. Родители чаще всего заняты на работе либо решают личные проблемы. Слабый контроль за детьми объясняется также тем, что взрослое поколение в меньшей степени осведомлено о возможностях компьютерных технологий и пользуются компьютером исключительно как средством обмена данными, просмотра новостей, набора текста или для компьютерных игр. В связи с этим родители часто не обладают необходимым комплексом знаний, чтобы разобраться в тонкостях использования ребенком информационно-телекоммуникационных сетей и технологий. Соответственно, бесконтрольность влечет за собой свободу действий и возможность несовершеннолетним совершать противоправные действия, в т. ч. связанные с использованием информационных технологий.

Кроме объективных факторов, способствующих изменению личностных характеристик современных несовершеннолетних, сохраняются и субъективные факторы, характеризующие подростковый возраст и основанные на физиологических его особенностях. Склонность подростков к принятию необдуманных решений, желание самоутвердиться, повышенная восприимчивость к стороннему влиянию – все эти обстоятельства всегда способствовали вовлечению подростков в преступную деятельность, эти обстоятельства и в настоящее время играют ключевую роль в вовлечении несовершеннолетних в совершение киберпреступлений. Кроме того, возможность быстро заработать деньги и оставаться обезличенным еще более обостряет желание совершать противозаконные действия. Психологические факторы совершения подростками преступлений по большому счету со временем не меняются. Детям свойственно любопытство и желание испытать новые ощущения, проверить свои способности, приобрести опыт, при этом испытать чувство гордости и своей значимости. Уверенность, что они останутся безнаказанными, а их действия не причинят никому серьезных последствий, только сильнее мотивирует к совершению преступлений.

Можно отметить, что причины, по которым несовершеннолетние все чаще совершают преступления в сфере информационных технологий, весьма разнообразны и обусловлены как социально-экономическими, так и психологическими факторами.

Низкая осведомленность о последствиях неправомерных действий также является одной из причин необдуманных действий несовершеннолетних, а наблюдая за успешными действиями друзей или знакомых, подростки с удовольствием им подражают ради самовыражения и самоутверждения среди сверстников. Несовершеннолетние убеждены, что идентифицировать их в виртуальном пространстве невозможно, что они остаются анонимными и поэтому уверены, что правоохранительные органы не смогут обнаружить следы их действий и доказать причастность к ним.

С сожалением необходимо признать, что в некотором роде уверенность подростков в безнаказанности подтверждается и статистическими данными. Из 308 тыс. совершенных с января по май 2025 года преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, раскрыто только 82 893 преступления – меньше трети³.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52. (ч. I). Ст. 4921.

³ URL: <https://мвд.рф/reports/item/66517593> (дата обращения: 10.07.2025).

К наиболее распространенным незаконным действиям несовершеннолетних в области информационных технологий, по мнению П. Г. Смагина, можно отнести:

1. Получение неправомерного доступа к охраняемой законом информации. Например, взлом баз данных или систем хранения конфиденциальной информации, включая личные и финансовые сведения пользователей.

2. Взлом аккаунтов в социальных сетях. Это может включать похищение персональных данных, личной информации или использование взломанных страниц для распространения спама, фишинга и другой противоправной деятельности.

3. Совершение кибератак. Речь идет о воздействии на серверы веб-ресурсов либо информационные системы с целью их блокировки, модификации данных или нанесения вреда владельцам.

4. Создание, использование и распространение вредоносных программ. Это одна из наиболее опасных сфер, т. к. такие действия способны причинить ущерб как частным лицам, так и организациям.

5. Нарушение авторских, смежных, изобретательских и патентных прав. Незаконное использование чужой интеллектуальной собственности, впоследствии распространяемой, например, на торрент-трекерах, причиняет существенный вред правообладателям.

6. Публикация оправдывающей терроризм или экстремизм информации. Подростки могут размещать подобные материалы на своих страницах в социальных сетях, зачастую не осознавая всех юридических последствий таких действий.

7. Несанкционированный доступ к игровым ресурсам. Попытки взломать игровые аккаунты для получения виртуальных ценностей или преимущества в игре становятся все более частым явлением.

8. Кибертравля. Преследование и унижение сверстников в интернете становится одним из самых серьезных социальных вызовов для образовательных учреждений и родителей [6, с. 4]. При этом случаи кибербуллинга среди несовершеннолетних становятся распространяясь все шире, а подростки в подобных инцидентах играют двойную роль – как преступников, так и жертв [7, с. 763]. И именно дети чаще, чем взрослые, участвуют в кибербуллинге [8, с. 20].

Чтобы доказать причастность лица к совершению преступления одним из перечисленных способов, необходимо обладать цифровой грамотностью, знать закономерности осуществления преступных действий и способы фиксации следов преступления. Поэтому в настоящее время необходимы новые исследования в области расследования преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Необходимо отметить, что в литературе все чаще встречается анализ закономерностей преступной деятельности в рассматриваемой сфере. Например, глубокие исследования проводятся З. И. Харисовой, которой разработаны криминалистические характеристики рассматриваемых видов преступлений, предложен алгоритм действий следователя при обнаружении их признаков в различных следственных ситуациях и др. [9; 10]. Но научных исследований в этой области для повышения квалификации практических работников еще недостаточно.

По замечанию С. В. Глазатовой, «при расследовании данного вида преступлений возникает много трудностей. В качестве негативных причин следует выделить специфические особенности несовершеннолетних преступников, отсутствие методик расследования киберпреступлений и необходимых норм процессуального права, регулирующих действия участников процесса расследования, а также порой и недостаточный уровень подготовки следователей» [11, с. 7].

В связи с этим интересным представляется предложение А. А. Бессонова, который считает целесообразным «создание специализированного госоргана по кибербезопасности, в полномочия которого войдет координация деятельности всех других государственных органов по обеспечению кибербезопасности и противодействию киберпреступности, учёт информации обо всех имевших место киберинцидентах и преступлениях, а также обеспечение государственно-частного партнёрства в обозначенной сфере»⁴.

Кроме того, перспективы повышения эффективности борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий, по мнению Е. А. Астаховой, связаны с рядом направлений, к которым относится совершенствование законодательной базы, межведомственного и международного сотрудничества, подготовка квалифицированных кадров и повышение профессионального уровня всех практических работников, принятие профилактических мер [12, с. 56].

Для профилактики совершения киберпреступлений необходима совместная деятельность не только государственных и образовательных учреждений, но и ученых, специалистов в области IT-технологий, семьи.

В настоящее время происходит постоянное совершенствование законодательства с учетом современных реалий использования компьютерных технологий. Например, в Уголовный кодекс

⁴ Криминалистика для правосудия будущего : доклад Ректора Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева А. А. Бессонова // Фонд «Росконгресс» : [сайт]. URL: <https://roscongress.org/sessions/splf-2025-delovaya-programma-kriminalistika-dlya-pravosudiya-budushchego/discussion> (дата обращения: 10.07.2025).

Российской Федерации⁵ совсем недавно были внесены изменения, направленные на противодействие вовлечению несовершеннолетних в схему дропперства⁶. За продажу банковских карт введена уголовная ответственность, банкам будет запрещено выдавать карты несовершеннолетним без согласия их родителей. Новое ограничение призвано защитить несовершеннолетних от втягивания в мошеннические схемы.

Кроме того, в целях недопущения неоднозначного толкования банками норм гражданского законодательства в части использования банковских счетов несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет предлагается внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), устанавливающих запрет на открытие на имя несовершеннолетних детей банковских счетов без согласия их законных представителей⁷.

Внесение изменений в ГК РФ позволит предотвратить совершение в отношении несовершеннолетних противоправных действий с использованием их банковских счетов, а несовершеннолетним в возрасте от 14 лет после трудоустройства в полной мере реализовывать свои трудовые права, в т. ч. право на получение заработка на банковском счете⁸.

Ученые, внося свой вклад в разработку профилактических мер по предотвращению киберпреступлений, совершаемых несовершеннолетними, предлагают, например, следующие меры борьбы:

1. «Закрепить минимальный возраст уголовной ответственности киберпреступников в зависимости от тяжести и социального масштаба совершенного преступления с 14 лет.

2. Закрепить процессуальный порядок обыска, изъятия и представления в качестве доказательств материалов из сети «Интернет» и ее сервисов: социальных сетей, мессенджеров, а также иных информационных ресурсов. Особо обратить внимание на проведение данных действий в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в киберпреступлении.

3. Разработать и создать методику процесса расследования киберпреступлений, в которой необходимо учесть психологические и процессуальные особенности работы с несовершеннолетними, указав акцентирующие моменты и дополнительные возможности проведения следственных действий.

4. Ввести предлагаемую в других странах Программу родительского контроля, включающую ограничение доступа ребенка в интернет на определенные сайты и контент, а также меры психологического надзора» [11, с. 7].

В зарубежных источниках также проводятся исследования механизма профилактики и контроля вовлечения несовершеннолетних в IT-мошенничество [13, с. 1552].

3 заключение

Несмотря на проделываемую работу в области профилактики киберпреступлений, есть много направлений, которые необходимо корректировать. Например, в Узбекистане родители не просто должны дать согласие на открытие несовершеннолетними банковских счетов, а имеют право на получение информации о подозрительных операциях, совершаемых несовершеннолетними, в т. ч. в банковской сфере [14, с. 811]. Полагаем, что такое нововведение в российское законодательство только усилит родительский контроль над действиями несовершеннолетних.

Наряду с принимаемыми мерами профилактики необходимо продолжать разрабатывать наиболее действенные механизмы расследования преступлений с привлечением специалистов в этой области не только для применения технико-криминалистических средств, но и для оказания помощи в допросах несовершеннолетних киберпреступников, привыкших к специфическому сленгу. Если следователь, глубоко не разбирающийся в тонкостях рассматриваемых преступлений, сразу покажет свою некомпетентность, это окажет влияние не только на установление психологического контакта, но и, безусловно, отразится на получаемых показаниях, их полноте и достоверности. О важности профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов свидетельствует, например, обстановка с киберпреступностью в Индии. В настоящее время там отсутствует надлежащее правовое обеспечение систем информационно-телекоммуникационных технологий, напрочь отсутствует подготовка специалистов в области «права» и «киберправа» и как следствие – наблюдается рост киберпреступности [15, с. 129]. Чтобы предотвратить такие последствия, необходимо планомерно осуществлять комплекс мер, о которых сказано выше.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁶ О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 26 (ч. I). Ст. 3506.

⁷ О внесении изменений в часть первую и статью 846 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 178-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 26 (ч. I). Ст. 3508.

⁸ Пояснительная записка к законопроекту № 579819-8 «О внесении изменений в часть первую и статью 846 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации (уточнение условий заключения договора банковского счета с несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет)» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») : [официальный сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/579819-8> (дата обращения: 10.07.2025).

Список источников

1. *Furnell S. M., Warren M. J.* Computer Hacking and Cyber Terrorism: The Real Threats in the New Millennium // *Computers & Security*. 1999. Vol. 18, No. 1. P. 28-34. [https://doi.org/10.1016/s0167-4048\(99\)80006-6](https://doi.org/10.1016/s0167-4048(99)80006-6)
2. *Joshi S., Singh S., Sharma M.* Cybercrime by Minors. // Roy P. K., Tripathy A. K. (Ed.) *Cybercrime in Social Media : Theory and Solutions*. New York : Chapman and Hall/CRC, 2023. P. 143–166. <https://doi.org/10.1201/9781003304180>
3. *Казагодин В. Н.* О некоторых современных особенностях преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 80–86. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-1-80-86>
4. *Федосеева О. И.* Психологические особенности формирования личности несовершеннолетнего киберпреступника // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4. С. 174-178. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-4-174-178>
5. *Харарбахова М. А., Мусатова О. А., Шпагина Е. М.* Интернет и одиночество подростков // Психология и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 2–13. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110401>
6. *Смагин П. Г.* К вопросу о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними с использованием информационных технологий // Социальная политика и народосбережение : [сетевое издание]. 2024. Т. 3, № 2. С. 1–10. URL: <https://spnjournal.ru/04spn224.html>
7. *Cai Y.* Research on the Social Media Presentation of Juvenile Cybercrime: A Case Study of Cyberbullying / Samsilah R. [et al.] (Eds.) *Catherine Lee Cheng Ean Proceedings of the 2nd International Conference on Educational Development and Social Sciences (EDSS 2025)*. Zhengzhou : Atlantis Press China, 2025. P. 762–768. https://doi.org/10.2991/978-2-38476-400-6_89
8. *Bahl S., Punia M.* Juvenile digital delinquency: A Comprehensive Analysis of Distinctive Behavioural Traits, Motivational Factors, and Societal Implications of Cyber Offenses Committed by Young Individuals / Sharma H. [et al.] (Eds.) *Innovative Multidisciplinary Approaches to Global Challenges: Sustainability, Equity, and Ethics in an Interconnected World (IMASEE-2025)*. Paris : Atlantis Press, 2025. P. 19–41. https://doi.org/10.2991/978-2-38476-416-7_3
9. *Харисова З. И.* Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 96–105. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2025.2.11>
10. *Харисова З. И.* Информационно-компьютерная криминалистическая модель преступления, связанного с нарушением правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования сети «Интернет» и сети связи общего пользования: теоретико-прогностический подход // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. № 2 (26). С. 205–221. <https://doi.org/10.33184/vest-law-bsu-2025.26.18>
11. *Глазатова С. В., Бурцева Е. В., Медведева С. В.* Киберпреступления, совершаемые несовершеннолетними: проблемы расследования // Российский следователь. 2021. № 2. С. 7–10. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2021-2-7-10>
12. *Астахова Е. А.* Перспективы противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 1. С. 56–64. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2025-1-56-64>
13. *Ma Y., Liu Y., Wang H.* Study on the Prevention and Control Mechanism for Minors' Involvement in Telecom and Online Fraud / Zhan Z. [et al.] (Eds.) *Proceedings of the 2024 10th International Conference on Humanities and Social Science Research (ICHSSR 2024)*. Zhengzhou : Atlantis Press China, 2024. P. 1551–1564. https://doi.org/10.2991/978-2-38476-277-4_173
14. *Qosimov S.* State Policy and Legal Approach to Combating Crimes Committed Through Information Technologies: Analysis and Proposals // *International Journal of Artificial Intelligence*. 2025. Vol. 4, No. 1. P. 807–811. URL: <https://inlibrary.uz/index.php/ijai/article/view/99045>
15. *Kaur M. M., Manpreet M. H., Kaur M. H.* Judiciary's Role in the Prevention and Prosecution of Cybercrimes Against Women // *Shodh-Patra: International Journal of Multidisciplinary Studies*. 2025. Vol. 2. Is. 1. P. 116–130. <https://doi.org/10.70558/SPIJSH.2025.v2.i1.25101>

Научная статья
УДК 343.13

Ускорение уголовного судопроизводства с позиции защиты прав потерпевшего (на примере возмещения вреда)

Мищенко Елена Валерьевна¹, доктор юридических наук, доцент
Тарнавский Олег Александрович², кандидат юридических наук, доцент

¹ Оренбургский государственный университет
Оренбург (460018, пр. Победы, д. 13), Российская Федерация

² ООО «Газпром энерго»

Москва (117647, ул. Профсоюзная, д. 125), Российская Федерация

¹ jurfac@mail.osu.ru, ² mellert.@bk.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-5936-1861>, ² <https://orcid.org/0000-0002-4062-2045>

Аннотация:

Введение. Ускорение уголовного судопроизводства коррелируется в большей степени с публичным интересом государства, нежели позволяет обеспечить законные потребности лица по восстановлению в правах и законных частных интересах. Однако поиск баланса частных и публичных интересов в современном российском судопроизводстве диктует необходимость учитывать различные условия и рассматривать опыт минувших периодов в поисках национальных приоритетов формирования уголовно-процессуальной политики. Изучение развития уголовно-процессуального законодательства в различные периоды его становления и развития на примере механизмов ускорения производства по уголовному делу позволил выявить неспособность оценочных категорий в виде «разумности» (ст. 61 УПК РФ) и соответствующих административных компенсаторных механизмов существенным образом защитить права граждан, оказавшихся в роли потерпевших. Административный компенсаторный механизм в отечественном уголовном процессе служит исключительно публичным интересам и не решает проблему фактического отсутствия института возмещения вреда, причиненного преступлением.

Методы. С позиции указанной проблемы и на основе применения общелогических методов научного познания (анализа, синтеза, индукции, дедукции), историко-правового, формально-юридического, сравнительно-правового, системного и метода интерпретации правовых актов с доминирующей ролью сравнительно-исторического метода предпринята попытка выявления закономерности развития процесса ускорения уголовных процедур в исторической ретроспективе для обоснования современных законодательных предложений.

Результаты. Сделан вывод о необходимости признания лица потерпевшим одновременно с установлением события преступления и началом проверочных действий с участием пострадавшего на основе его фактического положения. Данный момент должен являться ключевым в формировании ускорения права на возмещение вреда от государства.

Ключевые слова:

история уголовного судопроизводства, публичный интерес, частный интерес, ускорение уголовного судопроизводства, институт возмещения вреда, компенсация, процессуальное положение потерпевшего

Для цитирования:

Мищенко Е. В., Тарнавский О. А. Ускорение уголовного судопроизводства с позиции защиты прав потерпевшего (на примере возмещения вреда) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 142–149.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025;
одобрена после рецензирования 19.09.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Speeding up the criminal proceedings from a position of victim rights protection (illustrated by damage compensation)

Elena V. Mishchenko¹, Doc. Sci. (Jurid.), Docent
Oleg A. Tarnavsky², Cand. Sci. (Jurid.), Docent

¹ Orenburg State University
13, Victory ave., Orenburg, 460018, Russian Federation

² Gazprom Energo LLC

125, Profsoyuznaya str., Moscow, 117647, Russian Federation

¹ jurfac@mail.osu.ru, ² mellert.@bk.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-5936-1861>, ² <https://orcid.org/0000-0002-4062-2045>

Abstract:

Introduction. *Speeding up criminal proceedings is much more correlated with the public interest of the state than allows to meet the legitimate personal needs to restore rights and legal private interests. However, the search for a balance of private and public interests in modern Russian judicial proceedings necessitates to take into account different conditions and to consider the past periods experience in seeking national primacies for the criminal procedure policy formation. Studying of the criminal procedure code development in various periods of its formation on the example of speeding up mechanisms of criminal proceedings allowed to reveal the evaluation categories failure in the form of «reasonableness» (Art. 61 of the Criminal Procedure Code of the RF) and appropriate administrative compensatory mechanisms to protect the rights of citizens as victims substantially. The administrative compensation mechanism in the internal criminal proceedings addresses the public needs exclusively and does not solve the problem of the de facto absence of the damage compensation institution caused by the crime.*

Methods. *From the position of this problem and on the basis of application of the general scientific research methods (analysis, synthesis, induction, deduction), historical-legal, formal-legal, comparative-legal, systemic and method of legal acts interpretation with a dominant role of comparative-historical method, an attempt has been made to reveal conformity to the development principles of the speeding up of criminal procedures in a historical retrospective to ground modern legislative initiatives.*

Results. *It is concluded that it is necessary to account a person as a victim immediately with the establishment of the event to be a crime and checking activities initiation involving the victim based on his actual situation. This moment should be the key in forming the speeding up of the right for state compensation.*

Keywords:

history of criminal procedure, public interest, private interest, speeding up of criminal proceedings, institute of damage compensation, compensation, procedural position of the victim

For citation:

Mishchenko E. V., Tarnavsky O. A. Speeding up the criminal proceedings from a position of victim rights protection (illustrated by damage compensation) // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 142–149.

The article was submitted March 10, 2025;
approved after reviewing September 19, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Стремление найти баланс между частными и государственными интересами в области уголовной юрисдикции было характерно для российского законодательства на протяжении длительного времени. Апогеем такого генезиса стало закрепление разумного срока уголовного судопроизводства в нормах отечественного уголовно-процессуального законодательства на уровне основополагающего начала производства по уголовному делу 30 апреля 2010 г. Однако следует согласиться с мнением ученых, которые обращают внимание на введение оценочной по своей сути категории взамен прямой регламентации сроков уголовного судопроизводства, что вносит дисбаланс в соотношение «частного – публичного», попытку введения отдельных компенсаторных механизмов в систему принципов [1, с. 168; 2, с. 115; 3, с. 120; 4, с. 129; 5, с. 168; 6, с. 86]. Так, В. И. Кушнерев отмечает отсутствие идеологического подхода к формированию принципов уголовного судопроизводства со стороны российского законодателя и ошибочное включение требования о разумности сроков уголовного судопроизводства, которое есть не что иное, как «правило по результатам рассмотрения жалоб граждан» [2, с. 115]. Ученые отмечают сложность регулирования едиными процессуальными сроками доследственной проверки поступившего сообщения (заявления) о преступлении, проблему защиты прав пострадавших от преступления на этапе начала уголовного преследования ввиду отсутствия на этом этапе состязательности и исключительной публичности процедур [3, с. 120; 4, с. 130; 5, с. 33; 7, с. 225; 8, с. 119]. Одной из исторически сложившихся гарантий защиты прав и законных интересов участников уголовного преследования является требование о «незамедлительности» принятия решения, действий «по горячим следам» [3, с. 5], исчисление сроков формулировками «с момента» и «до момента» [4, с. 130] как аналогов термина «разумности» применительно к раннему этапу производства по уголовному делу.

И. В. Стуконогов отмечает, что при проведении реформы 1864 года уже ставилась задача сохранения «разумной быстроты» уголовного судопроизводства наряду с соблюдением равенства прав сторон [5, с. 169]. Анализ Устава уголовного судопроизводства¹ (далее – Устав), проведенный В. Н. Ростовской, позволил автору сделать вывод о формулировании уведомительных сроков с припиской «немедленно» [6, с. 91].

Исторические предпосылки к формированию «разумности» уголовных процедур совместно с заботливостью о правах частных лиц наблюдаются и в нормах древнерусского законодательства.

¹ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года. Москва : Директ-Медиа, 2015. 646 с.

Методологические основы исследования

В настоящем исследовании ставится задача выявления закономерности развития процесса ускорения уголовных процедур в исторической ретроспективе для обоснования современных законодательных предложений в сфере соотношения частного и публичного начала уголовного судопроизводства на примере отдельных элементов института возмещения вреда. Проведено сопоставление правового регулирования сроков судопроизводства в разные исторические периоды (от Русской Правды² и Судебников³ до Уставов 1864 года⁴, советских и современного Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁵ (далее – УПК РФ)). Выявлены общие закономерности и национальные особенности в поиске баланса между частным и публичным интересом. Проведен анализ трансформации процедурных гарантий (от конкретных сроков к оценочной категории «разумности»), а также отдельных норм исторических памятников права, положений современных УПК, научных позиций разных авторов, судебных решений (Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), Верховного Суда Российской Федерации). Проанализированные элементы сведены в единое целое, сформулированы общие выводы о закономерностях развития института ускорения судопроизводства и возмещения вреда на основе разрозненных данных из разных эпох и источников. На основе анализа конкретных примеров (например, дел Бурдова⁶, Ткаченко⁷) делаются общие выводы о системных проблемах в российском уголовном процессе. Исходя из общего тезиса о дисбалансе частного и публичного интереса, исследовано проявление в конкретном институте возмещения вреда потерпевшему. Правовые институты (сроки, возмещение вреда) исследованы в их историческом развитии и конкретной исторической обстановке (например, переход от состязательного к инквизиционному процессу при Петре I, советский акцент на публичные интересы). На основе формально-юридического (догматического) метода проведен анализ структуры и содержания правовых норм (статей УПК РФ, исторических судебных уставов, Соборного уложения⁸ и т. д.) без оценки их эффективности или справедливости. Интерпретированы термины («не волокитно», «разумный срок»), конструкции норм, их системные связи. Сравнительно-правовой метод применен узко для сопоставления правового регулирования одного и того же вопроса (ускорение процесса, возмещение вреда) в разные периоды, а также для сравнения отечественных подходов и международных стандартов (практика ЕСПЧ). Также применены системный метод и проведена интерпретация правовых актов, что позволило рассмотреть институт ускорения судопроизводства и возмещения вреда не изолированно, а как элемент системы уголовного процесса, взаимодействующий с другими элементами: принципами, статусами участников, целями и задачами процесса.

Результаты

Анализ ранних памятников судебного права показывает отсутствие прямого регулирования сроков производства по уголовным и гражданским делам. Русская Правда как основной правовой свод Древней Руси (XI–XII вв.), не содержит прямого упоминания о процессуальных сроках как таковых⁹. Ее нормы сосредоточены преимущественно на материальном праве: установлении наказаний (вира, продажа) за конкретные преступления (убийство, побои, кража) и порядке разрешения имущественных споров. Регулирование носило казуальный характер и не содержало системных процедурных правил о длительности разбирательства. Это связано с тем, что судопроизводство было в значительной степени основано на обычае и устной

² См.: Русская правда : (пространная редакция) // Библиотека литературы Древней Руси / под. ред. Д. С. Лихачева [и др.]. Санкт-Петербург : Наука, 1997. Т. 4: XII век. 685 с.

³ Ключков М. В. Судебники Иоанна III и Иоанна IV 1497 и 1555 [1550] гг. / текст с указ. напеч. проф. М. Ключковым. Харьков : издание Историко-филологического факультета Императорского Харьковского университета, 1915. 51 с.

⁴ Судебные уставы 20 ноября 1864 года. [Б. м. : Б. и., 1864]. 455 с.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

⁶ Постановление Европейского суда по правам человека от 15 января 2009 г. по жалобе № 33509/04 «Дело «Бурдов (Burdov) против России» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2009. № 5.

⁷ По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. С. Ткаченко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 октября 2024 г. № 42-П // СЗ РФ. 2024. № 41. Ст. 6205.

⁸ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года : учебное пособие. Москва : Издательство Московского университета, 1961. 444 с.

⁹ Русская правда...

традиции, а не на письменной регламентации каждой стадии процесса. Косвенные указания на разумное соблюдение сроков и доведение дел до своего логического завершения мы находим, к примеру, в положениях ст. 6 Псковской судной грамоты об обязанности посадника закончить разбором все начатые им судебные дела¹⁰ и в Новгородской судной грамоте: «А орудье судить посаднику и тысяцкому... месяц, а дале того им орудья не волочить»¹¹.

Стремление законодателя придать судебным процедурам срочный характер известно со времени Судебников 1497 и 1550 годов¹². Термин «не волокитно», упоминаемый в ст. 36 Судебника 1497 года и ст. 72 Судебника 1550 года, в контексте ускорения судебной процедуры и борьбы с бюрократическими проволочками¹³ рассматривается нами как проявление заботы о соблюдении частного законного интереса в уголовном судопроизводстве, как своеобразная компенсация за переход от состязательной модели уголовного процесса к сыскной. В Соборном Уложении интерес к частным правам и возмещению убытков, образовавшихся в т. ч. по вине судьи, еще более возрастает. Это проявляется в ряде положений о недопущении волокиты при рассмотрении дел путем возложения соответствующей обязанности на суд и запрета руководствоваться личными и корыстными мотивами по затягиванию сроков (ст. 15, 22, 24 главы X «О суде» Соборного Уложения 1649 года)¹⁴. Такие действия пресекались и наказывались «государем». При этом в разные исторические периоды для ускорения процесса рассмотрения дел в судах предусматривались различные меры. Так, например, Именным указом от 21 февраля 1697 г. были отменены очные ставки в судебных делах¹⁵. В преамбуле к Указу содержится пояснение о том, что применяемые в рамках состязательного процесса способы доказывания приводят к напрасной судебной волоките, убыткам и разорениям в силу неправды и лукавства, т. е. использования сторонами различных ухищрений, необоснованно затягивавших судебное разбирательство.

Отметим, что для данного исторического периода было характерно сохранение некоторых древнерусских традиций состязательного уголовного процесса, связанных с самостоятельным представлением сторонами суду доказательств, свидетельствующих в пользу их позиции. Законодатель, расценивая такую модель судебного разбирательства как неэффективную, утвердился в выводе о необходимости замены состязательного процесса инквизиционным.

Исследователями отмечено, что в период правления Петра I ускорению судебного разбирательства придавался особый смысл. Отечественное законодательство, как и многие реформы того периода времени, изменялось по европейскому типу. В связи с этим были установлены предельные сроки судопроизводства, правила заочного рассмотрения дел [9, с. 19]. Это, однако, практически не повлияло на традиционную медлительность рассмотрения уголовных дел [10, с. 273]. Новые инструменты ускорения уголовного судопроизводства были введены в связи с принятием Уставов уголовного судопроизводства в 1864 году¹⁶. Материальная ответственность стала главным рычагом воздействия на медлительность должностных лиц и участников, уклоняющихся от явки в суд (ст. 69, 73–75, 152 Устава).

Впервые именно в Уставах вопрос о возмещении вреда разрешался системно с фактической стороной дела и во взаимосвязи с необходимостью быстрого расследования и судебного рассмотрения. Так, в статье 133 Устава закреплялась обязанность мирового судьи возлагать ответственность по возмещению вреда, причиненного преступлением, на неявившегося в суд по неуважительной причине обвиняемого без дополнительных разбирательств в порядке гражданского судопроизводства (как в действующем уголовно-процессуальном законодательстве). Борьбе с необоснованным замедлением уголовного процесса посвящены ст. 181, 255, 258 главы 3 Учреждения судебных установлений 1864 года¹⁷. Соответствующие надзорные полномочия закреплялись за министром юстиции: от получения объяснений от председательствующих до возбуждения дисциплинарного производства в отношении должностных лиц, виновных

¹⁰ Псковская Судная Грамота (1397–1467). Подлинная и в переводе на современный язык с примечаниями по установлению переводного текста / сост. И. И. Васильев, Н. В. Кирпичников ; изд. Псковского археологического общества. Псков : Типография Губернского правления, 1896. 91 с.

¹¹ Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова ; сост. А. А. Зимин. Москва : Госюриздат, 1953. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. С. 212–227.

¹² Судебники Иоанна III и Иоанна IV 1497 и 1555 [1550] гг. / текст с указ. напеч. проф. М. Ключковым. Харьков : Издательство Историко-филологического факультета Императорского Харьковского университета, 1915. 51 с.

¹³ Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России : учебное пособие. Москва : Проспект, 2005. С. 39.

¹⁴ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Указ соч.

¹⁵ Именной указ от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и пошлинных деньгах» // Законодательство Петра I. 1696–1725 годы / сост., авт. предисл. и вступ. ст. В. А. Томсинов. Москва : Зерцало, 2014. С. 6–8.

¹⁶ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург : Издание Государственной Канцелярии, 1867. Ч. 3. 504 с.

¹⁷ Там же. С. 128.

в затягивании производства. Отдельному контролю в форме уведомления подлежало возбуждение каждого следствия (ст. 296.1 Устава в редакции от 1909 г.) [6, с. 90].

В период правления Советской власти выявить содержание модели правового регулирования принципа разумного срока уголовного судопроизводства можно, проанализировав правовые нормы, обязывающие не допускать затягивания процессуальных процедур. В статьях 87–92 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 года¹⁸ (далее – УПК РСФСР 1922 года) впервые устанавливались общие положения об исчислении и порядке восстановления процессуальных сроков.

Для большинства стадий уголовного судопроизводства и отдельных процессуальных действий устанавливались предельные сроки их осуществления. Например, максимальный срок производства дознания составлял один месяц (ст. 107 УПК РСФСР 1922 года), а максимальный срок производства предварительного следствия составлял два месяца со дня объявления подозреваемому постановления о привлечении его в качестве обвиняемого (ст. 119 УПК РСФСР 1922 года).

В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в редакции 1923 года¹⁹ (далее – УПК РСФСР 1923 года) при невозможности окончания предварительного следствия за два месяца следователь был обязан обосновать перед прокурором причины такой задержки (ст. 116 УПК РСФСР 1923 года). Как и ранее, производство по уголовному делу в народном суде предельным сроком не ограничивалось. Пожалуй, указанный период следует назвать наиболее реакционным к балансу частных и публичных интересов, что четко прослеживается в задаче быстрого и полного раскрытия преступления в процессуальном законодательстве в 1960 года²⁰ (далее – УПК РСФСР 1960 года). Так, в статье 44 УПК РСФСР 1960 года применяется формулировка «в целях наиболее быстрого, полного и объективного рассмотрения дела», а в ст. 132 – «в целях обеспечения наибольшей быстроты расследования». При этом законодатель основное внимание уделил установлению конкретных сроков отдельных процессуальных действий: вынесение постановления о возбуждении уголовного дела в течение трех суток (ст. 109); производство дознания – до 10 суток и следствие по данной форме – до одного месяца (ст. 121), а по общему правилу производства предварительного следствия – до двух месяцев (ст. 133); вынесение постановления о предании обвиняемого суду – в течение 14 суток с момента поступления материалов уголовного дела в суд (ст. 239). В данном случае установление жестких сроков не стоит рассматривать как заботу о правовых гарантиях участников судопроизводства, поскольку преследовалась цель установления фактических обстоятельств по делу всеми процессуальными средствами. Именно на данном этапе фигура потерпевшего приобрела характер источника доказательств виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, поскольку, как отмечал М. С. Строгович, процессуальные средства должны были соответствовать цели установления объективной истины [11, с. 137].

В постсоветский период законодательное признание разумного срока уголовного судопроизводства выявляется через конституционные предписания соответствующего периода (конструкция ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации в момент ее принятия в 1993 году²¹) и официальную ратификацию Конвенции в 1998 году. Соответственно, до момента введения Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ²² в УПК РФ ст. 6¹, разумный срок уголовного судопроизводства рассматривался в качестве составного элемента фундаментального принципа правосудия – права на справедливое судебное разбирательство, имплементированного в российскую правовую систему [12, с. 52; 13, с. 63], или как самостоятельного принципа процессуальной экономии [14, с. 9], или как средства регулирования уголовно-процессуальной деятельности, обеспечения правомочий участников производства по уголовным делам [15, с. 82]. Именно в этой интерпретации исследуемая правовая категория изучалась в положениях уголовно-процессуальной доктрины до 2010 года.

Главной причиной правового оформления стала прецедентная практика ЕСПЧ, выявившая в российской правоприменительной действительности «отсутствие эффективных

¹⁸ Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РС.Ф.С.Р.»): постановление Всесоюзного центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) от 25 мая 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР (далее – СУ РСФСР). 1922. № 20–21. Ст. 230. Утратил силу.

¹⁹ Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РС.Ф.С.Р.»): Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. (ред. от 31.01.1958) // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106. Утратил силу.

²⁰ Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

²¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

²² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

внутригосударственных средств правовой защиты лиц». Ярким примером тому является дело «Бурдов (Burdiv) против России»²³. Анализ качества уголовных процедур с позиции решений ЕСПЧ содержится в трудах К. В. Питулько и А. А. Сергеевой [16, с. 178], О. К. Манзанга [17, с. 179], Д. О. Чистилиной и А. Д. Деловой [18, с. 139], И. А. Кучеркова [8, с. 120], Л. В. Бормотовой [19, с. 16; 20, с. 215; 21, с. 194] и ряда других авторов. Исследователи едины во мнении необходимости институционального подхода к вопросу о возмещении вреда и о том, что разумность процедур как принцип уголовного судопроизводства должна охватывать разумный баланс частного и публичного интереса, а частный интерес по исторически сложившейся традиции всегда исходит из возмещения. Однако разумность процедур как принцип уголовного производства под правотворческим воздействием Комитета министров Совета Европы приобрела совершенно иные административные формы компенсаторного механизма вместо полноценного института возмещения вреда в уголовном процессе [22, с. 77].

Таким образом, современный принцип разумности сроков уголовного судопроизводства (ст. 6¹ УПК РФ²⁴) содержит в настоящий момент обеспечительную меру административно-процессуального характера, направленную на выплату денежной компенсации за нарушение сроков уголовного процесса государственным органом (его должностным лицом), в чьем производстве находится уголовное дело (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11²⁵). Однако механизм ускорения возмещения вреда, причиненного преступлением потерпевшему отдельно от общего механизма ускорения уголовного судопроизводства, отсутствует. Более того, законодатель, указав на общую допустимость продления сроков уголовного процесса, исключил таковую возможность для уголовного преследования, назначения наказания и прекращения уголовного преследования. Эти процессуальные действия и решения должны осуществляться в разумный срок (ч. 2 ст. 6¹ УПК РФ). Возмещение вреда потерпевшим в этом перечне отсутствует. В нормах, определяющих процессуальное положение прокурора (ст. 37 УПК РФ), следователя (ст. 38), руководителя следственного органа (ст. 39), органа дознания (ст. 40), начальника подразделения дознания (ст. 40¹), начальника органа дознания (ст. 40²), дознавателя (ст. 41), также отсутствует упоминание об обязанности субъекта доказывания не допускать затягивания сроков возмещения вреда, причиненного преступлением. Все действия должностного лица, в чьем производстве находится уголовное дело, сведены к необходимости установления обстоятельств «главного факта», в числе которых нет указания на обязательное ускорение возмещения вреда. В условиях отсутствия нормативно закрепленной обязанности правоприменитель ориентирован на первостепенные задачи квалификации и доказывания обвинительного тезиса, а не возмещение вреда в интересах потерпевших. На такой вывод ориентирует следователя, дознавателя, государственного обвинителя в т. ч. рекомендация Верховного Суда Российской Федерации в постановлении о практике рассмотрения судами гражданского иска²⁶. Критический анализ указаний высшего суда, содержащихся в п. 8, 21, 27 постановления, позволяет сделать вывод о концентрации внимания нижестоящих судов на выполнение государственным обвинителем обязанности по доказыванию характера и размера причиненного преступлением только имущественного вреда и только во взаимосвязи с установлением квалификационных признаков, в частности, способа совершения преступления, а также «для квалификации содеянного и определения объема обвинения».

Выводы

В контексте обсуждения соотношения частных и публичных начал уголовного судопроизводства следует, на наш взгляд, обратить внимание на правовые позиции, неоднократно озвученные Конституционным Судом Российской Федерации. В 2001 году²⁷ в статусе потерпевшего было выделено наиважнейшее право на возмещение вреда, тогда как действующий УПК РФ²⁸ до сих пор рассматривает право на возмещение вреда как дискреционное правомочие

²³ Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2009. № 5.

²⁴ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

²⁵ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 (ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 5.

²⁶ О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 12.

²⁷ По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Калынова и Н. В. Труханова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 г. № 1-П // СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 700.

²⁸ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

субъекта доказывания. Конституционный Суд неоднократно обращал внимание на необходимость институционализации возмещения вреда, причиненного действием или бездействием органов государственной власти в ходе любого вида, формы, этапа отечественного судопроизводства. А в октябре 2024 года было принято революционное по своей сути постановление, обязывающее правоохранительные органы признавать потерпевшими лиц, отказавшихся от дачи взятки, но сообщивших об этом и поучаствовавших в изобличении преступника²⁹. У этого решения, как нам видится, есть неоспоримый целеопределяющий для всего уголовного процесса потенциал: привлечение общественности к раскрытию преступлений – хорошая возрождаемая советская традиция борьбы с преступностью государства и общества вместе, сообща на благо защиты частного законного и охраняемого государством интереса. Положительно в этом аспекте оцениваем и другие институты советского уголовного судопроизводства – общественного защитника, общественного обвинителя, отдачи на поруки трудового коллектива для перевоспитания. В этом решении мы усматриваем также процессуальную заботу о публичном интересе. Суд на практике зачастую сталкивается с проблемой невозможности переквалификации действий взяточника со ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации³⁰ (далее – УК РФ) на ст. 159 УК РФ без направления уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ. В соответствии с законом при отсутствии потерпевшей стороны это сделать невозможно, поскольку государство с позиции действующей законодательной конструкции ст. 42 УПК РФ не может являться потерпевшим. Но в позиции, озвученной Конституционным Судом Российской Федерации по делу А. С. Ткаченко, участие граждан в раскрытии преступления есть реализация ими публичного интереса государства, а потому оно (государство) обязано гарантировать признание лица потерпевшим до начала официального уголовного производства при проведении оперативных действий, находящихся в неразрывной связи с предстоящим процессом³¹. Таким образом, именно фактическое положение лица определяет его статус как потерпевшего, а не его юридическое формальное закрепление в постановлении о признании потерпевшим, что в значительной мере расширяет возможности влияния граждан на публичные правоотношения и последующее право требовать быстрого возмещения вреда, причиненного не только преступлением, но и ненадлежащим исполнением возложенных государством обязанностей на должностных лиц.

Поэтому необходимо пересмотреть основное назначение уголовного судопроизводства и включить в законодательную конструкцию ст. 6 УПК РФ³² наряду с упоминанием о необходимости защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, указание на обязательное возмещение им вреда. Соответственно в ст. 6¹ УПК РФ необходимо положение «уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок» дополнить словами о возмещении вреда, причиненного преступлением потерпевшему. Нам представляется это разумным с точки зрения ускорения процедур производства по уголовному делу, баланса частного и публичного, генезиса исторического пути и защищенности граждан, общества как высшей ценности в построении сильного государства.

Список источников

1. Кушнерев В. И. Некоторые вопросы реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства в нормах о процессуальных сроках стадии возбуждения уголовного дела / Наука и новация: современные проблемы теории и практики права : сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках IV Международного Фестиваля науки, г. Москва, 20–21 февраля 2019 г. Москва : Московский государственный областной университет, 2019. С. 168–170.
2. Кушнерев В. И. Структура нормы-принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» в российском праве // Академическая мысль. 2018. № 1 (2). С. 115–118.
3. Урывкова А. Е. Некоторые проблемы правового регулирования процессуальных сроков в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. Т. 2, № 4 (100). С. 120–133. https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_2_4_120
4. Родионова Ю. В., Курнышева Е. А. Особенности исчисления процессуальных сроков на стадии возбуждения уголовного дела // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 4 (10). С. 129–132.
5. Стуконог И. В. Сравнительный анализ регламентации процессуальных сроков по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года и УПК России // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 168–174.
6. Ростова В. Н. Процессуальная регламентация начала уголовного процесса согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 года / Актуальные проблемы юриспруденции : сборник статей по материалам XVI международной научно-практической конференции, ноябрь 2018 г. Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2018. № 11 (15). С. 86–92.
7. Валюлин Р. Р. Реализация принципа разумного срока в нормах, регулирующих процессуальные сроки в стадии возбуждения уголовного дела // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2 (55). С. 224–229. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2021.55.208>

²⁹ СЗ РФ. 2024. № 41. Ст. 6205.

³⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³¹ СЗ РФ. 2024. № 41. Ст. 6205.

³² СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

8. Кучерков И. А. Проблема процессуальных сроков досудебного производства в контексте разумных сроков уголовного судопроизводства / Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: Уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ) : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 23–24 июня 2017 г. / под ред. Н. П. Кирилловой, Н. Г. Стойко. Санкт-Петербург : Центр социальных и правовых технологий, 2018. С. 119–124.

9. Волюнец К. И. Исторические предпосылки появления положения о разумном сроке уголовного судопроизводства в российском праве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 3 (5). С. 18–24.

10. Рожков Д. Г. Истоки появления категории «Разумный срок» в уголовном процессе России // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 3 (32). С. 273–276.

11. Строгович М. С. П. С. Элькинд. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Издательство Ленинградского университета, 1976, 142 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 4. С. 135–137.

12. Баранова М. А. Разумный срок уголовного судопроизводства как принцип осуществления процессуальной деятельности // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 6 (76). С. 52–55.

13. Апостолова Н. Н. Разумный срок уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2010. № 9. С. 63–66.

14. Смолин А. Ю. Разумный срок уголовного судопроизводства – проявление принципа процессуальной экономии // Российский следователь. 2010. № 19. С. 9–11.

15. Петрова Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности : монография / под ред. В. М. Корнукова. Саратов : Саратовская государственная академия права, 2006. 182 с.

16. Питулько К. В., Сергеева А. А. Проблемы соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства в правовых позициях Европейского Суда по правам человека // Право и государство: теория и практика. 2021. № 7 (199). С. 178–180. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_7_17

17. Манзанга О. К. Применение международными уголовными судами Европейского прецедентного права в сфере разумного срока // International Law Journal. 2023. Т. 6, № 1. С. 179–190.

18. Чистилина Д. О., Делова А. Д. Разумный срок уголовного судопроизводства: возникновение принципа, практика его реализации и влияние ЕСПЧ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 139–153. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-139-153>

19. Бормотова Л. В. Разумность сроков уголовного судопроизводства - частный случай неоправданной правовой конвергенции, нарушающей исторический уклад // Юридические исследования. 2024. № 9. С. 1–16. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2024.9.71580>

20. Бормотова Л. В. Отдельные аспекты обеспечения и соблюдения сроков уголовного судопроизводства / Проблемы и перспективы развития права в контексте глобальных вызовов : материалы национальной научно-практической конференции, г. Оренбург, 23–24 ноября 2023 г. Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2024. С. 215–220.

21. Бормотова Л. В., Тарнавский О. А. Разумный срок судопроизводства и возмещение вреда, причиненного преступлением: «точки» пересечения на отдельных исторических этапах развития уголовного процесса // Закон и право. 2025. № 1. С. 194–199. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2025-1-194-199>

22. Головки Л. В. О проблемах российского уголовного процесса // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 1 (1). С. 75–80.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Антикриминальное познание как методологическая основа взаимосвязи уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной информации

Исфандиёр Ахмад Одиназода, кандидат юридических наук, докторант

Академия МВД Республики Таджикистан
Душанбе (734024, ул. Мاستонгулов, д. 3), Республика Таджикистан
Кубанский государственный университет
Краснодар (350040, ул. Ставропольская, д. 149), Российская Федерация
diyor-13@mail.ru
<http://orcid.org/0009-0003-5406-3090>

Аннотация:

Введение. Современное уголовное судопроизводство все чаще сталкивается с необходимостью интеграции сведений, полученных в рамках оперативно-розыскной деятельности, в систему уголовно-процессуального доказывания. При этом отсутствует методологически выверенная модель, позволяющая теоретически обосновать легитимность таких сведений. Сложившаяся разобщенность между процессуальной и непроцессуальной формами юридического познания препятствует выработке согласованного подхода к использованию информации о преступной деятельности. В статье предлагается устранить эту теоретико-прикладную лакуну.

Методы. Исследование основано на гносеологическом анализе правовой информации, логико-юридическом моделировании, а также сопоставлении действующих норм с когнитивной природой уголовного судопроизводства. Применяются элементы формальной и диалектической логики, используется междисциплинарный подход.

Результаты. Вводится и обосновывается новая методологическая категория – антикриминальное познание, охватывающая как уголовно-процессуальную, так и оперативно-розыскную познавательную деятельность. Выделены два фундаментальных принципа этой категории – единство и непрерывность. Предложена нормативная перспектива признания процессуально значимой информации как элемента, подлежащего трансформации в допустимое доказательство. Доктрина антикриминального познания может стать основой для реформирования подходов к допустимости сведений, полученных в рамках оперативно-розыскной деятельности, и устранения методологического разрыва между формами юридического познания.

Ключевые слова:

антикриминальное познание, уголовно-процессуальная информация, оперативно-розыскная деятельность, гносеология права

Для цитирования:

Одиназода И. А. Антикриминальное познание как методологическая основа взаимосвязи уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной информации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 150–155.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025;
одобрена после рецензирования 17.07.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Anti-criminal cognition as a methodological basis for the relationship between criminal procedural and intelligence information

Isfandiyo A. Odinazoda, Cand. Sci (Jurid.) Doctoral Student

Academy of the MIA of the Republic of Tajikistan
3, Mastongulov St, Dushanbe, 734024, Republic of Tajikistan
Kuban State University
149, Stavropolskaya St, Krasnodar, 350040, Russian Federation
diyor-13@mail.ru
<http://orcid.org/0009-0003-5406-3090>

Abstract:

Introduction. Modern criminal procedure increasingly faces the need to integrate information obtained within the framework of criminal intelligence into the system of criminal procedural evidence. However, there is no methodologically verified model to theoretically justify the legitimacy of such information. The existing disconnection between procedural and non-procedural forms of legal cognition hinders the development of a coordinated approach to using information about criminal activity. The article attempts to eliminate this theoretical and applied gap.

Methods. The research is based on the epistemological analysis of legal information, logical-legal modeling, and the comparison of current norms with the cognitive nature of criminal proceedings. Elements of formal and dialectical logic are applied, and an interdisciplinary approach is used.

Results. The author introduces and substantiates a new methodological category – anti-criminal cognition encompassing both criminal procedural and criminal intelligence cognitive activities. Two fundamental principles of this category are identified: unity and continuity. The author proposes a normative perspective for recognising procedurally significant information as an element subject to transformation into admissible evidence. The concept of anti-criminal cognition can form the basis for reforming approaches to the admissibility of information obtained through criminal intelligence and for eliminating the methodological gap between forms of legal cognition..

Keywords:

anti-criminal cognition, criminal procedural information, criminal intelligence, epistemology of law

For citation:

Odinazoda I. A. Anti-criminal cognition as a methodological basis for the relationship between criminal procedural and intelligence information // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. No. 3 (107). P. 150–155.

The article was submitted May 19, 2025;
approved after reviewing July 17, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Современное состояние теории и практики уголовного судопроизводства демонстрирует устойчивую необходимость в уточнении гносеологических основ получения юридически значимой информации, имеющей отношение к преступной деятельности. В условиях стремительного развития доктрины доказательств в уголовном судопроизводстве, усложнения форм взаимодействия между органами, наделенными уголовно-процессуальными и оперативно-розыскными полномочиями, выявляется лакуна в научном осмыслении единой когнитивной природы познавательной деятельности этих субъектов. Несмотря на существование разработанных подходов к уголовно-процессуальному и оперативно-розыскному познанию в отдельности¹ [1–3], в юридической науке до настоящего времени отсутствует обобщающая методологическая конструкция, способная отразить их общую направленность, логику и взаимосвязь в рамках уголовного дела.

Настоящая статья направлена на формулирование и теоретическое обоснование новой категории – антикриминального познания как самостоятельного вида юридического познания, объединяющего процессуальные и внепроцессуальные формы выявления и использования сведений о криминальных деяниях. Понятие антикриминального познания, опирающееся на два базовых принципа – единства и непрерывности, позволяет концептуализировать циркуляцию информации между оперативно-розыскной и процессуальной сферами как легитимную и обусловленную общностью цели: познание обстоятельств совершения преступления в целях уголовного преследования и правосудия. Тем самым доктрина антикриминального познания формирует прочное методологическое основание для легитимации сведений, полученных в рамках оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), в системе уголовного судопроизводства.

Научная новизна исследования заключается в предложении принципиально новой формы когнитивного обоснования взаимосвязи между процессуальным и оперативным уровнями расследования преступлений. В отличие от подходов, апеллирующих исключительно к допустимости доказательств, антикриминальное познание выводится за пределы формальной процессуальной оболочки и позиционируется как методологическая категория, способная преодолеть догматическое противопоставление процессуального и непроцессуального.

Целью статьи является раскрытие сущности и структуры антикриминального познания, определение его принципов и форм, а также обоснование его значения как методологической базы взаимосвязи уголовно-процессуального и оперативно-розыскного познания.

Методы

Исследование основано на гносеологическом анализе юридически значимой информации, логико-юридическом моделировании, а также сопоставлении уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных форм познания с целью выявления их методологического единства. Применяются приемы формальной и диалектической логики, элементы понятийного анализа.

¹ Ватанен Т. В. Процесс познания как основа оперативно-розыскной деятельности // Актуальные исследования. 2021. № 21 (48). С. 43–46.

Результаты

Юридическое познание в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности традиционно трактуется как совокупность автономных форм получения сведений, направленных на выявление обстоятельств, значимых для правового решения. В российской юридической доктрине накоплен значительный массив теоретических разработок, детально раскрывающих структуру процессуального познания, его логико-гносеологические основания и прикладные методы [4–7].

Тем не менее, при всем разнообразии научных подходов общая картина остается фрагментарной. Отсутствует надсистемное концептуальное обобщение, позволяющее преодолеть искусственные границы между видами юридического познания, которые по-прежнему дифференцируются исключительно по признаку источника или процессуального статуса субъекта.

Предлагаемая категория антикриминального познания формулируется как новая, методологически оформленная модель юридического постижения, интегрирующая в себе познавательные аспекты уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. Ее направленность – единая: установление признаков преступной активности. В отличие от распространенной практики, при которой допустимость «непроцессуальной» информации обосновывается через ссылку на формальные критерии относимости, допустимости и достоверности, антикриминальное познание опирается на иное основание. В его основе – постулат онтологического единства источника знания о преступлении вне зависимости от правового режима его получения.

Познание криминальных явлений как фактов объективной действительности в правовом пространстве – не только формализованная процедура, но и особый вид профессиональной деятельности. Она ориентирована на достижение истины и формирование допустимой реакции со стороны государства. В этом процессе важны не форма, а содержание, не процедура, а эпистемологическая цель.

Антикриминальное познание объединяет две формы юридической деятельности – процессуальную и оперативную – в рамках единой когнитивной парадигмы. Различие между ними обусловлено не целью, а допустимыми средствами ее достижения. Противопоставление этих форм, в т. ч. закрепленное в законодательстве, требует переоценки. В центре новой методологической модели оказывается не формальное происхождение сведений, а их природа «как результата направленного взаимодействия субъекта и объекта познания» [8, с. 309]. Именно в этом взаимодействии формируется то, что может быть использовано для установления обстоятельств преступной деятельности и правовой реакции на нее [9].

Предложение новой гносеологической конструкции требует формулирования ее внутренних оснований. Методологическая состоятельность антикриминального познания зиждется на двух фундаментальных принципах: единства и непрерывности. Эти принципы не являются декларативными утверждениями, поскольку выражают внутреннюю закономерность взаимосвязи между уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной формами получения информации, направленной на установление признаков преступного поведения.

Принцип единства отражает когнитивную природу обеих форм юридического познания. Несмотря на различия в регулятивной оболочке, субъектный состав и характер допустимых методов, как уголовно-процессуальная, так и ОРД направлены на достижение одного результата – получение объективных сведений о событии, обладающем криминальной значимостью. Познание преступления, даже если оно осуществляется вне рамок процессуальной процедуры, не теряет своей юридической ценности: оно продолжает оставаться элементом «общей эпистемологической системы, в рамках которой формируется знание о противоправном деянии» [10, с. 36].

Принцип непрерывности исключает возможность интерпретации оперативно-розыскного и уголовно-процессуального познания как изолированных и автономных процессов. На практике они представляют собой этапы единой когнитивной деятельности, разворачивающейся во времени и не прерываемой сменой правового режима. Познавательное взаимодействие между органами, осуществляющими оперативную деятельность, и процессуальными фигурами (в первую очередь – дознавателем, следователем, прокурором, судом) носит континуальный характер. Информация, полученная на одном этапе, «становится эпистемологическим фундаментом для последующих действий» [11, с. 36] – независимо от того, приобретает ли она впоследствии доказательственный статус.

Введение указанных принципов позволяет переосмыслить юридическую природу сведений, циркулирующих между непроцессуальной и процессуальной фазами антикриминального

познания. Речь не идет о подмене правовой формы абстрактной философской категорией. Напротив, предлагается рассматривать антикриминальное познание как методологическую опору для легитимации трансформации сведений, полученных в рамках ОРД, в юридически значимую информацию, способную участвовать в уголовно-процессуальном принятии решений.

Одним из краеугольных вопросов для доктрины антикриминального познания является соотношение процессуальной и непроцессуальной информации, а также возможность перехода одной формы в другую. Установление границ допустимости использования сведений, не обремененных в установленную законом форму, требует переосмысления самой категории юридически значимой информации и отказа от ее жесткой привязки к процессуальной процедуре.

Уголовно-процессуальная деятельность оперирует сведениями, полученными в результате предусмотренных законом следственных и иных процессуальных действий. Однако в реальной практике принятие процессуальных решений нередко предшествует официальному оформлению таких сведений [12]. Например, первичная информация, сообщенная свидетелем в неформальном общении со следователем, не является доказательством в юридическом смысле, но «способна повлиять на направление расследования, возбуждение уголовного дела, выбор тактической модели действий» [13, с. 131].

В связи с этим возникает необходимость различения процессуальной информации как оформленного доказательства и процессуально значимой информации как источника познавательной ценности, не обладающего доказательственной формой, но влияющего на содержание уголовно-процессуальной деятельности.

Указанное разграничение позволяет рассматривать сведения, полученные в рамках ОРД, как форму процессуально значимой информации, обладающей правом на последующую трансформацию. Речь идет не о произвольной подмене доказательств оперативными данными, а о возможности включения этих данных в доказательственную систему при соблюдении условий процессуального оформления [14]. Такая трансформация – не исключение из общего правила, а органическая часть антикриминального познания, в котором формы знания сменяют друг друга в зависимости от стадии и характера познавательной деятельности.

Здесь особенно значимым становится не происхождение информации, а ее способность быть адаптированной к требованиям процессуального закона. Превращение процессуально значимой информации в допустимое доказательство требует соблюдения двух условий: подтверждения источника в предусмотренном порядке и воспроизводимости полученных сведений с соблюдением установленных процедур. Эта логика уже получила частичное закрепление в правоприменительной практике, однако не имеет концептуального завершения в теории. Доктрина антикриминального познания позволяет устранить этот пробел, признав непрерывную циркуляцию информации от непроцессуального источника к процессуальному доказательству как познавательно обусловленную и правомерную при соблюдении формальных критериев.

Развитие антикриминального познания как самостоятельной методологической категории требует переосмысления места результатов ОРД в системе уголовно-процессуального познания. Проблема допустимости этих результатов в качестве доказательств традиционно трактуется через призму положений процессуального закона, в частности, ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации². Однако такое нормативное ограничение не охватывает весь спектр правовых и гносеологических аспектов, связанных с их ролью в системе познания преступления.

Доктрина антикриминального познания исходит из того, что результаты ОРД представляют собой одну из форм первичного накопления информации о противоправных действиях, обладающей эпистемологической целостностью и направленностью к установлению объективной истины. Эта информация возникает в ходе действий, не обладающих процессуальной формой, но являющихся элементом когнитивного процесса, развернутого во времени и пространстве. В отличие от позиции, согласно которой данные ОРД могут быть использованы лишь после их процессуального «перевода» в допустимую форму, антикриминальное познание утверждает, что правовое значение таких сведений следует оценивать с учетом их происхождения, цели фиксации и связи с предметом доказывания, а не только по формальным признакам процессуального оформления.

Результаты ОРД не могут быть редуцированы до технического приложения к уголовному процессу. Они обладают автономной ценностью в структуре правового познания и могут выполнять функции ориентира, триггера для инициирования процессуальной деятельности, а в ряде случаев – стать основой последующего доказывания. Такая правовая гибкость

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

не означает произвольного использования или нарушения гарантий участников процесса, а напротив – требует четкого соблюдения стандартов легитимации сведений, полученных вне процессуальной формы. Их последующая трансформация в доказательства предполагает проверку на «достоверность, воспроизводимость и подтверждаемость средствами, предусмотренными уголовно-процессуальным законом» [15, с. 55].

Антикриминальное познание требует признания возможности движения (циркуляции) информации между непроцессуальной и процессуальной формами не как исключения, а как структурного элемента уголовно-правовой гносеологии. Такая позиция позволяет преодолеть методологическую разобщенность уголовно-процессуальной и ОРД, формируя обоснование для их интеграции в рамках единой когнитивной парадигмы. В этом состоит отличие предлагаемой концепции от действующего подхода, при котором доказательственная система воспринимается как закрытая и недоступная для информации, возникшей за ее пределами.

Обсуждение

Утверждение концепции антикриминального познания как самостоятельной методологической категории предполагает не только теоретическую артикуляцию ее принципов и структуры, но и выработку направлений ее нормативного закрепления. На настоящий момент взаимосвязь уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной информации регулируется фрагментарно: положения уголовно-процессуального закона, касающиеся допустимости результатов ОРД, носят ограниченный характер, не охватывая весь спектр познавательных форм, возникающих в ходе установления обстоятельств криминального события.

В рамках предлагаемой доктрины особое значение приобретает фиксация механизма трансформации информации, полученной вне процессуальной формы, в форму, обладающую процессуальной достоверностью. Законодательство должно предусматривать не только процессуальные условия допустимости результатов ОРД, но и более широкую категорию – процессуально значимую информацию, которая может быть легитимирована в порядке, установленном законом.

Потенциал доктрины антикриминального познания заключается также в возможности уточнения понятийного аппарата действующего законодательства. Требуется нормативной конкретизации терминологическое различие между «доказательствами», «информацией о фактах», «сведениями о преступлении» и «результатами ОРД». Введение в уголовно-процессуальную терминологию категории процессуально значимой информации, не тождественной доказательству, но способной быть включенной в познавательную структуру уголовного процесса, создало бы основу для более содержательной оценки таких сведений.

Дополнительно нуждается в переработке и логика допустимости. В частности, положения о недопустимости доказательств, полученных с нарушением закона, требуют разграничения между нарушениями, касающимися сущностных условий достоверности, и нарушениями, имеющими формальный или устранимый характер. Это позволило бы обеспечить гибкость правового реагирования без отказа от процессуальных гарантий.

Антикриминальное познание как доктрина не противопоставляется уголовно-процессуальному праву, но предлагает методологическую опору для его развития. Она обеспечивает целостное объяснение взаимодействия процессуальных и внепроцессуальных форм получения информации, исходя не из юридико-догматической конструкции, а из логики правового познания, направленного на установление фактической истины в границах допустимого. С этой точки зрения доктрина антикриминального познания может стать основой для реформирования подходов к использованию результатов ОРД, унификации когнитивной природы доказательств и преодоления методологического разрыва между двумя автономными системами получения информации о преступлении.

3 заключение

Формулировка принципов единства и непрерывности антикриминального познания позволяет по-новому осмыслить место и значение сведений, полученных вне формальных процедур, но обладающих познавательной ценностью. Эти принципы задают основание для правового признания информации, циркулирующей между оперативным и процессуальным уровнями, частью

единой эпистемологической конструкции. Введение категории процессуально значимой информации позволяет преодолеть схематичное противопоставление допустимого и недопустимого, обосновывая возможность трансформации знания, не оформленного по правилам Уголовно-процессуального кодекса, в допустимое доказательство, при соблюдении установленных требований.

Рассмотрение результатов ОРД как элемента антикриминального познания требует выхода за пределы догматической интерпретации уголовно-процессуального закона. Предлагаемая доктрина не отрицает значимости процессуальных гарантий, но подчеркивает необходимость их соотношения с логикой познавательной деятельности. Именно в этом соотношении содержится возможность гармонизации нормативных конструкций с правовой реальностью, в которой юридически значимое знание формируется на стыке формализованных и неформализованных источников.

Реализация потенциала антикриминального познания требует нормативного оформления механизмов преобразования непроцессуальной информации в допустимое доказательство, расширения понятийного аппарата и системного пересмотра подходов к допустимости сведений, полученных в рамках ОРД. Такая перспектива позволяет не только повысить эффективность уголовного судопроизводства, но и обеспечить внутреннюю согласованность между формой и содержанием правового познания в условиях противодействия преступности. В результате доктрина антикриминального познания представляет собой не попытку заменить существующие правовые институты, а шаг к их интеграции на основе единого методологического основания, способного обеспечить содержательную взаимосвязь между средствами получения, оценки и использования информации о преступной деятельности в правоприменительной практике.

Список источников

1. *Боруленков Ю. П.* О закономерностях юридического познания в процессуальной деятельности // *Мировой судья*. 2014. № 2. С. 9–15.
2. *Карякин Е. А.* Специфика уголовно-процессуального познания // *Российская юстиция*. 2016. № 9. С. 29–32.
3. *Росинский С. Б.* Методологические проблемы доказывания в состязательном уголовном процессе // *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2016. № 1 (24). С. 79–92.
4. *Земеров И. А.* Некоторые вопросы соотношения режимных, оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных средств познания события преступления // *Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России*. 2020. № 2 (4). С. 19–26.
5. *Сидорова А. В.* Формы юридического познания: вопросы теории и практики // *Сибирский антропологический журнал*. 2021. Т. 5, № 1. С. 211–222.
6. *Сулейманов Т. А., Назаркин Е. В., Захарова С. С.* Уголовно-процессуальное познание результатов оперативно-розыскной деятельности и режимных мероприятий в качестве доказательств при расследовании уголовного дела // *Евразийский юридический журнал*. 2021. № 9 (160). С. 328–330.
7. *Французов А. О., Молдавский М. В.* Оперативно-розыскные мероприятия как способ познания в оперативно-розыскной деятельности // *Профессиональное юридическое образование и наука*. 2023. № 1 (9). С. 105–108.
8. *Нечаев В. В.* К вопросу о сущности уголовно-процессуального познания / *Личность, право, государство: проблемы развития и взаимодействия : сборник статей научно-представительских мероприятий*. Москва : ИП Колупаева Е. В., 2023. С. 308–310.
9. *Семенцов В. А.* К вопросу о пополнении системы следственных действий негласными познавательными приемами // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2016. № 4. С. 48–57.
10. *Боруленков Ю. П.* Юридическое познание и судебное доказывание (риторическая модель) : монография. Москва : Юрлитинформ, 2023.
11. *Гришина Е. П.* Специальные познания в контексте уголовно-процессуальной науки и правоприменительной практики : монография / под редакцией В. М. Бозрова. Москва : Юрлитинформ, 2022.
12. *Зинченко И. А.* Исследования проблем уголовно-процессуального доказательственного права должны быть продуманными и корректными // *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2016. № 4 (27). С. 20–26.
13. *Пржиленский В. И.* Познание права и правоприменительные практики как виды юридической деятельности // *Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы : монография / под общей ред. О. Ю. Рыбакова*. Москва : Проспект, 2022. С. 129–151.
14. *Строева Ю. В., Павлова А. А.* Сущность доказывания в уголовном судопроизводстве // *Вестник Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «Общественные науки. Social science» : сетевое издание*. 2023. № 1 (29). С. 16–20. URL: <https://www.ippsvf.ru/jour/article/view/183/180>.
15. *Глазунова И. В., Образцов В. А.* Концептуальные основы следственного познания : монография. Москва : Юрлитинформ, 2023. 376с.

Антикоррупционная идеология в механизме криминологического противодействия коррупции

Елена Викторовна Стебенева, кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д. 1), Российская Федерация
st.el@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3659-3595>

Аннотация:

Введение. В представленной статье рассмотрены основы антикоррупционной идеологии как неотъемлемой части механизма криминологического противодействия коррупции путем определения её функций, уровней формирования и необходимых мер, способствующих распространению антикоррупционной идеологии в противовес, существующей в обществе, коррупционной, что предопределяет главенствование в идеологической конкуренции. Актуальность представленного исследования заключается в определении идеологии как необходимого элемента механизма криминологического противодействия коррупции, довлеющей над ним и пронизывающей все его остальные структурные звенья. Формирование идеологической основы способствует не только противодействию коррупционной преступности как наиболее общественно опасному проявлению коррупции, но и повышению эффективности антикоррупционной политики государства в целом, т. к. идеология как часть культуры общества требует единства и подкрепления в своей позитивной направленности.

Методы. В ходе исследования использовались как общенаучные методы – диалектический, методы анализа, синтеза, моделирования; так и частнонаучные – статистический, социологический, сравнительно-правовой, функциональный.

Результаты. В предлагаемом механизме криминологического противодействия коррупции идеология определена как изначально главенствующий структурный элемент, но не умаляющий значимости иных звеньев рассматриваемого механизма – доктринально-концептуальные, тактико-стратегические основы; субъекты и объекты криминологического воздействия, что обеспечивает единство антикоррупционной политики и эффективность предпринимаемых мер. Антикоррупционная идеология представлена и обоснована автором в виде основных идей, функций и уровней ее формирования; совокупностью мер, способствующих ее приоритетности и главенствованию в конкуренции с идеологией коррупционной.

Ключевые слова:

антикоррупционная идеология, криминологическое противодействие, коррупция, антикоррупционная политика

Для цитирования:

Стебенева Е. В. Антикоррупционная идеология в механизме криминологического противодействия коррупции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 156–164.

Статья поступила в редакцию 30.06.2025;
одобрена после рецензирования 31.08.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Anti-corruption ideology in the mechanism of criminological counteraction to corruption

Elena V. Stebeneva, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
st.el@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3659-3595>

Abstract:

Introduction. This article examines the foundations of anti-corruption ideology as an integral part of the mechanism of criminological counteraction to corruption, by defining its functions, levels of formation, and necessary measures that promote the spread of anti-corruption ideology in contrast to the existing corruption ideology in society, which determines its dominance in ideological competition. The relevance of this study lies in the definition of ideology as a necessary element of the mechanism for countering such a negative socio-legal phenomenon as corruption, which dominates and permeates

Keywords:

anti-corruption ideology; criminological counteraction; corruption; anti-corruption policy

all other structural elements. The formation of an ideological foundation not only contributes to the fight against corruption as the most socially dangerous manifestation of corruption, but also enhances the effectiveness of the state's anti-corruption policy as a whole, as ideology, as a part of society's culture, requires unity and reinforcement in its positive direction.

Methods. The study used both general scientific methods – dialectical; methods of analysis, synthesis, modeling; and private scientific methods: statistical, sociological, comparative-legal, functional.

Results. In the proposed mechanism of criminological counteraction to corruption, ideology is defined as the initially dominant structural element that prevails (but does not diminish its significance) over other elements of the mechanism under consideration, such as doctrinal, conceptual, tactical, and strategic foundations, as well as the subjects and objects of criminological influence, which ensures the unity of anti-corruption policy and the effectiveness of the measures taken. The author presents and substantiates the anti-corruption ideology in the form of its main ideas, functions, and levels of formation; and defines measures that promote its priority and supremacy in competition with the ideology of corruption.

For citation:

Stebeneva E. V. Anti-corruption ideology in the mechanism of criminological counteraction to corruption // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 156–164.

The article was submitted June 30, 2025;
approved after reviewing August 31, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Политика государства, будь то внешняя или внутренняя, всегда базируется на определенных доктринальных положениях, включающих цель, принципы, смыслы и идеи, что предопределяет фундамент реализации политических решений государства. Государственная политика в целом состоит из совокупности мер по определенным приоритетным направлениям (вектора деятельности), которые в силу происходящих трансформаций в современном обществе могут корректироваться, изменяться с учетом главенствующих интересов страны. Наглядный тому пример, претерпевшая изменение Стратегия национальной безопасности Российской Федерации в 2021 году, сменившая действующую до этого, утвержденную в 2015 году¹, но в которых неизменно одной из угроз государственной и общественной безопасности определена коррупция, что не вызывает никаких сомнений, и, закономерно, одной из задач определено предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности (подп. 13 п. 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации²).

При определении места противодействия коррупции в общей политике государства в первую очередь мы ведем речь об антикоррупционной политике. Современная государственная антикоррупционная политика России, которую можно представить как «деятельность органов государственной власти, общественного самоуправления и граждан по регулированию антикоррупционной деятельности в целях социально-экономического и культурного развития, в соответствии с интересами национальной безопасности, на основе реализации прав и свобод человека и гражданина» [1, с. 20], выступает в виде совокупности мер, реализуемых различными субъектами, что предполагает решение законодательных, организационно-управленческих, идейно-пропагандистских и иных задач для достижения единой цели – снижения уровня коррупции и ее распространенности во всех сферах общества.

Противодействие коррупции формирует не только антикоррупционный правопорядок [1, с. 11–125] в обществе, но и антикоррупционную безопасность, включающую антикоррупционную криминологическую безопасность, обеспечивающую защиту от наиболее общественно опасной формы проявления коррупции в виде преступных деяний [2]. Проследивая институциональную взаимозависимость национальной и антикоррупционной безопасности, следует признать антикоррупционную криминологическую безопасность необходимой защитой от наиболее общественно опасной формы проявления исследуемого феномена – коррупционных преступлений, что предопределяет проведение криминологического противодействия коррупции.

Антикоррупционная безопасность предполагает защищенность от коррупционных деяний личности, общества и государства, что делает антикоррупционную деятельность неотъемлемой частью государственной политики, предполагая масштабность, единство и повсеместность осуществляемой деятельности в этой сфере.

Учитывая сложность, системность, многообъектность воздействия различными субъектами профилактики коррупционных деяний, становится актуальной необходимостью разработки единого механизма противодействия коррупции, универсальность которого позволила бы применять его на различных уровнях в рамках государственной политики.

Государственная политика противодействия преступности в целом характеризуется выстраиванием механизмов принятия комплексов правовых, информационных, организационных и иных мер с учетом криминальных угроз [3].

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351 ; О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212. Утратил силу.

² СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

Механизм противодействия коррупции является сложной разноуровневой и взаимосвязанной структурой, изменяющейся и подстраиваемой под трансформации феномена коррупции.

Механизм противодействия коррупции представляет собой совокупность мер, направленных на выявление, устранение, нейтрализацию коррупциогенных факторов; на борьбу с коррупционными проявлениями и минимизацию негативных последствий от коррупционных правонарушений, что предполагает проведение планомерной, постоянной и повсеместной антикоррупционной политики в государстве [4].

Отметим, что, учитывая криминологическую составляющую объекта нашего исследования, основой механизма противодействия коррупции следует полагать анализ причин и закономерностей объективно существующих связей между общественными отношениями и в первую очередь их уголовно-правовой формой. Поэтому под предметом механизма противодействия коррупции, по нашему мнению, следует подразумевать, соглашаясь с мнениями других ученых [5, с. 12; 27], общественные отношения, которые двойственны по своей правовой природе, неразрывно связаны и возникают как в связи с совершением коррупционного уголовно-наказуемого деяния, так и в связи с обеспечением антикоррупционного поведения как первичных превентивных мер, в виде, например, внедрения антикоррупционных стандартов, так и предупреждающих повторное совершение коррупционных правонарушений.

Таким образом, рассматривая целостную концепцию механизма противодействия коррупции через сущность и содержание предмета его воздействия – особых общественных отношений, можно представить его в виде структурной модели, содержащей следующие необходимые элементы (звенья): антикоррупционная идеология, доктринально-концептуальные и тактико-стратегические основы противодействия коррупции, субъекты и объекты антикоррупционной деятельности.

Методы

Познанию криминологического противодействия коррупции как негативному социокультурному явлению способствует теоретическое осмысление этого феномена методом диалектики, что позволило определить место рассматриваемого вида деятельности в антикоррупционной политике государства и вычленить отдельные элементы механизма его реализации. Метод моделирования использован для обозначения основных элементов структурной модели механизма криминологического противодействия коррупции, где одно из первых звеньев – антикоррупционная идеология. Методами анализа, синтеза определены основные взгляды на идеологическую основу общества; изучены составляющие антикоррупционной идеологии в виде идей, функций, уровней формирования. Сравнительно-правовой метод применен для оценки отдельных правовых актов современного антикоррупционного законодательства; социологический метод использован для анкетирования граждан, ставшего эмпирической основой настоящего исследования; функциональный метод позволил выявить функции антикоррупционной идеологии, распределить уровни ее формирования. В совокупности примененная методика позволила обосновать обобщающие выводы и предложения по представленному научному исследованию.

Результаты

Антикоррупционная идеология, представляющаяся нам как система ценностей, взглядов, смыслов, идей в виде неотъемлемой части духовной культуры, выступает первым (главенствующим) звеном всего механизма криминологического противодействия коррупции, составляя идеологическую основу концепции, стратегии, тактики антикоррупционной деятельности соответствующих субъектов. В нашем понимании именно идеология задает направление духовно-нравственному, культурному, политическому, экономическому развитию общества. Благодаря идеологии формируется общественное сознание («карта социальной реальности и матрицы коллективного сознания» [6, с. 250–256]), распространяющееся на все сферы – культуру, религию, науку, философию и др.

Согласно части 2 статьи 13 Конституции Российской Федерации³ никакая идеология не может быть установлена в качестве государственной или обязательной. Но это, по нашему мнению, не должно трактоваться как запрет государственной идеологии, что, с точки зрения других ученых [7], практически невозможно, т. к. она существует как объективная реальность, при этом понимание указанной нормы должно сводиться к отрицанию обязательности, насаждения какой-либо идеологии и преследования не придерживающихся ее. Государственная идеология и ее формирование является частью государственно-правового развития, в т. ч. в сфере противодействия различным негативным социальным явлениям, каковым является и коррупция. Иначе это способствует «идейному разброду и шатанию» [8], что только

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

препятствует формированию единой государственной идеологии по всем приоритетным направлениям криминологического противодействия.

Рассматривая коррупцию как социокультурный феномен, мы в первую очередь подводим к тому, что коррупция так же, как и другие явления, составляют культуру общества, пусть и с негативным (контрпродуктивным) влиянием на него. Поэтому так важно в механизме противодействия коррупции наличие антикоррупционной идеологии в противовес коррупционной, являющейся одним из коррупциогенных факторов – а именно, распространения в обществе потребительства, низведения духовных ценностей и др. [9].

Антикоррупционная идеология направлена на формирование мировоззрения, взглядов и убежденности в приоритете ценностей добросовестности, нравственности, моральных установок не личного обогащения, а общественной пользы; благотворительности и нетерпимости к коррупции. Но в настоящее время некоторые ученые говорят о распространении хабитуализации коррупции, а проще – о ее «опривычивании». Кроме того, проведенный нами в 2024–2025 гг. опрос граждан наглядно показал равнодушие к фактам коррупции свыше 20 % опрошенных граждан⁴, что свидетельствует об антикоррупционном «нездоровье» общества.

Таким образом, сформированные основы антикоррупционной идеологии, проявляющиеся в антикоррупционном воспитании, правовой культуре, деонтологических нормах, правосознании и пр., должны пронизывать весь механизм противодействия коррупции и быть созвучны принципам и идеям антикоррупционной политики государства.

Антикоррупционная идеология является основой противодействия коррупции на всех возможных уровнях, что способствует разработке антикоррупционных этических доктрин, составляя ценностную основу антикоррупционного правопорядка [1, с. 65].

Идеология противодействия коррупции является объединяющей основой антикоррупционной политики государства. Именно на идеологической основе вырабатываются принципы, цели и задачи реализации антикоррупционной деятельности в общей государственной политике, что выражается в концептуально оформленной идее противодействия коррупции, содержащей доктринально-правовые базисные постулаты, не только задающие векторы антикоррупционной деятельности, но и формирующие в целом социальный антикоррупционный климат (как отношение в обществе к коррупции, так и к противодействию ей).

Антикоррупционная идеология выполняет ряд функций:

1. Мировоззренческая – формирование антикоррупционного мировоззрения в обществе через привитие воззрений о приоритете духовных потребностей, морально-нравственных ценностей над потребительством, накопительством и материальным обогащением.

2. Регулятивная – упорядочивание и контроль за деятельностью людей на основе сформированных идеологией норм антикоррупционного поведения.

3. Воспитательная – привитие навыков и основ антикоррупционного поведения; правоопослушного поведения; воспитание нетерпимости к коррупции.

4. Культурная – формирование социокультурных идей неприятия коррупции, внедрение их в культуру общества.

5. Правовая – влияние на формирование правовых норм противодействия коррупции и определения основ антикоррупционного поведения (совокупность правовых идей), отраженных в антикоррупционном законодательстве.

Следует определить также основные идеи, формирующие антикоррупционную идеологию в целом:

1. Идея равенства перед законом независимо от занимаемой должности и роли в самих актах коррупции.

2. Идея неприятия любых фактов коррупции, недопустимости разделения ее на мелкую, бытовую и пр.

3. Идея неотвратимости ответственности за совершение любых фактов коррупционных деяний и стимулирования правопослушного поведения.

4. Идея единства и целостности антикоррупционной политики на всех уровнях.

5. Идея воспитания антикоррупционного социального мировоззрения по неприятию коррупции.

Идеология имеет весомое, если не сказать решающее значение в противодействии коррупционной преступности, т. к., формируя антикоррупционное мировоззрение, морально-нравственные антикоррупционные устои, препятствует распространению коррупционной идеологии, выигрывая тем самым в так называемой, современной «когнитивной войне», не имеющей физического воздействия, но активно влияющей именно на разум [10], что немаловажно при формировании мотивации любого поведения, в т. ч. при совершении преступлений коррупционной направленности.

⁴ Согласно проводимому с 2024 года автором исследованию по опросу граждан в восьми федеральных округах Российской Федерации (Ленинградская область, города Архангельск, Грозный, Донецк, Екатеринбург, Иваново, Иркутск, Калининград, Краснодар, Красноярск, Москва, Нижний Новгород, Новокузнецк, Омск, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Севастополь, Симферополь, Сочи, Тамбов, Томск, Тюмень, Челябинск, Чита, Якутск, Ярославль и др.) по состоянию на 05.06.2025 г. 329 чел.

По мнению М. В. Бавсуна [11], идеологическая составляющая воздействия на преступность в целом базируется на следующих критериях:

- последовательности отражения позиции государства относительно противодействия преступности;
- единства реализуемого подхода;
- соответствия выбранного подхода общественной психологии большинства членов общества и базовым моральным ценностям;
- соответствия подхода складывающейся криминогенной обстановке.

Но, учитывая идеологическое воздействие на коррупционную преступность, не все приведенные критерии возможно будет применить, т. к., согласно исследованиям, терпимость к коррупции в современном российском обществе достаточно высока, а для многих граждан при этом и приемлема (67 % опрошенных граждан считают коррупцию выгодной для решения бытовых проблем и только 20 % относятся к ней отрицательно [12]; более четверти опрошенных граждан (26 %) признались, что с них требовали взятку или предлагали коммерческий подкуп; 20 % опрошенных граждан считают возможным прибегнуть к даче взятки или коммерческому подкупу; на вопрос «Если бы вы узнали о факте взяточничества или ином факте коррупции со стороны своего коллеги, знакомого, родственника, как бы вы к этому отнеслись?», 19 % ответили, что безразлично, 10 % – с сочувствием и пониманием⁵ и др.), что однозначно говорит о несоответствии выбранного подхода для формирования антикоррупционной идеологии с учетом психологии большинства членов общества и базовыми моральными ценностями. Таким образом, возникает вопрос о толерантности к коррупции [13], и именно поэтому антикоррупционная идеология в первую очередь направлена на формирование нетерпимости коррупционных правонарушений, антикоррупционного мировоззрения с целью изменения психологии большинства членов общества на неприятие коррупции.

Поддерживаем подход о необходимости формирования двухуровневой идеологии в государстве (синергия двух идеологий) [14]: на одном уровне – общем для всех граждан, идеология в первую очередь патриотическая, и на втором уровне – индивидуальном, позволяющем выбирать личную идеологию, мировоззрение, – идеология выражения индивидуальной, неповторимой, сокровенной сущности человека. Разноуровневый подход в формировании антикоррупционной идеологии позволит как обеспечить национальные интересы и безопасность государства, так и способствовать самосовершенствованию человека путем самоконтроля и самовоспитания. Синергия долга и свободы в антикоррупционной идеологии выражается через любовь к своей стране, добросовестное служение государству, обеспечение безопасности общества, а также в позитивном развитии личности, ее росте и самосовершенствовании. Иначе создание благоприятных условий для правопослушной деятельности людей только со стороны государства будет малоэффективно без личного внутреннего убеждения необходимости соблюдения закона и самоконтроля, что немаловажно⁶.

Это закономерно предполагает использовать в антикоррупционной идеологии инструменты государственного управления и социального контроля, но непосредственно влияющие на индивидуальное поведение людей.

Исходя из доктрины общественной безопасности, использующей триаду «безопасность личности, общества и государства»⁷ и применив ее для обеспечения криминологической безопасности, определим структуру формирования антикоррупционной идеологии как трехуровневую.

Первый уровень формирования антикоррупционной идеологии – социальный, где формируется культура, единое общественное мировоззрение, поддерживаемые большинством ценности, базисные морально-нравственные убеждения и пр.

Второй уровень – государственный, где формируется антикоррупционная идеология путем проведения антикоррупционной государственной политики, внедрением и совершенствованием антикоррупционного законодательства.

Третий уровень – личностный, где идеология антикоррупционная, формируемая на предыдущих двух уровнях, преломляется через внутреннее восприятие, ценностные, морально-нравственные установки индивидов и внешне проявляется в поведении, поступках, высказываниях, суждениях. Именно третий уровень позволяет реализовать многообразие идеологий, закрепленное в ч. 1 ст. 13 Конституции Российской Федерации⁸, т. к. на индивидуальном уровне только личный выбор определяет приверженность той или иной идеологии, а вот уровень общественный и государственный способствуют созданию благоприятных условий для выбора антикоррупционной идеологии в противовес коррупционной. Как упоминалось ранее, Конституция Российской Федерации не позволяет устанавливать какую-либо идеологию в качестве государственной или обязательной, поэтому формирование идеологии на уровне ин-

⁵ Согласно проводимому автором исследованию.

⁶ Например, в ситуации конфликта интересов у должностного лица при возникновении иной коррупционно опасной ситуации.

⁷ О безопасности : Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

⁸ Российская газета. 2020. 4 июля.

дивидуальных, личностных установок складывается из собственного добровольного выбора, подкрепленного государственной политикой и поддержкой большинства членов социума.

Все три уровня антикоррупционной идеологии взаимосвязаны, трансформации на одном уровне неизбежно влекут за собой изменения на других. Эффективному формированию антикоррупционной идеологии способствуют следующие факторы.

В первую очередь отметим необходимость стимулирования антикоррупционного поведения. Учитывая корыстную природу коррупционных правонарушений, способствовать правоопослушному поведению будут меры поощрения в виде материального вознаграждения (или влекущие его). Разработка многоуровневой системы поощрения антикоррупционной деятельности, несомненно, предполагает законодательную и экономическую основу, чему способствовала бы разработка отдельного нормативного правового акта (например, отдельного Указа Президента Российской Федерации), как предлагают некоторые ученые [15].

Действенность стимулирования добросовестного исполнения служебных обязанностей, правопослушного поведения должностных лиц отметили и граждане в ходе проведенного опроса⁹ отметив его как наиболее эффективную меру противодействия коррупции (этот вариант выбрали 18 % респондентов, заняв второе место по количеству ответов из предложенных вариантов мер). Предпринимаемые меры в отдельных регионах в виде компенсации суммы взятки, от которой отказалось должностное лицо¹⁰, также может являться позитивным примером противодействия коррупции и формирования антикоррупционной идеологии, но вызывает достаточно много дискуссий.

Однако, придерживаясь мнения о необходимости разработки дифференцированной заработной платы в зависимости от коррупционных рисков по занимаемой должности, мы убеждены, что основным источником дохода должностных лиц должна быть их заработная плата по занимаемой должности. Существующие проблемы соразмерности выполняемой работы и получаемой за это зарплате¹¹ приводят к указанным выше точечным мерам, компенсирующим данный разрыв, что не способно в целом решить имеющуюся проблему и позитивно повлиять на распространение антикоррупционной идеологии. Поощрительные меры должны стать лишь дополнением в исключительных случаях, что, несомненно, не снижает их важности и необходимости.

Необходимо также материально стимулировать граждан за сообщения о фактах коррупции, используя в т. ч. зарубежный опыт¹² – выплачивая определенный процент от суммы выявленной незаконно приобретенной собственности, полученной взятки и т. п., о подтвержденных фактах в ходе судебных слушаний [16].

Также эффективному формированию антикоррупционной идеологии способствует совершенствование и единство антикоррупционного законодательства, практики применения мер противодействия коррупции, что выражается в совершенствовании нормативных правовых актов, регулирующих противодействие коррупции и эффективность их применения, тем самым реализующих правовую, регулятивную функцию антикоррупционной идеологии. Сегодня российское антикоррупционное законодательство разрознено и включает применение как уголовно-правовых мер, так и гражданско-правовых, административных, дисциплинарных. Но если мы вспомним, например, об антикоррупционных требованиях, запретах и обязанностях, то не найдем отдельного единого кодекса, иного нормативного правового акта для должностных лиц, где были бы расписаны алгоритмы деятельности должностного лица, служащего, работника государственных, муниципальных органов; лиц, осуществляющих службу в коммерческих организациях. Существующий «Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих»¹³ вводит лишь общие положения, которые необходимо учитывать в качестве основы (шаблона) для разработки кодексов этики и служебного поведения в государственных органах и органах местного самоуправления. Согласно с предложением, что «доктринальным» сопровождением процесса кодификации Российского антикоррупционного законодательства мог бы стать Модельный кодекс Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) о противодействии коррупции [15], где бы были объединены уже существующие нормы противодействия коррупции – в федеральном законодательстве, законодательстве субъектов Российской Федерации; нормы международных актов, например, Модельные законы Содружества Независимых Государств «О борьбе с коррупцией»¹⁴, «Основы

⁹ Согласно проводимому автором исследованию.

¹⁰ Ростовским полицейским начали компенсировать неполученные взятки // Российская газета. 2022. 15 июля. № 158 (9697).

¹¹ См. подробнее о проблеме кадрового дефицита и низкой заработной платы в МВД России (Матвиенко В. Встречи руководства Совета Федерации с членами Правительства стали эффективным рабочим механизмом : Состоялась встреча Председателя Правительства РФ с руководством Совета Федерации // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://council.gov.ru/events/news/157873/> (дата обращения: 21.07.2025).

¹² См., например: Филиппов В. В. Антикоррупционные меры в системе государственной службы США (криминологический и сравнительно-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2012. С. 9.

¹³ Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23.12.2010, протокол № 21) // Официальные документы в образовании. 2011. № 36.

законодательства об антикоррупционной политике»¹⁵ и др., что можно было бы представить, например, в виде Свода федерального законодательства по противодействию коррупции.

Именно доступность и простота понимания норм антикоррупционного законодательства позволяют индивиду воспринимать антикоррупционную идеологию через соотношение своего поведения и предъявляемых требований в целях противодействия коррупции.

Действенность и эффективность применения закона в отношении лиц, совершивших коррупционные преступления и иные правонарушения, являются своеобразным камертоном формируемой государственной антикоррупционной идеологии. Именно приверженность идее неотвратимости и соразмерности наказания вселяют уверенность в необходимости проводимых государством мер противодействия коррупции и формируемой антикоррупционной идеологии.

Так, например, рост за анализируемый период (2020–2024 гг.) выявленных преступлений, связанных со взяточничеством (ст. 290–2912 УК РФ), количества выявленных лиц, их совершивших и осужденных за указанные деяния, но явное несоответствие количества выявленных фактов и привлеченных к уголовной ответственности лиц, вызывает недоверие к проводимой антикоррупционной политике, к эффективности предпринимаемых мер¹⁶.

Поддерживаем мнение [17], что по предпринимаемым мерам общество оценивает реальные результаты политики государства по противодействию коррупции. В свою очередь, реализация мер противодействия направлена на формирование антикоррупционной идеологии в социуме и для ее позитивного восприятия большинством членами общества необходима подлинная основа, созвучная с проводимой политикой и реально предпринимаемыми мерами. Имеющиеся факты несоответствия меры наказания и совершенных преступлений, вызывают не только общественный резонанс, но и негативно влияют на восприятие существующей государственной антикоррупционной идеологии. На наш взгляд, следует более тщательно подходить к назначению наказания за коррупционные преступления, а может, и ужесточать его по причине общественной опасности и тяжких последствий, как это предлагают отдельные ученые [18] – путем введения приоритетности наказания в виде лишения свободы, а не штрафа; применения как вида уголовного наказания конфискации имущества. Превентивность уголовно-правовых мер в механизме противодействия коррупции занимает немаловажное место, и недооценивать это при формировании антикоррупционной идеологии было бы неверно.

Формированию антикоррупционной идеологии способствует также просветительская, пропагандистская работа по воспитанию нетерпимости к коррупции, что также подтвердили результаты опроса граждан¹⁷, которые среди эффективных мер противодействия коррупции выделили антикоррупционную пропаганду и формирование антикоррупционной идеологии (14,5 % респондентов).

Пропаганда и просвещение способствуют антикоррупционному воспитанию, что позволяет еще на допреступной стадии минимизировать воздействие коррупциогенных факторов. Это служит основой формирования антикоррупционного стандарта поведения, заключающегося в соблюдении положений антикоррупционного законодательства, следовании морально-нравственным ценностям и установкам, добросовестном исполнении служебных обязанностей. При этом воспитание позитивных качеств личности с учетом нравственных убеждений невозможно без идеологической основы, направленной на формирование антикоррупционного мировоззрения и стойкого неприятия коррупции.

Антикоррупционное самовоспитание формируется на индивидуальном идеологическом уровне при влиянии общей идеологии социума и государства, зиждется на самопознании, самооценке и самоконтроле. Учитывая, что коррупция предполагает наличие незаконных корыстных мотивов, личную заинтересованность, немаловажную роль в самовоспитании играет умение контролировать свои потребности, особенно материального характера, которые являются одними из основных потребностей человека, но в то же время способствуют формированию преступной мотивации в механизме коррупционного поведения.

¹⁴ Модельный закон о борьбе с коррупцией (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 03.04.1999 г. № 13-4) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 1999. № 21. С. 70–84.

¹⁵ Основы законодательства об антикоррупционной политике : Модельный закон (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 15.11.2003 г. № 22-15) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2004. № 33. С. 225–260.

¹⁶ По статистическим данным: О состоянии преступности в России за 2020–2024 гг. : сборник ГИАЦ МВД России // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 22.07.2025) ; Статистические формы ГИАЦ МВД России за 2020–2024 гг. // ЦСИ ГИАЦ МВД России. Режим доступа для зарегистрир. пользователей (дата обращения: 22.07.2025) ; О показателях состояния судимости в Российской Федерации за 2020–2024 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&> (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁷ Согласно проводимому автором исследованию.

Таким образом, мировоззренческая, воспитательная функция антикоррупционной идеологии реализуется в т. ч. через выполнение следующих основных задач антикоррупционного воспитания:

- воспитание профессионально значимых качеств личности, способствующих реализации позитивного потенциала;
- формирование стремления к овладению необходимыми знаниями, навыками, умениями, к повышению уровня правовой культуры и грамотности;
- привитие необходимых норм профессиональной этики, формирующих мировоззренческий базис личности;
- совершенствование нравственной сферы личности, формирование антикоррупционного правосознания;
- снижение уровня распространённости идеологии потребления, ориентация на приоритет духовных, культурных начал над материальными и др.

Антикоррупционное воспитание состоит из комплекса мероприятий, направленных на правовое, нравственное, этическое, в т. ч. профессиональное воспитание, сопряженное с морально-психологической подготовкой должностных лиц с целью укрепления коррупционной устойчивости при выполнении своих обязанностей.

Одновременно с пропагандой правопослушного антикоррупционного поведения необходимо освещать предпринимаемые меры противодействия коррупции, не допуская диффамаций, спекуляций на тему борьбы с коррупционными правонарушениями, что должно стать одним из приоритетных криминологических направлений в противодействии коррупции. Это виктимологическая профилактика как среди граждан, так и среди должностных лиц с целью недопущения провокаций, искусственного создания негативного имиджа должностных лиц государственных органов.

3 заключение

Идеология требует длительного формирования, она вживляется в традиции, обычаи, взгляды, в целом составляющие культуру социума на протяжении продолжительного времени, и было бы неверным ожидать стремительных изменений в мировоззрении общества за короткий период, если учесть, что в России основополагающий закон о противодействии коррупции был принят не так давно – в 2008 году¹⁸, что активизировало антикоррупционную политику в стране в целом. Поэтому одномоментными, краткосрочными, точечными мерами идеологическую основу в противодействии коррупции не создать.

Совокупность идей, формирующих антикоррупционную идеологию, отражается во всех элементах механизма противодействия коррупции и становится фундаментом его концептуально-стратегических основ. Мы поддерживаем утверждения, что государство не нуждается в апологии «голых» начальствующих идей [19]; что лишь идеологические рассуждения малозначимы [20], а это обязывает видеть в идеологии функциональность и практическую значимость, избегая излишней догматичности и закостенелости. Антикоррупционная идеология служит базисом всего механизма противодействия коррупции, задает приоритеты и ориентиры, тем самым претворяя идеологические постулаты непосредственно в деятельность субъектов рассматриваемой деятельности. Это своего рода направляющий вектор всей антикоррупционной политики, поэтому формирование антикоррупционной идеологии востребовано в целях предотвращения распространения коррупции во всех сферах общества, эффективного противодействия коррупционной преступности через реализацию мер, связанных с материальным стимулированием правопослушного поведения, совершенствованием антикоррупционного законодательства, антикоррупционным воспитанием, пропагандой и просвещением, неотвратимостью и соразмерностью привлечения к ответственности за совершение коррупционных деяний.

Список источников

1. Шишкарёв С. Н. Концептуальные и правовые основы российской антикоррупционной политики : [монография]. Москва : Университет. Книжный дом, 2010. 245 с.
2. Дамм И. А. Антикоррупционная криминологическая безопасность как новое направление научных исследований // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 6. С. 734–743. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(6\).734-743](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(6).734-743)
3. Дамм И. А. Политика противодействия преступности как новая парадигма взаимодействия общества и государства // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 12–27.
4. Стебенева Е. В. Механизм противодействия коррупции (структурная модель и ее элементы) / Правоохранительные органы в системе противодействия коррупционной преступности : материалы межведомственной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 6 декабря 2024 г. / ред. кол.: Е. М. Павлик, Т. В. Валькова, М. А. Яковлева, Э. С. Дикаева. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 389–394.
5. Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Механизм уголовно-правового регулирования : Норма, правоотношение, ответственность : [монография]. Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1989. 203 с.

¹⁸ О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

6. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. О. В. Барсукова, А. А. Борзунов, Г. М. Дашевский, Е. М. Лазарева [и др.]. Москва : Российская политическая энциклопедия, 2004. 560 с.
7. Цалиев А. М. О государственной идеологии в контексте статьи 13 Конституции Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 4 (54). С. 82–92.
8. Милоков С. Ф. Отказ от государствообразующей идеологии как идеология криминального толка / Организация работы по предупреждению деструктивной идеологии в подростковой среде : материалы научно-практической конференции, г. Москва, 20 декабря 2024 г. Москва : Московская академия следственного комитета, 2025. С. 60–62.
9. Стебенева Е. В. Идеология в структурной модели механизма противодействия коррупции / Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности : материалы III Международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 13 декабря 2024 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2025. С. 85–88.
10. Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (часть 1) // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 2 (19). С. 85–98. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_2_85_98
11. Бавсун М. В. Идеи противодействия преступности как элемент правовой идеологии государства / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи) : материалы XVIII международной научной конференции : в 2 ч., г. Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. Ч. 1. С. 179–187.
12. Сидоренко Э. Л. Состояние и динамика бытовой коррупции в Российской Федерации // Журнал российского права. 2017. № 6 (246). С. 154–167. https://doi.org/10.12737/article_59240d4b35c386.05320634
13. Стебенева Е. В. Коррупция: общественная опасность или толерантность? / Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии : материалы XIV Российского конгресса уголовного права, Москва, 30–31 мая 2024 г. / ред. кол.: В. В. Александрова (ред.-сост.) [и др.]. Москва : Юрлитинформ, 2024. С. 414–417.
14. Государство и право: безопасность и противодействие коррупции : монография / под ред. И. К. Ларионова, В. В. Шкляра, М. А. Гуреевой. 3-е изд. Москва : Дашков и К°, 2022. 414 с.
15. Баранов В. М., Кабанов П. А. О новых направлениях доктринальных исследований противодействия коррупции в современной России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 16–28. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-16-28>
16. Хлонова Н. В. Сообщения о коррупционных правонарушениях: перспективы совершенствования с учетом зарубежного опыта // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 1. С. 272–279.
17. Васильева Я. Ю. Некоторые актуальные проблемы назначения уголовных наказаний лицам, осужденным за коррупционные преступления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 10. С. 131–135. <https://doi.org/10.23672/o9341-9659-9609-x>
18. Комаров А. А. Ответственность коррупционеров и превенция уголовного закона // Полицейская деятельность : [сетевое издание]. 2025. № 2. С. 90–104. <https://doi.org/10.7256/2454-0692.2025.2.70893>. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70893
19. Векленко С. В. Коррупция как объект уголовно-правового воздействия // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 2. С. 114–118.
20. Лунеев В. В. Преступность в России и ее современные проблемы (к юбилею кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина) // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 4. С. 32–38. <https://doi.org/10.31085/2310-8681-2018-4-188-32-38>

Научная статья
УДК 343.13

Уголовно-процессуальная политика России: основные аспекты

Мира Николаевна Таршева, кандидат юридических наук

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
Орел (302027, ул. Игнатова, д. 2), Российская Федерация
mirra_2023@internet.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3860-2299>

Аннотация:

Введение. К настоящему времени опубликован ряд научных работ, посвященных уголовно-процессуальной политике современной России, в которых авторы рассматривают данную тематику во всевозможных ракурсах (политическом, юридическом, методологическом, криминологическом и т. д.). В статье представлен аналитический обзор, а также обозначена позиция по таким аспектам уголовно-процессуальной политики, как ее место в политической системе Российской Федерации, сущность, содержание, уровни (формы) реализации, субъектный состав, что позволило сформулировать авторское определение понятия «уголовно-процессуальная политика».

Методология исследования. В ходе исследования применялись общие и частные методы научного познания, такие как синтез, анализ, индукция, дедукция, сравнительно-правовой, формально-юридический.

Результаты. 1. Уголовно-процессуальная политика является неотъемлемой частью политики противодействия преступности. Сущностью уголовно-процессуальной политики являются общественные отношения, выражающиеся в совокупности взаимодействий ее субъектов, а содержание заключается в том, что такие взаимодействия касаются расследования преступлений и разрешения уголовных дел. 2. Уголовно-процессуальная политика реализуется на трех уровнях (в трех формах): доктринальном, правотворческом и правоприменительном. На доктринальном уровне в результате отбора идей, взглядов, понятий, представлений, касающихся уголовно-процессуальной сферы и являющихся перспективными для реализации в конкретный исторический период, целенаправленно формируется их совокупность, которая используется для последующей трансформации в нормативные правовые предписания в рамках законотворческого процесса. На правотворческом уровне осуществляется подготовка, принятие, изменение, отмена нормативных правовых актов, на правоприменительном – их исполнение. Субъектами уголовно-процессуальной политики являются субъекты общегосударственной и специальной государственной, общей юрисдикции. 3. Под уголовно-процессуальной политикой предлагается понимать неотъемлемую часть политики государства в сфере борьбы с преступностью, представляющую собой общественные отношения, выражающиеся в совокупности взаимодействий ее субъектов (общей, общегосударственной и специальной государственной юрисдикции) по целенаправленному формированию идей, взглядов (в многообразных формах), разработке, принятию и исполнению нормативных правовых актов, касающихся расследования преступлений и разрешения уголовных дел.

Ключевые слова:

уголовный процесс, уголовно-процессуальная политика, сущность и содержание, уровни (формы) реализации, участники уголовного судопроизводства, субъекты общегосударственной, специальной государственной, общей юрисдикции

Для цитирования:

Таршева М. Н. Уголовно-процессуальная политика России: основные аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 165–170.

Статья поступила в редакцию 31.03.2025;
одобрена после рецензирования 31.08.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Criminal procedure policy of Russia: main aspects

Mira N. Tarsheva, Cand. Sci. (Jurid.)

Lukyanov Orel Law Institute of the MIA of Russia
2, Ignatova str., Orel, 302027, Russian Federation
mirra_2023@internet.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3860-2299>

© Таршева М. Н., 2025

Abstract:

Introduction. Currently a number of scientific works have been published on the criminal procedure policy of modern Russia, in which the authors consider this problem in every possible way (political, legal, methodological, criminological, etc.). The article presents an analytical review and outlines its position on such aspects of criminal procedure policy as its place in the political system of the Russian Federation, the essence, content, levels (forms) of implementation, subject composition, which made it possible to formulate the author's definition of the concept of "criminal procedure policy".

Research Methodology. In the course of the study, general and specific methods of scientific knowledge such as synthesis, analysis, induction, deduction, comparative legal and formal legal methods were used.

Results. 1. Criminal procedure policy is an integral part of the anti-crime policy. The essence of criminal procedure policy is social relations expressed in the totality of interactions of its subjects, and the content is that such interactions concern the investigation of crimes and the resolution of criminal cases. 2. Criminal procedure policy is implemented at three levels (in three forms): doctrinal, law-making and law enforcement. At the doctrinal level, as a result of the selection of ideas, views, concepts, concrete ideas related to the criminal procedure sphere which are promising for implementation in a specific historical period, their totality is purposefully formed and is used for subsequent transformation into regulatory and legal relations within the framework of the legislative process. At the law-making level, regulatory legal acts are prepared, adopted, amended or cancelled, and they are executed at the law enforcement level. The subjects of criminal procedure policy are subjects of national and special state and general jurisdictions. 3. It is proposed to understand criminal procedure policy as an integral part of the state policy in the sphere of combating crime, which means social relations expressed in the totality of interactions of its subjects (general, national and special state jurisdictions) on the purposeful formation of ideas, views (in various forms), development, adoption and implementation of regulatory legal acts concerning the investigation of crimes and resolution of criminal cases.

Keywords:

criminal procedure, criminal procedure policy, essence and content, levels (forms) of implementation, participants in criminal proceedings, subjects of national, special state and general jurisdictions

For citation:

Tarsheva M. N. Criminal procedure policy of Russia: main aspects // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 165–170.

The article was submitted March 31, 2025;
approved after reviewing August 31, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

К настоящему времени опубликован ряд научных работ, посвященных уголовно-процессуальной политике современной России, в которых авторы данную тематику рассматривают во всевозможных ракурсах (политическом, юридическом, методологическом, криминологическом и т. д.).

В статье представлен аналитический обзор, а также обозначена позиция по таким аспектам уголовно-процессуальной политики, как ее место в политической системе Российской Федерации, сущность, содержание, уровни (формы) реализации, субъектный состав, что позволило сформулировать авторское определение понятия «уголовно-процессуальная политика».

Методы

Методология настоящего исследования основана на диалектическом методе познания, который выступил в качестве общенаучной основы. Данный метод позволил рассмотреть уголовно-процессуальную политику как динамическое явление, находящееся в постоянном развитии и тесном взаимодействии с элементами политической, социальной и правовой систем. Это обеспечило комплексный, всесторонний анализ ее сущности, содержания, форм реализации и тенденций развития. Для достижения цели и решения конкретных задач исследования применялась система общих и частных научных методов. Анализ был использован для расчленения сложного понятия «уголовно-процессуальная политика» на составляющие элементы (сущность, содержание, уровни, субъекты) с целью их самостоятельного изучения. Анализировались научные концепции, нормативно-правовые акты и позиции различных авторов. Синтез применялся на заключительном этапе для интеграции ранее выделенных и проанализированных элементов в целостную, системную картину, что позволило сформулировать авторское понимание сущности и содержания уголовно-процессуальной политики. Индукция была полезна при работе с научными публикациями: от изучения частных мнений и взглядов отдельных авторов на конкретные аспекты проблемы мы переходили к обобщающим выводам о наличии плюрализма подходов в научном сообществе. Дедукция, напротив, использовалась для выведения частных положений из общих теоретических посылок. Так, исходя из принятого за основу определения политики как вида общественных отношений, был сделан вывод о сущности уголовно-процессуальной политики как совокупности взаимодействий ее субъектов. Сравнительно-правовой метод был незаменим для сопоставления различных точек зрения ученых относительно места, сущности и содержания уголовно-процессуальной политики, а также для анализа и сравнения предлагаемых ими классификаций уровней ее реализации. Это позволило

выявить общие тенденции и принципиальные различия в подходах. Формально-юридический (догматический) метод применялся для анализа формальных признаков уголовно-процессуальной политики, исследования структуры нормативных правовых актов (в первую очередь, Конституции Российской Федерации¹ и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – УПК РФ)), регулирующих уголовно-процессуальную деятельность, и точного определения юридических конструкций и терминов.

Результаты

При проведении обзора публикаций, посвященных уголовно-процессуальной политике, считаем важным акцентировать внимание на таких аспектах исследуемого феномена, как место уголовно-процессуальной политики в политической системе России, ее сущность и содержание, уровни реализации, субъекты.

Вопрос места уголовно-процессуальной политики в политической системе России определен, причем все авторы, структурирующие уголовную политику, в своих работах подчеркивают, что уголовно-процессуальная политика не является самостоятельным видом политики, а представляет собой направление, структурный элемент, часть уголовной политики³ [1–6].

Чтобы подчеркнуть мысль, что без уголовно-процессуальной политики уголовная политика не только теряет свою целостность и внутреннее единство, но и всякий смысл, для определения места уголовно-процессуальной политики мы будем использовать словосочетание «неотъемлемая часть» (т. е. без этой части целое не может существовать и функционировать).

Понятия «уголовная политика», «антикриминальная политика» (Г. Н. Горшенков [7], В. С. Джатиев [2], В. А. Номоконов [8]), «политика в сфере противодействия преступности» (В. А. Маслов [9]), «политика борьбы с преступностью» (С. В. Максимов [10]) используются в науке в качестве синонимичных. Что касается возможных вариантов использования терминов «борьба с преступностью», «противодействие преступности», то в Конституции Российской Федерации сказано: «Правительство Российской Федерации осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью»⁴ (п. «е» ч. 1 ст. 114). На основании вышеизложенного можно считать достаточно обоснованным употребление выражения «уголовно-процессуальная политика – неотъемлемая часть политики государства в сфере борьбы с преступностью».

Известно немало определений понятия «политика». Сущность политики как явления, по мнению одних, заключается в деятельности субъектов политики в какой-либо сфере, по мнению других – в совокупности идей, взглядов, теорий, доктрин и т. д., которые могут быть использованы в управлении какой-либо сферой деятельности, по мнению третьих, – в системе мер по управлению какой-либо областью деятельности. Есть определение политики как особого вида общественных отношений, представляющих собой совокупность взаимодействий и связей между ее субъектами.

Поэтому, когда исследователи сталкиваются с необходимостью сформулировать сущность уголовной или уголовно-процессуальной политики (то есть отразить их природу), они отталкиваются от того общего определения политики, которое считают более приемлемым. Что касается сущности уголовно-процессуальной политики, то большинство авторов видят ее в деятельности субъектов этой политики (А. В. Малько [11], А. И. Александров [1], В. А. Пономаренков и О. Г. Порунова [12, с. 97], Ю. Г. Овчинников [13, с. 60]); В. В. Урбан представляет ее как «систему мер правового воздействия на общественные отношения в уголовно-процессуальной сфере» [3, с. 86], а О. З. Челохсаев – как «систему законодательно сформулированных основных начал (идей, принципов) уголовного процесса» [14, с. 18].

На наш взгляд, уголовно-процессуальная политика представляет собой общественные отношения, выражающиеся в совокупности взаимодействий ее субъектов.

Содержание уголовно-процессуальной политики как совокупности ее существенных и отличительных признаков авторы публикаций рассматривают также по-разному. А. И. Александров считает, что содержание уголовно-процессуальной политики заключается в реализации норм уголовного права в уголовном судопроизводстве в различных формах [1]; Ю. Г. Овчинников – в совершенствовании системы уголовно-процессуального законодательства [13, с. 60]; В. А. Пономаренков и О. Г. Порунова – в создании механизмов процессуально-правового регулирования и оптимизации процессуальной деятельности [12, с. 97]; О. З. Челохсаев – в преобразовании идей и принципов уголовного процесса в нормы уголовно-процессуального

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

³ Ляхов Ю. А. Сущность и тенденции развития уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1994. 314 с.

⁴ Российская газета. 2020. 4 июля.

права и уголовно-процессуальную практику [14, с. 18]; А. В. Малько – в определении приоритетов в правовом регулировании уголовного судопроизводства и в создании механизмов уголовно-процессуальной деятельности [11].

Различие во взглядах ученых на содержание уголовно-процессуальной политики (при этом каждый из ученых по-своему прав) – это абсолютно нормальное и даже необходимое явление в правовой науке. Оно отражает саму суть научного познания – плюрализм мнений. Различие в понимании содержания уголовно-процессуальной политики учеными объясняется многообразием подходов к интерпретации таких базовых понятий, как «политика», «сущность уголовно-процессуальной политики».

Как было сказано ранее, политика, на наш взгляд, представляет собой общественные отношения, а сущность уголовно-процессуальной политики – совокупность взаимодействий ее субъектов, следовательно, ее содержание, заключающееся в раскрытии отличительных и существенных признаков таковых, будет выражаться во взаимосвязи ее субъектов при расследовании преступлений и разрешении уголовных дел.

В ряде работ авторы (В. В. Урбан [3, с. 88], В. А. Пономаренков и О. Г. Порунова [12, с. 98]) выделяют три уровня (формы) реализации уголовно-процессуальной политики: доктринальную, правотворческую (законотворческую) и правоприменительную, хотя существуют и другие точки зрения.

Например, Э. Ф. Побегайло [15, с. 7] выделяет следующие уровни: теоретико-познавательный, концептуальный, законодательный, управленческий.

В указанной работе автор поясняет, что теоретико-познавательный уровень реализации включает разработку ее теоретических основ, а концептуальный – формирование государственной концепции уголовной политики, следовательно, эти два уровня в совокупности являются не чем иным, как своеобразным эквивалентом доктринального уровня (доктринальной формы).

В данном случае имеет значение не то, какое оригинальное название дал автор уровню (или форме), а какой смысл он вкладывал в их содержание.

Как известно, слово «доктрина» латинского происхождения и означает «учение, теория, концепция, система взглядов», поэтому доктринальная форма включает в себя совокупность всех идей, взглядов, касающихся борьбы с преступностью: это и научные доктрины, и директивные акты стратегического планирования (Стратегии, Концепции, программы долгосрочного планирования, утверждаемые Президентом Российской Федерации) и т. д.

С учетом вышеизложенного представляется, что трехступенчатая система уровней реализации уголовно-процессуальной политики наиболее приемлема.

На доктринальном уровне в результате отбора идей, взглядов, понятий, представлений, касающихся уголовно-процессуальной сферы и являющихся перспективными для реализации в конкретный исторический период, целенаправленно формируется их совокупность, которая используется для последующей трансформации в нормативные правовые предписания в рамках законотворческого процесса.

Субъектами уголовно-процессуальной политики при ее доктринальной форме реализации являются представители научной общественности, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, правозащитные общественные объединения и другие субъекты общей юрисдикции.

Одна из форм реализации уголовно-процессуальной политики – правотворческая, и выражается она в деятельности ее субъектов по подготовке, принятию, изменению и отмене нормативных правовых актов.

Такая деятельность осуществляется в строгом алгоритмическом порядке: законодательная инициатива, рассмотрение законопроекта депутатами Государственной Думы Российской Федерации в ходе трех чтений, одобрение законопроекта Советом Федерации, подписание закона Президентом Российской Федерации, обнародование и вступление в силу. Эта деятельность требует соблюдения определенных правил, в т. ч. технического характера. Все изменения и дополнения в нормативные правовые акты вносятся путем принятия специального изменяющего акта той же юридической силы.

Что касается правотворческой формы реализации уголовно-процессуальной политики, то речь идет в основном о принятии федеральных законов, ратифицирующих Международные договоры, а также специальных изменяющих актов в форме федеральных законов, которые вносят изменения, дополнения в УПК РФ⁵, в федеральные законы, имеющие отношение к уголовно-процессуальной деятельности.

Уголовно-процессуальная деятельность носит не только внутриполитический характер, но и международный, т. к. преступность стала явлением мирового масштаба. Для противодействия транснациональной преступности государства вынуждены объединять свои усилия, в т. ч. и в уголовно-процессуальной деятельности. Такое международное сотрудничество невозможно без заключения международных договоров об оказании правовой помощи по уголовным делам.

⁵ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Субъектами уголовно-процессуальной политики при ее правотворческой форме реализации являются следующие субъекты общегосударственной и специальной государственной юрисдикций: Президент Российской Федерации, Совет Федерации, Государственная Дума Российской Федерации, сенаторы Российской Федерации, депутаты Государственной Думы, Правительство Российской Федерации, законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации.

Правоприменительный уровень реализации уголовно-процессуальной политики связан с процессами накопления опыта (юрисдикционного, следственного, прокурорского и др.), саморегулирования, образования обратной связи с правотворчеством.

Именно со сферой правоприменения связана проверка законодательных норм права на соответствие реальным общественным отношениям, на степень юридического совершенства (как по содержанию, так и по форме), согласованность с другими нормами и т. д. В результате такой проверки выявляются пробелы, «молчащие», «неработающие», «декларативные» нормы и т. д.

Правоприменитель не может ни создавать новые нормы права, ни совершенствовать уже существующие, но может толковать эти нормы. Такая деятельность не является правотворческой, хотя результаты этих видов деятельности (законодательные нормы права и правоположения) имеют много общего: возможность многократного применения, официальные источники опубликования, широкий круг общественных отношений и др.

Субъектами уголовно-процессуальной политики правоприменительного уровня ее реализации являются субъекты специальной государственной юрисдикции: суд (судья), должностные лица органов предварительного расследования (следователь и дознаватель, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания), орган дознания, прокурор.

3 заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов.

1. Уголовно-процессуальная политика является неотъемлемой частью политики государства в сфере борьбы с преступностью. Сущностью уголовно-процессуальной политики являются общественные отношения, выражающиеся в совокупности взаимодействий ее субъектов, а содержание заключается в том, что такие взаимодействия касаются расследования преступлений и разрешения уголовных дел.

2. Уголовно-процессуальная политика реализуется на трех уровнях (в трех формах): доктринальном, правотворческом и правоприменительном.

На доктринальном уровне в результате отбора идей, взглядов, понятий, представлений, касающихся уголовно-процессуальной сферы и являющихся перспективными для реализации в конкретный исторический период, целенаправленно формируется их совокупность, которая используется для последующей трансформации в нормативные правовые предписания в рамках законотворческого процесса.

На правотворческом уровне осуществляется подготовка, принятие, изменение, отмена нормативных правовых актов, на правоприменительном – их исполнение. Субъектами уголовно-процессуальной политики являются субъекты общегосударственной и специальной государственной, общей юрисдикций.

3. Основными характеристиками уголовно-процессуальной политики, которые могут быть использованы для формулирования ее определения, являются: место в политической системе России, ее сущность, содержание, уровни (формы) ее реализации и их смысл, субъектный состав.

В связи с этим под уголовно-процессуальной политикой предлагается понимать неотъемлемую часть политики государства в сфере борьбы с преступностью, представляющую собой общественные отношения, выражающиеся в совокупности взаимодействий ее субъектов (общей, общегосударственной и специальной государственной юрисдикций) по целенаправленному формированию идей, взглядов (в многообразных формах), разработке, принятию и исполнению нормативных правовых актов, касающихся расследования преступлений и разрешения уголовных дел.

Список источников

1. Александров А. И. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации на современном этапе: понятие и основные направления // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2011. № 3 (40). С. 10–19.
2. Джатиев В. С. О российской антикриминальной политике // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2 (33). С. 31–37.
3. Урбан В. В. Понятие и содержание уголовно-процессуальной политики Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 85–93.
4. Баранов А. М. Уголовно-процессуальная политика России: вчера, сегодня, завтра // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3 (17). С. 16–22.
5. Ляхов Ю. А. Не следует подрывать основы российского уголовного судопроизводства / Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : сборник трудов участников Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 25 мая 2017 г. Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт МВД России, 1994. С. 95–97.

6. *Коробеев А. И.* Советская уголовно-правовая политика : Проблемы криминализации и пенализации : [монография]. Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 1987. 267 с.
7. *Горшенков Г. Н.* Антикриминальная политика в контексте общетеоретической науки о криминале // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3. С. 300–302.
8. *Номоконов В. А.* Антикриминальная политика: методологические и нравственные основы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 106–116. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-3/106-116>.
9. *Маслов В. А.* Уголовно-правовая политика: дефиниция и место в структуре уголовной политики // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16, № 5. С. 104–123. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2021-16-5-maslov>
10. *Максимов С. В.* Новейшая уголовная политика России: опыт и уроки непрерывного реформирования // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 16–22.
11. *Малько А. В.* Теория правовой политики : монография. Москва : Юрлитинформ, 2012. 325 с.
12. *Пономаренков В. А., Порунова О. Г.* Процессуально-правовая политика современной России // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 4. С. 96–101.
13. *Овчинников Ю. Г.* Влияние уголовно-процессуальной политики на отдельные институты досудебного производства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 29. С. 60–64.
14. *Челохсаев О. З.* О понятии уголовно-процессуальной политики // Российский следователь. 2006. № 10. С. 16–19.
15. *Побегайло Э. Ф.* Уголовная политика современной России : авторская концепция // Вестник российского государственного университета им. И. Канта. 2007. № 9. С. 6–15.

Научная статья
УДК 351.745.7

«Цифровая оперативно-розыскная деятельность» и цифровизация противодействия преступлениям

Виктор Иванович Шаров, доктор юридических наук, профессор

Нижегородская академия МВД России
Нижний Новгород (603950, Анкудиновское шоссе, д. 3), Российская Федерация
v-i-sharov@rambler.ru
<https://orcid.org/0009-0008-5196-1131>

Аннотация:

Введение. Развитие цифровых технологий и их применение в разных сферах современной жизни справедливо поднимает вопрос о цифровизации отдельных направлений правоохранительной практики, не исключая и оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД). Однако каким образом цифровые инновации влияют на оперативно-розыскную деятельность и корректируют ее содержание, как они должны включаться в теорию ОРД – эти вопросы остаются проблемными и требующими отдельного анализа.

Методы. В исследовании применялась совокупность методов. В первую очередь это категории диалектики (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение) и общенаучные методы познания (наблюдение, описание, сравнение, включая методы теоретического уровня – классификацию, абстрагирование), а также частнонаучные методы. Использовались основные принципы системно-деятельностного и формально-логического подходов.

Результаты исследования заключаются в выводах о необходимости развития цифровых средств и методов оперативно-розыскной деятельности, но не в рамках теории «цифровой ОРД», понятие которой сформулировано расплывчато и противоречиво, а в виде самостоятельного направления оперативной работы, опирающегося как на негласные, так и на гласные методы сбора и анализа данных в цифровых сетях и интернете, получение цифровых следов, мониторинг интернета и данные киберразведки.

Ключевые слова:

оперативно-розыскная деятельность, цифровые методы оперативно-розыскной деятельности, цифровые следы, интернет, мониторинг интернета, анализ цифровых данных

Для цитирования:

Шаров В. И. «Цифровая оперативно-розыскная деятельность» и цифровизация противодействия преступлениям // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 171–178.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025;
одобрена после рецензирования 09.07.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

“Digital operational-search activity” and digitalisation in counteracting crimes

Viktor I. Sharov, Doc. Sci (Jurid.), Professor

Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia
3, Ankudinovskoye Hwy, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation
v-i-sharov@rambler.ru
<https://orcid.org/0009-0008-5196-1131>

Abstract:

Introduction. The development of digital technologies and their application in various spheres of modern life raises the question of digitalisation of certain areas of law enforcement practice, not excluding operational-search activities. However, how digital innovations affect operational-search activity and its content, how they should be included in its theory – these issues remain problematic and require a separate analysis.

Methods. The research involved a set of methods. These are primarily the categories of dialectics (analysis, synthesis, induction, deduction, generalisation) and general scientific methods of cognition (observation, description, comparison, including methods of theoretical level – classification, abstraction), as well as private scientific methods. The main principles of system-activity and formal-logical approaches were used.

Keywords:

operational investigative activities, digital methods of operational investigative activities, digital traces, Internet, Internet monitoring, digital data analysis

For citation:

Sharov V. I. “Digital operational-search activity” and digitalisation in counteracting crimes // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 171–178.

© Шаров В. И., 2025

The results of the research include conclusions concerning the need for developing digital means and methods of operational-search activities. Such an idea should be implemented not within the framework of the theory of "digital operational-search activity", the concept of which is formulated vaguely and controversially, but as an independent area of operational work, relying on both covert and overt methods of collecting and analysing data in digital networks and the Internet, obtaining digital traces, monitoring the Internet and cyber intelligence data.

**The article was submitted April 10, 2025;
approved after reviewing July 9, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.**

Введение

Развитие цифровых технологий и их применение в разных сферах современной жизни поднимает вопрос и о цифровизации отдельных направлений правоохранительной практики, не исключая и оперативно-розыскную деятельность. Стремительное развитие технологий и изменение характера преступности в цифровую эпоху, новые виды криминальных угроз (компьютерное мошенничество, торговля запрещенными товарами и услугами, кибератаки, манипулирование компьютерной информацией и т. д.) определяют актуальность применения цифровых технологий в оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), создания новых методов оперативной работы.

В отдельных случаях даже используется весьма интересный термин – «цифровая ОРД». Если вдуматься, это понятие должно в корне менять само содержание оперативно-розыскной деятельности. Собственно, об особенностях, в т. ч. и терминологических, ОРД в цифровую эпоху мы и остановимся в настоящей статье.

Методы

Принятая в исследовании методология исследования опирается в первую очередь на категории диалектики. В частности, сделанные выводы синтезированы на основе анализа многих из имеющихся подходов к построению ОРД в цифровом мире, путем дедуктивных рассуждений получен основной вывод исследования о целесообразности преимущественного развития методов работы с цифровыми объектами. Использование абстрагирования позволило в лучшей степени понять содержание ключевого понятия «цифровое ОРД» и провести уточнение профессионального категориально-понятийного ряда, связанного с терминологией оперативно-розыскной деятельности в цифровой действительности. Основные принципы системности, деятельности, формальной логики определяли ход и результаты исследования.

Результаты

Результаты исследования заключаются в выводах о необходимости развития цифровых средств и методов оперативно-розыскной деятельности. В научной литературе появляются работы о «цифровой ОРД», что вызывает вопрос: неужели и правда рождается эта особенная отрасль правоохранительной деятельности?

Сразу заметим: анализ литературы показал, что большая часть работ, посвященных цифровой ОРД, по существу, раскрывает совершенно иные темы. Скорее, речь в них идет о цифровизации (цифровой трансформации), переходе к новым цифровым методам в этой сфере деятельности. Значительная часть таких работ представляет собой анализ проблем, которые возникают перед ОРД в связи с цифровизацией общества и использованием цифровых и информационных технологий преступниками, т. е. переходом преступности в цифровую сферу, а также предложения по нейтрализации новых видов угроз безопасности общества. Также подобные работы посвящены развитию новых технологий применительно к решению задач ОРД, исходя из возможностей, предоставляемых этими цифровыми технологиями, что, в общем-то, логично. Какие-то целостные концепции цифровой ОРД создать крайне трудно, поскольку мы пока плохо представляем эту новую реальность, в которой «оцифрованы» все стороны жизни общества.

Разговоры о цифровизации и виртуализации вызывают ассоциации с фантастическими сюжетами в стиле «Лабиринта отражений» Сергея Лукьяненко: человек садится за компьютер, подключается к нему, и его сознание улетает в виртуальные города, игровые пространства, созданные фантазией компьютерщиков. Сам же автор в одном из своих интервью говорит, что если будет создано полноценное виртуальное пространство, оно сможет заменить людям обыкновенную жизнь. Так это когда оно будет полноценно создано! Мы, конечно, туда стремимся, но непонятно, когда дойдем, и как это виртуальное пространство будет выглядеть. По всей видимости, и полицейский в таком же виртуальном образе будет следить за порядком, установленным в виртуальном мире (собственно, так у С. Лукьяненко и происходит). Однако реальность пока несколько иная, более традиционная, а цифровая «виртуальная действительность» еще впереди.

Похоже, ученые слишком торопятся, застолбив «цифровое ОРД» как термин, обозначающий целую сферу деятельности, новую и оригинальную, ранее не встречавшуюся в практике и теории, как «систему использования оперативно-розыскных сил, средств и методов в цифровой среде» [1, с. 36]. Фантазии же в стиле «цифрового полицейского» приводят лишь к заключению о том, «что в корне должен меняться подход к подбору, воспитанию и обучению цифрового полицейского – человека, стоящего на страже борьбы с преступностью» [2, с. 257], что не создает нового цифрового образа правоохранителя, а скорее, совершенствует имеющийся.

В некоторых работах с тегом «цифровая ОРД» констатируется необходимость совершенствования правового регулирования, поскольку оно значительно отстает от развития цифровых технологий. Существует глубокий разрыв между скоростью развития этих технологий и «нормативно-правовым регулированием вопросов цифрового пространства, научно-практическими обоснованиями технологических прорывов и морально-этическими нормами» [2, с. 258]. Сказанное верно отражает действительность. Право представляет собой ту область, которая, наряду с техническими вопросами, вплотную столкнулась с незнакомыми реалиями. Однако законодатель, так же как и ученые, выжидает, когда новая реальность станет более очевидной, и пока ограничивается отдельными предложениями.

Конечно, содержащиеся в цитированной выше работе Ю. А. Лапуновой и А. Ю. Бегунова выводы во многом декларативны и очевидны. Опираясь на них, сложно делать какие-либо предположения о содержании цифровой ОРД, поэтому следует воспринимать эти выводы скорее как призыв, чем как серьезную научную концепцию. Концепции цифровой ОРД не существует, отсутствуют даже подходы к ее построению. Повторим, определены только отдельные направления. Тем не менее полагаем указанную выше работу крайне полезной, поскольку она позволяет оттолкнуться от приведенных положений и сделать некоторые предположения о месте ОРД в цифровой реальности.

Итак, о цифровом ОРД, по всей видимости, говорить нужно, но очень осторожно, как это делают многие ученые, анализируя проблемы развития оперативно-розыскной деятельности в цифровой сфере. Именно так сделали В. В. Семенчук и В. Б. Батоев, предложив свои направления совершенствования ОРД в новых условиях в статье «Развитие оперативно-розыскной деятельности в цифровой сфере» [3, с. 132–136]. Много из предложенного ими уже анализировалось в литературе, но не сложилось в единую конструкцию противодействия преступности в цифровой сфере. О цифровых методах ОРД пишет А. В. Варданян [4, с. 12]. Представляется вполне уместным анализ многочисленных аспектов современного ОРД, как это сделано в большей части сборника «Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире», вышедшего под редакцией профессора В. С. Овчинского [5].

О расширении перспектив оперативно-розыскной деятельности, связанных с цифровизацией общества и виртуализацией реальности [6, с. 150–172], и оперативно-розыскной деятельности в информационном обществе пишет А. Л. Осипенко [7, с. 38–46]. Нельзя не отметить работу П. И. Иванова, который рассматривает оперативно-розыскную деятельность в условиях цифровой реальности в контексте её научного обеспечения [8, с. 64–67]. О перспективах развития отдельных видов деятельности в условиях цифровизации общества, а также реализации оперативно-розыскной политики органами внутренних дел в условиях цифровой трансформации пишут и другие ученые.

Приведенные примеры свидетельствуют о целесообразности развития ОРД в цифровой сфере, а не о ее новом качестве. Полагаем, что подобный подход отвечает принципу приемственности в развитии оперативно-розыскной деятельности. По всей видимости, более уместно говорить: а) об оперативной работе в цифровой среде; б) использовании цифровых средств при проведении оперативно-розыскных мероприятий. При этом второй случай (использование цифровых средств) явно не предполагает революционных изменений и представляет собой плавный переход от одних средств (традиционных) к другим – цифровым, с максимальным использованием дополнительных возможностей, предоставляемых цифровой. На наш взгляд, преждевременно пытаться формулировать цифровую ОРД, которая должна иметь множество специфических признаков, отличных от настоящего состояния науки и практики в этой деятельности.

Уместно говорить о цифровой трансформации ОРД, ее условиях и задачах, тем более, что этот термин присутствует в Положении о ведомственных программах цифровой трансформации, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 10 октября 2020 г. № 1646¹, хотя в этом документе данный термин не раскрывается. Тем не менее анализ его использования в контексте показал, что под цифровой трансформацией вполне уместно понимать приспособление оперативно-розыскной деятельности к условиям развивающейся цифровой среды.

¹ О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий, финансовое обеспечение которых осуществляется (планируется осуществлять) за счет средств федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов : постановление Правительства Российской Федерации от 10 октября 2020 г. № 1646 (ред. от 18.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2020. № 42 (ч. III). Ст. 6612.

Цифровые аспекты оперативно-розыскной деятельности можно также рассматривать как достаточно емкое, самостоятельное, отдельное направление оперативной работы, которое связано с использованием цифровых технологий и интернета для выявления, предупреждения и раскрытия преступлений.

Вместе с тем в этом направлении возможно выделить относительно самостоятельные элементы, что, собственно, и делается в литературе. Полагаем, что развитие техники и технологий скорректирует любые предположения, но тем не менее их анализ представляется актуальным.

Пожалуй, главное место занимает совершенствование нормативно-правовой базы оперативно-розыскной деятельности, проводимой в цифровой среде. Анализ ряда научных позиций из отдельных отраслей права позволил выделить ряд проблем, возникающих при попытках привязать ОРД к современной (и в большей степени будущей) цифровой действительности. Обратим внимание на одну из них: виртуализацию ОРД, включающую вывод, что эта деятельность в цифровой среде в корне другая, чем в обычной привычной жизни. Отличия ОРД в цифровом пространстве от привычной нам присутствуют, и нет оснований утверждать обратное. Но эти отличия представляются пока не такими уж и кардинальными. Остаются принцип негласности и методы его реализации, такие как маскировка и легендирование, остается, в конце концов, система оперативно-розыскных мероприятий как определяющий элемент ОРД. По существу сегодня речь идет о том, как на законных основаниях имеющейся совокупностью оперативно-розыскных мероприятий осуществлять оперативную работу в цифровом (информационном) пространстве, а не о разработке новых правовых инструментов. Да и традиционные методы не кажутся безнадежно устаревшими – по всей видимости, быстрее, надежнее и «законнее» будет запросить в банке справку о движении по счетам злоумышленника, чем взламывать его компьютер для извлечения следов проведенных финансовых операций в онлайн-банке.

Новые возможности для ОРД уже предоставлены. Основанием оперативной работы в цифровой среде выступают такие оперативно-розыскные мероприятия, как «Получение компьютерной информации», «Снятие информации с технических каналов связи». Однако эти мероприятия используют технически довольно сложные алгоритмы, недоступные для обычного оперативного подразделения, требуют специальной подготовки и реализуются преимущественно специалистами с использованием оперативно-технических сил и средств [9, с. 86]. Хотя при этом остается законодательно и нормативно неотрегулированными целый ряд элементов оперативно-розыскной деятельности в интернете. Например, как назвать блуждание по интернету с целью извлечения максимально полной информации об интересующем оперативного работника лице – наблюдение или наведение справок?

Виртуализация деятельности налицо, но специфика этого элемента пока еще не раскрыта в законодательстве.

Важно также развивать методы сбора и анализа данных в цифровых сетях, интернете [10, с. 154], включая как негласные, так и гласные методы (OSINT-технологии [11, с. 66]). Это должны быть не только информационно-аналитические мероприятия, реализуемые специальными оперативными подразделениями, которые сегодня созданы и успешно выполняют стоящие перед ними задачи, но и широкое проведение такой работы обычными оперативными работниками.

Особое значение приобретают методы, направленные на обнаружение и получение цифровых следов из интернета. Это требует изучения процессов обращения информации в компьютерных системах и сетях, особенностей функционирования отдельных информационных систем, взаимодействия пользователя и компьютера. Включая создание особых средств обеспечения «прозрачности» отдельных операций, как, например, это сейчас делается при обороте криптовалюты, с разработкой процедур доступа к такой «технологической» информации.

Можно согласиться с А. В. Варданием, который даже формирует группы этих способов работы, называя одни из них «цифровыми методами ОРД», а другие «условно цифровым методом». К первым он относит наряду с получением компьютерной информации также контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров [4, с. 11], ко вторым – ряд других оперативно-розыскных мероприятий, на самом деле довольно условно относящихся к работе в цифровой среде. Однако при всей дискуссионности данных положений, по всей видимости, речь должна идти о создании новых цифровых методов работы, реализуемых в рамках указанных мероприятий.

Это тесно пересекается с ранее отмеченными проблемами правового регулирования цифровых методов оперативной работы – на законодательном уровне следует отрегулировать работу оперативных подразделений с информацией в интернете.

Для реализации этих целей в литературе предлагается такой метод работы, как мониторинг интернета, который можно считать также методом сбора и анализа данных, обладающих определенной спецификой, связанной с выявлением и наблюдением за преступными проявлениями в сети, выявлением лиц, пропагандирующих преступное поведение и вовлекающих в преступную деятельность.

Еще одним самостоятельным элементом цифровизации оперативно-розыскной деятельности следует назвать киберразведку. При реализации данного метода используются

специальные программные средства для отслеживания действий преступников в цифровом пространстве, связанные со взломом защиты компьютерных систем, использованием программных закладок и т. д. Данные методы ассоциируются чаще всего с хакерами, с незаконным получением информации, но должны показать свою эффективность и в осуществлении оперативной работы.

Повторим, правовые вопросы использования данных методов не проработаны, однако полагаем, что они допустимы в процессе оперативной работы. Требуется на законодательном уровне прописать, какие действия допустимы, и определить условия их использования. Иначе это грозит применением к оперативному работнику мер уголовной ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации по ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ).

Весьма специфичными выглядят отдельные элементы цифровизации ОРД. Например, лежащая на поверхности актуальная проблема информационной безопасности. Она относительно нова, в связи с чем далеко неясна во всех ее многочисленных аспектах. Хотя, казалось бы, все очевидно: оперативно-розыскной закон относит к числу задач ОРД (ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»³) добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу в т. ч. и информационной безопасности Российской Федерации, а в отдельных случаях, как отмечает Е. Н. Яковец, выступает и ее предполагаемым результатом [12, с. 128].

Но проблема представляется настолько обширной, что для ее решения методов ОРД явно недостаточно. Так, существенно более широкие возможности предусмотрены теорией информационной безопасности, практикой и законодательством в виде совокупности административных средств. Они носят превентивный характер и рассчитаны на недопущение инцидентов информационной безопасности. ОРД же включаются там и тогда, когда совокупность этих мер оказывается бессильной со стороны поступивших угроз. ОРД совместно с процессуальной деятельностью обеспечивает реализацию уголовно-правовых мер, но они гораздо менее «цифровые», чем возможности, предоставленные сегодня методам обеспечения информационной безопасности, к которым мы бы отнесли еще и всю мощь технического регулирования со стороны Роскомнадзора. Собственно, и полномочия у ОРД совсем иные. Тем не менее новая ОРД определяет действенность уголовно-правовых средств обеспечения информационной безопасности, что требует ее развития и в этом направлении.

Однако и сами уголовно-правовые средства, изложенные в УК РФ как преступления в сфере компьютерной информации, далеко не исчерпывают все проблемы информационной безопасности. Имевшая изначально три, а сейчас расширившаяся до шести статей гл. 28 УК РФ все равно не содержит всех противоправных деяний в анализируемой сфере – т. е. методы ОРД включаются в обеспечение информационной безопасности по довольно ограниченному набору инцидентов и совершенно не первичны и не характерны для данной сферы. Например, хакерским атакам сейчас нередко подвергаются официальные сайты государственных органов, банков. В этих действиях содержатся признаки преступления, но уголовных дел по этим фактам практически нет, хотя им активно и довольно успешно противостоят службы информационной безопасности. Представляется, что административные меры пока доминируют над уголовно-правовыми. Это, по всей видимости, правильно, но любому инциденту следует также давать уголовно-правовую оценку, вплоть до привлечения нарушителей к уголовно-правовой ответственности.

Полагаем, что для обеспечения информационной безопасности возникает необходимость в некоторых «цифровых» полицейских методах, но весьма специфических, объединяющих административные и уголовно-правовые меры воздействия на цифровые правонарушения и преступления. Иными словами, требуется некая подвижка ОРД в сторону административных мер, развития процедур использования результатов ОРД за пределами уголовного процесса (например, для блокировки сайтов с противоправным содержанием).

Развитие «цифровых» методов делает актуальной проблему того, как аккумулировать знания о применении цифровых технологий в решении задач, одной из которых выступает выявление и раскрытие преступлений, совершаемых в цифровой среде. Напрашивается вывод о создании некоторой теоретической конструкции в виде частной теории ОРД, или «теории цифровой ОРД» [2, с. 258], что, полагаем, синонимично.

Основания для конструирования научных основ цифровых методов ОРД представляются достаточно разнообразными. Конечно, они могут опираться на положения научного знания цифровой криминологии, как это указывается в литературе. Она активно развивается, но единства, свойственного самостоятельному разделу науки, еще не достигла. Задача создания цифровой ОРД неординарная, для ее решения нужны знания не только криминологии (мы бы даже сказали, не столько криминологии), но и иных наук, включая информатику. Пожалуй, более правильным было бы построение цифровой ОРД с опорой на компьютерную кримина-

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 334.

листику (форензику), переориентированную на решение проблем ОРД, с методов исследования компьютерной информации на ее получение негласными методами. Криминалистика все же ближе к оперативной работе, чем криминология, а ее наработки в сфере цифровой трансформации правоохранительной деятельности более обширны, чем в ОРД.

Очевидно, конструкция создаваемой теории будет определяться исследуемой областью, т. е. исходить из определенных в ее предмете закономерностей информационно-правовых (цифровых) отношений. Если исследуемые закономерности будут носить общий характер и слабо зависеть от сферы применения этой теории, т. е. от вида расследуемых преступлений, то мы и получим теоретическое построение, которое можно назвать частной теорией ОРД. В этом случае в частной теории следует изложить все выявленные закономерности движения цифровой информации и их использования в сфере выявления и раскрытия преступлений.

А если нет? Может получиться так, что логика построения научного знания потребует создать теорию более высокой степени общности, задающую лишь общие направления работы в цифровой среде и не содержащую решений конкретных практических задач. Такое не редкость в науке, например, общая теория судебной экспертизы не содержит конкретных методик экспертного исследования. Она включает в себя лишь структурированное знание о данной области, определяет только общее направление использования специальных знаний в расследовании преступлений (понятие предмета и объектов судебной экспертизы, экспертные методы и задачи, структуру экспертного познания, классификацию судебных экспертиз и т. д.). Конкретные же методики проведения отдельных видов экспертиз рассматриваются в других разделах.

В этом случае применительно к частной теории цифрового ОРД следует сформулировать еще и систему знаний, в которой нужно описывать особенности использования цифровых информационных технологий применительно к решению различных задач ОРД, расширяя имеющиеся традиционные знания. Структура этой теории, содержание разделов существенно расширяется, но тоже пока не просматривается.

Заметим, что речь идет именно о теории ОРД, а не о методике или иных формах рекомендаций для практики. К примеру, возьмем теорию документирования. Что там должно быть, относящееся к информационным цифровым технологиям? Наверное, а) методы и средства документирования в цифровой среде; б) цифровые средства документирования преступной деятельности. Но каково взаимоотношение теории документирования и частной теории цифрового ОРД? Каково взаимопроникновение одной в другую? Или вот еще интересный вопрос – а где пределы такой цифровизации? Некоторые ученые уже говорят об обратных процессах, поскольку повсеместное использование компьютерных технологий вызывает проблемы потребности «в структурах и средствах безопасности, соответствующих уровню угроз» [13, с. 108] или «цифровизации негласного сотрудничества граждан» [14, с. 182]. Пока не сформулирована частная теория ОРД, ответить на эти вопросы довольно сложно.

Итак, общая теория цифрового ОРД пока не создана ни в одном из предполагаемых видов.

Еще одно положение, свидетельствующее о несколько обособленном положении в теории ОРД системы знаний о цифровых технологиях.

В литературе, в частности, в работе А. Н. Позднякова, декларируется создание «частной теории оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий» [15, с. 121]. Не прибегая к анализу содержания предлагаемой частной теории, следует сказать, что по количеству входящих в нее рекомендаций данная теория предлагается чрезмерно громоздкой. И причины очевидны – с использованием информационных технологий совершается большое количество видов преступлений, почти весь УК РФ. Для каждого вида преступлений должны быть, по мнению автора, «выявление первичных оперативно-розыскных данных и документирование криминальной деятельности лиц, причастных к преступлениям, совершенным с использованием ИКТ-технологий». Включается в структуру теории и «оперативно-розыскное предупреждение преступлений, совершаемых с использованием ИКТ-технологий» и т. д. [15, с. 123]. И какой видится данная частная теория? Как рекомендации по противодействию преступлениям в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ⁴)? А как же остальные преступные деяния, которые не относятся к компьютерным, но совершаются в цифровой среде: параллельно с обычными рекомендациями выстраивать еще одну структуру только для раскрытия тех же преступлений, совершенных с использованием информационных технологий?

Конечно, содержание и структура такой теории, и как следствие ее название, должны быть иными. Мы вообще с настороженностью относимся к частным теориям выявления, раскрытия или расследования отдельных видов преступлений. По существу, это та же методика той или иной степени общности и придавать такой методике статус частной теории представляется неправильным. Методика не может носить статус частной теории, поскольку она ориентирована на выдачу практических рекомендаций, а не на вскрытие закономерностей, из которых эти рекомендации вытекают. Такая теория может погрязнуть в деталях, сила же теории в обобщении знания и формулировании непротиворечивых конструктов.

⁴ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Тогда частная теория противодействия каким-либо видам преступлений, в данном случае совершенным с использованием информационных цифровых технологий, должна содержать только систему общих рекомендаций, построенных на обнаруженных закономерностях обращения информационных процессов и средств обработки информации, применительно к выявлению и раскрытию преступлений, а не конкретные рекомендации раскрытия преступлений, совершенных с их использованием. А это вызывает вопросы в целесообразности такого рода теорий. По всей видимости, не стоит назначать статус теории методическим рекомендациям, пусть и такого уровня общности. Если же не ставить под сомнение наличие такой теории, то, по крайней мере, над содержанием этой теории нужно еще думать.

Как уже было сказано, в современных условиях цифровой трансформации всех видов деятельности использование цифровых или информационных технологий становится рядовым инструментом деятельности и должно рассматриваться совместно с традиционными средствами.

О методике следует сказать отдельно. Сейчас по большей части рекомендации по использованию цифровых технологий или об особенностях раскрытия преступлений, совершенных с их использованием, сводятся в отдельные самостоятельные параграфы или разделы. Методика имеет традиционный вид, от оперативно-розыскной характеристики преступлений к их признакам, средствам выявления этих признаков и методам и средствам документирования преступного деяния, но этот вид дополняется отдельно выделенным материалом по использованию цифровых технологий и раскрытию преступлений в цифровой реальности.

Представляется, что это неправильно. Современная жизнь невозможна без информационных технологий, они сопровождают нас повсюду. Но также с их использованием совершается немало преступлений. Эти технологии органично вплетены в социальные и экономические процессы и неотделимы от естественного и очевидного хода событий. При этом даже обычные преступления, совершаемые без участия цифровых средств, раскрываются с использованием последних, и порой весьма интенсивным: оперативные работники проверяют подозреваемых по учетам, «пробивают» их по социальным сетям, осуществляют поиск сведений об интересующих лицах в интернете с использованием технологий OSINT и т. д. Поэтому рекомендации по выявлению и раскрытию преступлений должны быть адаптированы под современные условия и содержать сведения об оптимальных методах работы. И если они (эти методы) связаны с использованием цифровых технологий, то нужно рекомендовать, какие цифровые средства и методы использовать в этом случае, т. е. нужно ориентировать рекомендации на то, каким образом работать в информационном пространстве, что и где искать, каким инструментом пользоваться применительно к стоящей задаче. При этом следует рассматривать это не как отдельное направление деятельности, а как рядовое, обычное средство оперативной работы. Так, анализируя способы совершения преступления, следует обращать внимание и на те, что совершаются с использованием цифровых технологий, приводить наряду с традиционными признаки, характерные для таких способов совершения преступлений, обратить внимание на средства и методы выявления и раскрытия этих преступлений.

3 заключение

В современных условиях цифровизации всех видов деятельности использование цифровых или информационных технологий оперативно-розыскной деятельности не требует создания специальных частных теорий «цифровой ОРД» или «оперативно-розыскного противодействия преступлениям, совершаемым в цифровой среде». Цифровые возможности становятся обычным инструментом деятельности, и они должны рассматриваться как рядовое обычное средство оперативной работы вместе с традиционными средствами, дополняя их.

Основной вывод исследования состоит в необходимости развития цифровых средств и методов оперативно-розыскной деятельности, но не в рамках теории «цифровой ОРД», понятие которой сформулировано расплывчато и противоречиво, а в виде самостоятельного направления оперативной работы, опирающегося как на негласные, так и на гласные методы сбора и анализа данных в цифровых сетях и интернете, получение цифровых следов, мониторинг интернета и данные киберразведки.

Список источников

1. Васильченко Д. А. О Концепции цифровизации оперативно-розыскной деятельности / Петербургские пенитенциарные конференции : материалы конференций : в 4 т., г. Санкт-Петербург, 17–18 мая 2021 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. Т. II. С. 34–41.
2. Лапунова Ю. А., Бегунов А. Ю. Полемика о концептуальных основах цифровой оперативно-розыскной деятельности / Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире : сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. Москва : ИНФРА-М, 2021. С. 253–260.
3. Семенчук В. В., Батоев В. Б. Предпосылки формирования концепции развития оперативно-розыскной деятельности в цифровой сфере (Часть 1) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 132–136. <https://doi.org/10.25724/VAMVD.A166>
4. Варданян А. В. Проблема систематизации цифровых методов оперативно-розыскной деятельности, используемых в борьбе с дистанционными хищениями, и их криминалистическое значение // Юрист-Правовед. 2022. № 2 (101). С. 7–13.

5. *Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире* : сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. Москва : ИНФРА-М, 2021. 630 с.
6. *Осипенко А. Л.* Цифровизация общества и виртуализация реальности: усложнение вызовов и расширение перспектив оперативно-розыскной деятельности // *Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире* : сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. Москва : ИНФРА-М, 2021. С. 150–173.
7. *Осипенко А. Л.* Оперативно-розыскная деятельность в информационном обществе: адаптация к условиям цифровой реальности // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2019. № 4 (75). С. 38–46. <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2019-14007>
8. *Иванов П. И.* Оперативно-розыскная деятельность в условиях цифровой реальности: её научное обеспечение // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2022. № 2 (68) С. 64–67.
9. *Осипенко А. Л.* Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2016. № 3. С. 83–90.
10. *Кубасов И. А., Лекарь Л. А.* Внедрение перспективных систем мониторинга и анализа больших данных, полученных в сети интернет, для обеспечения деятельности оперативных подразделений МВД России // *Труды Академии управления МВД России*. 2023. № 3 (67). С. 154–161. <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2023-367-154-161>
11. *Батоев В. Б.* О технологии поиска по открытым источникам «OSINT» в оперативно-розыскной деятельности // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2023. № 2 (100). С. 66–71.
12. *Яковец Е. Н.* Оперативно-розыскные меры полиции по обеспечению информационной безопасности Российской // *Труды Академии управления МВД России*. 2017. № 3 (43). С. 127–131.
13. *Ткачук Т. А., Курьесев К. Н.* Вопросы о децифровизации в аспекте осуществления оперативно-розыскной деятельности // *Вестник Владимирского юридического института*. 2023. № 1 (66). С. 107–111.
14. *Железняк И. Н.* Проблемы цифровизации негласного сотрудничества граждан с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2022. № 2 (101). С. 181–192. <https://doi.org/10.55001/2312-3184.2022.93.64.016>
15. *Поздняков А. Н.* О частной теории оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий // *Труды Академии управления МВД России*. 2022. № 3 (63). С. 119–125. <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2022-363-119-125>

Научная статья
УДК 343.85

Способы вовлечения несовершеннолетних в дропперство

Анастасия Алексеевна Шевченко, адъюнкт

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова
Хабаровск (680020, пер. Казарменный, д. 15), Российская Федерация
xpro36@bk.ru
<http://orcid.org/0009-0001-1533-1983>

Аннотация:

Введение. В современном цифровом мире, где финансовые операции осуществляются одним нажатием кнопки, риск совершения мошенничества посредством сети «Интернет» значительно возрастает. Одним из ключевых аспектов данного риска является увеличение числа несовершеннолетних дропперов, которых преступники вовлекают в мошеннические схемы с целью вывода или обналичивания денежных средств, добытых преступным путем. Снижение количества несовершеннолетних лиц, завербованных в качестве дропперов, выступает общей задачей как для правоохранительных органов, так и для научного сообщества. В связи с этим проблема исследования способов вовлечения несовершеннолетних в дропперство является весьма актуальной. Цель исследования заключается в определении способов вовлечения несовершеннолетних в дропперство, а также в выработке предложений по совершенствованию действующего законодательства в рассматриваемой сфере.

Методы. В исследовании применялись общенаучные методы познания общественных процессов (анализ, синтез, дедукция, системно-структурный метод, описание), а также частнонаучные методы – логико-аналитический, формально-логический, статистический, контент-анализ.

Результаты. В ходе исследования были рассмотрены основные способы вовлечения несовершеннолетних в дропперство, а также факторы, повышающие вероятность вербовки несовершеннолетних в качестве дропперов. В заключении делается обоснованный вывод о необходимости совершенствования действующего законодательства в сфере регулирования порядка открытия банковских счетов и выпуска банковских карт несовершеннолетними.

Ключевые слова:

вербовка, дроппер, дропперство, киберпреступность, мошенничество, несовершеннолетние

Для цитирования:

Шевченко А. А. Способы вовлечения несовершеннолетних в дропперство // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 179–186.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025;
одобрена после рецензирования 03.07.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Статья заняла I место в международном конкурсе адъюнктов и аспирантов на лучшую научную статью 2025 года, проведенном Санкт-Петербургским университетом МВД России.

Original article

Ways of involving minors in crime committing as droppers

Anastasia A. Shevchenko, Postgraduate

Far Eastern Law Institute of the MIA of Russia named after I. F. Shilov,
15, Kazarmenny lane, Khabarovsk, 680020, Russian Federation
xpro36@bk.ru
<http://orcid.org/0009-0001-1533-1983>

Abstract:

Introduction. In today's digital world, where financial transactions are carried out at the click of a button, the risk of fraud via the Internet is significantly increasing. One of the key aspects of this risk is the increase in the number of minor droppers who are involved by criminals in fraudulent schemes for the purpose of withdrawing or cashing out funds obtained by criminal means. Reducing the number of minors recruited as droppers is a common goal for both law enforcement agencies and the scientific community. In this regard, the problem of researching the ways in which minors are involved in such offences is highly relevant. The research purpose is to identify ways of involving minors in crime committing as droppers and to develop proposals for improving current legislation in this area.

Keywords:

recruitment, dropper, cybercrime, fraud, minors

For citation:

Shevchenko A. A. Ways of involving minors in crime committing as droppers // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 179–186.

Methods. The general scientific methods of understanding social processes (analysis, synthesis, deduction, systemic-structural method, description) were used in the research, as well as specific scientific methods – logical-analytical, formal-logical, statistical, and content analysis.

Results. Within the research, the main methods of involving minors in crime committing as droppers were examined, as well as factors increasing chances of their recruitment. The author makes a substantiated conclusion about the need to improve the current legislation regulating the procedure for opening bank accounts and issuing bank cards to minors.

The article was submitted March 28, 2025;
approved after reviewing July 3, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

The article was awarded first place in an international competition for adjuncts and postgraduates for the best scientific article of 2025, held by Saint Petersburg University of the MIA of Russia.

Введение

Всеобщая интернетизация и широкая доступность для использования информационно-коммуникационных технологий, включая интернет, а также объединение пользователей с помощью указанных технологий открыли не только полезные для общества возможности киберпространства, но и породили ряд угроз, среди которых особое место занимает киберпреступность.

В настоящее время организованная преступность приобретает гибкий, высокотехнологический транснациональный характер, ориентированный на совершение новых общественно опасных деяний [1, с. 432]. В связи с этим в современных условиях получили распространение киберпреступления, в совершение которых активно вовлекаются несовершеннолетние.

Согласно официальным данным МВД России за 2024 год, сотрудниками органов внутренних дел было выявлено 4 424 преступления, совершенных несовершеннолетними с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), что на 8,8 % больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. При этом в 2024 году было зарегистрировано 145 случаев использования ИТТ с целью вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, что в 2,7 раза больше по сравнению с 2023 годом¹.

Сегодня несовершеннолетние играют заметную роль в совершении финансовых операций и выступают соучастниками мошенничества. Вовлечение несовершеннолетних в совершение киберпреступлений обусловлено необходимостью их использования с целью получения денежных средств, добытых преступным путем при совершении мошеннических действий. Данный процесс по выводу и обналичиванию денежных средств, полученных преступным путем, посредством вовлечения подставных лиц, в т. ч. несовершеннолетних, именуется дропперством. Участие дропперов позволяет удлинить мошенническую схему, включая новых участников, что усложняет для правоохранительных органов процесс выявления конечных бенефициаров [2, с. 33].

Только в 2024 году на территории Российской Федерации было зарегистрировано 19 624 мошеннических действия с использованием или применением расчетных (пластиковых) карт².

К. В. Вишневецкий и А. А. Кашкаров полагают, что массовыми участниками организованных преступных групп, преступных сообществ (преступных организаций) в современных условиях, в зависимости от направленности преступной деятельности, выступают дропперы (дропы) [3, с. 106].

О проблеме вовлечения несовершеннолетних в киберпреступность пишет и А. Н. Сунга-туллин: «На сегодняшний день в рамках финансово-теневой области вовлечение подростков происходит в качестве дропперов» [4, с. 269].

Дроппер (от англ. drop – сбрасывать) – лицо, через которое совершается незаконное обналичивание денежных средств, добытых криминальным путем [5, с. 506].

По мнению Е. А. Глянец, дроппер – это человек, который за небольшое вознаграждение выпускает на свое имя пластиковую банковскую карту, на которую в дальнейшем будут поступать денежные средства потерпевших [6, с. 112].

При этом А. Т. Мурсалимов отмечает, что подставные лица (дропперы) находятся на низшей ступени организованной преступной группировки и осознают противоправность своих действий [7, с. 236].

¹ Сведения о лицах, совершивших преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, выявленных сотрудниками ОВД в 2023–2024 гг. (Данные из формы 280 кн.1 ЕФС) // ИСОД МВД России : [сайт]. URL: it.mvd.ru (дата обращения: 02.03.2025).

² Там же.

Таким образом, дропперы – это лица, чьи банковские счета (пластиковые банковские карты) используются преступниками для сокрытия доходов от финансово-экономических киберпреступлений.

В связи с ростом случаев использования дропперов для вывода и обналичивания денежных средств, полученных преступным путем, профилактика, предупреждение и предотвращение преступных и противоправных действий в финансовой сфере, включая перевод безналичных денежных средств в теневой оборот, названы в числе основных задач по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации³.

С. Л. Нудель и Д. А. Печегин считают, что значимость принимаемых мер по охране сферы безналичных платежей обусловлена ее стремительным ростом [8, с. 27].

В связи с этим изучение факторов, повышающих вероятность вербовки несовершеннолетних в качестве дропперов, обуславливает необходимость исследования механизмов воздействия и вовлечения несовершеннолетних в совершение киберпреступлений.

Цель настоящего исследования заключается в определении способов вовлечения несовершеннолетних в дропперство, а также в выработке предложений по совершенствованию действующего законодательства в рассматриваемой сфере.

Достижение поставленной цели обуславливает необходимость постановки и решения следующих задач:

- выявить криминогенные факторы преступности несовершеннолетних;
- изучить материалы судебно-следственной практики и выделить основные категории несовершеннолетних дропперов;
- рассмотреть наиболее распространенные способы, которые используют преступники для вербовки несовершеннолетних лиц в качестве дропперов;
- определить существующие проблемы, препятствующие устранению возможности использования несовершеннолетних в качестве дропперов, и предложить пути их решения.

Методы

Для достижения поставленной цели в исследовании применялись общенаучные методы познания общественных процессов (анализ, синтез, дедукция, системно-структурный метод, описание), а также частнонаучные методы – логико-аналитический, формально-логический, системно-структурный, статистический, контент-анализ. Логико-аналитический и формально-логический методы с опорой на статистический метод позволили выявить наиболее распространенные способы вовлечения несовершеннолетних в дропперство, что предоставило возможность обозначить наиболее значимые аспекты противодействия рассматриваемому виду общественно опасных деяний. Посредством системно-структурного метода удалось определить систему мер по профилактике вербовки несовершеннолетних в качестве дропперов. Контент-анализ способствовал определению понятийного аппарата, используемого в рамках исследования, а также правильному толкованию и конкретизации применяемой терминологии. Эмпирическая база исследования представлена официальными статистическими данными МВД России.

Результаты и обсуждение

Причины, по которым подростки совершают преступления, имеют сложную природу, они разнообразны и в то же время находятся в разветвленном взаимодействии и взаимовлиянии. Формирование личности подростка происходит как под целенаправленным влиянием окружающих, так и стихийно, путем усвоения несовершеннолетним наблюдаемых стандартов поведения [9, с. 69]. Все указанные факторы связаны с семьей, школой и окружением подростка. В связи с этим преступность несовершеннолетних обусловлена совокупностью многочисленных объективных и субъективных факторов, к которым следует отнести:

- личностные характеристики несовершеннолетнего;
- демографические и социально-экономические характеристики семьи;
- воспитание родителями детей и коммуникацию в семье;
- социальные факторы и факторы окружающей среды.

Личностные характеристики подростков, такие как чувство взрослости, безответственность, конформизм, навыки преодоления трудностей, стремление к самостоятельности, ориентация на определенных лиц, нестабильная самооценка, низкая успеваемость, правовая неграмотность, стремление к самоутверждению, импульсивность, эмоциональная нестабильность, формирование нравственных идеалов и антиобщественного мировоззрения, повышенная внушаемость, формируют делинквентное поведение несовершеннолетних. И. Р. Юдина отмечает, что личность несовершеннолетнего находится в стадии становления, пластична и подвержена как позитивным, так и негативным внешним воздействиям, это обуславливает

³ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2017. № 20. Ст. 2902.

повышенную податливость влиянию со стороны сверстников, уже имеющих антисоциальную направленность или криминальный опыт, а также взрослых преступников [10, с. 34].

Несовершеннолетним преступникам присуща двойственность мотивационной сферы. С одной стороны, наблюдаются мотивы, характерные в большей мере для взрослых преступников, к примеру, желание иметь средства для удовлетворения своих материальных потребностей. С другой, присутствуют мотивы, свойственные именно возрасту рассматриваемой категории: желание развлечься, озорство, стремление оказать помощь друзьям, любопытство, желание утвердить себя в глазах сверстников, зависть, стремление к самоутверждению, «доказывание» себе себя, преодоление переживаний своей несостоятельности, желание завоевать авторитет и уважение в глазах группы и т. д. [11, с. 15]. Изучение семейного положения несовершеннолетних имеет особое значение с криминологической точки зрения, т. к. именно в семье формируются социально значимые качества личности и свойственные ей оценочные критерии.

К демографическим и социально-экономическим характеристикам семьи несовершеннолетнего относятся: структура и размер семьи, доход семьи, уровень материального благополучия, социальный статус, качество семейных отношений, особенности функционирования семьи. Кроме того, такие факторы, как семейный алкоголизм, низкое качество воспитания и родительского надзора, отсутствие семейного общения ведут к тому, что снижаются моральные устои семьи и родители утрачивают возможность, а главное, желание воспитывать своих детей.

Не имея поддержки в семье, несовершеннолетние, отдаляясь от родителей, ищут поддержку среди своего окружения, вступая, как они считают, во «взрослую» жизнь. Отчужденность ребенка в семье приводит к проблемам в школе, пропуску занятий, а также вовлечению несовершеннолетних в делинквентные группы. Психологические особенности несовершеннолетнего диктуют форму его поведения: подросток не может пребывать в изоляции и ищет группу, в которой ему было бы комфортно находиться. Семья, даже самая благополучная, не может в полной мере компенсировать несовершеннолетнему такую группу. В группе подросток получает поддержку, помощь в решении проблем, имеет возможность проявить себя. Однако если группа занимается противоправной деятельностью, ее несовершеннолетний участник тоже совершает преступления, чтобы не отстать от единомышленников.

Факторы окружающей среды включают влияние сверстников, знакомых, средств массовой информации, а также интернета. При этом сегодня наиболее заметное влияние на формирование нравственных идеалов и мировоззрения несовершеннолетних оказывает интернет, что обусловлено переходом от живого общения к виртуальному в онлайн-среде.

Таким образом наблюдается кризис традиционных социальных связей, социальные сети и мессенджеры предоставляют возможность для установления и поддержания онлайн-общения в интернете, что практически исключает живое общение. Процесс цифровизации также способствует расширению преступной сети в киберпространстве, где формируются преступные группы и создаются условия для вовлечения в них новых участников.

Также влияние на преступное поведение несовершеннолетнего оказывают господствующие установки, которых придерживается его окружение [12, с. 16]. Если подросток осознает, что другие люди одобряют преступную деятельность или относятся к ней нейтрально, это повышает уровень его доверия и открытости к вербовщикам. Кроме того, многие несовершеннолетние положительно относятся к дропперству ввиду низкой правовой осведомленности о последствиях осуществления указанной деятельности.

Несовершеннолетних привлекает возможность быстро и легко заработать, т. к. действия дропперов довольно просты: лицо предоставляет данные своей банковской карты, на которую переводят средства, добытые преступным путем. Далее подросток обналичивает переведенную сумму и передает ее другим лицам либо переводит на указанный банковский счет, получая определенный процент со сделки. Также дропперы оформляют банковскую карту на свое имя и передают ее злоумышленникам за некоторое денежное вознаграждение.

В частности, если правоохранительными органами будет установлено, что несовершеннолетний предоставил данные своей банковской карты, на которую переводятся похищенные денежные средства, после чего обналичил их и передал мошенникам, либо сбыв выпущенную на его имя банковскую карту, действия несовершеннолетнего будут квалифицированы по ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ (далее УК РФ) – неправомерный оборот средств платежей.

Так, за 2023 год три подростка в возрасте 16–17 лет совершили преступление, предусмотренное ст. 187 УК РФ: один человек в Северо-Западном федеральном округе (Калининградская область), два человека в Сибирском федеральном округе (далее – СФО) (Алтайский край и Новосибирская область). Два несовершеннолетних совершили указанное преступление с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В 2024 году рассматриваемое преступление совершили 24 несовершеннолетних: 17 человек в СФО (16 в Алтайском крае и один в Кемеровской области), четыре в Уральском федеральном округе (два в Свердловской области и два в Тюменской области), два в Дальневосточном федеральном

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

округе (в Хабаровском крае и в Амурской области) и один в Приволжском федеральном округе (Ульяновской области). При этом 19 несовершеннолетних совершили преступление с использованием ИТТ⁵.

Дропперы могут сознательно или неосознанно участвовать в процессе мошенничества и отмыwania денежных средств. Лица, участвующие в данном процессе неосознанно, как правило, сами являются жертвами мошенников, в то время как лица, участвующие сознательно, своими действиями активно способствуют преступной деятельности. Независимо от уровня осведомленности дропперы помогают мошенникам обналачивать доходы от преступлений, тем самым затрудняя процесс расследования преступления.

Анализ судебно-следственной практики показал, что, исходя из уровня осведомленности, можно выделить три основные категории дропперов.

«Слепые» дропперы – лица, которые не осведомлены о преступном происхождении денежных средств, поступивших им на банковский счет. Так, С. А. С. попросил своего однокурсника Свидетеля 1 передать ему во временное пользование банковскую карту, выпущенную на имя Свидетеля 1, аргументировав это тем, что в настоящий момент личный кабинет его мобильного банка заблокирован, и он не может перевести денежные средства своим родителям. Свидетель 1 согласился и передал свою банковскую карту С. А. С., которую последний использовал для вывода денежных средств, полученных при совершении мошеннических действий⁶.

«Наивные» дропперы – лица, которых мошенник вводит в заблуждение относительно цели вывода или обналаживания денежных средств. Зачастую мошенник под видом работодателя нанимает лиц, которые будут осуществлять финансовые операции за денежное вознаграждение, об этом свидетельствует следующий пример из следственной практики. А. А. М. увидела объявление о наборе лиц для удаленной работы по переводу денежных средств, после чего посредством мессенджера связалась с неустановленным лицом. Неустановленное лицо в ходе переписки рассказало А. А. М. о том, что ее деятельность будет заключаться в приобретении различных товаров, за каждую операцию оно будет платить от 5 000 рублей. А. А. М. согласилась и перевела направленные неустановленным лицом денежные средства в сумме 270 000 рублей на свой счет в «Ozon-Банке», после чего все денежные средства были списаны с ее счета, и неустановленное лицо с ней больше не связывалось⁷.

Преступные дропперы – лица, которые знают, с какой целью осуществляют переводы денежных средств, а также самостоятельно выпускают банковские карты и предоставляют их преступникам за денежное вознаграждение. Рассмотрим пример из судебной практики. При допросе на предварительном следствии в качестве подозреваемого ФИО 1 поясняла, что ее знакомый Свидетель 1 за денежное вознаграждение в размере 5 000 рублей предложил ей оформить дебетовую банковскую карту магазина «Пятерочка» банка АО «Альфа банк» и отдать ему, пояснив, что на ней будут копиться баллы, на что она согласилась, т. к. нуждалась в денежных средствах. Затем Свидетель 1 написал ей сообщение о том, что она может другим людям предлагать оформлять банковские карты тем же способом и передавать их ему за денежное вознаграждение, на что ФИО 1 согласилась⁸.

Таким образом, наибольшую общественную опасность представляет последняя категория дропперов, поскольку данным лицам известно, что они помогают мошенникам в переводе похищенных денежных средств. Исходя из того, что несовершеннолетние не имеют постоянного источника дохода, они являются наиболее уязвимой группой для вербовки в качестве дропперов.

Стоит отметить, что существует множество способов, которые используют преступники для вербовки несовершеннолетних лиц в качестве дропперов:

- вербовка лицом к лицу;
- просьба о помощи;
- размещение в интернете объявлений о трудоустройстве;
- размещение поддельных объявлений от имени банка;
- «ошибка» при переводе денежных средств;
- вербовка в видеоиграх.

Вербовка лицом к лицу – это подбор дропперов посредством физического контакта с несовершеннолетним в реальной жизни. Зачастую преступники пребывают в местах скопления подростков (возле общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций, в парках и торгово-развлекательных центрах) и предлагают несовершеннолетним продать принадлежащую им банковскую карту или реквизиты карты под предлогом быстрого заработка, скрывая при этом действительную цель приобретения банковской карты.

⁵ Сведения о лицах, совершивших преступления ...

⁶ Уголовное дело № 12401080020001005, возбужденное 08.11.2024 г. в СО ОП № 1 СУ УМВД России по г. Хабаровску по ч. 2 ст. 159 УК РФ // Архив СО ОП № 1 СУ УМВД России по г. Хабаровску.

⁷ Уголовное дело № 12501080015000729, возбужденное 15.01.2025 г. в СО ОМВД России по Хабаровскому району по ч. 3 ст. 159 УК РФ // Там же.

⁸ Приговор № 1-158/2024 от 11 июля 2024 г. по делу № 1-158/2024 // Нормативные и правовые акты Российской Федерации (СудАкт. Рф) : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eAsTeE80btdt/> (дата обращения: 02.03.2025).

При вербовке лицом к лицу может применяться способ «просьба о помощи», когда злоумышленник просит несовершеннолетнего помочь ему перевести денежных средств из-за невозможности выполнить перевод самостоятельно, например, по причине блокировки мобильного банка, или предоставить свою карту, пока банковская карта злоумышленника находится на перевыпуске. С подобной просьбой к несовершеннолетнему обычно обращаются его знакомые (одноклассники, одноклассники, друзья, товарищи по спортивной секции), которые осуществляют преступную деятельность в интернет-пространстве. При этом несовершеннолетний не догадывается о преступном намерении своего знакомого по использованию его банковской карты для вывода денежных средств, добытых преступным путем, и с целью поддержания дружеских отношений и оказания помощи товарищу предоставляет свою банковскую карту злоумышленнику. Указанный способ получил распространение на сайтах онлайн-знакомств. Преступники создают на сайтах и в чатах онлайн-знакомств поддельные профили для общения с потенциальными дропперами. В ходе переписки злоумышленники входят в доверие к несовершеннолетнему, после чего рассказывают историю о проблемах с банковскими переводами или о необходимости отправить деньги попавшему в беду родственнику, на что несовершеннолетний соглашается – и становится дроппером.

Также для вербовки дропперов преступники часто используют объявления о вакансиях на удаленную работу без опыта (например, требуются агенты по переводу денежных средств, аккаунт-менеджеры, финансовые менеджеры), или размещают в социальных сетях посты о различных способах быстрого заработка, для которого понадобится только смартфон [13, с. 8]. Указанные объявления размещаются как в социальных сетях, так и в мессенджерах посредством рассылки сообщений или публикации поста. Предложения о работе в IT-сфере с быстрым заработком и возможностью карьерного роста привлекают внимание несовершеннолетних, а специальные фразы («минимум усилий», «ежедневные выплаты», «доход не ограничен»), используемые злоумышленниками, побуждают подростков принять окончательное решение и начать «зарабатывать» онлайн.

Другим способом вербовки несовершеннолетних в качестве дропперов является размещение поддельных объявлений от имени банка. Так, несовершеннолетние в социальных сетях или на интернет-порталах могут увидеть рекламу банка о вознаграждении при выпуске банковской карты. Для получения вознаграждения необходимо выпустить карту и сообщить данные карты менеджеру, якобы для заполнения формы статистической отчетности рентабельности банка. Возможность заработать легкие деньги, приложив минимум усилий, вполне может заинтересовать несовершеннолетних.

«Ошибка» при переводе денежных средств также является распространенным способом привлечения несовершеннолетнего в качестве дроппера без его ведома. Преступная схема злоумышленников довольно проста: на банковский счет несовершеннолетнего поступают денежные средства от «потерпевшего», затем с несовершеннолетним связывается преступник и сообщает о том, что он по ошибке перевел денежные средства не на тот счет, после чего злоумышленник просит перевести денежные средства на указанный счет или обналить и передать денежные средства курьеру за определенное вознаграждение, на что несовершеннолетний соглашается.

При вербовке через видеоигры, которые пользуются большой популярностью среди подростков, она проводится посредством общения в онлайн-чатах видеоигр [14, с. 1079]. Злоумышленники предлагают подростку различные бонусы в видеоиграх (например, бесплатную игровую валюту или возможность перехода на более высокий уровень в игре) в обмен на фотографию банковской карты родителей или сообщение кода из СМС, которое придет на телефон родителя.

Рассматривая способы вербовки несовершеннолетних лиц в качестве дропперов, следует отметить особенности нормативно-правового регулирования порядка открытия банковских счетов и выпуска банковских карт несовершеннолетними.

Сегодня закон прямо не устанавливает перечень финансовых операций, которые вправе осуществлять несовершеннолетние самостоятельно без согласия родителей. Заключение договора банковского счета Гражданский кодекс Российской Федерации⁹ (далее – ГК РФ) не называет в числе сделок, которые несовершеннолетние могут совершать без согласия законных представителей, а лишь устанавливает возможность для несовершеннолетних вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими (ст. 26).

В связи с этим открыть банковский счет и выпустить банковскую карту несовершеннолетние могут уже в 14 лет без согласия родителей.

Банк России в информационном письме от 25 августа 2021 г. № ИН06-31/66 рекомендовал кредитным организациям при заключении договора банковского счета с несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет запрашивать у несовершеннолетних письменное согласие их законных представителей¹⁰. Между тем в настоящее время, несмотря на позицию Банка России, кредитные организации широко используют практику открытия счетов несовершеннолетним

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁰ Информационное письмо Банка России от 25.08.2021 г. № ИН-06-31/66 «Об особенностях заключения договора банковского счета с несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет» // Вестник Банка России. 2021. № 61.

без письменного согласия их законных представителей, обосновывая это тем, что при открытии счета применяются правила о договоре банковского вклада. В такой ситуации, по мнению кредитных организаций, выдача дебетовых карт несовершеннолетним не требует письменного согласия их законных представителей.

В связи с распространением случаев привлечения несовершеннолетних в качестве дропперов, когда злоумышленники выкупают у несовершеннолетних банковские карты и используют эти карты для перевода (с последующим обналичиванием) средств обманутых граждан, 20 марта 2024 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект № 579820-8, согласно которому банкам будет запрещено открывать счета несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет без согласия законных представителей¹¹.

С целью устранения возможности использования несовершеннолетних в качестве дропперов должны быть внесены соответствующие поправки в ст. 26 (дееспособность несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет) и ст. 846 (заключение договора банковского счета) ГК РФ. Для устранения противоречий при открытии банковского счета следует исключить подп. 3 п. 2 ст. 26 ГК РФ (в соответствии с законом вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими). Пункт 2 статьи 846 ГК РФ необходимо дополнить формулировкой: «Несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет вправе открыть счет сам при наличии письменного согласия законных представителей».

По мнению А. А. Гамаюнова и Д. В. Велигурина, «единственно возможным способом сведения к минимуму уровня преступлений, совершаемых с использованием банковских счетов, является внесение изменений в ст. 859 ГК РФ, запрещающих снятие денежных средств со счета, заблокированного по подозрению в легализации доходов, добытых преступным путем, до момента предоставления документов, подтверждающих законность происхождения денежных средств»¹².

И. И. Лиценберг отмечает, что снижению уровня подростковой преступности в рассматриваемой сфере будет способствовать постоянная профилактика, осуществляемая ОВД, а также правовое просвещение и правовое информирование граждан [15, с. 97].

5 марта 2025 г. председатель Центрального банка Российской Федерации Э. С. Набиуллина на совещании Президента Российской Федерации В. В. Путина с членами Правительства Российской Федерации затронула проблему борьбы с дропперами с помощью установления лимита по количеству выданных банковских карт. «Что дополнительно предлагается сделать, чтобы дропперство так называемое, посредничество не развивалось? Мы обсуждаем разумное ограничение на количество карт, которое можно оформить на одного человека», – сказала Э. С. Набиуллина¹³. Предложение установить ограничение на количество выданных банковских карт видится эффективным решением проблемы с вовлечением несовершеннолетних в дропперство.

Проведенный анализ нормативно-правового регулирования порядка открытия банковских счетов и выпуска банковских карт несовершеннолетними позволил прийти к выводу о целесообразности внесения соответствующих изменений в ГК РФ и Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»¹⁴.

3 заключение

В рамках настоящего исследования были проанализированы способы вовлечения несовершеннолетних в дропперство. На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Сегодня несовершеннолетние играют заметную роль в совершении финансовых операций и выступают соучастниками мошенничества. Вовлечение несовершеннолетних в дропперство обусловлено необходимостью их использования с целью получения денежных средств, добытых преступным путем при совершении мошеннических действий.

2. Преступность несовершеннолетних обусловлена совокупностью многочисленных объективных и субъективных факторов, к которым следует отнести: личностные характеристики несовершеннолетнего; демографические и социально-экономические характеристики семьи; воспитание родителями детей и коммуникацию в семье; социальные факторы и факторы окружающей среды.

3. Исходя из уровня осведомленности дроппера о реальных намерениях вербовщика, можно выделить три основные категории дропперов: «слепые» дропперы, «наивные» дропперы и преступные дропперы.

¹¹ О банках и банковской деятельности (в части уточнения перечня лиц, которым кредитными организациями выдаются справки по счетам и вкладам) : законопроект от 20.03.2024 г. № 579820-8 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») : [официальный сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/579820-8> (дата обращения: 15.03.2025).

¹² Гамаюнов А. А., Велигурин Д. В. К вопросу о привлечении участников дропперских схем к уголовной ответственности // Судебная система России на современном этапе общественного развития : сборник научных трудов Всероссийской студенческой научной конференции : [электронное издание], г. Ростов-на-Дону, 6 декабря 2024 г. Ростов-на-Дону : Издательско-полиграфический комплекс Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), 2025. С. 619.

¹³ Эльвира Набиуллина – о предложениях ЦБ по борьбе с кибермошенничеством // Российская газета : [сайт]. URL: <https://rg.ru/video/2025/03/05/elvira-nabiullina-o-predlozheniih-cb-po-borbe-s-kibermoshennichestvom.html> (дата обращения: 16.03.2025).

¹⁴ О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

4. Существует множество способов вовлечения несовершеннолетних в дропперство:

- вербовка лицом к лицу – это подбор дропперов посредством физического контакта с несовершеннолетним в реальной жизни;
- просьба о помощи: злоумышленник просит несовершеннолетнего помочь ему перевести денежные средства из-за невозможности выполнить перевод самостоятельно;
- размещение в интернете объявлений о трудоустройстве с минимальными требованиями к будущему работнику и обещанием быстрого заработка, для которого понадобится только смартфон;
- размещение поддельных объявлений от имени банка, посредством которых злоумышленники сообщают о возможности получить вознаграждение при выпуске банковской карты, при этом для получения вознаграждения необходимо выпустить карту и сообщить данные карты менеджеру, якобы для заполнения формы статистической отчетности рентабельности банка;
- «ошибка» при переводе денежных средств: на банковский счет несовершеннолетнего поступают денежные средства от «потерпевшего», затем с несовершеннолетним связывается преступник и сообщает о том, что он по ошибке перевел денежные средства не на тот счет, после чего злоумышленник просит перевести денежные средства на указанный счет или обналичить и передать денежные средства курьеру за определенное вознаграждение, на что несовершеннолетний соглашается;
- вербовка в видеоиграх: злоумышленники предлагают подростку различные бонусы в видеоиграх в обмен на фотографию банковской карты родителей или сообщение кода из СМС, которое придет на телефон родителя.

5. Анализ нормативно-правового регулирования порядка открытия банковских счетов и выпуска банковских карт несовершеннолетними позволил прийти к выводу о необходимости совершенствования действующего законодательства в рассматриваемой сфере.

Список источников

1. Алиев Н. Т., Борбат А. В. Транснациональная организованная преступная деятельность в эпоху глобализации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 3. С. 431–440. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(3\).431-440](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(3).431-440)
2. Акулова С. М., Хрущёва Е. А. Безопасность участников банковских переводов в РФ: проблемы и перспективы / Экономика будущего: тренды, вызовы и возможности : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, г. Казань, 23–24 мая 2023 г. / под ред. А. В. Гумерова, М. Ф. Сафаргалиева. Казань : Арттех, 2023. С. 33–37.
3. Вишиневецкий К. В., Кашкаров А. А., Кашкаров А. А. Криминологическая характеристика групповых форм преступной деятельности в современных условиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 4. С. 104–108. <https://doi.org/10.23672/SAE.2024.4.4.009>
4. Сунгагуллин А. Н. Современные разновидности вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, осуществляемого с использованием информационно-коммуникационных технологий // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты : материалы III Всероссийской научно-практической конференции, г. Чебоксары, 25 янв. 2024 г. / редкол.: Э. В. Фомин [и др.]. Чебоксары : Среда, 2024. С. 268–270.
5. Биккенин И. А., Савельев Е. М. Практика привлечения к ответственности представителей младшей ступени в иерархии наркобизнеса // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 10-3. С. 505–508.
6. Глянц Е. М. Противодействие кибермошенничеству: проблемы теории и практики / Цифровые технологии и право : сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции, г. Казань, 23 сентября 2022 г. Казань : Познание, 2022. С. 108–116
7. Мурсалимов А. Т. Противодействие преступности через призму криминологического портрета личности мошенника в сфере кредитования // Право и государство: теория и практика. 2023. № 3 (219). С. 235–237. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_3_235
8. Нудель С. Л., Печегин Д. А. Вопросы квалификации неправомерного оборота средств платежей (по признаку предмета) // Уголовное право. 2020. № 3. С. 27–38.
9. Макогон И. В., Косарева Л. В. Проблема личности несовершеннолетнего преступника // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 1-7. С. 69–71.
10. Юдина И. Р. Динамика преступности несовершеннолетних в России // Отечественная юриспруденция. 2021. № 2 (46). С. 32–34.
11. Шайкова М. В. Психолого-правовые особенности личности несовершеннолетних преступников // Проблемы ювеноальной психологии. 2021. № 1. С. 14–16. <http://doi.org/10.18572/2071-1204-2021-1-14-16>
12. Злоказов К. В., Ильянова Е. И., Рожков А. А. Влияние представления о социальном пространстве на оценку преступления несовершеннолетними // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 1. С. 15–26. [http://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(1\).15-26](http://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(1).15-26)
13. Петрунина Т. Р., Шур К. А., Кабанова Н. А. Усовершенствование системы контроля и пресечения мошеннических схем в современных условиях // Вестник евразийской науки : сетевое издание. 2023. Т. 15, № 6. С. 1–11. URL: <https://esj.today/PDF/46FAVN623.pdf>
14. Ахатова А. М. Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. Т. 34, № 6. С. 1075–1083. <http://doi.org/10.35634/2412-9593-2024-34-6-1075-1083>
15. Лиценберг И. И. О повышении правовой, финансовой и цифровой грамотности как мере профилактики подростковой преступности / Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты : материалы Международного научно-практического семинара, г. Красноярск, 5 апреля 2024 г. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2024. С. 93–97.

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

Научная статья
УДК 796.015.527.2

Использование специальных упражнений для развития силовых качеств обучающихся в ограниченные сроки

Антон Андреевич Вяткин¹, кандидат педагогических наук, доцент
Дмитрий Викторович Соломянко²

^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация

¹ tel1325@yandex.ru, ² tel1325@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0003-2576-9609>

Аннотация:

Введение. Одним из приоритетных направлений при обучении курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России является развитие физической подготовленности, являющейся неотъемлемой частью общей подготовки, необходимой для дальнейшего успешного выполнения ими своих служебных обязанностей. В настоящей статье рассмотрен положительный опыт по развитию силовых качеств у курсантов Санкт-Петербургского университета МВД России в условиях недостатка времени, необходимого для получения положительной оценки.

Методы. В ходе проведенного исследования, направленного на развитие силовых качеств обучающихся, были использованы следующие методы: научно-теоретический (изучение нормативных правовых документов); экспериментально-исследовательский (тестирование, диагностика, практическое занятие); эмпирический (наблюдение); математический (анализ и обработка полученных данных).

Результаты. Установлено, что примененная методика по использованию интервальных статико-динамических упражнений для развития силовых качеств обучающихся эффективна и может быть рекомендована преподавательскому составу высших учебных заведений, в т. ч. образовательных организаций системы МВД России, для использования как в рамках учебных занятий, так и при самостоятельной подготовке.

Ключевые слова:

академическая задолженность, физическая подготовка, развитие силовой выносливости, статико-динамические упражнения

Для цитирования:

Вяткин А. А., Соломянко Д. В. Использование специальных упражнений для развития силовых качеств обучающихся в ограниченные сроки // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 187–197.

Статья поступила в редакцию 20.07.2024;
одобрена после рецензирования 04.09.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Using special exercises to develop students' strength qualities within a limited time frame

Anton A. Vyatkin¹, Cand. Sci. (Ped.), Docent
Dmitry V. Solomyanko²

^{1, 2} Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

¹ tel1325@yandex.ru, ² tel1325@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0003-2576-9609>

Abstract:

Introduction. One of the priorities in training cadets and students at educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia is the development of physical preparedness, which is an integral part of the general training necessary for the successful further performance of their duties. The article deals with the positive experience of developing strength qualities in cadets of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia in conditions of insufficient time required to obtain a positive assessment.

Methods. During the study aimed at developing students' strength qualities, the following methods were used: scientific and theoretical (study of normative legal documents); experimental and research (testing, diagnostics, practical training); empirical (observation); mathematical (analysis and processing of the data obtained).

Results. It was determined that the applied methodology for using interval static-dynamic exercises to develop students' strength qualities is effective and can be recommended to teaching staff at higher education institutions, including educational organisations in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, for use both in instructional activities and in independent training.

Keywords:

academic debt, physical training, development of strength endurance, static-dynamic exercises

For citation:

Vyatkin A. A., Solomyanko D. V. Using special exercises to develop students' strength qualities within a limited time frame // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 187–197.

The article was submitted July 20, 2024;
approved after reviewing September 4, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Служба в органах внутренних дел – напряженная, но важная и очень нужная людям работа, требующая мужества и отваги, выносливости и хорошей физической подготовки, умения логически мыслить и сопереживать.

Достижение высокого уровня физической подготовленности обучающихся образовательных организаций системы МВД России, его поддержание и совершенствование на протяжении всего срока обучения, а также срока службы в органах внутренних дел непосредственно влияет на качественное выполнение ими своих профессиональных обязанностей, что в свою очередь положительно влияет на повышение общего уровня общественной безопасности государства [1, с. 130]. Древнегреческий философ Платон (427–347 гг. до н. э.) писал в одном из своих произведений: «Воспитание души и тела молодого человека – дело первостепенной важности и для семьи, и для государства, и, наконец, для самого юноши. Поэтому тут надо всегда полагаться на мнение опытных специалистов, не поддаваясь советам дилетантов, не радуясь похвале толпы верхоглядыв» [2, с. 16].

В соответствии с пунктом 9 ст. 25 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹, курсанты, слушатели, адъюнкты, научно-педагогические работники, руководящий состав и иные сотрудники организаций, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательных программ среднего профессионального образования, высшего образования и (или) дополнительного профессионального образования и входящих в систему федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, считаются проходящими службу в полиции.

Согласно пункту 10 приказа МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации»², профессиональное обучение сотрудников по программам профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский» проводится в федеральных

¹ О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 25.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2011. № 7. Ст. 900.

² Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 (зарег. в Минюсте России 12.03.2024, № 77488) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202403130011?pageSize=100&index=1> (дата обращения: 21.08.2025).

государственных образовательных организациях высшего образования, находящихся в ведении МВД России, федеральных государственных организациях дополнительного профессионального образования системы МВД России, центрах профессиональной подготовки территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном, региональном уровнях по очной форме.

В соответствии с пунктом 6 данного приказа в ходе освоения программ профессиональной подготовки, основных профессиональных образовательных программ среднего профессионального образования – программ подготовки специалистов среднего звена, высшего образования – программ бакалавриата, программ магистратуры, в ходе профессиональной служебной и физической подготовки по месту службы сотрудники проходят специальную подготовку к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а также к участию в мероприятиях по обеспечению общественной безопасности и охране общественного порядка.

Данный приказ устанавливает, что общая физическая подготовка включает в себя легкую атлетику и ускоренное передвижение, лыжную подготовку, плавание, спортивные игры, а также прикладную гимнастику и атлетическую подготовку: подтягивание на перекладине, сгибание и разгибание рук в упоре лежа, жим гири, наклоны вперед из положения лежа на спине.

Таким образом, физическая подготовка является одной из дисциплин, входящих в программу обучения в образовательных организациях МВД России, в рамках которой курсанты и слушатели в порядке текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации сдают нормативы по физической подготовленности. Одним из указанных нормативов является контроль силы, при сдаче которого некоторые курсанты и слушатели получают неудовлетворительные оценки.

В соответствии со статьей 58 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»³ освоение образовательной программы (за исключением образовательной программы дошкольного образования), в т. ч. отдельной части или всего объема учебного предмета, курса, дисциплины (модуля) образовательной программы, сопровождается промежуточной аттестацией обучающихся, проводимой в формах, определенных учебным планом, и в порядке, установленном образовательной организацией. Неудовлетворительные результаты промежуточной аттестации по одному или нескольким учебным предметам, курсам, дисциплинам (модулям) образовательной программы или непрохождение промежуточной аттестации при отсутствии уважительных причин признаются академической задолженностью; обучающиеся обязаны ликвидировать академическую задолженность.

Положением об образовательной деятельности в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Приказ Санкт-Петербургского университета МВД России от 22 декабря 2022 г. № 983⁴) установлено следующее:

- порядок организации, проведения, периодичность, формы и шкалу оценивания результатов (в т. ч. критерии выставления оценок) промежуточной аттестации, а также порядок и сроки ликвидации академической задолженности устанавливаются локальными нормативными актами университета (п. 2.36);

- неудовлетворительные результаты промежуточной аттестации по одной или нескольким дисциплинам (модулям), по одному или нескольким компонентам образовательной программы, в т. ч. практикам, или непрохождение промежуточной аттестации при отсутствии уважительных причин признаются академической задолженностью (п. 2.44);

- университет устанавливает для обучающихся, имеющих академическую задолженность, сроки повторной промежуточной аттестации по каждой учебной дисциплине (модулю), практике (п. 2.45).

Положением о порядке текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Санкт-Петербургский университет МВД России» (приказ Санкт-Петербургского университета МВД России от 1 апреля 2019 г. № 264⁵) установлено следующее:

³ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

⁴ Об утверждении Положения об образовательной деятельности в федеральном образовательном учреждении высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» : приказ Санкт-Петербургского университета МВД России от 22 декабря 2022 г. № 983 // Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://университет.мвд.рф/folder/14881472> (дата обращения: 21.08.2025).

⁵ Об утверждении Положения о порядке текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» : приказ Санкт-Петербургского университета МВД России от 1 апреля 2019 г. № 264

– промежуточная аттестация обучающихся проводится с целью выявления соответствия уровня теоретических знаний, практических умений и навыков, сформированности компетенций качества освоения образовательных программ и выполнения учебного плана по дисциплине (части (разделу), модулю);

– обучающиеся, получившие неудовлетворительную оценку или пропустившие учебное занятие, обязаны в установленный кафедрой срок (от 2 до 14 дней) в часы самостоятельной подготовки ликвидировать задолженность (получить положительную оценку, представить преподавателю отработанный учебный материал пропущенных занятий).

Необходимость повышения силовой выносливости курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России в кратчайшие сроки до уровня, позволяющего получить положительную оценку при пересдаче норматива «контроль силы», обусловлена дефицитом свободного времени у обучающихся, вызванного учебной загруженностью, значительными затратами времени на дорогу до места обучения и обратно, а также необходимостью решения различного рода служебных вопросов.

Практика показывает, что возложение ответственности за подготовку к пересдаче нормативов по физической подготовке на самих обучающихся широко распространено среди преподавательского состава. С одной стороны, это правильно, поскольку в соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 43 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁶ обучающиеся помимо освоения образовательной программы в рамках учебных занятий обязаны осуществлять самостоятельную подготовку к занятиям, выполнять задания, данные педагогическим работником в рамках образовательной программы. С другой стороны, отсутствие контроля за группой неуспевающих мало того что лишает преподавателя возможности провести коррекцию выбранной методики подготовки в случае необходимости, но и может привести к возникновению хронической неуспеваемости обучающихся по данной дисциплине и в дальнейшем стать основанием для отчисления из учебного заведения.

Чтобы не допустить указанных негативных последствий, нами в 2023/24 учебном году по дисциплине «Физическая подготовка» проведен эксперимент по определению эффективности использования интервальных статико-динамических упражнений для развития силовых качеств обучающихся Санкт-Петербургского университета МВД России при подготовке к пересдаче нормативов по физической подготовленности в условиях дефицита времени.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) в рамках текущего контроля выявить обучающихся с низкими показателями физической подготовленности по заранее определенным упражнениям;
- 2) информировать выявленных обучающихся о полученных ими неудовлетворительных результатах и предложить пройти подготовку по выбранной нами методике;
- 3) разъяснить обучающимся порядок и условия применения используемой методики;
- 4) определить место и время систематического осуществления обучающимися проведения дополнительных занятий по физической подготовке;
- 5) повторно принять у обучающихся норматив «контроль силы»;
- 6) проанализировать результаты и определить эффективность выбранной методики.

Методы

В ходе эксперимента были использованы следующие методы:

- научно-теоретический (изучение нормативно-правовых документов);
- экспериментально-исследовательский (тестирование, диагностика, практическое занятие);
- эмпирический (наблюдение);
- математический (анализ и обработка полученных данных).

В результате эксперимента ожидалось повышение уровня силовой выносливости экспериментальной группы до уровня, необходимого для получения положительной оценки при сдаче норматива «контроль силы», что позволило бы сделать вывод об эффективности выбранной методики и ее дальнейшем использовании как в рамках учебных занятий, так и при самостоятельной подготовке обучающихся.

Дата проведения эксперимента: март 2023 года.

// Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://университет.мвд.рф/folder/14881472> (дата обращения: 21.08.2025).

⁶ СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

Силы и средства, использованные в эксперименте:

- экспериментальная группа: курсанты 1-го курса Санкт-Петербургского университета МВД России, получившие неудовлетворительные оценки при сдаче норматива «контроль силы»;
- кадры (команда эксперимента): преподаватели Санкт-Петербургского университета МВД России;
- нормативные правовые документы, регламентирующие деятельность образовательных организаций МВД России и Санкт-Петербургского университета МВД России;
- методическая литература по физической культуре и спорту;
- материально-техническое оснащение: укомплектованный инвентарем спортивный зал Санкт-Петербургского университета МВД России.

План эксперимента:

1. Выявление курсантов с недостаточным уровнем физической подготовленности для получения положительной оценки при сдаче нормативов по данной дисциплине среди личного состава 1-го курса Санкт-Петербургского университета МВД России.
2. Проведение дополнительных занятий с экспериментальной группой в период, выделенный обучающимся для самоподготовки, с использованием интервальных статико-динамических упражнений.
3. Повторная сдача нормативов по физической подготовке.

Теоретическое обоснование:

Физическая культура – органическая часть общечеловеческой культуры, ее особая самостоятельная область. Вместе с тем это специфический процесс и результат человеческой деятельности, средство и способ физического совершенствования личности. Физическая культура воздействует на жизненно важные стороны индивида, полученные в виде задатков, которые передаются генетически и развиваются в процессе жизни под влиянием воспитания, деятельности и окружающей среды. Физическая культура удовлетворяет социальные потребности в общении, игре, развлечении, в некоторых формах самовыражения личности через социально активную полезную деятельность. Результатом деятельности в физической культуре является физическая подготовленность и степень совершенства двигательных умений и навыков, высокий уровень развития жизненных сил, спортивные достижения, нравственное, эстетическое, интеллектуальное развитие⁷.

Физическими качествами принято называть врожденные (унаследованные генетически) качества, благодаря которым возможна физическая активность человека, получающая свое полное проявление в двигательной деятельности. К основным физическим качествам относят мышечную силу, быстроту, выносливость, гибкость и ловкость⁸.

Таким образом, сила (силовые способности) и выносливость, являются базовыми физическими качествами [3, с. 138].

В наиболее общем виде в теории физического воспитания под понятием «сила» понимается способность к преодолению определенного сопротивления или противодействия ему за счет деятельности мышц (мышечных усилий)⁹. В качестве сопротивления может выступать сила земного тяготения, которая равняется массе тела человека, либо реакция опоры при взаимодействии [4, с. 56]. Как и сила, выносливость является важнейшим физическим качеством, отражающим общий уровень работоспособности человека и проявляющимся как в спортивной, так и в повседневной жизни. Выносливость нужно развивать для того, чтобы иметь способность к длительному перенесению каких-либо физических нагрузок, чтобы как можно дольше не утомиться¹⁰.

Существует множество определений термина «сила». Профессор, доктор педагогических наук Ю. В. Верхованский (1928–2010) под силой понимает способность человека преодолевать внешнее сопротивление или противодействовать ему за счет мышечных усилий [5, с. 65].

Как правило, у человека выделяют три формы силовых способностей: максимальная сила, скоростно-силовая способность и силовая выносливость.

Максимальная сила – это величина внутренней силы, позволяющая при помощи максимального произвольного сокращения полностью задействовать нервно-мышечную систему для противодействия внешним силам [6, с. 410].

⁷ Физическая культура студента : учебник / М. Я. Виленский [и др.] ; под ред. В. И. Ильинича. Москва : Гардарики, 2000. С. 5–6.

⁸ См.: Бабонский Ю. Н. Оптимизация учебно-воспитательного процесса : (Методические основы). Москва : Просвещение, 1982. 192 с.

⁹ См.: Барчуков И. С., Нестеров А. А. Физическая культура и спорт: методология, теория, практика : учебное пособие / под общ. ред. Н. Н. Маликова. Москва : Академия, 2015. 528 с.

¹⁰ Ключков А. В., Баранов Л. Г. Развитие выносливости: методические рекомендации : методические указания. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. С. 3.

Скоростно-силовые способности (мощность) – это величина внутренней силы, способной за счет сокращения мышцы мобилизовать за определенную единицу времени нервно-мышечную систему.

Силовая выносливость – способность противостоять утомлению, вызываемому силовым компонентом нагрузки в избранном виде спорта¹¹.

Принято различать два основных вида силовой выносливости: общую (неспецифическую), развития которой в большей степени касается настоящая статья, и специальную (специфическую) [7, с. 282].

Совокупность функциональных свойств организма, которые составляют несспецифическую основу проявления силовой выносливости в различных видах деятельности, определяется как общая силовая выносливость [8]. Также под силовой выносливостью можно понимать способность к продолжительному и эффективному выполнению работы несспецифического характера, которая оказывает положительное влияние на процессы становления специфических компонентов спортивного мастерства [9].

В свою очередь специальную выносливость принято определять как способность организма выполнять продолжительную специфическую работу в течение времени, обусловленного требованиями выбранного вида спорта [10, с. 36].

Высокий уровень силовой выносливости – одно из главных свидетельств отличного здоровья. Вот почему процесс развития данного физического качества так важен.

Основными средствами развития силы, в т. ч. силовой выносливости, являются физические упражнения, которые могут выполняться со спортивными снарядами, с различными тренажерами, а также весом собственного тела [11, с. 70].

Одной из существующих классификаций силовых упражнений является классификация, в соответствии с которой упражнения подразделяются на динамические, статические и статико-динамические.

Динамические упражнения делятся на преодолевающие – при сокращении длины мышцы и уступающего упражнения, когда мышцы удлиняются.

Статические физические упражнения, когда длина мышцы не изменяется, такие как удержание веса (гантели) на вытянутых руках, упражнения с собственным телом (уголок) и пр.

Статико-динамические упражнения сочетают в себе принципы действия динамических и статических упражнений [12].

Как правило, чтобы увеличить силу, необходимо увеличить количество миофибрилл, находящихся в мышечной клетке и обеспечивающих ее сокращение, но в данном физиологическом механизме количество мышечных клеток остается неизменным. Также известно, что для увеличения количества миофибрилл в мышечных клетках требуется использовать околомаксимальные и максимальные отягощения, начиная с 80 %, производимые в динамическом режиме. По существующему физиологическому закону рекрутирования в мышечном сокращении участвуют как окислительные мышечные волокна, так и гликолитические мышечные волокна, но при представленной мощности работы увеличивают силу только гликолитические мышечные волокна с определенным недостатком. В них образуются молочная кислота и ионы водорода, которые способствуют закислению мышечной клетки. При чрезмерном закислении ионы водорода разрушают мышечное волокно (аминокислоты) и митохондрии (энергетические станции клетки), что не происходит в статико-динамическом методе, потому как его упражнения, благодаря своим особенностям выполнения воздействуют только на окислительные мышечные волокна, увеличивая их силу (количество миофибрилл) и одновременно выносливость (количество митохондрий)¹².

Метод воздействия статодинамических упражнений заключается в следующем:

Выполнение упражнения осуществляется в диапазоне 30–40 сек., в короткой амплитуде с медленной скоростью и весом отягощения (30–60 %). Во время выполнения движения тренируемая мышца должна постоянно находиться в напряженном состоянии. В конце выполнения необходимо добиться жжения, граничащего с болью. Жжение как один из главных факторов создает стресс для психики, что является обязательным условием выделения в кровь гормона роста – соматотропина. Во время сокращения в волокнах сдавливаются сосуды и капилляры, в результате чего прекращается поступление крови, наступает гипоксия. В результате анаэробного гликолиза происходит закисление молочной кислотой, появляются ионы водорода и свободный креатин. Это будет являться первым подходом,

¹¹ Корягина Ю. В. Физиология силовых видов спорта : учебное пособие. Омск : СибГУФК, 2003. С. 6–8.

¹² См.: Максимов С. С., Селуянов В. Н., Табакаев С. С. Физическая подготовка единоборцев (самбо и дзюдо) : Теоретико-практические рекомендации. Москва : ТВТ Дивизион, 2011. 160 с.

после которого необходим отдых в течение тридцати секунд. Во время отдыха мышца расслабляется, возобновляется кровоток с появившимися в нем гормонами, они проникают в мышечную клетку и вместе со свободным креатином, ионами водорода запускают механизм мышечного роста, т. е. начнут синтезироваться новые миофибриллы, дающие прирост силы. Вокруг них появляются митохондрии, которые повышают уровень выносливости и потребления кислорода [13, с. 338].

Для более ясного понимания вышеуказанного процесса по развитию силовой выносливости и принципов его действия вспомним работы знаменитого канадского патолога и эндокринолога Ганса Селье и процитируем уже ставшее классическим его определение понятия «Стресс»: «Стресс – это неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование» [14, с. 11]. В последующем Селье выделил две формы стресса: стресс полезный – эустресс, мобилизующий защитные ресурсы организма, и вредоносный – дистресс, приводящий к развитию патологии, который в контексте настоящей статьи нас не интересует. Механизм физиологических реакций на стресс в теле человека в случае его запуска идентичен для всех представителей вида *Homo sapiens*. Каким бы ни был стрессор, включается одна и та же реакция, направленная на восстановление аллостатического равновесия организма – постоянства внутренней среды через изменения: секреция одних гормонов, замедление выработки других, активация определенных частей нервной системы и т. д.¹³.

Таким образом, с помощью выполнения физических упражнений, выступающих в качестве стрессоров, мы вводим организм занимающегося в состояние эустресса, тем самым запускаем необходимые нам положительные физиологические изменения в его теле [9; 15].

Проведение входного контроля:

Как было сказано ранее, одним из нормативов, характеризующих физическую подготовку курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, является контроль силы, определяемый с помощью упражнений прикладной гимнастики: для мужчин – подтягивание на перекладине, для женщин – сгибание и разгибание рук в упоре лежа.

Подтягивание на перекладине – это базовое физическое упражнение, представляющее собой поднятие и опускание тела в вертикальном положении.

При подтягивании классическим хватом, когда руки на перекладине располагаются на ширине плеч (что является обязательным условием выполнения упражнения при сдаче норматива), задействуются практически все мышцы верхней части тела, в т. ч. трапециевидные, ромбовидные, дельтовидные, бицепсы, трицепсы, грудные, живота и, естественно, широчайшие мышцы спины. Широчайшие мышцы принимают на себя основную нагрузку во время подтягивания.

Сгибание-разгибание рук в упоре лежа, в простонародье – «отжимание от пола», как и подтягивание на перекладине, является базовым физическим упражнением, выполняемым в планке, представляющее собой опускание-поднятие тела с помощью рук от пола. При выполнении данного упражнения в основном работают три мышцы: большая грудная мышца, трицепс, передняя дельтовидная мышца. Также в изометрическом режиме задействованы широчайшие мышцы спины, внутренние мышцы груди, живота, бедра и ягодицы, четырехглавая и переднеберцовая мышцы.

Перед началом эксперимента, необходимого для установления эффективности выбранной методики, в рамках текущего контроля по дисциплине «Физическая подготовка» у курсантов 1-го курса Санкт-Петербургского университета МВД России третьей группы здоровья в количестве 125 человек был принят норматив «контроль силы» посредством выполнения следующих упражнений: подтягивание на перекладине – юноши, сгибание и разгибание рук в упоре лежа – девушки. В результате принятия указанного норматива из числа курсантов были выявлены лица с уровнем силы, недостаточным для получения положительной оценки, 5 юношей и 3 девушки¹⁴.

Для курсантов и слушателей образовательных организаций третьей группы здоровья в соответствии с приказом МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации»¹⁵ предусмотрены следующие нормативы:

- подтягивание на перекладине (мужчины): 10 и больше – «отлично»; 8–9 – «хорошо»; 7 – «удовлетворительно»;
- сгибание-разгибание рук в упоре лежа (женщины): 12 и больше – «отлично»; 11 – «хорошо»; 8–10 – «удовлетворительно».

¹³ См.: Максимов С. С., Селуянов В. Н., Табакаев С. С. Указ. соч.

¹⁴ С целью сохранения персональных данных курсантов, их установочные данные в статье указываться не будут, а будет указан пол и порядковый номер курсанта (пример: курсант № 1 (м) и соответственно: курсант № 2 (ж)).

¹⁵ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202403130011?pageSize=100&index=1> (дата обращения: 21.08.2025).

Результаты сдачи контрольных нормативов обучающихся курсантов с недостаточным уровнем физической силы, до проведения эксперимента отражены в таблице № 1.

Таблица 1

Результаты обучающихся до применения интервальных,
статико-динамических упражнений

Table 1

Students' results before applying interval, static-dynamic exercises

Идентификация	Наименование контрольного упражнения	Выполненное количество раз	Недостающее количество до положительной оценки	Оценка за выполнение норматива
курсант № 1 (м)	подтягивание на перекладине	2	5	«неудовл.»
курсант № 2 (м)	подтягивание на перекладине	4	3	«неудовл.»
курсант № 3 (м)	подтягивание на перекладине	2	5	«неудовл.»
курсант № 4 (м)	подтягивание на перекладине	5	2	«неудовл.»
курсант № 5 (м)	подтягивание на перекладине	3	4	«неудовл.»
курсант № 6 (ж)	сгибание-разгибание рук в упоре лежа	5	3	«неудовл.»
курсант № 7 (ж)	сгибание-разгибание рук в упоре лежа	5	3	«неудовл.»
курсант № 8 (ж)	сгибание-разгибание рук в упоре лежа	1	7	«неудовл.»

В связи с тем, что время, за которое обучающиеся должны исправить неудовлетворительную оценку, было заранее определено (до 14 дней), занятия с курсантами проводились в свободное от основной учебы время в спортивном зале университета. Обязательным условием, необходимым для роста силовых показателей, являлось предоставление занимающимся одного дня отдыха между днями, в которые проводились занятия по развитию силовой выносливости. Таким образом, каждый занимающийся, перед сдачей повторного норматива «контроль силы» по установленному упражнению, должен был посетить 6 занятий по физической подготовке с применением выбранной методики.

Упражнения на развитие силовой выносливости, используемые в соответствии с выбранной методикой:

Курсантам-юношам было предложено выполнять подтягивание на передвижной перекладине, установленной на шведской стенке на таком уровне от пола, чтобы вытянутые ноги занимающихся, находящиеся под углом около 100 градусов относительно плоскости тела, упирались пятками в пол. При этом таз в крайнем нижнем положении тела в пространстве при вытянутых руках, должен был опускаться практически до пола, но не касаться его.

Курсантам женского пола было предложено выполнять классическое сгибание-разгибание рук в упоре лежа.

На первоначальном (вводном) этапе (с первого по третье занятие) программа занятия состояла из короткой разминки основных мышечных групп, для подготовки организма к предстоящей работе и выполнения двух кругов упражнений, на основном (заключительном) этапе (с четвертого по шестое занятие) – из трех кругов. В один круг включались три подхода на одно упражнение, направленное на развитие основной тренируемой группы мышц.

Для предоставления дополнительного времени отдыха, необходимого для частичного восстановления основных тренируемых мышечных групп, в программу занятий курсантов обоих полов было включено упражнение «наклоны вперед из положения лежа на спине», нагрузку при выполнении которого получают мышцы брюшного пресса, также участвующие в выполнении установленных контрольных упражнений. Таким образом, один круг составил шесть подходов:

три подхода на развитие основной тренируемой группы мышц и три подхода на развитие мышц брюшного пресса [16].

Обязательные, общие для всех условия выполнения упражнений:

1. Упражнение выполняется в течение 30 сек. в количестве 10–20 повторений за подход с полным расслаблением мышц в течение 30 сек. между подходами.

2. При выполнении упражнений по используемой методике не должны достигаться крайние точки (верхние и нижние) положения тела в пространстве, предусмотренные условиями выполнения упражнений в классическом виде, при которых идет частичное расслабление тренируемой группы мышц в результате переноса основной части нагрузки на скелет и связки.

Исходя из вышесказанного, можно посчитать практически точное время, необходимое для реализации используемой методики:

- разминка – 5 мин. (примерно);
- основная часть занятия: на первоначальном этапе (два круга по шесть подходов в каждом) – 12 мин. и соответственно на основном – 18 мин.

Таким образом, затраченное время, необходимое для качественной проработки необходимой группы мышц за одно занятие, на первоначальном этапе составило 17 мин., на основном – 23 мин., а общее время, затраченное на занятия по выбранной программе в течение 10 рабочих дней (двух календарных недель) составило всего 120 мин.

Результаты и обсуждение

Результаты, полученные в ходе повторного принятия норматива «контроль силы» у обучающихся с недостаточным уровнем физической силы, прошедших подготовку по выбранной нами методике, отражены в таблице № 2. Изменение силовых показателей обучающихся отражено в диаграмме № 1, в которой первый столбец показывает уровень силовых показателей до подготовки, а второй – после.

Таблица 2

Результаты обучающихся после применения интервальных, статико-динамических упражнений

Table 2

Students' results after applying interval, static-dynamic exercises

Идентификация	Наименование контрольного упражнения	Выполненное количество раз до начала эксперимента	Выполненное количество раз после проведения эксперимента	Общая оценка
курсант № 1 (м)	подтягивание на перекладине	2	7	«удовл.»
курсант № 2 (м)	подтягивание на перекладине	4	8	«хорошо»
курсант № 3 (м)	Подтягивание на перекладине	2	7	«удовл.»
курсант № 4 (м)	подтягивание на перекладине	5	7	«удовл.»
курсант № 5 (м)	подтягивание на перекладине	3	7	«удовл.»
курсант № 6 (ж)	сгибание-разгибание рук в упоре лежа	5	9	«удовл.»
курсант № 7 (ж)	сгибание-разгибание рук в упоре лежа	5	9	«удовл.»
курсант № 8 (ж)	сгибание-разгибание рук в упоре лежа	1	5	«неудовл.»

Из полученных данных в результате эксперимента нами было рассчитано улучшение уровня силовых показателей каждого курсанта, занимавшегося по выбранной нами методике, в процентном соотношении, в т. ч.: силовые показатели курсанта № 1 (м) увеличились на 71,5 %; курсанта № 2 (м) – увеличились на 50 %; курсанта № 3 (м) – увеличились на 71,5 %; курсанта № 4 (м) – увеличились на 28,6 %; курсанта № 5 (м) – увеличились на 57,2 %; курсанта № 6 (ж) – увеличились на 44,5 %; курсанта № 7 (ж) – увеличились на 44,5 %; курсанта № 8 (ж) – увеличились на 80 % (рисунок 1).

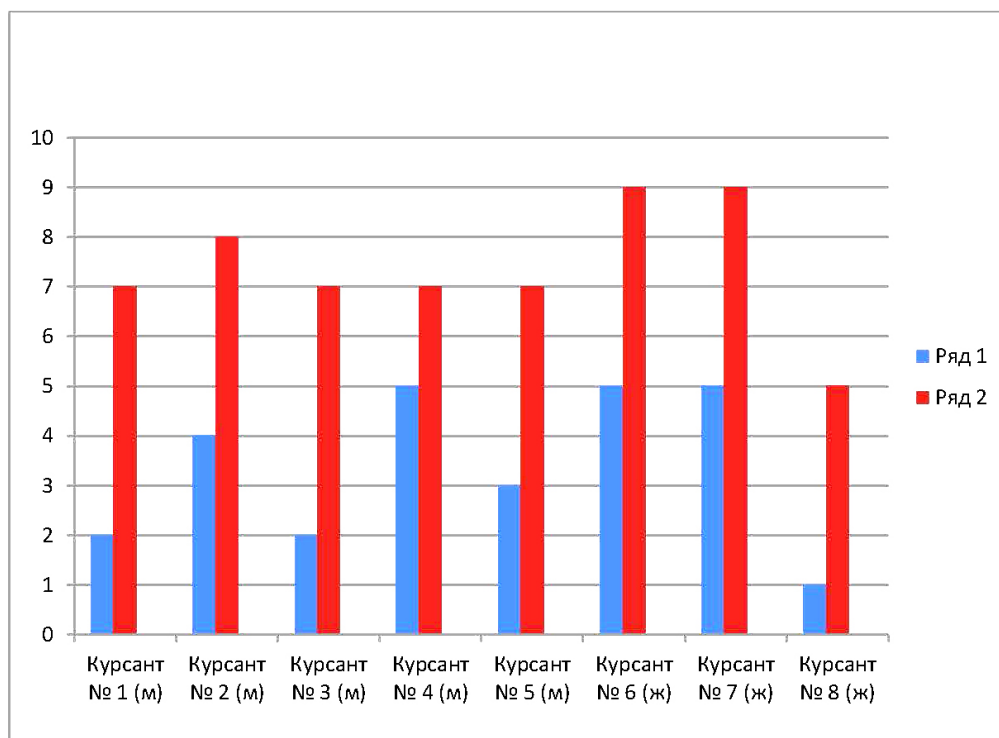

Рис. 1. Диаграмма результатов проведенного эксперимента

Fig. 1. – Diagram of the results of the experiment

Следует отметить, что достигнутого в результате подготовки уровня силовых показателей курсантом № 8 (ж) не хватило для получения положительной оценки при повторной сдаче норматива «контроль силы», что связано с исходными низкими показателями уровня силы у данного курсанта. Однако в процентном соотношении, силовые показатели указанного курсанта выросли больше, чем у других обучающихся, принимавших участие в эксперименте.

3 заключение

Исходя из результатов эксперимента, в т. ч. установленных временных показателей, можно сделать вывод, что примененная нами методика использования интервальных статико-динамических упражнений с целью развития силовых качеств обучающихся в условиях дефицита времени эффективна и способствует быстрому развитию их физических качеств.

Теоретический анализ проблемы совершенствования физической подготовки обучающихся образовательных организаций системы МВД России показал, что развитие силовых качеств курсантов в ограниченные сроки требует особого подхода к организации тренировочного процесса, который должен включать оптимальное сочетание различных методов тренировки и максимальной интенсификации нагрузок без вреда для здоровья курсантов. Предложенная нами методика наиболее полно реализует поставленные задачи – обеспечивает эффективное достижение значительного прироста силовых показателей.

Стоит отметить, что предлагаемая методика отличается простотой, не требует особых финансовых затрат и дополнительного материально-технического оборудования. Важная ее особенность – минимальные временные затраты для выполнения упражнений без негативных последствий для здоровья обучающихся. Методика использования интервальных статико-динамических упражнений может быть рекомендована преподавательскому составу учебных

учреждений, в частности, научно-педагогическому составу образовательных организаций МВД России для использования на занятиях по физической подготовке, а также непосредственно самим обучающимся в рамках самоподготовки.

Список источников

1. *Изучение характера нападений на сотрудников ОВД при исполнении служебных обязанностей как основа модернизации физической подготовки курсантов и слушателей в образовательных организациях МВД России* / Иванов А. И., Мавропуло А. А., Ташиян А. А., Луний А. А. [и др.] // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2023. № 4 (218). С. 130–135. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.04.p130-135>
2. Шанин Ю. В. История античного атлетизма / под общ. ред. В. Н. Кузичина. Санкт-Петербург : Алетея, 2001. 191 с.
3. Копылов В. А., Доценко Ю. А., Гавага В. В. К вопросу о силовой подготовке студентов // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. 2009. № 5. С. 138–140.
4. Ертышов В. А., Сметанин А. Г. Развитие силовой выносливости у спортсменов разных видов спорта // Актуальные исследования. 2020. № 4 (7). С. 56–58. URL: <https://apni.ru/article/365-razvitiye-silovoj-vynoslivosti-u-sportsmenov> (дата обращения: 21.08.2025).
5. Верхошанский Ю. В. Основы специальной силовой подготовки в спорте. 3-е изд. Москва : Советский спорт, 2013. 216 с.
6. *Педагогика в афоризмах и изречениях* : [монография]. 3-е изд., доп. и перераб. / сост.: Чечет В. В., Чечет В. В. Минск : Аверсэв, 2013. 447 с.
7. Фомичев И. А., Баев В. Е., Карпов А. А. Значение силовых упражнений в образовательных организациях МВД России / Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов : сборник статей Всероссийского круглого стола, г. Орел, 27 июня 2019 г. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2019. С. 280–284.
8. Шуваев О. В. Выносливость как физическое качество человека // Научный лидер : [сетевое издание]. 2023. № 40 (138). URL: <https://scilead.ru/article/5089-vynoslivost-kak-fizicheskoe-kachestvo-cheloveka> (дата обращения: 21.08.2025).
9. Дахновский В. С., Рукавицын Б. Н. Обучение и тренировка дзюдоистов Минск : Полымя, 1989. 190 с.
10. Балашов А. В. Повышение силовых способностей курсантов с использованием физических упражнений с гириями / Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов : сборник статей Всероссийского круглого стола, г. Орел, 27 июня 2019 г. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2019. С. 35–42.
11. Масловский Е. А., Стадник В. И., Саскевич А. П. Концентрированный метод развития силовых способностей у студентов на занятиях по физическому воспитанию / Здоровьесберегающие психолого-педагогические технологии и медико-биологические системы оздоровления : материалы I Международной научно-практической конференции, г. Барановичи, 28 апреля 2014 г. Барановичи : Барановичский государственный университет, 2014. С. 68–73.
12. Ветков Н. Е. Воспитание силовых способностей // Наука-2020. 2018. № 1-1 (17). С. 132–138.
13. Мякинченко Е. Б., Селуянов В. Н. Развитие локальной мышечной выносливости в циклических видах спорта : [монография]. Москва : ТВТ Дивизион, 2005. 360 с.
14. Селье Г. Стресс без дистресса : [пер. с англ.] / общ. ред. Е. М. Крепса. Москва : Прогресс, 1982. 124 с.
15. Лямзин Е. Н., Борисов В. А., Силотин И. Д. Физические упражнения как фактор снятия организационного стресса // Научный лидер : [сетевое издание]. 2021. № 38 (40). URL: <https://scilead.ru/article/989-fizicheskie-uprazhneniya-kak-faktor-snyatiya-organizatsionnogo-stressa> (дата обращения: 21.08.2025).
16. Мякинченко Е. Б., Селуянов В. Н. Развитие локальной мышечной выносливости в циклических видах спорта : [монография]. Москва : ТВТ Дивизион, 2009. 360 с.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Сравнительная характеристика моделей и методов оценивания результатов обучения (по материалам англоязычных исследований XX века)

Мария Александровна Ерофеева¹, доктор педагогических наук, профессор
Максим Юрьевич Кузнецов², адъюнкт

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

Москва (117997, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация

¹ erofeeva-ma72@yandex.ru, ² makskyzn123@gmail.com

¹ <http://orcid.org/0000-0001-7176-513X>, ² <http://orcid.org/0009-0002-5054-9109>

Аннотация:

Введение. Развитие моделей оценивания, начиная с XX века, показало перспективное направление в отслеживании достижений обучающихся и получении результатов их дальнейшего профессионального роста. С развитием потребностей общества увеличивается и потребность в обучении и формировании необходимых знаний, умений и навыков в определенной области деятельности (образовательной, научно-исследовательской). Получить данные о достижениях в современных условиях можно с помощью методов оценивания, которые чаще всего используются комбинированно. Исследование посвящено анализу характеристик моделей и методов оценивания образовательных и научных достижений в условиях трансформации педагогических подходов. Актуальность обусловлена необходимостью адаптации оценивания к требованиям информационного общества и компетентностного подхода, что способствует развитию критического мышления, мотивации и компетенций обучающихся.

Методы. Использованы аналитический и сравнительный методы, систематизация и классификация данных, а также теоретический анализ. Изучены фундаментальные модели (Б. Блум, Е. Г. Губа, Д. Киркпатрик, М. Скривен, Д. Л. Стафлебим, Р. Тайлер, Дж. Филипс) и методы оценивания (диагностическое, формирующее, самооценивание, взаимооценивание, критериальное, итоговое).

Результаты. Установлено, что каждая модель и метод имеют специфические сильные и слабые стороны. Комбинированное применение методов, таких как диагностическое и формирующее для поддержки обучения, самооценивание и взаимооценивание для развития рефлексии, а также критериальное и итоговое для обеспечения объективности, создает эффективные гибридные системы оценивания.

Заключение. Результаты подчеркивают значимость комплексного подхода к оцениванию для достижения образовательных целей. Перспективы исследований связаны с интеграцией цифровых технологий и искусственного интеллекта для персонализации процессов оценивания.

Ключевые слова:

оценивание, модели оценивания, методы оценивания, образовательные достижения, компетентностный подход, мотивация, диагностическое оценивание, формирующее оценивание, самооценивание

Для цитирования:

Ерофеева М. А., Кузнецов М. Ю. Сравнительная характеристика моделей и методов оценивания результатов обучения (по материалам англоязычных исследований XX века) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 198–208.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025;
одобрена после рецензирования 17.07.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Comparative characteristics of models and methods for assessing learning outcomes (based on materials from English-language studies of the 20th century)

Maria A. Yerofeeva¹, Doc. Sci. (Ped.), Professor
Maxim Yu. Kuznetsov², Postgraduate

^{1,2} Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot

12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation

¹ erofeeva-ma72@yandex.ru, ² makskyzn123@gmail.com

¹ <http://orcid.org/0000-0001-7176-513X>, ² <http://orcid.org/0009-0002-5054-9109>

© Ерофеева М. А., Кузнецов М. Ю., 2025

Abstract:

Introduction. The development of assessment models since the 20th century has shown a promising direction in tracking students' achievements and obtaining results for their further professional growth. As society's needs evolve, so does the need for training and forming the necessary knowledge, skills and abilities in a specific field of activity (educational, scientific and research). Data on achievements under modern conditions can be obtained using assessment methods, which are most often used in combination. The research is devoted to the analysis of the characteristics of models and methods of assessing educational and scientific achievements in the context of the transformation of pedagogical approaches. Relevance is due to the need to adapt assessment to the requirements of the information society and the competence-based approach, which contributes to the development of critical thinking, motivation and competencies of students.

Methods. Analytical and comparative methods, systematisation and classification of data, as well as theoretical analysis were used. Fundamental models (B. Bloom, E. G. Guba, D. Kirkpatrick, M. Scriven, D. L. Stufflebeam, R. Tyler, J. Phillips) and assessment methods (diagnostic, formative, self-assessment, mutual assessment, criterion-referenced, summative) were studied.

Results. Each model and method have specific strengths and weaknesses. The combined use of methods such as diagnostic and formative assessment to support learning, self-assessment and mutual assessment to develop reflection, as well as criterion-referenced and summative assessment to ensure objectivity, creates effective hybrid assessment systems.

Conclusion. The results underline the importance of an integrated approach to assessment to achieve educational goals. Future research prospects are linked to the integration of digital technologies and artificial intelligence for the personalisation of assessment processes.

Keywords:

assessment, assessment models, assessment methods, educational achievements, competence-based approach, motivation, diagnostic assessment, formative assessment, self-assessment

For citation:

Yerofeeva M. A., Kuznetsov M. Yu. Comparative characteristics of models and methods for assessing learning outcomes (based on materials from English-language studies of the 20th century) // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 198–208.

The article was submitted May 5, 2025;
approved after reviewing July 17, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

В настоящее время существует большое количество моделей оценивания определенного вида деятельности (образовательной, научно-исследовательской) или развития компетенций. С течением времени модели оценивания значительно модернизировались и совершенствовались, отвечая требованиям современности. Анализ существующих моделей показывает, что оценивание сегодня рассматривается не только как инструмент контроля, но и как эффективное средство развития критического мышления и мотивации обучающихся [1].

Оценка эффективности обучения играет ключевую роль в образовательном процессе, будучи инструментом определения степени достижения поставленных образовательных целей обучающихся и развития компетенций. Как отмечают М. Ф. Воронина и Е. А. Карпова, оценка эффективности обучения «базируется прежде всего на необходимости выяснения того, в какой степени в итоге были достигнуты цели обучения» [2]. При этом особенно важно эмпирически подтвердить, что изменения в компетенциях обучающихся произошли именно в результате учебного процесса, а не под влиянием других факторов.

Эффективность процесса обучения и развития научно-исследовательской компетентности зависит от мотивации и вовлеченности каждого обучающегося в познавательную деятельность [3]. В свою очередь, в условиях глобальной информатизации необходимо адаптировать используемые психолого-педагогические механизмы под задачи и цели, которые достигаются в процессе обучения, и тем самым актуализировать их для современных требований [4]. Указанные изменения привели к расширению (разработке и внедрению) новых методов оценивания, отвечающих требованиям современной образовательной парадигмы.

Оценка эффективности обучения выполняет несколько важных функций: диагностическую (выявление уровня знаний и навыков), мотивационную (стимулирование к дальнейшему обучению), информационную (обеспечение обратной связи) и прогностическую (определение потенциала дальнейшего развития). В современных условиях информационного прогресса парадигма оценивания меняется из простого инструмента контроля в многофункциональный механизм развития профессиональных (необходимых для дальнейшей деятельности) компетенций.

Цель работы заключается в определении и сравнении характеристик моделей и методов оценивания образовательных и научных достижений обучающихся, в т. ч. выявление сильных и слабых сторон методов оценивания.

Методы

При подготовке данной работы были использованы различные методы, позволившие глубоко проанализировать и систематизировать материал. Прежде всего мы опирались

на аналитический подход, который включал детальное изучение существующих моделей и методов оценивания, таких как модель Дональда Киркпатрика, таксономия Бенджамина Блума, целевой подход Ральфа Тайлера и т. п. Этот метод помог не только понять теоретические основы каждой модели, но и выявить их сильные и слабые стороны, а также определить, как они эволюционировали с течением времени.

Значительную роль сыграл сравнительный метод, который позволил сопоставить различные подходы к оцениванию, выделив их особенности и области применения. Был проведен сравнительный анализ методов оценивания, таких как диагностическое, формирующее и итоговое оценивание, а также самооценивание и взаимооценивание, чтобы показать, как эти инструменты дополняют друг друга в образовательной практике. Результаты этого анализа структурированы в таблице, что сделало их более наглядными и удобными для восприятия и понимания основных идей.

Кроме того, были систематизированы и классифицированы данные, которые способствовали распределению моделей и методов по их функциональному назначению и условиям реализации. Это позволило четко разграничить фундаментальные модели, такие как модель Киркпатрика, и современные методы, активно применяемые в педагогике сегодня. Для большей наглядности в тексте размещен иллюстративный материал – рисунки и схемы, например, таксономия Блума или модели Стафлебима, которые помогли визуализировать сложные концепции и сделать их более доступными для понимания.

Нельзя не отметить и теоретический анализ, который стал основой для осознания истоков и развития методов оценивания. Опора на идеи ключевых фигур педагогической науки, таких как Блум, Губа и Тайлер и т. д., позволила показать, как их концепции повлияли на современные образовательные практики. Наконец, синтетический подход объединил различные методы в единое целое, продемонстрировав, что наиболее эффективным в современной педагогике является их комбинированное применение с учетом востребованности образовательного процесса.

Результаты

В ходе проведения исследования были изучены фундаментальные модели оценивания образовательных результатов обучающихся (студентов, курсантов, адъюнктов / аспирантов). Далее перечислим и охарактеризуем основополагающие модели оценивания.

Модель Дональда Киркпатрика¹ является одной из фундаментальных моделей оценивания эффективности образовательного процесса. Как отмечается в исследовании М. Ф. Ворониной и Е. А. Карповой, «одним из первых, кто обратился к проблеме оценки эффективности обучения, по праву является Д. Киркпатрик» [5], который в 1959 году² предложил краткую характеристику, уточнив циклы обучения, указанные на рисунке 1³.

Рис. 1. Модель Д. Киркпатрика

Fig. 1. D. Kirkpatrick's model

¹ The Kirkpatrick model // Valamis : [website]. URL: <https://www.valamis.com/hub/kirkpatrick-model> (дата обращения: 01.04.2025).

² Модель оценки эффективности тренингов // 4brain : [сайт]. URL: <https://4brain.ru/blog/оценка-эффективности-тренингов/> (дата обращения: 01.04.2025).

³ Голубь А. А. Актуальность модели Д. Киркпатрика как инструмента оценки эффективности обучения персонала // Символ науки. 2019. № 5. С. 93–96.

Д. Киркпатрик выделяет четыре уровня оценки эффективности обучения:

1. *Реакция (Reaction)*. Насколько участники довольны обучением, как они восприняли его формат и содержание.

2. *Обучение (Learning)*. Что конкретно обучающиеся усвоили, насколько улучшились их знания и навыки (развились компетенции).

3. *Поведение (Behavior)*. Как изменились ежедневные рабочие привычки и прикладные навыки участников после обучения.

4. *Результаты (Results)*. В какой степени обучение повлияло на ключевые показатели, такие как производительность, эффективность, качество выполняемой работы и т. д.

Исследователи (М. Ф. Воронина, Е. А. Карпова) выделяют сильные стороны «модели Д. Киркпатрика, такие как:

- легкость восприятия и понимания программы обучения;
- детализация процесса обучения;
- возможность применения в различных сферах и направлениях деятельности;
- функционирование в качестве базовой основы для разработки других моделей оценки обучения» [2].

Несмотря на широкую известность модели Д. Киркпатрика, существуют и другие модели оценивания образовательных результатов и развития научно-исследовательских компетенций. По мнению М. Ф. Ворониной, Е. А. Карповой часто встречающимися и наиболее известными моделями оценивания являются: «модель Д. Киркпатрика; таксономия Б. Блума; модель Дж. Филипса; целевой подход Р. Тайлера; модель М. Скривена; модель Д. Л. Стафлебима; натуралистический подход Е. Г. Губа» [2].

Модель Джека Филипса, основанная на модели Д. Киркпатрика, дополняя ее и расширяя [6], была предложена в 1991 году. Данная модель состоит из пяти уровней (в т. ч. ROI – *Return on Investment*, возврат инвестиций). Указанный уровень выполняет функцию оценивания экономической эффективности обучения на основе вложенных затрат и полученного результата (экономической выгоды). Указанная модель Джека Филипса является наиболее значимой / ценной для корпоративного обучения, где основным является обоснование затраченных ресурсов и развитие персонала / обучающихся. Данную модель можно представить в виде рисунка 2, указав основные направления ее функционирования⁴.

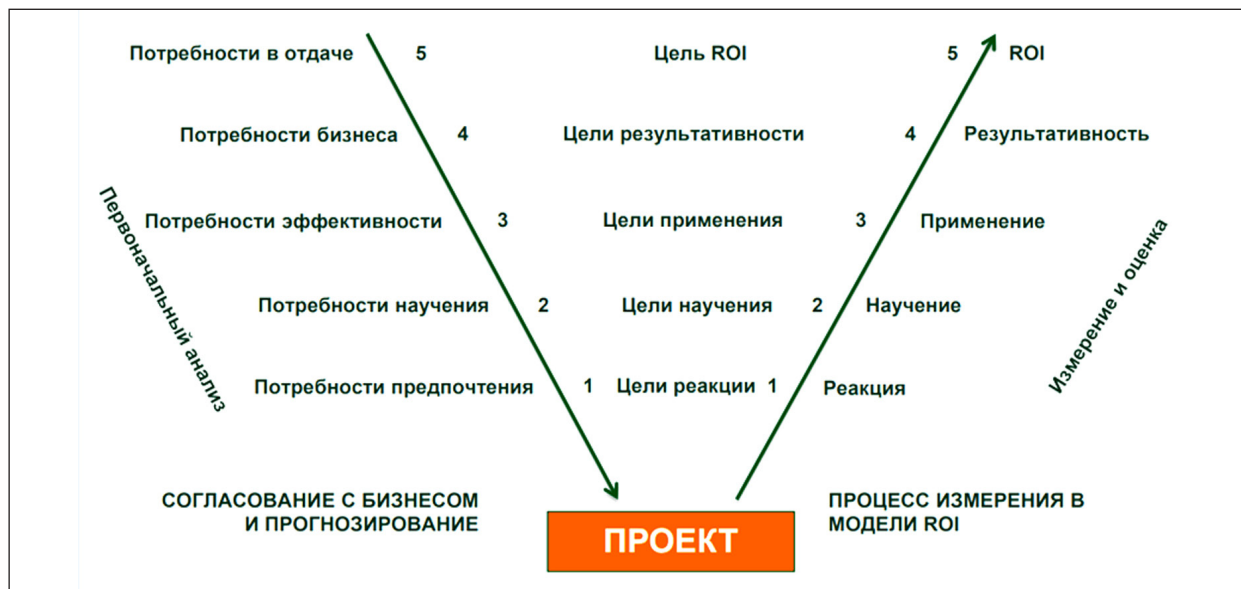

Рис. 2. Модель Джека Филипса
Fig. 2. Jack Phillips' model

Таксономия Бенджамина Блума представляет собой иерархическую классификацию образовательных целей, которая включает шесть уровней познавательной деятельности: знание, понимание, применение, анализ, синтез и оценку [7]. Каждый уровень соответствует определенному типу когнитивных процессов и требует специфических методов оценивания. Эта модель широко используется для разработки образовательных программ и систем оценивания,

⁴ Управление карьерой персонала // Сибирский Гурман : [сайт]. URL: <https://открой-сг.рф/eduhg> (дата обращения: 03.04.2025).

поскольку позволяет структурировать образовательные цели и соотносить их с конкретными результатами обучения (рисунок 3).

Суть таксономии в том, что она разбивает образовательный процесс на отдельные ступени или уровни, которые должен преодолеть обучающийся для освоения учебного материала. Каждая ступень представляет собой определенную образовательную цель и включает конкретные действия для ее достижения. Все образовательные цели расположены в иерархическом порядке, а значит, осваивать их нужно последовательно – от простого к сложному⁵.

Рис. 3. Таксономия образовательных целей Бенджамина Блума

Fig. 3. Benjamin Bloom's taxonomy of educational objectives

Необходимо отметить, что таксономия Б. Блума является сводом правил, которым необходимо следовать для достижения желаемого результата. Указанная теоретическая концепция может интерпретироваться и применяться по-разному, в зависимости от личностных характеристик и особенностей обучающихся или образовательного процесса [8].

Целевой подход Ральфа Тайлера направлен на постановку четких / определенных целей и задач обучения [9]. Тайлер считал, что цели любой деятельности должны быть конкретно определены и структурированы для снижения проблемных областей, возникающих в процессе обучения. Измерение результатов происходит путем составления списка конкретизированных целей и задач, которые показывают, как должно измениться поведение и какие компетенции должны быть развиты у обучающихся после прохождения обучения и практики. Тайлер предлагает формулировать образовательные цели в терминах ожидаемого поведения обучающихся и использовать данные формулировки для разработки инструментов оценивания. По завершении обучения проводится анализ данных об изменениях производительности (развитии компетенции определенной области деятельности) и качестве труда, их соотношение с показателями достижения целей обучения. Необходимо отметить, что указанный подход первоначально нашел отражение в отслеживании результатов в образовательной деятельности обучающихся. Далее на рисунке 4 можно отметить направление функционирования циклов оценивания целевого подхода Р. Тайлера [10].

Особенности целевого подхода Р. Тайлера заключаются в том, что акцент сделан на постановку четких целей и задач обучения. Автор методики считал, что их размытость приводит к появлению большого количества проблем в образовательной сфере⁶, поэтому необходимо четко придерживаться указанных целей и не отклоняться от их применения в процессе обучения.

⁵ Таксономия Блума: что это такое и зачем она педагогам и методистам // Skillbox : [сайт]. URL: <https://skillbox.ru/media/education/taksonomiya-bluma-cto-eto-takoe-i-zachem-ona-pedagogam-i-metodistam/> (дата обращения: 01.04.2025).

⁶ Чуланова О. Л. Оценка эффективности обучения: целевой подход Тайлера, модели Стафлебима, Берда CIRO, Скривенса // Studref.com : [сайт]. URL: https://studref.com/453559/menedzhment/otsenka_effektivnosti_obucheniya_tselevoy_podhod_taylera_modeli_staflebima_berda_ciro_skrivensa (дата обращения: 04.04.2025).

Рис. 4. Целевой подход Р. Тайлера (по П. Сенге)
Fig. 4. R. Tyler's goal-oriented approach (according to P. Senge)

Модель Майкла Скривена была предложена в 1967 году и более детально конкретизировала развитие обучающихся в процессе прохождения курса (цикла) или дисциплины⁷ [17]. Суть модели заключается в конечном результате обучения, который нужно соотносить с изначальной потребностью организации, в которой проводится обучение. Эта модель подчеркивает важность обратной связи (рефлексии) в процессе обучения. Условия функционирования указанной модели заключаются в следующем [11]:

- Участие внешнего эксперта. Ему не должно быть известно о поставленных целях и задачах обучения.
- Главная задача эксперта – определить ценность и затраченные ресурсы обучающего мероприятия на основе полученных результатов.
- Сбор данных различными методами (тесты, наблюдение и пр.).
- Систематизация и оценка полученных данных экспертом со стороны для получения объективной информации об эффективности образовательного процесса.

По мнению Майкла Скривена, оценка продуктивности обучения заключается в возможности отслеживания результатов со стороны эксперта и своевременной корректировки при возникновении трудностей или проблем [2]. В данном случае необходимо сказать о проблеме, встречающейся в модели Майкла Скривена, которая заключается в невозможности корректно оценить объективность самого эксперта, так как не существует единых стандартов экспертной деятельности. Следовательно, данные результатов оценивания могут отличаться у разных экспертов.

Модель Д. Л. Стафлебима (рисунок 5) известна как модель CIPP (Context, Input, Process, Product – контекст, вход, процесс, продукт). Она была разработана в 1971 году и направлена на оценку эффективности обучения [14]. Особенность данной модели заключается в возможности оценить не только полученные результаты, но и сам образовательный процесс (ресурсы и условия). Модель CIPP позволяет оценивать программу до ее начала, помогая экспертам оценить потребность в ней, а в завершение показать, была ли программа эффективной. Сильная сторона модели Д. Л. Стафлебима заключается в комплексной реализации всех элементов оценивания, корреляции, прогнозов и результатов развития в процессе обучения. Слабая сторона указанной модели – в недостаточной детализации каждого этапа и способов его применения на практике [12].

Натуралистический подход Е. Г. Губы был описан в работе “*Toward a methodology of naturalistic inquiry in educational evaluation*”⁸. Указанный подход направлен на оценивание эффективности обучающих мероприятий. По мнению Р. Г. Доброва, «суть подхода Е. Г. Губы заключается во взаимодействии участников мероприятия и проявлении доверия к самому обучающему мероприятию» [13]. Методы установления обоснованности обучения в натуралистическом подходе включают в себя триангуляцию («оценка третьим»), перекрестный опрос и наблюдение [14].

⁷ Матвеева Н. В., Шадрин А. А. Технология формирующего оценивания // Студенческий научный форум : материалы XIV Международной студенческой научной конференции. URL: <https://scienceforum.ru/2022/article/2018030271> (дата обращения: 04.04.2025).

⁸ Guba E. *Toward a methodology of naturalistic inquiry in educational evaluation*. Los Angeles : University of California, 1978. 86 p.

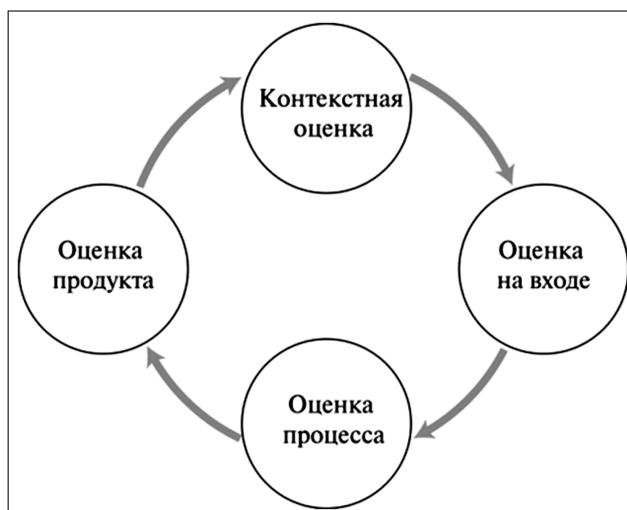

Рис. 5. Модель Стафлебима (по Е. Макота)
Fig. 5. D. L. Stufflebeam's model (according to E. Makota)

Данный подход направлен на открытость всех участников процесса, на их сотрудничество. Преподаватель в данном случае выступает в роли наблюдателя за образовательным процессом и контролера. Автор акцентирует внимание на активном взаимодействии всех участников и проявлении доверия к качеству проводимого мероприятия.

Все модели оценивания имеют специфические условия реализации и направления применения. Каждая из приведенных моделей оценивания имеет сильные и слабые стороны. Выбор каждой модели по отдельности зависит от конкретных целей и задач оценивания, контекста обучения и доступных ресурсов. Можно заметить, что модели оценивания на практике чаще всего используются комплексно (комбинированно), что необходимо для получения истинных (проверяемых) результатов и получения более полной и объективной оценки обучения или достижения желаемых результатов (развитие компетенций обучающихся).

Положительные стороны указанных выше моделей оценивания заключаются в следующем:

1. *Фундаментальность и универсальность* применения и функционирования моделей оценивания. Модели оценивания, указанные в работе, заложили основы современных систем оценивания. Эта иерархия применима в современных условиях, т. к. позволяет адаптировать обучение к индивидуальным потребностям и компетенциям.

2. *Адаптивность к компетентностному подходу* акцентирует внимание на четкой постановке целей и измерении результатов, что соответствует современным требованиям компетентностного подхода.

3. *Гибкость и комбинированное применение* (например, модель Д. Л. Стафлебима, хотя и разработана в 1971 году на идеях 50–60-х гг. и предлагает комплексный подход, оценивающий контекст, ресурсы, процесс и продукт, является актуальной и вполне применима к современным образовательным системам, где требуется интеграция различных аспектов обучения, включая цифровые технологии).

4. *Фокус на обратной связи и рефлексии*, указанный в модели М. Скривена, подчеркивает важность оценивания и обратной связи, что соответствует современным требованиям к прозрачности и объективности (активно используемые сегодня).

5. *Эволюция образовательных парадигм*, основанных на трудах Б. Блума, Е. Г. Губы, Д. Киркпатрика, М. Скривена, Д. Л. Стафлебима, Р. Тайлера, Дж. Филиппса, способствовала переходу от формального контроля знаний к многофункциональным системам оценивания, включающими мотивацию, диагностику и прогнозирование. Это делает идеи указанных авторов актуальными в условиях информационного общества, когда акцент смещается на развитие метапредметных навыков и критического мышления.

В свою очередь, фундаментальные модели оценивания способствовали развитию используемых сейчас методов оценивания (образовательных результатов и научно-исследовательской деятельности обучающихся):

Диагностическое оценивание – это первоначальный этап оценки, направленный на получение данных об обучающихся, готовности к осуществлению деятельности, определении целей и мотивов. На данном этапе происходит в т. ч. определение уровня знаний, умений и навыков

(компетенций), которыми владеют обучающиеся до прохождения нового этапа обучения. Цель диагностического оценивания заключается в определении индивидуальных особенностей, сильных и слабых сторон каждого обучающегося для построения траектории развития. Указанный этап предоставляет ценность для разработки и адаптации образовательной программы (курса, дисциплины) под нужды и особенности обучающихся [15].

Диагностическое оценивание не ставит перед собой задачу выставления оценок обучающимся, а служит инструментом для планирования дальнейшей деятельности. В данном случае диагностическое оценивание может реализовываться и осуществляться с помощью тестов, опросников, анкет, наблюдения и анализа ранее достигнутых достижений. Важно отметить, что диагностика должна быть объективной и непринужденной для обучающихся.

Одним из теоретиков, заложивших основы указанного метода оценивания, можно назвать Джона Дьюи (начало XX века), который подчеркнул важность определения особенностей каждого обучающегося перед началом обучения [16]. В 1950-х гг. Бенджамин Блум разработал таксономию образовательных целей для понимания того, что необходимо преподавателю для эффективного построения образовательного процесса и достижения желаемого результата [16]. Его идеи о классификации знаний и навыков легли в основу многих диагностических систем. Также необходимо отметить работы Льва Выготского, который подчеркивал важность учета зоны ближайшего развития для определения потенциала⁹. Сейчас данный метод оценивания активно применяют образовательные организации и преподаватели с использованием информационного пространства с целью отслеживания результатов обучающихся.

Следующий рассматриваемый метод – **формирующее оценивание**. Данный метод оценивания в большинстве случаев следует после диагностического. Формирующее оценивание – это целенаправленный процесс, реализуемый в определенном промежутке времени и направленный на поддержание и корректировку деятельности обучающихся в процессе прохождения курса или дисциплины. Данный метод не фиксирует результат, а помогает преподавателям или обучающимся скорректировать (найти решение) проблем, которые возникают в процессе обучения. Особенность данного метода заключается в активном осуществлении обратной связи со стороны обучающихся. Формирующее оценивание может включать комментарии, мини-тесты, обсуждения, портфолио и даже самоанализ. Оно особенно эффективно в ситуациях, когда важно развивать метапредметные навыки, такие как рефлексия и саморегуляция.

Автор, который заметно повлиял на развитие данного подхода, – Пол Блэк. Его исследования (совместно с Диланом Уильямом) показали, что регулярное формирующее оценивание значительно повышает успеваемость¹⁰. Эти ученые ввели концепцию «оценки для обучения» (*assessment for learning*), подчеркивая, что главная цель – не контроль, а поддержка [17].

Самооценивание как метод оценивания заключается в самостоятельной оценке обучающимся своих достижений и сравнения их с установленными критериями или личными целями. Указанный метод оценивания способствует развитию ответственности, самостоятельности и критического мышления. Самооценивание направлено на развитие рефлексивных навыков, которые являются неотъемлемым элементом образовательного процесса. Обучающиеся самостоятельно пытаются отследить свои сильные и слабые стороны, определяют цели, которых необходимо достигнуть, и планируют дальнейшую образовательную или научно-исследовательскую деятельность. Для успешной реализации самооценивания необходимо определить четкие и понятные всей аудитории критерии оценивания, а также обеспечить контроль и поддержку обучающихся преподавателем или научным руководителем.

Авторитетным теоретиком в этой области является Джон Хэтти, который в своих исследованиях о видимом обучении (*Visible Learning*) показал, что самооценивание значительно повышает мотивацию и эффективность, если оно правильно организовано [17]. Также идеи самооценивания перекликаются с подходами Карла Роджерса, который подчеркивал важность самоактуализации в обучении [5].

Следующим инструментом оценивания образовательных результатов или определенной деятельности является **взаимооценивание**. Указанный метод предполагает оценку полученных результатов коллег (обучающихся, одноклассников) по заранее разработанным критериям. Взаимооценивание развивает коммуникативную компетенцию, критическую компетенцию на осуществляемую деятельность.

⁹ Павловская Г. Выготский Л. С. и понятие «зона ближайшего развития» // ПсихПоиск : [сайт]. URL: <https://psychosearch.ru/teoriya/vospitanie/376-l-s-vygotskij-i-ponyatie-zona-blizhajshego-razvitiya> (дата обращения: 07.04.2025).

¹⁰ Black W. Assessment for Learning // Teaching Expertise : [website]. URL: <https://www.teachingexpertise.com/articles/black-wiliam-and-assessment-for-learning/> (дата обращения: 07.04.2025).

Взаимооценивание направлено на открытое сотрудничество на всем протяжении указанной деятельности (образовательный процесс – выполнение задания; научно-исследовательская деятельность – написание реферата, статьи). Для достижения желаемого результата при использовании данного метода необходимо избегать субъективности и конфликтов, которые могут возникнуть между участниками процесса.

Авторами, внесшими значительный вклад в развитие этого метода оценивания, можно назвать Дэвида Джонсона и Роджера Джонсона, которые изучали кооперативное обучение [18]. Их исследования показали, что совместная работа и оценка друг друга повышают вовлеченность в образовательную деятельность и результаты обучения [19].

Другим популярным методом оценивания достигнутых результатов в любой области деятельности (образовательной, научно-исследовательской) является **критериальное оценивание**. Указанный метод заключается в сопоставлении достигнутых результатов или проделанной работы, индивидуальных достижений обучающегося с критериями, которые были определены заранее, а не в сравнении с достижениями других участников. В соответствии с заранее разработанными критериями оценивания данный метод ориентирован на объективность, прозрачность и справедливость организуемого процесса. Перед реализацией критериального оценивания руководитель проводимого мероприятия (преподаватель) знакомит всех участников мероприятия / процесса (образовательного, научно-исследовательского) с критериями, по которым будет происходить оценка. Данная особенность организации метода помогает обучающимся понять, чего от них ожидают и что им нужно сделать для достижения поставленного результата. Критериальное оценивание является популярным методом оценивания в рамках компетентностного подхода к образованию.

Теоретическую основу критериального оценивания заложили Грант Виггинс и Джей Мактейг, которые разработали модель “*Understanding by Design*” (Понимание через проектирование) [20]. Они подчеркивали, что оценка должна быть связана с реальными задачами и ожиданиями.

Заключительным этапом реализации всех методов оценивания является применение **итогового (суммативного) оценивания**. Указанный метод оценивания проводится по завершении определенного этапа / цикла (например, курса, дисциплины или блока занятий) и направлен на оценку полученных в ходе осуществления научно-исследовательской деятельности или образовательного процесса результатов и сравнение их с установленными задачами и целями (стандартами). Итоговое оценивание направлено на констатацию и фиксацию полученных достижений по окончании деятельности и чаще всего выражается в оценках, тестах, экзаменах или защите проекта. Такой метод оценивания активно применяется для аттестации и сертификации обучающихся, чтобы понять, каких успехов смог добиться участник процесса. Итоговое оценивание, в отличие от формирующего оценивания, является менее гибким и часто воспринимается как формальное.

Теоретическую базу этого метода можно найти в работах Ральфа Тайлера, который разработал модель оценки образовательных достижений, основанную на четких критериях и целях обучения [12]. Ценны идеи Майкла Скрибнера, который подчеркивал необходимость связи оценки с реальными результатами [21].

Оценивание в образовании – это процесс, который эволюционировал на протяжении десятилетий, отражая изменения в педагогических теориях, социальных потребностях и технологических возможностях. Каждый из рассмотренных методов имеет свои корни, ключевые этапы развития и современные интерпретации. В таблице 1 структурированы и указаны сильные и слабые стороны вышеперечисленных методов оценивания.

Все методы прошли путь от простых, часто интуитивных практик к сложным, научно обоснованным системам. В XX веке оценивание было преимущественно суммативным и формальным, но с 1980-х годов начался переход к более гибким подходам, ориентированным на обучающихся. Роль технологий, таких как искусственный интеллект, большие данные и онлайн-платформы, в XXI веке значительно активизировала возможности этих методов, сделав их более персонализированными и интерактивными [22].

3 заключение

Такие авторитетные ученые, как Б. Блум, Е. Г. Губа, Д. Киркпатрик, М. Скривен, Д. Л. Стаффлбим, Р. Тайлер, Дж. Филипс, не только заложили теоретические основы оценивания, но и вдохновили педагогов на постоянное его совершенствование. Сегодня методы оценивания часто

Таблица 1

Сравнение характеристик методов оценивания

Table 1

Comparison of assessment method characteristics

Метод оценивания	Сильные стороны	Слабые стороны
Диагностический	Индивидуализация обучения; предупреждение проблем; обоснованность планирования; мотивация	Ограниченная точность; временные затраты; стресс обучающегося; отсутствие пользы
Формирующий	Поддержка обучения; развитие рефлексии; гибкость; повышение мотивации	Высокие требования к преподавателю; риск субъективности; перегрузка информацией; ограниченная формальность
Самооценивание	Развитие самостоятельности; личностный рост; экономия времени преподавателя; индивидуальный подход	Субъективность; зависимость от навыков; риск самообмана; ограниченная объективность
Взаимооценивание	Развитие социальных навыков; гибкость и интерактивность; разнообразие точек зрения; экономия ресурсов	Риск предвзятости; недостаток опыта; конфликты; ограниченная формальность
Критериальное	Прозрачность; Справедливость; мотивация к улучшению; гибкость применения	сложность разработки; риск формализма; зависимость от качества критериев; ограниченная обратная связь
Итоговое	Объективность и стандартизация; ясность итогов; мотивация к подготовке; универсальность	Давление и стресс; ограниченная обратная связь; игнорирование процесса; риск формализма

комбинируются, создавая гибридные системы оценки, которые балансируют между академическими стандартами и развитием личности обучающегося.

Указанные в работе модели и методы оценивания имеют свои цели и задачи, которые могут быть достигнуты при использовании как одного элемента, так и комплекса элементов оценивания деятельности (образовательной, научно-исследовательской). Диагностическое, формирующее и итоговое оценивание чаще всего используются совместно при отслеживании результатов обучающихся, в то же время, поддерживая их на пути к успеху. В свою очередь итоговое оценивание, например, в формате зачета или экзамена, показывает, каких результатов достиг обучающийся в процессе обучения. Самооценивание и взаимооценивание способствуют развитию самостоятельности и коммуникативности обучающихся, а критериальное оценивание обеспечивает прозрачность и справедливость всего процесса. В современной педагогике часто используется комбинация методов, чтобы компенсировать их слабые стороны и максимизировать преимущества.

Комбинированное использование диагностического, формирующего, критериального и итогового оценивания позволяет образовательным организациям высшего образования достигать целей в реализации образовательных программ, соответствующих федеральных государственных образовательных стандартов, развивать у обучающихся (студентов, курсантов, адъюнктов / аспирантов) критическое мышление, мотивацию и метапредметные навыки. Перспективы дальнейших исследований связаны с интеграцией цифровых технологий, таких как платформы онлайн-оценивания, для повышения персонализации и эффективности образовательного процесса в образовательных организациях высшего образования.

Список источников

1. Моргачева Н. В., Щербатых С. В., Сотникова Е. Б. Оценка и анализ уровня естественно-научной грамотности студентов // Перспективы науки и образования : электронный журнал. 2023. № 2 (62). С. 66–84. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.2.4>
2. Воронина М. Ф., Карпова Е. А. Модели оценки эффективности обучения в контексте компетентностного подхода // Социология и право. 2016. № 1 (31). С. 27–37.
3. Бакурова Е. Н., Парицкая Т. А., Кудрявцева О. М., Черновол М. П. Профессионально-ориентированный дистанционный курс на иностранном языке как основа формирования научно-исследовательских умений студентов вуза // Перспективы науки и образования : электронный журнал. 2023. № 2 (62). С. 262–279. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.2.15>
4. Лобейко Ю. А. Информатизация образовательной системы: психолого-педагогические аспекты // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 20. С. 43–48.
5. Воробьев Н. Е., Низовая Т. Н. Гуманистические идеи К. Роджерса в современной теории и практике обучения и воспитания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 1. С. 71–76.
6. Гиниятуллина А. А., Каримова С. А. Применение модели Джека Филиппа для оценки эффективности инвестиций в обучение персонала предприятия (на примере компании «УК „Татбурнефть“») // Булатовские чтения. 2017. Т. 5. С. 161–164.
7. Султанова Г. С. Таксономия Блума как инструмент интеллектуально развивающего обучения студентов // Высшее образование сегодня. 2019. № 1. С. 14–19. <https://doi.org/10.25586/RNU.NET.19.01.P.14>
8. Хмельницкая Н. И. Таксономия Блума как основа оценивания результатов обучения студентов // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2008. № 2. С. 77–81.
9. Чурукаева И. В., Кукушкин С. Г. Модели оценки эффективности обучения персонала // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2010. № 6. С. 276–277.
10. Сенге П. М. Пятая дисциплина : Искусство и практика обучающейся организации / под ред. Ю. Потемкиной ; перевод. Ю. Константиновой. Москва : МИФ, 2018. 496 с.
11. Казакова М. И., Селиванова Т. В. Оценка эффективности обучения персонала в условиях цифровизации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7, № 4 (26). С. 435–443. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-435-443>
12. Пеши А. В., Коропец О. А. Анализ релевантности существующих моделей оценки эффективности корпоративного обучения и развития персонала // Современное образование. 2017. № 3. С. 83–95. <https://doi.org/10.25136/2409-8736.2017.3.24000>
13. Добров Р. Г. Сравнительный анализ моделей оценки эффективности обучающих мероприятий в системе внутрикорпоративного обучения // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2013. № 5 (108). С. 65–69.
14. Долженко Р. А., Илюшников К. К. Оценка эффективности корпоративного обучения: эволюция подходов и перспективы // Вестник НГУЭУ. 2018. № 3. С. 26–43.
15. Гусева Н. В. Балльно-рейтинговая система как эффективное средство педагогической диагностики при обучении иностранному языку курсантов военных вузов // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 151–153.
16. Томина Е. Ф. Педагогические идеи Джона Дьюи: история и современность // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 2 (121). С. 360–366.
17. Борисенко Н. А. «Барометр влияния», или Какие факторы оказывают наибольшее воздействие на обучение. Рецензия на книгу: Джон Хэтти «Видимое обучение» // Вопросы образования. 2018. № 1. С. 257–265. <https://doi.org/0.17323/1814-9545-2018-1-257-265>
18. Smith K. A. Cooperative learning: Making “group work” // New Directions for Teaching and Learning. 1996. № 67. P. 71–82. <https://doi.org/10.1002/tl.37219966709>
19. Гаврилова Т. В. Виды совместного обучения за рубежом и в России // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 42–45.
20. Сун Л., Ковалева А. Г. Применение модели understanding by design («обратного проектирования учебного процесса») для обучения чтению и письму на китайском языке // Отечественная и зарубежная педагогика. 2024. Т. 1, № 1 (97). С. 92–107. <https://doi.org/0.24412/2224-0772-2024-97-92-107>
21. Scriven M. The Methodology of Evaluation // Tyler R., Gagné R., Scriven M. (eds.) Perspectives of Curriculum Evaluation (AERA Monograph Series on Curriculum Evaluation, № 1). Chicago : Rand McNally, 1967. P. 39–83.
22. Ерофеева М. А., Кузнецов М. Ю., Кодиров Б. Р. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в научно-исследовательской деятельности обучающихся (адъюнктов / аспирантов, студентов) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2024. № 3. С. 19–22.

Вклад авторов:

Ерофеева М. А. – концептуализация; развитие методологии; руководство исследованием, верификация данных; написание замечаний; редактирование исходного текста; итоговые выводы.

Кузнецов М. Ю. – проведение исследования; верификация данных; итоговые выводы; создание рукописи; визуализация.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contributions:

M. A. Yerofeeva – conceptualisation; methodology development; research supervision, data verification; writing comments; editing the original text; final conclusions.

M. Yu. Kuznetsov – conducting research; data verification; final conclusions; preparing the text; visualisation.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 796.01

Комплексное воспитание физических качеств у курсантов образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, занимающихся служебно-прикладным видом спорта «Преодоление полосы препятствий со стрельбой»

Александр Николаевич Кандабар¹

Владимир Львович Дементьев², доктор педагогических наук, профессор

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

Москва (117997, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация

¹ kandikk@mail.ru, ² vlad.an@list.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0003-9735-930X>, ² <https://orcid.org/0009-0007-3929-3735>

Аннотация:

Введение. Актуальность представленной работы определяется экспериментальным обоснованием по определению соотношения видов подготовки в тренировочном процессе курсантов, занимающихся служебно-прикладным видом спорта «Преодоление полосы препятствий со стрельбой», а именно скоростно-силовой подготовки и выносливости (общей и специальной). В педагогическом исследовании проведено соотношение базовых вариантов, т. е. применяемых средств различных видов подготовки на физическое развитие и спортивную подготовленность испытуемых.

Цель исследования заключалась в проведении педагогического исследования по определению эффективного построения тренировочного процесса, направленного на комплексное развитие скоростно-силовой подготовленности (быстроты, силы) и выносливости курсантов, занимающихся служебно-прикладным видом спорта «Преодоление полосы препятствий со стрельбой».

Методы. В ходе исследования применялись следующие методы: наблюдение, тестирование, педагогический эксперимент, методы математической статистики. Педагогический эксперимент проводился в течение учебного года. В начале и конце каждого учебного семестра проводилось комплексное тестирование с целью определения уровня физической подготовленности испытуемых курсантов и мониторинга эффективности тренировочного процесса.

Результаты. Проведение тренировочного процесса, тестирования и контрольных испытаний, а также последующий анализ полученных результатов развития скоростно-силовой подготовленности (быстроты, силы) и выносливости испытуемых курсантов дали возможность обосновать наиболее эффективный вариант соотношения различных видов подготовки, который максимально положительно влияет на физическое развитие и спортивную подготовленность курсантов-спортсменов к соревнованиям.

Ключевые слова:

физические качества, быстрота, сила, выносливость, курсанты-спортсмены, тренировочный процесс, служебно-прикладные виды спорта, диагностическое оценивание, формирующее оценивание, самооценивание

Для цитирования:

Кандабар А. Н., Дементьев В. Л. Комплексное воспитание физических качеств у курсантов образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, занимающихся служебно-прикладным видом спорта «Преодоление полосы препятствий со стрельбой» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 209–214.

Статья поступила в редакцию 23.04.2025; одобрена после рецензирования 11.08.2025; принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Comprehensive training of physical qualities in cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia engaged in the service and applied sport of “Overcoming an obstacle course with shooting”

Alexander N. Kandabar¹,

Vladimir L. Dementiev², Doc. Sci. (Ped.), Professor

^{1,2} Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot

12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation

¹ kandikk@mail.ru, ² vlad.an@list.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0003-9735-930X>, ² <https://orcid.org/0009-0007-3929-3735>

© Кандабар А. Н., Дементьев В. Л., 2025

Abstract:

Introduction. The relevance of this study is determined by experimental findings on the ratio of training types in the training process of cadets engaged in the service and applied sport of "Overcoming an obstacle course with shooting". Specifically, it focuses on the role of speed-strength training and endurance (both general and special). The pedagogical study examines the basic options, i.e. various types of training used for the physical development and athletic fitness of the cadets.

The objective of the study was to conduct pedagogical research to determine the effective structure of the training process aimed at the comprehensive development of speed and strength training (speed, strength) and endurance of cadets engaged in the service and applied sport of "Overcoming an obstacle course with shooting".

Methods. Observation, testing, pedagogical experiment and methods of mathematical statistics were used in this study. The pedagogical experiment was conducted over the course of the academic year. At the beginning and the end of each academic semester, comprehensive testing was conducted to measure the physical fitness level of the cadets and to evaluate the effectiveness of the training program.

The results. The training process, testing and test evaluation, as well as the subsequent analysis of the results obtained in the development of speed-strength training (speed, strength) and endurance of the cadets, made it possible to ascertain the most effective combination of different types of training that has the most positive effect on the physical development and athletic preparedness of cadets-sportsmen for competitions.

Keywords:

physical qualities, speed, strength, endurance, cadets-sportsmen, training process, service and applied sports, diagnostic assessment, formative assessment, self-assessment

For citation:

Kandabar A. N., Dementiev V. L. Comprehensive training of physical qualities in cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia engaged in the service and applied sport of "Overcoming an obstacle course with shooting" // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 3 (107). P. 209–214.

The article was submitted April 23, 2025;
approved after reviewing August 11, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Специалисты на основе проведенных исследований убедительно доказали, что одновременное воспитание быстроты, силы и выносливости в определенном соотношении в тренировочном процессе у спортсменов, выступающих в различных видах спорта, ведет к более благоприятным сдвигам в их подготовленности, чем развитие одного из этих качеств [1; 2]. Принцип комплексного воспитания физических качеств приобретает особое значение в служебно-прикладных видах спорта, будучи не просто способом улучшения спортивных результатов, но ключевым условием формирования надежной профессиональной работоспособности в экстремальных условиях, требующих мгновенного переключения между мощными усилиями, скоростными действиями и длительной напряженной работой [3]. Не вызывает сомнения, что чем лучше развиты физические качества у спортсмена, тем успешнее и легче он осваивает технику избранного вида спорта [4–6]. В то же время необходимо отметить, что развитию выделенных физических качеств у курсантов образовательных организаций системы МВД России, занимающихся и выступающих в служебно-прикладных видах спорта на основе комплексной подготовки, уделяется все еще недостаточное внимание. Между тем такая подготовка необходима для наиболее полного использования функциональных возможностей и совершенствования всех сторон деятельности организма, которые определяют уровень спортивной работоспособности [7–10], а главное, позволяет формировать необходимые профессиональные компетенции и качества у будущих сотрудников органов внутренних дел на более высоком уровне.

В настоящее время имеются исследования по обоснованию методик развития быстроты у курсантов образовательных организаций системы МВД России¹ [11–14], специальной выносливости [15–17]. А вот вопросы рационального соотношения скоростно-силовой подготовки и выносливости у курсантов, выступающих в служебно-прикладных видах спорта, не подвергались экспериментальным исследованиям.

Цель представленной работы заключалась в проведении педагогического исследования по определению эффективного построения тренировочного процесса, направленного на комплексное развитие скоростно-силовой подготовленности (быстроты, силы) и выносливости курсантов, занимающихся служебно-прикладным видом спорта «Преодоление полосы препятствий со стрельбой».

Для достижения поставленной цели потребовалось решить следующие основные задачи: 1) определить базовые варианты соотношения скоростно-силовой подготовки и выносливости (общей и специальной) в тренировочном процессе испытуемых курсантов; 2) оценить влияние данных базовых вариантов, т. е. применяемых средств различных видов подготовки на физическое развитие и спортивную подготовленность занимающихся. Эффективность применяемых вариантов средств на учебно-тренировочных занятиях определялась по результатам развития физических качеств, спортивным результатам в соревнованиях по преодолению полосы препятствий со стрельбой и легкоатлетическому кроссу, а также по физиологическим показателям.

¹ Морковкин Д. С., Скороходов Л. А. Роль физической подготовки для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / Здоровье сбережение как инновационный аспект современного образования : материалы III Международной научно-практической заочной студенческой конференции, г. Екатеринбург, 21 марта 2016 г. Екатеринбург : Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2016. С. 178–186.

Методы

Для решения поставленных задач применялся комплекс педагогических методов исследования: наблюдение, тестирование, педагогический эксперимент, методы математической статистики. Полученный в ходе исследования материал обрабатывался с использованием метода вариационной статистики (по Стьюденту). Методы обработки и табличные значения критериев Стьюдента взяты по Б. А. Ашмарину «Теория и методика педагогических исследований в физическом воспитании»². Педагогическое наблюдение проводилось в процессе секционных занятий с курсантами по служебно-прикладному виду спорта «Преодоление полосы препятствий со стрельбой». В рамках педагогического наблюдения обращалось: на методику проведения учебных занятий; применяемые методы и средства; объем и интенсивность физических нагрузок; состав средств общей и специальной физической подготовки. Педагогический эксперимент проводился с целью экспериментальной проверки предлагаемого в исследовании тренировочного процесса, направленного на комплексное развитие скоростно-силовой подготовленности (быстроты, силы) и выносливости курсантов, занимающихся служебно-прикладным видом спорта «Преодоление полосы препятствий со стрельбой». Для оценки уровня физической подготовленности применялись стандартные контрольные испытания (тесты), широко используемые в педагогической и экспериментальной практике, которые дают возможность объективно оценить развитие физических качеств. Система тестов, определяющих уровень развития силы, быстроты и выносливости: жим штанги лежа; прыжок в длину с места толчком двумя ногами; подъем туловища из положения лежа на спине в течение 1 минуты; челночный бег 10 × 10 м; сгибание и разгибание рук в упоре лежа за 30 секунд; подтягивание на перекладине; бег на 60 м; бег на 1 000 м; тест Г. П. Богданова «Оценка выносливости по 6-минутному бегу»; контрольное прохождение полосы препятствий. Также определялась сила отдельных мышечных групп, на которые приходится основная нагрузка при преодолении элементов полосы препятствий.

Исследования проводились в течение одиннадцати месяцев (с 1 сентября 2023 г. по 31 июля 2024 г.) и были разделены на два семестра в двух группах испытуемых курсантов, занимающихся в секции по служебно-прикладному виду спорта «Преодоление полосы препятствий со стрельбой».

В первой экспериментальной группе в первом семестре обучения скоростно-силовой подготовке уделялось 35 %, а развитию общей выносливости – 65 % времени. Во второй группе – соответственно 60 % и 40 %. Во втором семестре обучения в обеих группах 40 % времени основной части учебно-тренировочного занятия отводилось упражнениям скоростно-силового характера и упражнениям, развивающим общую и специальную выносливость, соответственно, 40 % и 20 % в первой группе, а во второй группе – 20 % и 40 % (рисунок 1).

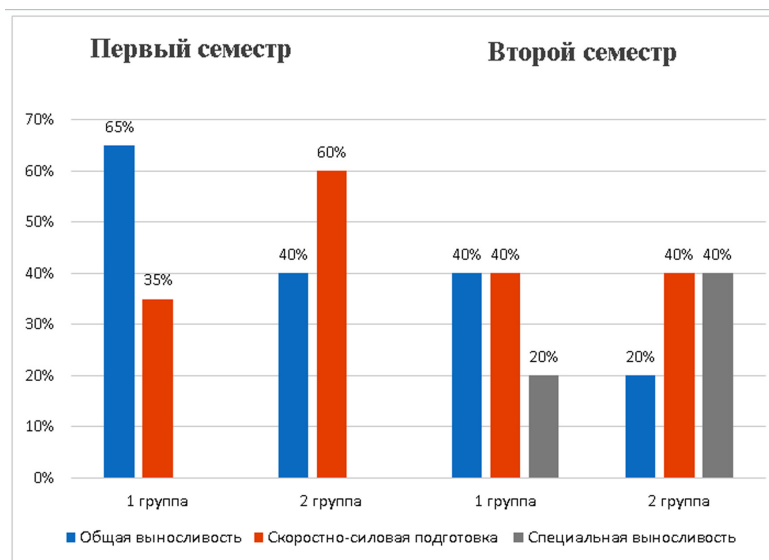

Рис. 1. Варианты соотношения скоростно-силовой подготовки и выносливости (общей и специальной) в тренировочном процессе испытуемых курсантов
Fig. 1: Options for the ratio of speed-strength training and endurance (general and specific) in the cadets' training process

Во второй экспериментальной группе основное внимание обращалось на разностороннюю подготовку с применением средств скоростно-силового характера.

² Ашмарин Б. А. Теория и методика педагогических исследований в физическом воспитании : пособие. Москва : Физкультура и спорт, 1978. 223 с.

Результаты

Как показали данные педагогического эксперимента, с сентября 2023 года по июль 2024 года (первый семестр обучения) в обеих группах произошло улучшение показателей контрольных испытаний. Однако сдвиги в среднегрупповых показателях у групп испытуемых оказались неодинаковы. Например, после первого семестра обучения в первой и второй группах результаты улучшились соответственно: бег 60 м – на 1,3 % и 1,1 %; прыжок в длину с места толчком двумя ногами – на 2,5 % и 4,1 %; жим штанги лежа – на 1,5 % и 1,8 %; подъем туловища из положения лежа на спине в течение 1 минуты – на 2 % и 4,2 %; челночный бег 10 × 10 м – на 1,9 % и 4,7 %; сгибание и разгибание рук в упоре лежа за 30 с – на 1,7 % и 1,6 %; подтягивание на перекладине – на 0,9 % и 0,7 %; бег 1 000 м – на 2,1 % и 1,9 %; тест Г. П. Богданова «Оценка выносливости по 6-минутному бегу» – на 1,8 % и 1,6 %; контрольное прохождение полосы препятствий – на 2,1 % и 2,0 %.

При этом статистическая обработка полученных материалов не выявила достоверных различий между экспериментальными группами ($p > 0,5$), кроме результатов, продемонстрированных испытуемыми при сдаче следующих нормативов: прыжок в длину с места толчком двумя ногами, подъем туловища из положения лежа на спине в течение 1 мин, челночный бег 10 × 10 м, в которых зафиксированы статистически достоверные различия ($p \leq 0,5$).

После проведения педагогического эксперимента (два семестра обучения) контрольные показатели испытуемых второй экспериментальной группы значительно превосходили результаты спортсменов первой группы. В беге на 60 м в первой группе результат улучшился на 1,8 % (0,92 с), а во второй – на 4,2 % (1,5 с); в прыжке в длину с места толчком двумя ногами соответственно – 3 % (32 см) и 6,2 % (72 см); в показателях жима штанги лежа – 2,3 % (6,8 кг) и 5,1 % (12,5 кг); в подъеме туловища из положения лежа на спине в течение 1 мин. – 3,9 % (9 повторений) и 8,1 % (18 повторений); в челночном беге 10 × 10 м 3,3 % (1,4 с) и 7,4 % (2,4 с); в сгибании и разгибании рук в упоре лежа 3,9 % (13 повторений) и 9,4 % (23 повторения); в подтягивании на перекладине 3,5 % (4 повторения) и 6,9 % (9 повторений); в беге на 1 000 м – 3 % (7 сек.) и 7 % (16 с); в тесте Г. П. Богданова «Оценка выносливости по 6-минутному бегу» – 2,8 % (80 м) и 7,8 % (160 м); в контрольном прохождении полосы препятствий – 2,7 % (5 с) и 5,6 % (12 с).

Полученные материалы выявили различия в большинстве изучаемых среднегрупповых показателей между группами, что указывает на лучшее соотношение видов подготовки во второй группе испытуемых курсантов или, другими словами, на большую эффективность средств, применяемых в тренировочном процессе испытуемых второй группы (рисунок 2). За время эксперимента у испытуемых первой группы сумма абсолютной силы увеличилась на 3,5 %, а относительная силы – на 18,72 %. Во второй группе аналогичные показатели увеличились на 49,78 % и на 27,44 % соответственно. Сумма абсолютной силы у испытуемых первой группы повысилась на 36,09 %, а относительная силы этих мышц – на 16,16 %. Во второй группе аналогичные показатели увеличились на 49,06 % и 25,62 % соответственно.

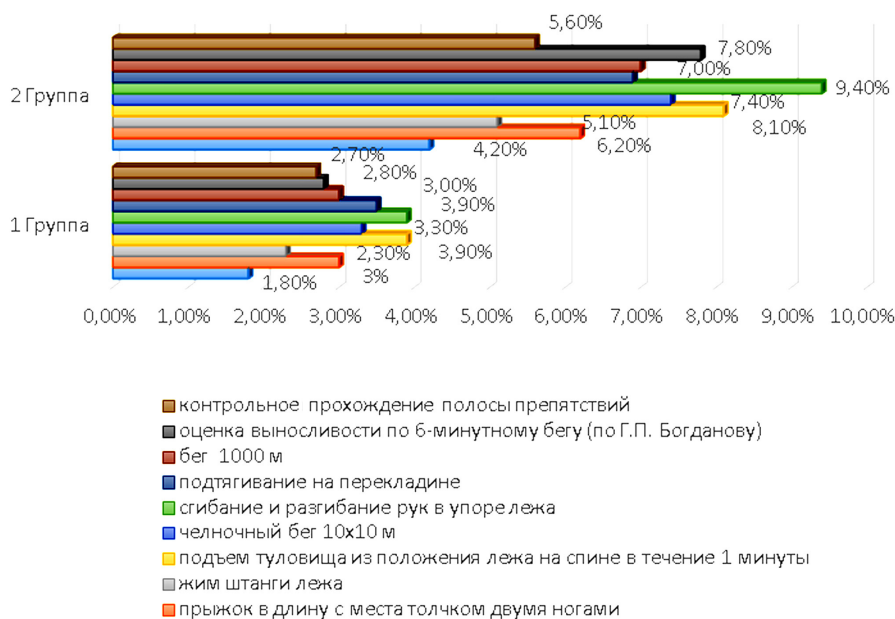

Рис. 2. Анализ результатов испытуемых после двух семестров обучения (%)

Fig. 2: Analysis of the results after two semesters of training (%)

Преимущество испытуемых второй группы проявилось и при регистрации частоты сердечных сокращений (далее – ЧСС) после выполнения контрольных упражнений, отражающих

выносливость организма (бег 1 000 м; тест Г. П. Богданова «Оценка выносливости по 6-минутному бегу»; контрольное прохождение полосы препятствий). Так, в конце эксперимента ЧСС до нагрузки у испытуемых обеих групп не имела существенных различий (в первой группе – 73,1 уд./мин, во второй – 73,5 уд./мин).

В то же время после выполнения нагрузки различия стали более значительными (рисунок 3). У испытуемых второй группы ЧСС в среднем составила 178,6 уд./мин, а у испытуемых первой группы – 184,5 уд./мин. Данные различия статистически достоверны ($t = 2,6$; $p \leq 0,05$) что свидетельствует о лучшей адаптации испытуемых к выполняемой нагрузке. Также у испытуемых второй группы были отмечены статистически достоверные более быстрые восстановительные процессы после выполняемой нагрузки ($t = 3,7$; $p \leq 0,05$).

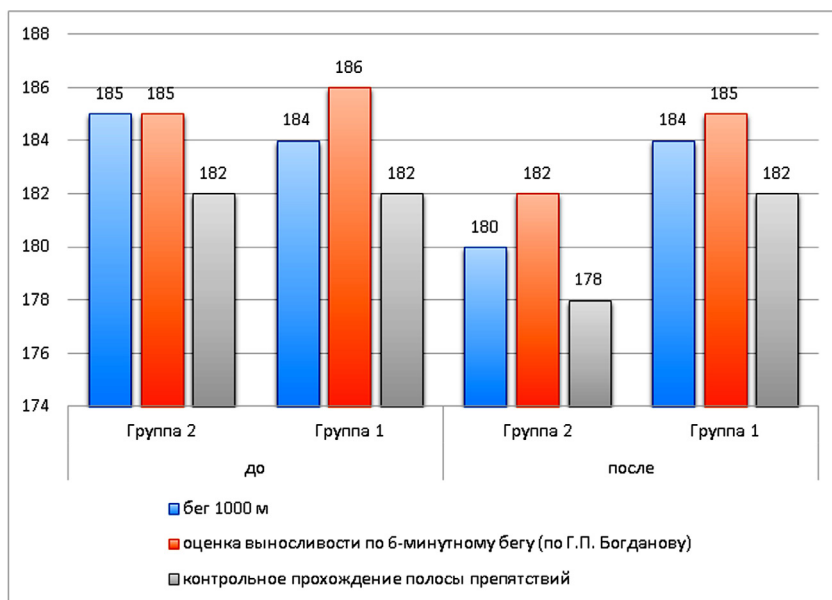

Рис. 3. Результаты ЧСС после выполнения нагрузки в конце эксперимента
Fig. 3. Heart rate (HR) results after exercises at the end of the experiment

Анализ объема упражнений, выполненных в передвижениях с различной интенсивностью, показывает, что в первом семестре обучения в первой группе объем упражнений, развивающих быстроту (ускорения на коротких отрезках), составлял примерно 30,4 %, а во второй группе – 53,2 %, бег низкой и средней интенсивности составлял соответственно 63,4 % и 45,2 %. Во втором семестре обучения объем упражнений в беге с преимущественным акцентом на быстроту составлял около 37,9 % в первой группе и 37,5 % во второй. Объем специальной выносливости составил соответственно 19,1 % и 37,4 %, общей выносливости – 38,1 % и 20,9 %. Кроме бега с различной интенсивностью для развития силы, быстроты и выносливости применялись спортивные игры, работа на гребном тренажере и комплексы скоростно-силовых упражнений профессиональной направленности.

3 заключение

1. Включение в подготовительную и основную часть учебно-тренировочного занятия для курсантов, занимающихся в спортивной секции по преодолению полосы препятствий со стрельбой, комплексов упражнений скоростно-силового характера способствует поддержанию общей физической подготовки, развитию необходимых двигательных качеств и навыков.

2. В тренировочном процессе курсантов, занимающихся в спортивной секции по преодолению полосы препятствий со стрельбой, на этапе начальной подготовки целесообразно уделять до 50–60 % времени основной части учебно-тренировочного занятия развитию быстроты и силы, а остальное время – воспитанию общей выносливости.

3. Курсантам, прошедшим этап начальной подготовки в секции по преодолению полосы препятствий со стрельбой, следует уделять до 40 % времени упражнениям, развивающим быстроту и силу, 20–30 % времени – упражнениям, развивающим общую выносливость, и 30–40 % – упражнениям, развивающим специальную выносливость. Такое соотношение видов подготовки, как показывают результаты проведенного экспериментального исследования, является оптимальным среди базовых вариантов соотношения скоростно-силовой подготовки и выносливости (общей и специальной) в тренировочном процессе испытуемых курсантов.

Список источников

1. *Боренов А. Ю.* Сравнительная характеристика особенностей контроля уровня физической подготовленности сотрудников полиции России и зарубежных стран // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2018. № 9 (163). С. 50–54.
2. *Гаврилов Д. А., Лапин Д. А.* Совершенствование уровня профессионально важных физических качеств сотрудников органов внутренних дел / Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : материалы XXV Всероссийской научно-методической конференции, г. Иркутск, 27–28 февраля 2020 г. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 96–98.
3. *Алексеев Н. А., Клименко Б. А., Мартынова К. А.* Комплексное развитие физических качеств у курсантов образовательных организаций МВД России на начальном этапе обучения / Физическое воспитание и спорт в высших учебных заведениях : сборник статей XX Международной научной конференции, посвященной 70-летию БГТУ им. В. Г. Шухова, г. Белгород, 17–18 апреля 2024 г. Белгород : Издательство Белгородского государственного технологического университета, 2024. С. 34–38.
4. *Дементьев В. Л.* Методология научных исследований по совершенствованию высшего профессионального образования курсантов и слушателей вузов МВД России / Организационно методические особенности совершенствования физической подготовки в Московском университете МВД России в связи с переходом на образовательный стандарт третьего поколения : сборник статей научной конференции, г. Москва, 18 ноября 2012 г. Москва : Московский университет МВД России, 2012. С. 18–22.
5. *Лопатин И. И., Лазарев А. А.* Влияние физической подготовки на курсантов образовательных организаций МВД России / Актуальные вопросы физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : сборник материалов Всероссийской конференции, посвященной 100-летию Всероссийского физкультурно-спортивного общества «Динамо», г. Белгород, 31 марта 2023 г. : [электронное издание]. Белгород : Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, 2023.
6. *Москвин С. А., Баркалов С. Н.* Значение физической подготовки в профессиональном совершенствовании сотрудников ОВД и проблемы организационно-методического обеспечения тренировочного процесса в служебно-прикладных видах единоборств / Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств : материалы Международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 5–6 июня 2014 г. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2014. С. 132–137.
7. *Ворончихин Д. В., Чураков А. А., Панов Е. В.* Об особенностях учебно-тренировочного процесса курсантов-лыжников при обучении в образовательных организациях МВД России / Молодые ученые России : сборник статей XVII Всероссийской научно-практической конференции, г. Пенза, 17 марта 2023 г. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. С. 166–169.
8. *Лизута В. Ф., Серебрянников В. А.* Особенности организации и проведения физической подготовки сотрудников полиции, осуществляющих силовое задержание // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2014. № 4 (29). С. 53–60.
9. *Поддипняк Ю. Ф., Гросс И. Л., Ленева Ю. Б.* Роль самосовершенствования в системе самостоятельных тренировок физическими упражнениями у курсантов образовательных организаций МВД России / Физическое воспитание и спорт в высших учебных заведениях : сборник статей XV Международной научной конференции, посвященной 65-летию БГТУ им. В. Г. Шухова, г. Белгород, 16–17 апреля 2019 г. Белгород : Издательство Белгородского государственного технологического университета, 2019. Ч. 2. С. 62–66.
10. *Цекунов С. О.* Повышение эффективности физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации / Актуальные проблемы науки и практики : сборник научных трудов по итогам научно-представительских мероприятий, г. Хабаровск, 19 марта – 17 мая 2024 г. Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шиловой, 2024. С. 173–176.
11. *Дорохин А. Ю., Горбатенко А. В., Воронник А. Н., Лазарев А. А.* Развитие скоростно-силовых способностей курсантов средствами единоборств // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2020. № 2. С. 3–9. <https://doi.org/10.24411/2305-8404-2020-10201>
12. *Пономарев Н. Н.* Особенности подбора кандидатов для сборной команды образовательной организации системы МВД России по летнему служебному биатлону // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 3 (29). С. 84–86.
13. *Панов Е. В.* К вопросам совершенствования профессионально-прикладной физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России путем участия их в соревнованиях различного уровня / Актуальные проблемы огневой, тактико-специальной и профессионально-прикладной физической подготовки : сборник статей VII Международной научно-методической конференции, г. Могилев, 28–29 ноября 2024 г. : [электронное издание]. Могилев : Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2024. С. 143–149.
14. *Файзуллин Н. Г.* Особенности физической подготовки слушателей, связанные с использованием инвентаря / Актуальные вопросы совершенствования огневой и физической подготовки обучающихся в образовательных организациях МВД России : сборник материалов Всероссийской конференции, г. Уфа, 17 июня 2021 г. : [электронное издание]. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2021. С. 82–85.
15. *Рыбак В. С., Дорогонько И. В., Ермак Н. С.* Особенность методики развития выносливости в максимальной зоне мощности у курсантов военных учебных заведений / Наука – образованию, производству, экономике : материалы XXI Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, г. Витебск, 11–12 февраля 2016 г. : в 2 т. Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2016. Т. 1. С. 374.
16. *Серебрянников В. А.* Проблемы развития выносливости у курсантов в образовательных организациях МВД России / Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств : сборник материалов XXVI международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 17–18 октября 2024 г. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2024. С. 176–182.
17. *Широков А. О., Кулиничев А. Н.* Приоритет развития физических качеств сотрудников ОВД для преодоления полосы препятствий / Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов : сборник статей Всероссийского круглого стола, г. Орел, 25 июня 2020 г. / редкол.: С. Н. Баркалов [и др.]. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2020. С. 233–237.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 378.14

Теоретические аспекты формирования гражданско-патриотической позиции курсантов образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации из воссоединенных регионов

Ирина Александровна Сабирова¹, доктор педагогических наук, доцент
Яна Алексеевна Стодоля²

^{1, 2} Воронежский институт МВД России

Воронеж (394065, пр-т Патриотов, д. 53), Российская Федерация

¹ sabirova27.02@mail.ru, ² yanado9@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-2317-4674>, ² <https://orcid.org/0009-0004-4508-2449>

Аннотация:

Введение. Исследование проблемы формирования гражданско-патриотической позиции курсантов, прибывших на обучение из воссоединенных регионов в образовательные организации МВД России, характеризуется в настоящей статье как актуальное и своевременное. Отмечено, что повышение эффективности образовательного процесса, направленного на профессиональное становление будущих сотрудников правоохранительных органов, следует реализовывать за счет активного формирования высоких моральных принципов и этических норм поведения, что позволит не только сформировать устойчивую гражданско-патриотическую позицию, но и воспитать высоконравственных и компетентных специалистов.

Цель исследования: определить аспекты индивидуальной гражданско-патриотической позиции курсантов вузов МВД России из воссоединенных регионов и выявить перспективные пути ее совершенствования.

Методы исследования включали абстрагирование и конкретизацию, логические обобщения; теоретический и системно-структурный анализ; изучение и обобщение информации, содержащейся в научных источниках, анкетный опрос.

Результаты. Результаты анкетного опроса курсантов из воссоединенных регионов, проходящих обучение в образовательных организациях системы МВД России, выявили ряд существенных недочетов, связанных с их привлечением к мероприятиям патриотической направленности. Отмечено, что социальная активность данной категории курсантов регистрируется как низкая. Большинство опрошенных не ощущают личной ответственности за ситуацию в стране. Не в полном объеме прослеживается заинтересованность преподавателей в организации и проведении систематических мероприятий по формированию ценностно-нравственного облика сотрудника органов внутренних дел как гражданина и патриота. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой научно-методического обеспечения процесса формирования гражданско-патриотической позиции курсантов из воссоединенных регионов и включением соответствующего учебного материала в содержание образования.

Ключевые слова:

обучающиеся, образовательные организации системы МВД России, гражданско-патриотическое воспитание, гражданско-патриотическая позиция

Для цитирования:

Сабирова И. А., Стодоля Я. А. Теоретические аспекты формирования гражданско-патриотической позиции курсантов образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации из воссоединенных регионов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 215–220.

Статья поступила в редакцию 19.04.2025;
одобрена после рецензирования 11.08.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Theoretical aspects of forming civic and patriotic position of cadets of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia from the reunited regions

Irina A. Sabirova¹, Doc. Sci. (Ped.), DocentYana A. Stodolya²^{1,2} Voronezh Institute of the MIA of Russia

53, Patriots ave., Voronezh, 394065, Russian Federation

¹ sabirova27.02@mail.ru, ² yanado9@mail.ru¹ <https://orcid.org/0000-0002-2317-4674>, ² <https://orcid.org/0009-0004-4508-2449>**Abstract:**

Introduction. The study of the problem of forming civic and patriotic position of cadets arriving for training in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia from the reunited regions is characterised in this article as relevant and timely. It is noted that improving the effectiveness of the educational process aimed at the professional development of future law enforcement officers should be achieved through the active formation of high moral principles and ethical standards of behaviour. This will make it possible to form a stable citizen-patriotic position and educate highly ethical and competent specialists.

The aim of the research is to identify aspects of the individual civic and patriotic position of cadets at educational organisations of the MIA of Russia from the reunited regions and to reveal promising ways of improving it.

Research methods included abstraction and concretisation, logical generalisations; theoretical and systemic-structural analysis; study and generalisation of information contained in scientific sources, questionnaire survey.

Results. The results of a questionnaire survey of cadets from the reunited regions studying at educational organisations of the MIA of Russia revealed a number of significant shortcomings related to their involvement in patriotic activities. It is noted that the social activity of this category of cadets is recorded as low. Most respondents do not feel personally responsible for the situation in the country. The interest of teachers in organising and conducting systematic activities to form the value-moral image of an employee of the internal affairs bodies as a citizen and patriot is not fully evident. Prospects for further research are linked to the development of scientific and methodological support for the process of forming civic and patriotic position of cadets from reunited regions and the inclusion of relevant educational material in the content of education.

Keywords:

students, cadets, educational organisations of the MIA of Russia, civic-patriotic education, civic-patriotic position

For citation:

Sabirova I. A., Stodolya Ya. A. Theoretical aspects of forming civic and patriotic position of cadets of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia from the reunited regions // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 3 (107). P. 215–220.

The article was submitted April 3, 2025; approved after reviewing August 11, 2025; accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Современный этап развития общества характеризуется глубокими преобразованиями во всех сферах человеческой деятельности, предъявляя ряд новых требований к организации образовательного процесса будущих специалистов [1, с. 251].

В структуре реализации высшего образования и государственной политики Российской Федерации особое значение отводится подготовке будущих сотрудников правопорядка в образовательных организациях системы МВД России, в т. ч. и курсантов, прибывших на обучение из воссоединенных регионов.

Согласно требованиям приказа МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»¹ определен круг задач, ориентированных

¹ Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 (зарег. в Минюсте России 20.09.2024, № 79534) // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024> (дата обращения: 24.02.2025).

на развитие активной гражданской позиции сотрудников, общероссийской гражданской идентичности, чувств патриотизма и личной ответственности за судьбу Отечества, а также становление личности сотрудника как гражданина, патриота и профессионала с государственно-патриотическим мировоззрением.

Следовательно, повышение эффективности образовательного процесса, ориентированного на внедрение новых педагогических технологий, направленных на профессиональное становление будущих сотрудников органов правопорядка за счет активного формирования высоких моральных принципов и этических норм поведения, позволит не только сформировать устойчивую гражданско-патриотическую позицию, но и воспитать высоконравственных и компетентных специалистов [1, с. 252].

Обращаясь к опыту гражданского и патриотического воспитания в Российской Федерации, а также вопросу становления гражданско-патриотической позиции обучающихся, следует выделить основополагающие теоретические и методические аспекты, доказавшие положительное воздействие. И. В. Пацора процесс гражданского воспитания обучающихся предлагает осуществлять на основе поиска жизненного смысла в рамках преподавания дисциплин общегуманитарного цикла [2, с. 115]. А. Т. Мирошина, рассматривая гражданское воспитание в контексте профессионального образования, отмечает взаимосвязь гражданско-патриотического и профессионального становления обучающихся [3, с. 119]. Ряд специалистов гражданское воспитание обучающихся представляют как целенаправленный процесс формирования осознанной гражданской позиции, чувства любви и преданности своей Родине с ориентацией на развитие правовой культуры, моральных качеств, социальной ответственности и готовности служить интересам своей страны [4; 5, с. 81; 6, с. 151].

С. Н. Плохов определяет значимость гражданской позиции у обучающихся и отмечает важность выделенных интегративных признаков гражданственности [7, с. 309]. С. В. Гладченкова дополняет содержание гражданской позиции с точки зрения ориентира гражданского поведения в профессиональной и общественной деятельности [8, с. 64]. Н. Н. Перепеча, определяет гражданскую позицию студента вуза как личностно-значимое свойство, базирующееся на общечеловеческих ценностях, правах и обязанностях гражданина своего Отечества [9, с. 86]. А. А. Ситников отмечает, что гражданская позиция невозможна без мотива преданности Отечеству и народу, основанного на сформированной установке личности на активное, осознанное, правомерное участие в жизни общества, личностной самореализации при соблюдении приоритета государственных и общественных интересов [10, с. 87]. Н. А. Гаврилова акцентирует внимание на деятельностном аспекте проявления гражданских качеств [11, с. 112]. А. А. Болотов рассматривает гражданское и патриотическое воспитание как единый воспитательный процесс, ориентированный на становление гражданина и формирование патриота. Он рассматривает организацию процесса гражданского воспитания как совокупность нравственных, правовых и политических отношений, а патриотическое воспитание – как формирование чувства любви и преданности своему Отечеству².

Обращаясь к проблеме патриотического воспитания обучающихся, С. Ю. Иванова и С. В. Слукин рассматривают патриотизм с точки зрения мировоззренческой определяющей поведения человека, основанной на осознании личного патриотического долга в интересах и приоритетах большой и малой Родины [12, с. 24]. В. В. Пионтковский предлагает формировать патриотизм, используя дополнительные средства и методы информационного воздействия, ориентированные на вовлечение обучающихся в патриотическую направленную деятельность [14, с. 96]. Н. М. Снопко определяет психологические механизмы патриотического воспитания, основанные на личностной идентификации обучающихся [15, с. 108]. По мнению В. Ю. Микрюкова, повышение эффективности процесса патриотического воспитания обучающихся невозможно без личностно-развивающего обучения и при активном взаимодействии социальной среды [6, с. 152]. В. И. Лесняк формирование патриотизма сотрудников органов внутренних дел предлагает организовывать через процесс ценностно-смыслового самоопределения, самоорганизации и самоактуализации [16, с. 81]. М. А. Мазур выделяет средовые условия воспитания патриотизма сотрудников, отмечая значимость соблюдения определенных ритуалов, а также стимулов патриотической деятельности [17, с. 277]. Н. В. Ходякова с соавторами патриотическое воспитание курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России представляет как поэтапное проектирование личностной активности в образовательной среде образовательных организаций высшего образования (далее – ООВО) с выделенным педагогическим содержанием, методами, формами

² Болотов А. А. К вопросу о гражданско-патриотическом воспитании в России на современном этапе // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2019. № 2. С. 4.

и средствами, ориентированными на обеспечение духовно-нравственной безопасности и развития личности обучающихся как патриотов [18, с. 50].

Совершенно очевидно, что новые реалии современного мира, воссоединение регионов России, внесли ряд значимых дополнений как в организационно-образовательный процесс ведомственных ООВО, так и в воспитательный процесс. Целенаправленная организация формирования осознанной гражданской позиции сегодняшних курсантов и слушателей, в т. ч. и из воссоединенных регионов, основанная на совокупном развитии нравственных, правовых и политических отношений с устойчивой ориентацией на чувство преданности и любви к своему Отечеству позволит сформировать устойчивую гражданско-патриотическую позицию будущих выпускников ведомственных ООВО, что особенно значимо в контексте их дальнейшей служебной деятельности.

Цель исследования: определить аспекты индивидуальной гражданско-патриотической позиции курсантов ООВО системы МВД России из воссоединенных регионов и выявить перспективные пути ее совершенствования.

Методы

Методы исследования включали абстрагирование и конкретизацию, логические обобщения; теоретический и системно-структурный анализ; изучение и обобщение информации, содержащейся в научных источниках, и педагогического опыта, анкетный опрос.

Результаты

С целью оценки гражданско-патриотической позиции курсантов из воссоединенных регионов, проходящих обучение в образовательных организациях системы МВД России, а также перспективных направлений ее формирования был организован и проведен анкетный опрос ($n = 102$), в котором приняли участие курсанты юридических факультетов ведомственных ООВО системы МВД России, третьего года обучения, что свидетельствует об однородности выборки по критериям: факультет, год обучения (юноши $n = 67$, девушки $n = 35$, возраст 18–20 лет).

Анализ и обобщение полученных данных выявили, что желание поступить в образовательные организации системы МВД России вызвали высокий устойчивый интерес к правоохранительной деятельности (70,6 %), желание служить Родине (17,6 %), уверенность в стабильной карьере (17,6 %), при этом настойчивость со стороны семьи, связанную с выбором ООВО, не отметил ни один из опрошенных. Ключевой задачей будущей профессиональной деятельности респонденты считают защиту прав и свободы граждан страны (100 %) при непосредственном взаимодействии с гражданами (64,7 %). Более половины респондентов обращают пристальное внимание на значимость качественной организации патриотического воспитания именно в ведомственных ООВО (53 %).

Выявлено, что до поступления в образовательные организации высшего образования большинство респондентов не состояли в общественных организациях, нацеленных на улучшение общественно-политической жизни страны (47,1 %), однако проявляли личностную гражданско-патриотическую заинтересованность в ее будущем (52,9 %) и были готовы морально к защите своих прав (70,6 %). Также респонденты отмечали изменения в собственной гражданской позиции после поступления в ООВО (30 %).

Отмечено наличие активного гражданского участия у большинства опрошенных: волонтерство (56 %), участие в добровольческих проектах (25 %). Наиболее популярными формами социальной активности респонденты считают посещение праздничных мероприятий (64,7 %), помощь ветеранам и пожилым людям (41,2 %), участие в спортивном волонтерстве (35,3 %) и добровольческих акциях (29,4 %).

По мнению большинства опрошенных, ключевую роль в формировании гражданско-патриотической позиции сыграли семья и система образования (47,1 %), а также их жизненный опыт (41,2 %). В результате вхождения в состав Российской Федерации у большинства опрошенных укрепились патриотические убеждения (70,6 %), незначительные изменения отметили 17,6 %, не ощутили перемен в своей гражданско-патриотической позиции 11,8 %.

Опрошенные отмечали важность не только формирования, но и глубокого осознания личностной гражданско-патриотической позиции в будущей профессиональной деятельности (48 %). Значимую личную ответственность за ситуацию в стране ощущают 41 % респондентов, понимают необходимость действий 24 %, признают личную ответственность 18 %, считают, что от них мало что зависит 17 % опрошенных.

Молодежь активно пользуется интернетом и социальными сетями. По мнению респондентов, активное и систематическое их использование положительно влияет на формирование гражданско-патриотической позиции, т. к. обеспечивает доступ к разнообразной информации (47 %), 6 % оценивают воздействие как отрицательное из-за обилия негативного контента, 47 % опрошенных придерживаются нейтральной позиции.

Результаты показывают низкий уровень социальной активности респондентов. Так, вообще не участвуют или участвуют изредка в общественных инициативах более 82 % опрошенных, регулярно участвуют в этой деятельности лишь 6 % курсантов, что заставляет серьезно задуматься об эффективности воспитательной работы в ООВО и привлечению к ней курсантов из воссоединенных регионов.

По мнению респондентов, для укрепления гражданско-патриотической позиции следует привлекать курсантов к участию в спортивных соревнованиях, посвященных памятным и знаменательным датам (47 %), в волонтерских проектах по сохранению исторической памяти (58,8 %), культурно-массовых мероприятиях (82,4 %), изучению военно-исторической литературы (35,3 %). Отмечена важность повышения заинтересованности преподавателей в формировании активной жизненной позиции у курсантов (30 %), а также в организации и проведении мероприятий по формированию ценностно-нравственного облика сотрудника органов внутренних дел как гражданина и патриота (12 %), в т. ч. и активное привлечение курсантов к воспитательной работе в ООВО (59 %).

В будущей профессиональной деятельности наиболее эффективной деятельностью по совершенствованию гражданско-патриотической позиции опрошенные считают участие в общественных проектах (48 %), пропаганду патриотизма (42 %), активное участие в мероприятиях по коммуникации с населением (59 %), но лишь 18 % респондентов отметили личный пример.

Проведенное исследование теоретических аспектов формирования гражданско-патриотической позиции курсантов образовательных организаций системы МВД России из воссоединенных регионов позволяет сделать ряд обобщающих выводов. Так, гражданско-патриотическое воспитание обучающихся представляет собой целенаправленный многогранный процесс формирования у индивида осознанной гражданской позиции, чувства любви и преданности Отечеству, развития правовой культуры, моральных качеств, социальной ответственности и готовности служить интересам страны.

Специфика формирования гражданско-патриотической позиции у курсантов ООВО системы МВД России из воссоединенных регионов заключается в процессе формирования четкой гражданской позиции, приверженности ценностям российского общества и государства, профессионально-нравственной устойчивости, гражданственности как интегративного профессионально значимого качества. Важным компонентом является также нравственное воспитание будущих сотрудников полиции.

При этом патриотические чувства развиваются через конкретные действия, такие как вовлечение курсантов в мероприятия по сохранению исторической памяти, участие в волонтерских проектах и спортивных соревнованиях, посвященных знаменательным датам, что способствует осознанию личного долга перед Родиной и формированию преданности Отечеству. Такие меры интегрируют патриотизм с гражданской позицией, усиливая профессиональную устойчивость будущих сотрудников органов внутренних дел.

3 **аключение**

Специальная военная операция на Украине является не только одним из ключевых событий в развитии постсоветской России, но и значимым аспектом пересмотра подходов к формированию гражданско-патриотической позиции населения Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей, находящихся более 35 лет под террором и превращением русских в антирусских украинцев. Вопросы формирования устойчивой гражданско-патриотической позиции будущих сотрудников правопорядка, прибывших на обучение в образовательные организации системы МВД России из этих регионов, сегодня являются наиболее востребованными и значимыми. Формирование гражданско-патриотической позиции курсантов из Новороссии и Донбасса следует ориентировать на интегрированную систему их отношений к государству, праву и гражданскому обществу. Результаты проведенного опроса показали, что курсанты из воссоединенных регионов демонстрируют низкие социальную активность и личную ответственность. Очевидно, что активное привлечение курсантов из воссоединенных регионов к волонтерским проектам по сохранению исторической памяти, спортивным соревнованиям, посвященным знаменательным датам, культурно-массовым мероприятиям, участию

в общественных проектах должно основываться на системном подходе в работе преподавателей. Элементы гражданского и патриотического воспитания следует интегрировать посредством формирования осознанной преданности Родине и личной социальной ответственности.

Список источников

1. Денисова А. Ю. Готовность к профессии «Полицейский» как результат успешной практической деятельности будущих специалистов ОВД // Педагогическое образование в России. 2024. № 3. С. 250–260.
2. Пацора И. В. Педагогические условия эффективности модели гражданского воспитания студентов // Университетские чтения – 2010 : Материалы научно-методических чтений ПГЛУ, г. Пятигорск, 14–15 января 2010 г. / отв. ред. Заврумов З. А. Пятигорск : Пятигорский государственный лингвистический университет, 2010. Т. 3. С. 112–119.
3. Мирошина Т. А. Формирование гражданской позиции студентов вуза на современном этапе развития общества // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2022. Т. 19, № 3. С. 115–128. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2022.3.8>
4. Гладченкова С. В. О модели формирования гражданской позиции будущих юристов в вузе // Письма в Эмиссия. Оффлайн : [электронный журнал]. 2008. № 9. С. 1272. URL: <http://www.emissia.org/offline/2008/1272.htm>.
5. Лесняк В. И. Патриотизм как ценность гражданского общества // Вестник Югорского государственного университета. 2006. № 2 (3). С. 80–86.
6. Микрюков В. Ю. Теоретико-методологические и практические основы военно-патриотического образования российских учащихся в современных условиях // Инновации в образовании. 2006. № 6. С. 146–157.
7. Плохов С. Н. Личностная позиция как интегральная характеристика студента в современном образовательном процессе // Самообразование человека; инновации в образовательном пространстве : материалы международной научно-практической конференции : [в 2 ч.] / редкол. : К. Я. Вазина, Ян Уве Вульф [и др.]. Нижний Новгород : Издательство ВГИПУ, 2007. Ч. 2. С. 307–326.
8. Гладченкова С. В. Формирование гражданского самосознания юриста в вузе // Научные исследования в образовании. 2007. № 4. С. 64–68.
9. Перепеча Н. Н. Условия формирования у студентов гражданской позиции // Вестник университета. 2010. № 17. С. 86–87.
10. Ситников А. А. Условия формирования гражданской позиции будущих юристов в современном вузе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2012. № 3. С. 86–91.
11. Гаврилова Н. А. Педагогические условия становления гражданской позиции студентов университета // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 6-1. С. 111–116.
12. Иванова С. Ю. Проблема формирования патриотизма как наиболее значимой социальной ценности // Научная мысль Кавказа. Приложение. 2003. № 3. С. 22–31.
13. Служкин С. В., Маяков Н. Н. Социально-историческая определенность патриотического самосознания // Правоохранительные органы: теория и практика. 2005. № 1. С. 77–81.
14. Пионтовский В. В. Патриотическое воспитание учащейся молодежи в условиях регионального образования // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. 2006. № 1 (41). С. 96–98.
15. Снопко Н. М. Психологические механизмы личности как основа психолого-педагогического процесса патриотического воспитания // Профессиональное образование. 2007. № 2. С. 108–111.
16. Лесняк В. И., Орлов В. Б. Патриотизм как ценность гражданского общества // Вестник Югорского государственного университета. 2006. № 2 (3). С. 80–86.
17. Мазур М. А. Формирование патриотической культуры сотрудников органов внутренних дел // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 276–280.
18. Ходякова Н. В., Бабулина А. А., Дорошенко О. М. Теория и практика проектирования процесса патриотического воспитания курсантов образовательных организаций МВД России // Педагогика и психология: академический журнал. 2023. № 3 (3). С. 47–52.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

FORENSIC PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Научная статья
УДК 159.9.075

Психологическая готовность к риску в профессиональной деятельности у курсантов Федеральной службы исполнения наказания

Татьяна Валентиновна Башкирева¹, доктор биологических наук, доцент
Анастасия Викторовна Башкирева², доктор биологических наук, доцент

¹ Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
Рязань (390000, ул. Сенная, д. 1), Российская Федерация

² Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
Рязань (390000, ул. Свободы, д. 46), Российская Федерация

¹ bashkirevat@bk.ru, ² bashkireva32@gmail.com

¹ <https://orcid.org/0000-0001-6174-1820>, ² <https://orcid.org/0000-0002-3352-5431>

Аннотация:

Введение. В работе представлены результаты исследования степени сформированности у курсантов готовности к риску в профессиональной деятельности в период обучения в образовательном учреждении Федеральной службы исполнения наказания России (далее – ФСИН России). Цель исследования: изучение психологической готовности к риску у курсантов в период обучения в образовательных учреждениях ФСИН России.

Методы. В процессе исследования использовались следующие методы и методики:

1) беседа с целью получения социально-демографических характеристик личности курсантов; 2) 16-факторный личностный опросник Р. Б. Кеттелла. Данные обработаны в программном обеспечении Microsoft Office Excel-2019. Достоверность различий определялась по t и F (для % отношений) – критерию Стьюдента, корреляция по Спирмену (r).

Результаты. Результаты изучения коммуникативных, интеллектуальных, эмоциональных, регуляторных свойств курсантов по методике Р. Б. Кеттелла выявили в поведении доминирование возрастных особенностей юношеского возраста (18–20 лет) и дефицит психологической готовности к риску в профессиональной деятельности. Установлено, что период обучения в образовательном учреждении ФСИН России является чрезвычайно важным, поскольку у курсантов формируется образ тех субъективных и личностных характеристик, которые востребованы в профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова:

психологическая готовность, риск в профессиональной деятельности, пенитенциарная система, субъект, личность

Для цитирования:

Башкирева Т. В., Башкирева А. В. Психологическая готовность к риску в профессиональной деятельности у курсантов Федеральной службы исполнения наказания России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 221–226.

Статья поступила в редакцию 16.03.2025;
одобрена после рецензирования 01.08.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Psychological readiness to risk in professional activity in cadets of the Federal Penitentiary Service

Tatyana V. Bashkireva¹, Doc. Sci. (Biolog.), Docent

Anastasia V. Bashkireva², Doc. Sci. (Biolog.), Docent

¹ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

1, Sennaya str., Ryazan, 390000, Russian Federation

² Ryazan State University named after S. A. Yesenin

46, Svobody str., Ryazan, 390000, Russian Federation

¹ bashkirevat@bk.ru, ² bashkireva32@gmail.com

¹ <https://orcid.org/0000-0001-6174-1820>, ² <https://orcid.org/0000-0002-3352-5431>

Abstract:

Introduction. The research provides the findings of the study of the degree of cadets' readiness to take risks in professional activities during the period of training in an educational institution of the Federal Penitentiary Service of Russia.

The aim of the research is the analysis of psychological readiness to risk in cadets during their training in educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Methods. The research involved the following methods and techniques: 1) conversation in order to obtain socio-demographic characteristics of cadets' personality; 2) 16-factor personality questionnaire of R. B. Cattell. The data were processed in Microsoft Office Excel-2019 software. Reliability of differences was determined by the *t* and ϕ (for % of relations) – Student's *t*-test, correlation by Spearman (*r*).

Results. The results of the study of communicative, intellectual, emotional, regulatory properties of cadets according to R.B. Cattell's methodology revealed the dominance of age features of adolescence (18–20 years old) and the deficit of psychological readiness to risk in professional activity in their behaviour. It was established that the period of training in an educational institution of the Federal Penitentiary Service of Russia is extremely important, as cadets form an idea of both subjective and personal characteristics that are required in professional activities of employees of the penal correctional system.

Keywords:

psychological readiness, risk in professional activity, penitentiary system, subject, personality

For citation:

Bashkireva T. V., Bashkireva A. V. Psychological readiness to risk in professional activity in cadets of the Federal Penitentiary Service of Russia // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 3 (107). P. 221–226.

The article was submitted March 16, 2025;
approved after reviewing August 1, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

В последнее время изучение психологической готовности курсантов к риску в профессиональной деятельности в период обучения в образовательном учреждении ФСИН России имеет большую социальную значимость. Для успешного освоения профессии важным является своевременная диагностика профессионально значимых качеств, включая особенности психики и психологические характеристики человека как субъекта и личности [1]. «Сотрудник пенитенциарной системы – это основной субъект уголовно-исполнительных отношений»¹, однако «психологическая структура личности сотрудника включает три основных компонента: мотивационную сферу, профессиональную подготовленность и характер человека»².

Профессиональная деятельность специалистов правоохранительных органов протекает в напряженных, конфликтных условиях, часто опасных для жизни. По статистическим сведениям, 60 % сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) считают свою работу опасной из-за значительной степени риска для собственной жизни и здоровья³. Возникающие в профессиональной деятельности ситуации риска требуют незамедлительного принятия решения, исход которых имеет неопределенный характер⁴ [2]. В научной литературе отмечается, что проблема формирования готовности к риску у сотрудников возникает на стадии профессиональной подготовки в образовательных учреждениях ФСИН России [3; 4]. Экстремальные условия и ситуации оказывают морально-психологическое воздействие на сотрудников УИС⁵ [5; 6].

¹ Писарев О. М. Основы психологии в деятельности сотрудников УИС : учебное пособие. Томск, 2010. С. 67.

² Там же. С. 67–68.

³ Тарасова С. А. Психология сотрудников УИС: личность, общение, деятельность : учебное пособие. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2007. 114 с.

⁴ Ушатиков А. И., Казак Б. Б. Пенитенциарная психология : учебник. Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2001. 536 с.

⁵ Смыковский В. В. Формирование готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств : дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2023. 264 с.

Психологическая готовность к риску в профессиональной деятельности предполагает реакцию функционального или психического состояния на неблагоприятные или опасные ситуации, включающие осознание целей, оценку условий и ситуаций, выбор действий и прогнозирование достижения результата. Готовность к риску связана: 1) с профессиональной компетенцией, включающей знания, умения, личностные характеристики, необходимые для выполнения задач; 2) склонностью к риску, обусловленной психическими свойствами и социально значимыми ценностями; 3) мотивацией к достижению целей и решению профессиональных задач; 4) степенью специальной подготовки; 5) опытом ответственности за риск в профессиональной деятельности и др.

«Особое значение имеют внутренние факторы риска, к которым следует отнести индивидуальные и социально-психологические характеристики личности. Сюда в первую очередь относится уровень личностной стабильности (надежность, уверенность в себе, стрессоустойчивость, уровень социальной активности, коммуникативность, ценностные ориентации личности и т. д.» [7; 8], определяющие готовность к принятию решений в условиях неопределенности. Готовность к риску является важным аспектом подготовки специалистов в адаптации к экстремальным условиям и ситуациям, возникающим в профессиональной деятельности. Психологическая подготовка к профессиональному риску сотрудникам УИС «четко регламентирована правовыми нормами и должностными инструкциями, специфика данной деятельности в ряде случаев ставит сотрудника в такие условия, которые выходят за рамки регламентации, где сотрудник действует по собственному усмотрению, в данных ситуациях риск выступает „инструментом“ преодоления и восполнения информационной недостаточности»⁶.

Однако в чрезвычайных ситуациях у сотрудников УИС доминируют функциональное (психическое) состояние и психологические характеристики не только как субъектов профессиональной деятельности, но и как личности, которые и определяют их поведение [9]. Забота о психическом, психологическом и социальном здоровье будущих специалистов пенитенциарных учреждений представляется чрезвычайно важной в аспекте индивидуально-психологической подготовки к экстремальным условиям профессиональной деятельности [10; 11].

Современное образование построено на компетентностном подходе – совокупности общих принципов определения целей образования, выбора содержания обучения, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов. К числу основных принципов образования относят [12]: 1) развитие у обучающихся способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе социального и собственного опыта; 2) использование дидактически адаптированного социального опыта решения познавательных, мировоззренческих, нравственных, политических и иных проблем; 3) создание условий для формирования у обучающихся опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных проблем, составляющих содержание образования; 4) оценивание образовательных результатов на основе анализа уровней образованности, достигнутых обучающимися на определенном этапе обучения.

Психологические особенности курсантов юношеского возраста образовательной системы ФСИН России в условиях обучения являются проективными предикторами поведения в профессиональной и трудовой деятельности⁷ [13, с. 244–268; 14].

Целью исследования явилось изучение психологической готовности к риску у курсантов в период обучения в образовательных учреждениях ФСИН России.

Методы

В процессе исследования использовались следующие методы и методики: 1) беседа с целью получения социально-демографических характеристик личности курсантов; 2) 16-факторный личностный опросник Р. Б. Кеттелла.

Многомерная методика Р. Б. Кеттелла [15] используется для диагностики широкого спектра индивидуально-личностных особенностей и основана на его теории, согласно которой личность состоит из множества взаимосвязанных черт, которые можно измерить. Его 16-факторный личностный опросник (16 PF):

– оценивает 16 независимых, биполярных черт (факторов), характеризующих индивидуальные особенности поведения и мышления человека, по которым можно определить личностные особенности;

⁶ Арендчук И. В. Регуляция и саморегуляция психических состояний в экстремальных условиях : методическое пособие. Саратов : Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2013. 57 с.

⁷ Ильин Е. П. Эмоции и чувства : учебное пособие. Санкт-Петербург : Питер, 2001. 752 с. ; Кон И. С. Психология юношеского возраста : Проблемы формирования личности : учебное пособие. Москва : Просвещение, 1979. 175 с.

– выявляет проблемы и раскрывает следующие психологические характеристики личности: «замкнутость и общительность», интеллект, «эмоциональная стабильность или нестабильность», «подчиненность или доминантность», «сдержанность или экспрессивность», «нормативность поведения: низкая или высокая», «робость или смелость», «жесткость или чувствительность», «доверчивость или подозрительность», «практичность или мечтательность», «прямолинейность или дипломатичность», «спокойствие или тревожность», «консерватизм – радикализм», «конформизм – неконформизм», «самоконтроль: низкий – высокий», «расслабленность – напряженность», «самооценка: адекватная – неадекватная» и др.;

– позволяет определить коммуникативные, интеллектуальные, эмоциональные, регуляторные особенности курсантов юношеского возраста, необходимые для подготовки к рискам в профессиональной деятельности сотрудников УИС.

Чем выше уровень коммуникативных, интеллектуальных черт будущих специалистов, тем выше эмоциональный и регуляторный уровень управления поведением в ситуациях, связанных с риском, требующих быстрого принятия грамотного (адекватного) решения.

В программном обеспечении Microsoft Office Excel-2019 обработаны данные с вычислением среднестатистических показателей и их отклонений ($M \pm m$), стандартное отклонение ($\pm \sigma$), а также выполнены рисунки. Достоверность различий определялась по t и φ (для % отношений) – критерию Стьюдента, корреляция по Спирмену (r). Полученные данные анализировались по блокам в соответствии с законом В. Парето.

В ходе психологического исследования были обследованы курсанты юношеского возраста (18–20 лет; $n = 48$, $\text{♂} = 22$, $\text{♀} = 26$) образовательного учреждения ФСИН России. В возрастной психологии юношеский возраст рассматривается как этап формирования личности, самосознания, ценностных ориентаций и профессионального самоопределения и охватывает возраст от 17 до 21 года для юношей и от 16 до 20 лет для девушек. В периодизации развития И. С. Кона юношеский возраст включает раннюю (15–18 лет) и позднюю юность (18–21 год).

Результаты

Анализ полученных данных показывает, что обследованные курсанты юноши и девушки имеют средний и выше среднего уровни по шкалам в соответствии с методикой Р. Б. Кеттелла. Рассмотрим некоторые из них по блокам. По блоку коммуникации у юношей уровень развития составил 60 %, а у девушек – 44 %. Это свидетельствует о том, что юноши более общительны, доверчивы, дипломатичны, доминируют в коммуникации. Девушки испытывают робость, страх в общении и имеют уровень коммуникативной готовности для осуществления профессиональной деятельности в психологической работе с осужденными, отбывающими наказание, ниже среднего.

В соответствии с законом Парето блок интеллектуальных свойств должен быть сформирован у курсантов до 80 %, а 20 % требуют приложения усилий. Данный показатель составил у юношей 57,7 %, а у девушек – 42,5 % (рисунок 1).

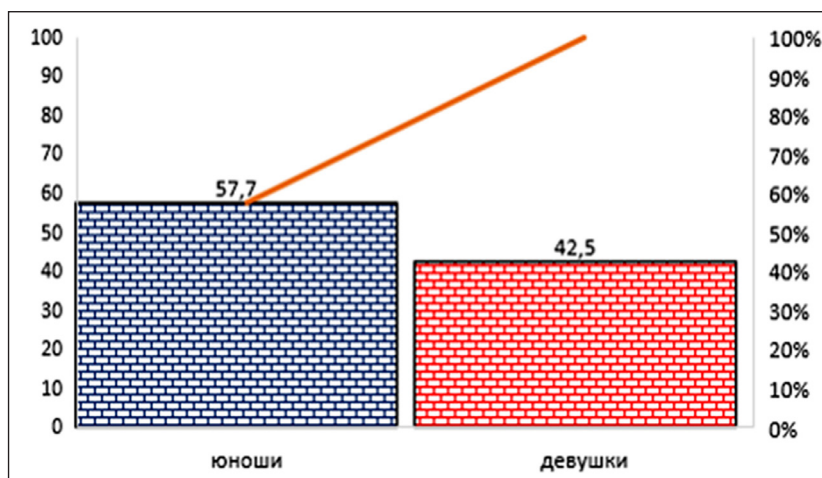

Рис. 1. Диаграмма Парето блока интеллектуальных свойств у юношей и девушек-курсантов юношеского возраста в период обучения в образовательном учреждении ФСИН России
Fig. 1. Pareto diagram of the block of intellectual properties in adolescent male and female cadets during the period of training in an educational institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

По блоку эмоциональных свойств как юноши, так и девушки эмоционально обеднены: данный показатель составил только 40 %, что также не соответствует нормированным значениям методики (рисунок 2).

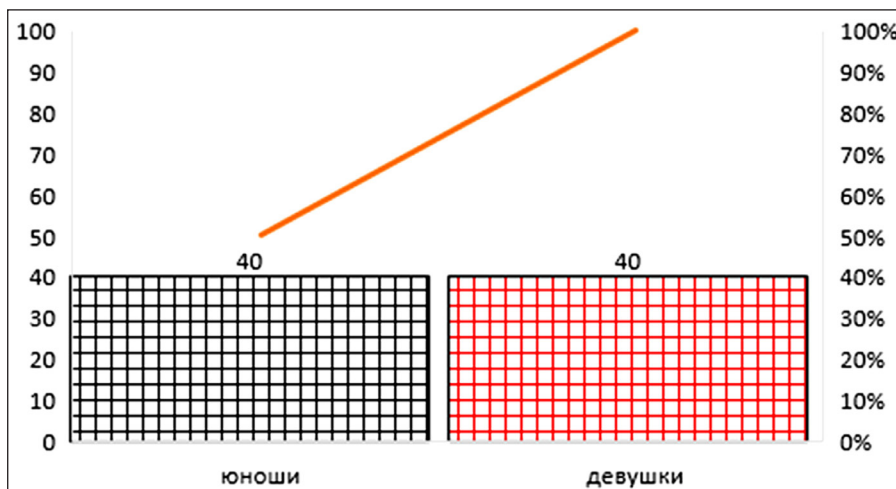

Рис. 2. Блок эмоциональных свойств у юношей и девушек-курсантов юношеского возраста в период обучения в образовательном учреждении ФСИН России

Fig. 2. Block of emotional properties in adolescent male and female cadets during the period of training in an educational institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

Следует отметить, что для юношеского возраста характерна эмоциональная нестабильность. В соответствии с характеристикой блока эмоциональных свойств у курсантов отмечаются: непредсказуемая экспрессия, чувствительность, мечтательность, романтизм и вместе с тем неприятие мнения других, категоричность, негативизм, радикализм, консерватизм. Порой это выражается в поведении как равнодушие, пессимизм. Можно сказать, что обследованные курсанты испытывают трудности в выражении и понимании своих чувств к будущей профессии. Это связано с тем, что они еще не были на практике и не сформировали образ профессиональной деятельности.

Регуляторный блок включает регуляторно-личностные свойства, обусловленные темпераментом и чертами характера. Регуляция осуществляется при активном участии психических процессов, состояний и свойств в конкретной социальной среде, которая определяется этнокультурным, ментальным образом жизни, спецификой будущей профессиональной деятельности и субъектно-личностными особенностями человека. И юноши, и девушки выбирают как активные, так и радикальные способы адаптации к сложным жизненным ситуациям. Образы профессиональной деятельности юношей характеризуются консерватизмом, что может повлиять на трудности в адаптации к ней.

Корреляционный анализ выявил у обследованных курсантов положительную взаимосвязь между коммуникативными и интеллектуальными ($r = 0,58$; $P > 0,05$) характеристиками. Чем выше уровень интеллекта у курсантов, тем выше уровень коммуникации и, как следствие, социальная адаптация к непредвиденным ситуациям. У курсантов отмечена достоверная отрицательная связь между коммуникативными и эмоциональными (консерватизм – радикализм) ($- 0,50$; $P > 0,05$) характеристиками. Высокий уровень коммуникации у курсантов позволяет им регулировать свои позиции в группе. Выявлено, что курсанты стремятся к общению, отстаиванию своей позиции, что соответствует возрастным особенностям. Им свойственно стремление понимать людей, мотивы их поведения и переживания. Вместе с тем они испытывают тревогу во взаимоотношениях, потребность в самоутверждении, собственном понимании социальных ситуаций, критичны, предпочитают самостоятельные решения, которые не меняют даже под давлением группы. Полученные сведения соответствуют таким возрастным психологическим особенностям общения юношества, как: поиск идентичности и самоопределение; стремление к независимости и самостоятельности; формирование новых форм отношений; избирательность общения; эмоциональная напряженность в отношениях; потребность в признании, одобрении, поддержке, доверительном общении. Однако следует отметить, что юноши решают интеллектуальные задачи активнее, чем девушки, проявляя гибкость и оперативность мышления.

Результаты изучения коммуникативных, интеллектуальных, эмоциональных, регуляторных свойств курсантов по методике Р. Б. Кеттела выявили в поведении доминирование возрастных особенностей юношеского возраста (18–20 лет) и дефицит психологической готовности к риску в профессиональной деятельности.

3 заключение

В результате эмпирического исследования в соответствии с методикой Р. Б. Кеттела установлено, что обследованные курсанты, особенно юноши, не склонны экспериментировать с предметами, идеями, они более консервативны, чем девушки. Курсанты-юноши предпочитают рационально воспринимать собственные эмоциональные переживания, впечатления, тогда как девушки более экспрессивны. Однако в условиях обучения и юноши и девушки редко ориентируются на собственные чувства. У курсантов (юноши и девушки) выявлен дефицит готовности к условиям профессионального риска. Образы профессиональной деятельности юношей характеризуются консерватизмом, что может повлиять на трудности в адаптации к профессиональной деятельности. Корреляционный анализ выявил взаимосвязь между такими психологическими особенностями курсантов, как коммуникативные и интеллектуальные, коммуникативные и эмоциональные (консерватизмом\радикализмом) свойства.

Таким образом, анализ эмпирических данных показал, что у курсантов юношеского возраста (18–20 лет) недостаточно сформировано понимание рисков, связанных с их будущей работой. Использование в обучении практико-ориентированного подхода позволит формировать компетенции и образ востребованных психологических характеристик сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также подготовит курсантов к решению реальных практических задач, встречающихся в профессиональной деятельности. Показатели методики Р. Б. Кеттела можно рассматривать как проективные предикторы психологической готовности курсантов к риску в будущей профессиональной и трудовой деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений.

Список источников

1. Алексеев Д. Е. Психологические условия обеспечения функциональной надежности сотрудника ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 2 (65). С. 7–9.
2. Elliot D. L. [et al.]. Technology-Enabled Intervention to Enhance Mindfulness, Safety, and Health Promotion Among Corrections Professionals: Protocol for a Prospective Quasi-Experimental Trial // JMIR Research Protocols. 2023. Vol. 12. P. e45535. <https://doi.org/10.2196/preprints.45535>
3. Солдатова И. Ф., Солдатов И. В. Основные факторы, влияющие на уровень адаптации выпускников к служебной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2001. № 2 (16). С. 51–55.
4. Огородников А. В. Система формирования готовности к риску курсантов – будущих оперативных сотрудников // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 5 (106). С. 156–159.
5. Кулакова А. А. Риск в профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Борьба с пенитенциарной преступностью: опыт, проблемы, перспективы : материалы межвузовской научно-практической конференции, г. Владимир, 26 апреля 2013 г. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2013. С. 96–99.
6. Piccoli S., Pizzighello S., Tollo S. Level of Burnout and Aptitude Toward Suicide in Penitentiary Health Care Staff // European Psychiatry. 2015. Vol 30. P. 1813. [https://doi.org/10.1016/S0924-9338\(15\)31396-1](https://doi.org/10.1016/S0924-9338(15)31396-1)
7. Малышев И. В. Психологические характеристики рисков в экстремальных ситуациях // Ученые записки Педагогического института СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Серия: Психология. Педагогика. 2011. Т. 4, № 2 (14). С. 50–55.
8. Баширева Т. В., Красикова Ю. Ю. Проблемы психодиагностики неоправданных рисков у сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3 (21). С. 107–112.
9. Дятлова Е. Ю. Функции риска в профессиональной деятельности сотрудников УИС // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 66–68. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_2_66
10. Real A. [et al.] Forensic databases, a perspective from the penitentiary centers of Spain // Science & Justice. 2021. Vol. 61, № 2. P. 175–179. <https://doi.org/10.1016/j.scijus.2020.09.009>
11. Психологическое сопровождение сотрудников уголовно-исполнительной системы : коллективная монография / Ковальчук И. А., Овчарова Е. В., Аксенова П. Ю., Юрина О. И. [и др.]. Рязань : ИП Колупаева Е. В., 2023. 320 с.
12. Лебедев О. Е. Образование как право и обязанность // Вопросы образования. 2005. № 4. С. 25–48.
13. Выготский Л. С. Проблема возраста // Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. Д. Б. Эльконина. Москва : Педагогика, 1984. Т. 4, ч. 2: Детская психология. 432 с.
14. Ghaziri M. [et al.] Progress in corrections worker health: the national corrections collaborative utilizing a total worker health // Journal of occupational and environmental medicine t. 2020. Vol. 62. № 11. P. 965–972. <https://doi.org/10.1097/JOM.0000000000002016>
15. Cattell R. B. The scientific analysis of Personality. Baltimore : Penguin Books, 1965. 399 p.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 159.9:343.8

Изучение персонифицированного правосознания осужденных, отбывающих наказание в исправительных центрах

Светлана Николаевна Сорокоумова¹, доктор психологических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии образования

Ирина Сергеевна Ганишина², доктор психологических наук, профессор

Елизавета Андреевна Кулешова³, адъюнкт

¹Российская академия образования

Москва (119121, ул. Погодинская, д. 8), Российская Федерация

¹Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний

Москва (125130, ул. Нарвская, д. 15 лит. А, стр. 1), Российская Федерация

¹Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук,

Москва (117335, ул. Гарибальди, д. 21Б), Российская Федерация

¹⁻³ Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

Рязань (390000, ул. Сенная, д. 1), Российская Федерация

¹4013@bk.ru, ²irinaganishina@yandex.ru, ³kea3101@mail.ru

¹<https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>, ²<https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>,

³<https://orcid.org/0009-0004-8377-1931>

Аннотация:

Введение. Целью эмпирического исследования выступило изучение персонифицированного правосознания осужденных, отбывающих наказание в исправительных центрах. Выборку составили 150 осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных центрах Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН России) по Тамбовской области и Республике Мордовия. Научная проблема состоит в изучении и научном обосновании механизмов трансформации правосознания осужденных, отбывающих наказание в исправительных центрах.

Методы и методики исследования. Для изучения персонифицированного правосознания использовался следующий комплекс психодиагностических методик: тестирование, «Методика изучения обыденного правосознания» (Л. А. Ясюкова), методика «Уровень развития правосознания» (О. А. Гулевич), «Многоуровневый личностный опросник» (А. Г. Маклаков, С. В. Чермянин), Фрайбургский личностный опросник (А. А. Крылова, Т. И. Рогинская), методы математической статистики.

Результатами проведенного исследования стало изучение персонифицированного правосознания осужденных исправительных центров. Проведенное исследование правосознания осужденных выявило глубокие деформации во всех структурных компонентах их правового сознания. Правовой компонент личности осужденных характеризуется крайне низкой готовностью к правовому поведению и слабой мотивацией к соблюдению правовых норм. Когнитивная сфера демонстрирует существенный дефицит правовых знаний при одновременно негативном отношении к правовым нормам и правоохранительным органам. Отмечается повышенная эмоциональная неустойчивость, трудности в социальной адаптации, низкий уровень волевой регуляции и коммуникативных способностей. Эмоциональный компонент правосознания отражает преобладание негативных установок по отношению к правовой системе в целом. Интегративный показатель развития правосознания существенно ниже нормативных значений, что подтверждает наличие системных проблем в правосознании осужденных. Статистический анализ выявил значимые взаимосвязи между уровнем правовой осведомленности и готовностью к правовому поведению, а также между личностными характеристиками и отношением к правоохранительным органам, что подтверждает достоверность полученных результатов.

Ключевые слова:

правосознание осужденных, исправительные центры, трансформация правосознания, уголовно-исполнительная система, ресоциализация, правовое воспитание

Для цитирования:

Сорокоумова С. Н., Ганишина И. С., Кулешова Е. А. Изучение персонифицированного правосознания осужденных, отбывающих наказание в исправительных центрах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 227–235.

Статья поступила в редакцию 03.08.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Studying the personalised legal consciousness of convicts serving sentences in correctional centers

Svetlana N. Sorokoumova¹, Doc. Sci. (Psy.), Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Education
Irina S. Ganishina², Doc. Sci. (Psy.), Professor
Elizaveta A. Kuleshova³, Postgraduate

¹ The Russian Academy of Education

8, Pogodinskaya str., Moscow, 119121, Russian Federation

¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

15A, build. 1, Narvskaya str., Moscow, 125130, Russian Federation

¹ Security Problems Studies Center of the Russian Academy of Sciences

21B, Garibaldi str., Moscow, 117335, Russian Federation

¹⁻³ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

1, Sennaya str., Ryazan, 390000, Russian Federation

¹ 4013@bk.ru, ² irinaganishina@yandex.ru, ³ kea3101@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>, ² <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>,

³ <https://orcid.org/0009-0004-8377-1931>

Abstract:

Introduction. The purpose of the empirical research was to study the personalised legal consciousness of convicts serving sentences in correctional centers. The sample consisted of 150 male convicts serving sentences in correctional centers of the Federal Penitentiary Service of Russia in Tambov Oblast and the Republic of Mordovia. The scientific problem lies in studying and providing a scientific rationale for the mechanisms of transformation of the legal consciousness of convicts serving sentences in correctional centers.

Research methods. The following complex of psychodiagnostic methods was used to study personalised legal consciousness: testing, the "Methodology for Studying Everyday Legal Consciousness" (L. A. Yasyukova), the "Level of Legal Consciousness Development" methodology" (O. A. Gulevich), the "Multilevel Personality Questionnaire" (A. G. Maklakov, S. V. Chermnyanin), the "Freiburg Personality Questionnaire" (A. A. Krylova, T. I. Roginskaya), and methods of mathematical statistics.

Results. The outcome of the research was the study of the personalised legal consciousness of convicts in correctional centers. The study revealed profound deformations in all structural components of their legal consciousness. The legal component of the convicts' personality is characterised by an extremely low readiness for law-abiding behaviour and weak motivation to comply with legal norms. The cognitive sphere shows a significant deficit in legal knowledge coupled with a simultaneously negative attitude towards legal norms and law enforcement agencies. Increased emotional instability, difficulties in social adaptation, low levels of volitional regulation and communication skills were noted. The emotional component of legal consciousness reflects a predominance of negative attitudes towards the legal system as a whole. The integrative indicator of legal consciousness development is significantly below normative values, confirming the presence of systemic problems in the convicts' legal consciousness. Statistical analysis revealed significant correlations between the level of legal awareness and readiness for law-abiding behaviour, as well as between personal characteristics and attitudes towards law enforcement agencies, which confirms the reliability of the obtained results.

Keywords:

legal consciousness of convicts, correctional centers, transformation of legal consciousness, penal system, re-socialisation, legal education

For citation:

Sorokoumova S. N., Ganishina I. S., Kuleshova E. A. Studying the personalised legal consciousness of convicts serving sentences in correctional centers // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 3 (107). P. 227–235.

The article was submitted August 3, 2025;
approved after reviewing September 15, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Правосознание является одним из ключевых элементов правовой культуры общества, отражающих отношение индивидов к праву, правовым нормам и правоприменительной практике. Особую значимость приобретает изучение правосознания лиц, находящихся в местах отбывания наказания, поскольку именно их правовое восприятие во многом определяет эффективность процесса исправления и последующей ресоциализации.

Исправительные центры выступают важнейшим элементом современной уголовно-исполнительной системы России, реализующим альтернативный подход к исполнению наказания в виде принудительных работ. Эти учреждения представляют собой особую форму исполнения наказания, где осужденные находятся под контролем администрации, но

сохраняют возможность взаимодействия с обществом, работают по трудовому договору и получают заработную плату. В контексте исследования персонифицированного правосознания осужденных изучение деятельности исправительных центров приобретает особую актуальность. Именно в условиях относительно свободного режима отбывания наказания наиболее ярко проявляются индивидуальные особенности правового восприятия осужденных, их отношение к установленным правилам и нормам воздействия и успешной ресоциализации осужденных после освобождения.

Актуальность исследования персонифицированного правосознания осужденных, отбывающих наказание в исправительных центрах, обусловлена необходимостью поиска эффективных механизмов исправления и ресоциализации. Особую значимость приобретает изучение правосознания осужденных в условиях исправительных центров, где реализуется более мягкий режим отбывания наказания по сравнению с исправительными колониями.

В психологической литературе правосознание наиболее часто определяют как комплекс идей, взглядов, оценок, представлений, а также эмоций и чувств, которые отражают человеческое отношение к существующему и желаемому порядку правовых отношений [1, с. 45].

В. А. Рыбаков представляет правосознание как систему знаний о праве, его истории и развитии: как эмоционально-целостное и интеллектуальное восприятие правовой реальности, как отношение индивида или общественных групп к существующему реализуемому правопорядку [2, с. 25].

Традиционно в структуре правового сознания выделяют два основных компонента: правовая идеология и правовая психология. Под первой понимается система научных взглядов, основанных на научных знаниях и принципах, которые выражаются через юридические категории [3, с. 74]. Сфера правовой идеологии включает в себя аргументированную критику или поддержку действующих правовых институтов [4, с. 103].

Правовая психология, в свою очередь, также представляет собой оценку правовой действительности, но при этом опирается на эмоции, ценностные отношения и чувства относительного права [5, с. 340].

Проведенный анализ научной литературы позволяет выделить фундаментальные подходы к пониманию правосознания как многоаспектного явления. В. П. Сальников и Н. И. Матузов внесли существенный вклад в развитие теории правосознания, представив его комплексную характеристику. Они отмечают, что «правосознание представляет собой сложную систему правовых взглядов, представлений, убеждений и оценок, которые формируются под влиянием различных социальных факторов» [6], и «рассматривают его как важнейший элемент правовой культуры общества и личности» [7, с. 41].

Теоретические основы изучения правосознания осужденных в юридической психологии были сформированы благодаря фундаментальным исследованиям классиков правовой науки. Их работы заложили методологическую базу для последующих исследований в данной области.

В своем исследовании А. Р. Ратинов считает, что «в правосознании личности существуют три функциональных компонента в соответствии с основными сферами личности (интеллектуальной, эмоциональной и волевой), которые определяют функциональную структуру правосознания» [8].

В. Н. Кудрявцев, развивая теоретические положения о правосознании, дает его развернутое определение. Согласно его концепции, правосознание представляет собой «совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей к действующему или желаемому праву» [9].

Н. С. Таганцев особое внимание уделяет практической значимости правосознания в пенитенциарной практике. Ученый подчеркивает: «правосознание осужденного является ключевым фактором, влияющим на процесс исправления и ресоциализации личности»¹.

А. С. Михлин, проводя комплексный анализ правосознания осужденных, формирует фундаментальное понимание данного феномена в контексте пенитенциарной психологии. Его исследования позволяют раскрыть сущностные характеристики правосознания лиц, отбывающих наказание. По мнению ученого, правосознание осужденных представляет собой «специфическую форму общественного сознания, отражающую их отношение к действующему законодательству, правовым нормам и правоприменительной практике» [10–12].

В. Иванов утверждал, что «правосознание – это не только правовая психология и правовая идеология. Правосознание человека есть акт совести, проверяющей соответствие свободной воли человека, его деятельности и помыслов законам нравственности, данным от Бога» [13, с. 110].

По мнению А. И. Рябиной, теоретический анализ правосознания осужденных позволяет выделить его специфику, обусловленную особой социальной ситуацией развития личности,

¹ См.: Правовое воспитание осужденных: методические рекомендации / под ред. С. А. Ветошкина. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2017. 120 с.

спецификой правового статуса, особенностями социального окружения, спецификой правового воздействия [14].

В своем исследовании И. С. Ганишина, А. С. Гусева и С. Н. Сорокоумова обращают внимание на важную особенность правосознания лиц, совершивших коррупционные преступления, отмечая: «Смысловая сфера личности осужденных за коррупционные преступления имеет специфические особенности, отражающиеся в их правосознании»².

Е. Л. Сучкова особое внимание уделяет многоуровневому характеру правосознания осужденных и его трансформации в условиях изоляции от общества. В ее исследовании делается акцент на выявление таких «уровней правосознания осужденных как индивидуальный, групповой и институциональный» [15, с. 135]. Согласно концепции ученого правосознание осужденных формируется под влиянием специфических факторов пенитенциарной среды и происходит в процессе реализации исправительного воздействия.

Ученый отмечает такие особенности правосознания осужденных, как наличие противоречий между правовыми знаниями и реальным поведением, деформация ценностных ориентаций, специфика восприятия правовых норм, влияние криминальной субкультуры [16, с. 106].

Механизмы трансформации правосознания, по мнению исследователя, включают в себя правовое просвещение, социально-психологическую адаптацию, профессиональную подготовку и организацию общественно-полезного труда [17, с. 63].

С. В. Русаков рассматривает трансформацию жизненных планов осужденных как неотъемлемый компонент формирования их правосознания в условиях исправительного учреждения.

Анализируя динамику изменений, С. В. Русаков выделяет последовательные этапы трансформации жизненных планов: от осознания необходимости перемен через формирование новых ценностных ориентиров к постановке конкретных целей и разработке путей их достижения. При этом особое внимание уделяется взаимосвязям между изменением жизненных планов, трансформацией правосознания и формированием законопослушного поведения³.

А. С. Чертовикова подчеркивает, что жизненные планы выступают важным индикатором происходящих изменений в правосознании личности осужденного [18].

Результаты исследования демонстрируют, что успешная трансформация жизненных планов осужденных оказывает существенное влияние на укрепление позитивных правовых установок, развитие мотивации к правопослушному поведению и формирование устойчивых навыков социальной адаптации.

Таким образом, проведенный нами теоретический анализ позволил установить комплексную природу правосознания осужденных в условиях исправительных центров. В ходе исследования была выявлена многоуровневая структура правосознания, которая проявляется на индивидуальном, групповом и институциональном уровнях, причем каждый из них обладает собственными характеристиками и механизмами формирования.

Цель исследования: изучение персонифицированного правосознания осужденных, отбывающих наказание в исправительных центрах.

Методы и методики исследования

Для изучения персонифицированного правосознания осужденных, отбывающих наказание в исправительных центрах, был использован следующий психодиагностический инструментарий: тестирование, «Методика изучения обыденного правосознания» (Л. А. Ясюкова), «Уровень развития правосознания» (О. А. Гулевич), «Многоуровневый личностный опросник» (А. Г. Маклаков, С. В. Чермянин), Фрагбургский личностный опросник (А. А. Крылова, Т. И. Рогинская). С целью изучения персонифицированного правосознания осужденных, отбывающих наказание в исправительных центрах, нами было проведено эмпирическое исследование. Выборку исследования составили 150 осужденных мужчин, отбывающих наказание в ФКУ ИЦ-2 УФСИН России по Тамбовской области и в ФКУ ИЦ-1 УФСИН России по Республике Мордовия.

Результаты исследования

Для изучения персонифицированного правосознания нами применялся метод тестирования «Методика изучения обыденного правосознания» (Л. А. Ясюкова). Анализ показателей по основным шкалам методики демонстрирует наличие существенных особенностей в правовом

² См.: Ганишина И. С., Гусева А. С., Сорокоумова С. Н. О результатах эмпирического исследования психологических особенностей смысловой сферы личности осужденных за коррупционные преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. №1 (97). С. 230–237. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-230-237>

³ Сорокоумова С. Н., Русаков С. В., Ганишина И. С. О трансформации жизненных планов осужденных в местах лишения свободы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (99). С. 258–266. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-258-266>

сознании исследуемой группы осужденных. По шкале правовой осведомленности зафиксировано среднее значение 4,2 балла, что свидетельствует о наличии значительных пробелов в знаниях правовых норм и фрагментарности правовых представлений. Показатели отношения к правовым нормам (3,8 балла) свидетельствуют о противоречивости и двойственности правовых установок осужденных. По шкале готовности к правовому поведению зафиксировано критически низкое значение 2,9 балла, что указывает на слабую мотивацию к соблюдению правовых норм и склонность к противоправным действиям. Показатели восприятия правоохранительных органов (2,5 балла) демонстрируют преобладание негативных установок и недоверия к правоохранительной системе, что существенно влияет на формирование правосознания осужденных. По шкале социальной ответственности зафиксировано значение 3,4 балла, свидетельствующее о недостаточной развитости данного компонента правосознания и низком уровне социальной ориентированности (рисунок 1).

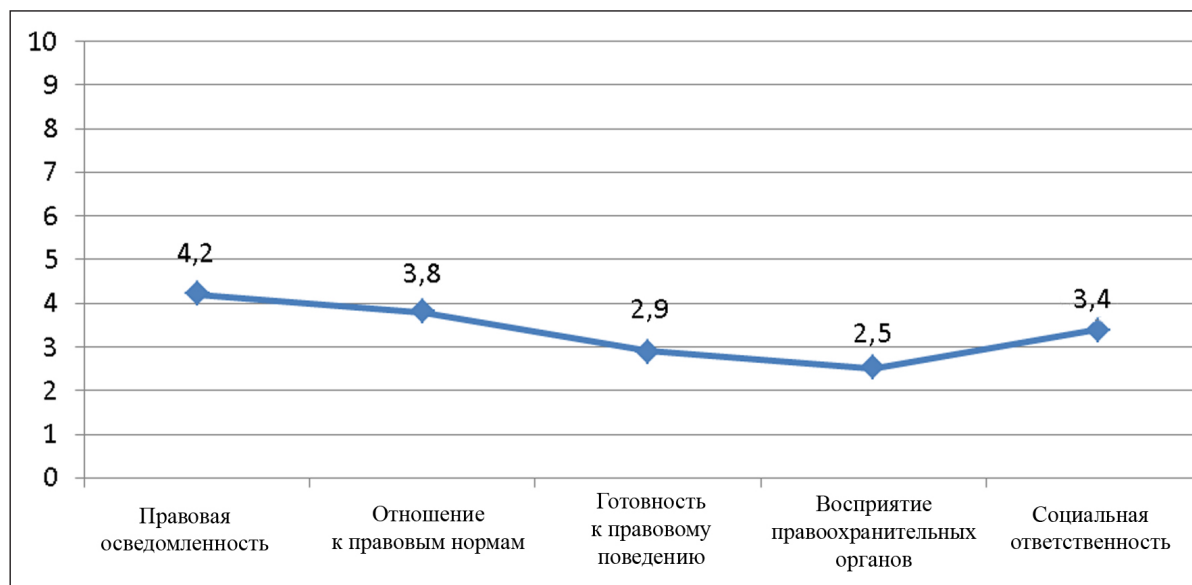

Рис. 1. Средние значения выраженности правосознания
(по методике изучения обыденного правосознания Л. А. Ясюковой)

Fig. 1. Average values of the severity of legal consciousness
(according to L. A. Yasyukova's methodology for studying everyday legal consciousness)

Полученные данные свидетельствуют о наличии глубоких деформаций в структуре правосознания исследуемой категории лиц, что проявляется в низком уровне правовой осведомленности, противоречивости правовых установок и недостаточной готовности к правовому поведению.

Опираясь на результаты исследования по методике «Уровень развития правосознания» (О. А. Гулевич), можно сделать следующие выводы относительно состояния правосознания осужденных.

По когнитивному компоненту правосознания зафиксированы низкие показатели (средний балл – 2,15), что свидетельствует о существенном дефиците правовых знаний и представлений у исследуемой группы осужденных. В эмоциональном компоненте правосознания выявлены преимущественно негативные показатели (средний балл – 2,89), характеризующиеся выраженным недоверием к правовой системе и отчуждением от правовых институтов. Полученные данные подтверждают наличие тревожности и негативного отношения к правовым нормам. По поведенческому компоненту зафиксированы критически низкие значения (средний балл – 1,92), что указывает на слабую готовность осужденных к правомерному поведению и склонность к противоправным действиям. В ценностно-нормативном компоненте выявлены деформации базовых правовых ценностей (средний балл – 2,34), проявляющиеся в преобладании утилитарного отношения к правовым нормам и восприятии их как ограничителей, а не защитных механизмов. Интегративный показатель уровня развития правосознания составил 2,33 балла, что существенно ниже нормативных значений и подтверждает наличие глубоких деформаций в структуре правосознания осужденных (рисунок 2).

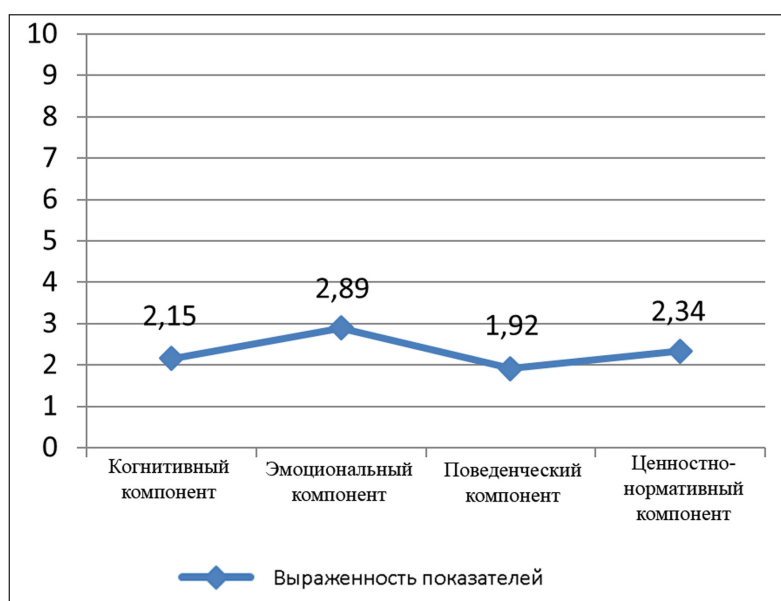

Рис. 2. Средние значения уровня развития правосознания
(по методике "Уровень развития правосознания" О. А. Гулевич)

Fig. 2. Average values of the level of legal consciousness development
(according to O. A. Gulevich's "Level of Legal Consciousness Development" methodology)

Проведенное исследование уровня развития правосознания осужденных по методике О. А. Гулевич позволило выявить существенные деформации в структуре правового сознания исследуемой категории лиц. Анализ полученных данных свидетельствует о наличии глубоких нарушений по всем компонентам правосознания, что проявляется в низком уровне правовых знаний, негативных эмоциональных установках и слабой готовности к правомерному поведению.

На основании результатов исследования, проведенного с помощью многоуровневого личностного опросника (А. Г. Маклаков, С. В. Чермянин), мы пришли к выводу, что по шкале невротизма (нейротизма) обследованные лица демонстрируют повышенные показатели со средним значением 6,2 балла, что свидетельствует о наличии эмоциональной неустойчивости, тревожности и склонности к депрессивным состояниям. По шкале психотизма зафиксированы значения 4,8 балла, указывающие на определенную степень эмоциональной отчужденности и трудности в социальной адаптации. Показатели по шкале экстраверсии-интроверсии составили 5,3 балла, что отражает тенденцию к замкнутости и снижению социальной активности. Особого внимания заслуживают результаты по шкале психологической адаптации, где средние значения находятся на уровне 4,1 балла, что указывает на затруднения в процессе социальной адаптации и приспособления к условиям отбывания наказания. По шкале стрессоустойчивости получены показатели 3,9 балла, свидетельствующие о сниженной способности противостоять стрессовым факторам и повышенном риске развития психологических проблем в стрессовых ситуациях (рисунок 3).

Результаты исследования с применением многоуровневого личностного опросника (А. Г. Маклаков, С. В. Чермянин) позволили получить комплексную оценку психологического состояния осужденных. Анализ полученных данных свидетельствует о наличии существенных психологических особенностей и деформаций в личностной сфере исследуемой категории лиц.

Результаты исследования личностных особенностей осужденных с помощью Фрайбургского личностного опросника (А. А. Крылова, Т. И. Рогинская) продемонстрировали комплексную картину психологических особенностей данной категории лиц.

По шкале эмоциональной устойчивости зафиксирован средний показатель 3,8 балла при нормативных значениях 5,0–6,0, что указывает на наличие выраженной эмоциональной нестабильности, повышенной тревожности и склонности к депрессивным состояниям у осужденных.

Показатели по шкале социальной адаптации составили 4,1 балла, свидетельствуя о существенных трудностях в установлении межличностных контактов и адаптации к условиям социальной среды.

Результаты по шкале волевой регуляции с показателем 3,5 балла демонстрируют снижение способности к самоконтролю и саморегуляции поведения, что может способствовать рецидивному поведению.

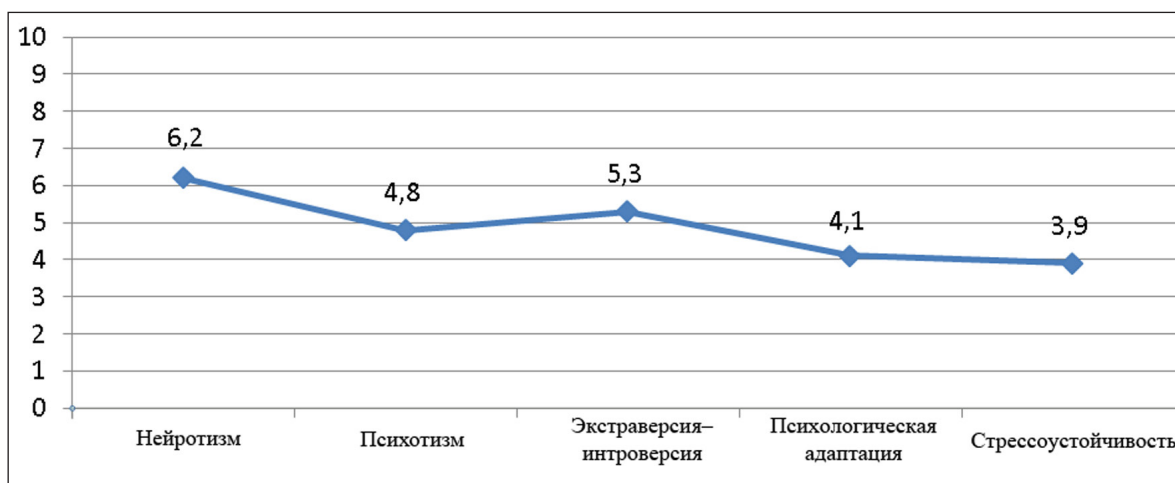

Рис. 3. Результаты многоуровневого личностного опросника
(А. Г. Маклаков, С. В. Чермянин)

Fig. 3. Results of the "Multilevel Personality Questionnaire"
(A. G. Maklakov, S. V. Chermynin)

По шкале мотивационной направленности зафиксировано значение 3,2 балла, подтверждающее наличие негативных установок и снижение социальной активности.

Показатели коммуникативных способностей на уровне 3,6 балла указывают на затруднения в построении конструктивных взаимоотношений с окружающими (рисунок 4).

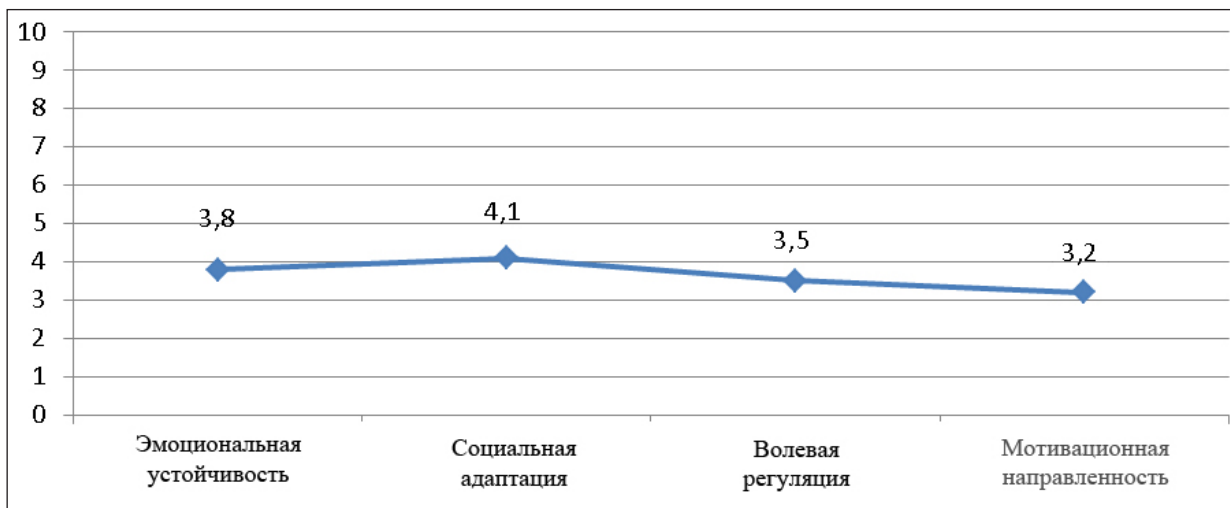

Рис. 4. Результаты исследования личностных особенностей осужденных
(А. А. Крылова, Т. И. Рогинская)

Fig. 4. Results of the study of personal characteristics of convicts (A. A. Krylova, T. I. Roginskaya)

Проведенное комплексное исследование правосознания осужденных позволило получить значимые статистические данные, свидетельствующие о глубоких деформациях в структуре их правового сознания (таблица 1).

Анализ результатов полученных данных показал, что правовой компонент характеризуется существенными отклонениями от нормативных показателей. Особенно тревожным является крайне низкий уровень готовности к правовому поведению (2,9 балла), что указывает на слабую мотивацию к соблюдению правовых норм.

Когнитивная сфера демонстрирует значительный дефицит правовых знаний, о чем свидетельствует показатель когнитивного компонента на уровне 2,15 балла. При этом отношение к правовым нормам (3,8 балла) и восприятие правоохранительных органов (2,5 балла) характеризуются выраженной негативной окраской.

Личностные особенности осужденных также требуют особого внимания. Выявлен повышенный уровень невротизма (6,2 балла), что сопровождается эмоциональной неустойчивостью

и трудностями в социальной адаптации (4,1 балла). Показатели волевой регуляции (3,5 балла) и коммуникативных способностей (3,6 балла) находятся на низком уровне.

Эмоциональный компонент правосознания (2,89 балла) отражает преобладание негативных установок по отношению к правовой системе. Особенно показательно низкое значение интегративного показателя развития правосознания (2,33 балла), что существенно ниже нормативных значений.

Статистический анализ выявил значимые корреляционные связи между уровнем правовой осведомленности и готовностью к правовому поведению, а также между личностными характеристиками и отношением к правоохранительным органам. Все полученные результаты статистически значимы при $p < 0.05$, что подтверждает достоверность выявленных закономерностей.

Таблица 1

Интегративные показатели исследования правосознания
(с использованием *t*-критерия Стьюдента)

Table 1

*Integrative indicators of the study of legal consciousness (using Student's *t*-test)*

Компонент	Среднее значение
Правовая осведомленность	4,2
Когнитивный компонент	2,15
Эмоциональный компонент	2,89
Поведенческий компонент	1,92
Личностные характеристики	4,8–6,2

Примечание – Уровень значимости $p < 0,05$.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о наличии у осужденных комплексной психологической проблематики, характеризующейся эмоциональной неустойчивостью, трудностями социальной адаптации, снижением волевой регуляции, коммуникативными нарушениями и низкой стрессоустойчивостью.

3 заключение

По результатам проведенного эмпирического исследования установлено, что у осужденных, содержащихся в исправительных центрах, формируется специфическая структура личности, характеризующаяся эмоциональной напряженностью, деформацией правосознания и сниженной способностью к социальной адаптации. На основании проведенного исследования и выявленных особенностей осужденных необходимо осуществление целенаправленной коррекционной работы по формированию персонифицированного правосознания с помощью правового просвещения, индивидуальной и групповой психокоррекционной работы,

Реализация данных методов должна осуществляться комплексно, с учетом индивидуальных особенностей каждого осужденного и степени деформации его правосознания. Особое внимание следует уделить формированию устойчивых позитивных правовых установок и навыков законопослушного поведения.

Таким образом, исследование показало актуальность проведения целенаправленной работы по коррекции личностных особенностей и правосознания осужденных в условиях исправительных центров.

Список источников

1. Кожевников В. В. К проблеме предмета отражения правосознания и его структуры // Государство и право. 2020. № 12. С. 45–46.
2. Рыбаков В. А. Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 3 (44). С. 23–28.
3. Гасарова М. А. Проблема правосознания как социокультурного феномена // Манускрипт. 2017. № 9 (83). С. 73–75.
4. Ушков Ф. И., Пименов Н. А. Взаимосвязь когнитивного и ценностного компонентов в структуре правового сознания студентов // Вестник Самарского юридического института. 2024. № 5 (61). С. 102–106. <https://doi.org/10.37523/SUI.2024.61.5.016>
5. Панченко А. М., Канина И. А. Правовая психология как элемент правового сознания сотрудников органов безопасности // Вестник университета. 2014. № 20. С. 339–442.
6. Сальников В. П., Сальников М. В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37). С. 14–20.

7. Матузов Н. И. Правовая система и личность : [монография]. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1987. 294 с.
8. Ратинов А. Р. Структура правосознания и некоторые методы его исследования // Избранные труды / сост. М. В. Кроз, Н. А. Ратинова ; предисл. О. Д. Ситковской. Москва : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. С. 82–94.
9. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение : Норма и патология. Москва : Наука, 1982. 287 с.
10. Михлин А. С. Колонии-поселения: история возникновения, правовая природа, перспективы развития // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения : межвузовский сборник. Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1989. С. 102–116.
11. Михлин А. С. Колонии-поселения и ограничение свободы // Социалистическая законность. 1991. № 4. С. 51–53.
12. Сыч К. А. Теоретико-правовой взгляд профессора А. С. Михлина на общественно полезные работы в системе наказаний и практику их исполнения // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28 (1–4), № 2. С. 304–310. [https://doi.org/10.33463/1999-9917.2020.28\(1-4\).2.304-310](https://doi.org/10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.304-310)
13. Иванов В. Вера – совесть – правосознание – государство // Право и жизнь. 1994. № 6. С. 98–126.
14. Рябинин Н. А. Проявление особенностей правового сознания и правовой культуры в правомерном поведении субъектов права // NOVAUM.RU. 2018. № 15. С. 274–277.
15. Сучкова Е. Л. Направления работы по коррекции содержания психологии группового правосознания осужденных // Психология и право : [электронный журнал]. 2019. Т. 9, № 1. С. 132–143. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090110>
16. Сучкова Е. Л. Концепция исследования психологии группового правосознания осужденных // Психология и право : [электронный журнал]. 2018. Т. 8, № 2. С. 101–112. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080208>
17. Сучкова Е. Л. Представления осужденных о справедливости в правовом контексте // Прикладная юридическая психология. 2016. № 1 (34). С. 61–69.
18. Чертовикова А. С. Жизненные планы осужденных, впервые отбывающих уголовное наказание // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-2. С. 407–410.

Вклад авторов:

Сорокоумова С.Н. – критический анализ литературы; доработка текста;
Ганишина И.С. – проведение эмпирического исследования; систематизация
и представление авторского аналитического материала; доработка текста.
Кулешова Е.А. – теоретический анализ литературы и результатов эмпирического
исследования; проведение эмпирического исследования.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author Contributions:

Sorokoumova S. N. – critical analysis of literature; text revision;
Ganishina I. S. – conducting empirical research; systematisation and
presentation of the authors' analytical material; text revision.
Kuleshova E. A. – theoretical analysis of literature and empirical research
results; conducting empirical research.

Научная статья
УДК 159.944.4

Динамика ранних личностных изменений у сотрудников органов внутренних дел, выполнявших оперативно-служебные задачи в особых условиях

Юлия Юрьевна Стрельникова, доктор психологических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д.1), Российская Федерация

ulich1969@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8375-1293>

Аннотация:

Введение. В статье проанализирована динамика ранних личностных изменений и эмоционального состояния у сотрудников органов внутренних дел, выполнявших оперативно-служебные задачи в составе сводных отрядов на территории новых регионов Российской Федерации. Представлены результаты исследования негативных, компенсаторно-защитных и позитивных аспектов влияния особых условий деятельности на личность. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обоснования показаний к ранней психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел, выполнявших оперативно-служебные задачи в особых условиях.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 47 сотрудников органов внутренних дел, средний возраст $35,93 \pm 6,1$ лет, которые 90 суток находились в составе сводных отрядов на территории новых регионов Российской Федерации. Методики исследования: стандартизированный многофакторный метод исследования личности (далее – СМЛ), тест М. Люшера. Статистическая обработка результатов проводилась методами описательного и сравнительного анализа. Для оценки достоверности различий зависимых выборок применяли Т-критерий Вилкоксона с уровнем значимости ($p < 0,05$).

Результаты. Выявлены три варианта ранних личностных изменений у сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД): негативные (избыточное возбуждение, психическая напряженность, импульсивность, вспыльчивость, тревожность, ригидность, индивидуалистичность, невротический контроль, пессимистичность, смешанный тип стрессового реагирования, предрасположенность к неврастеническому или психосоматическому варианту дезадаптации); компенсаторно-защитные (быстрое реагирование на изменения оперативной обстановки, осторожность, недоверчивость, эмоциональная отстраненность, вытеснение, отрицание, обесценивание проблем, оптимизация энергозатрат, потребность в отдыхе и поддержке); позитивные (физиологическая мобилизованность, активность, способность к быстрому анализу ситуации и принятию решения, мужественность, прагматичность, упорство, практичность, конформизм, оптимистичность). Рекомендуется включить в индивидуальную программу психологической реабилитации сотрудников ОВД упражнения по развитию способности к самоанализу и саморегуляции эмоционального состояния, коррекции импульсивного и агрессивного поведения. Психотерапия может быть направлена на коррекцию конфликтного сочетания противоречивых личностных черт, неконструктивных и дезадаптивных установок, ценностно-смысловой сферы личности, проработку невротических и психосоматических симптомов (методами телесно-ориентированной, когнитивно-поведенческой, краткосрочной позитивной, патогенетической и гештальт-терапии).

Ключевые слова:

сводные отряды полиции, особые условия деятельности, специальная военная операция, медико-психологическая реабилитация

Для цитирования:

Стрельникова Ю. Ю. Динамика ранних личностных изменений у сотрудников органов внутренних дел, выполнявших оперативно-служебные задачи в особых условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 236–245.

Статья поступила в редакцию 29.06.2025;
одобрена после рецензирования 09.09.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Dynamics of early personality changes of internal affairs bodies employees who performed operational and service tasks in special conditions

Yulia Yu. Strelnikova, Doc. Sci. (Psy.), Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
ulich1969@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8375-1293>

Abstract:

Introduction. The article analyses the dynamics of early personality and emotional state changes in employees of internal affairs bodies who performed operational and service tasks being part of joint detachments on the territory of the new regions of the Russian Federation. The article presents the results of a study of negative, compensatory-protective and positive aspects of the influence of special conditions of activity on the personality. The relevance of the study is due to the need of substantiating indications for early psychological rehabilitation of the employees of internal affairs bodies performing operational and service tasks in particular conditions.

Material and methods. The study involved 47 employees of internal affairs bodies, average age 35.93 ± 6.1 years, who spent 90 days acting as part of joint detachments on the territory of the new regions of the Russian Federation. Research methods: standardised multifactorial method of personality research, M. Luscher test. Data statistical treatment of the results was carried out with the help of descriptive and comparative analysis methods. To assess the reliability of differences in dependent samples, the Wilcoxon T-test was used, with a significance level of ($p < 0.05$).

Results. Three variants of early personality changes of the internal affairs bodies employees were revealed: negative (excessive excitement, mental tension, impulsiveness, irascibility, anxiety, rigidity, individualism, neurotic control, pessimism, mixed type of stress response, predisposition to neurasthenic or psychosomatic maladaptation); compensatory and protective (quick response to changes in the operational situation, caution, distrust, emotional detachment, repression, denial, devaluation of problems, optimisation of energy costs, need for rest and support); positive (physiological mobilisation, activity, ability to quickly analyse a situation and make a decision, masculinity, pragmatism, persistence, practicality, conformism and optimism). It is recommended to include exercises to develop the ability of self-analysis and self-regulation in the sphere of emotional state, correction of impulsive and aggressive behaviour in the individual programme of psychological rehabilitation of police officers. Psychotherapy can be aimed at correcting the conflict combination of contradictory personality traits, non-constructive and maladaptive attitudes, the value-semantic sphere of the personality, working through neurotic and psychosomatic symptoms (using body-oriented, cognitive-behavioural, short-term positive, pathogenetic and gestalt therapy methods).

Keywords:

joint police units, special conditions of activity, special military operation, medical and psychological rehabilitation

For citation:

Strelnikova Yu. Yu. Dynamics of early personality changes of internal affairs bodies employees who performed operational and service tasks in special conditions // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 236–245.

The article was submitted June 29, 2024;
approved after reviewing September 9, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Особые условия оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) – это обстановка на определенной территории, представляющая непосредственную угрозу жизни, здоровью и безопасности граждан или конституционному строю Российской Федерации, требующая от органов внутренних дел чрезвычайных (специальных организационных и административно-правовых) мер, а также ресурсного обеспечения [1]. В новых регионах Российской Федерации, освобожденных в результате специальной военной операции (далее – СВО), сводные отряды полиции несут службу в усиленном варианте охраны общественного порядка и жизненно важных объектов, контролируют передвижения транспортных средств, проводят досмотровые мероприятия, проверяют соблюдение гражданами требований режима военного положения, а также противодействуют провокациям и диверсионным группам противника, осуществляют оперативно-розыскную и контртеррористическую деятельность, обеспечивая безопасность

мирного населения¹. Особые условия служебной деятельности вызывают у сотрудников ОВД интенсивное психофизиологическое напряжение, направленное на максимальное использование всех имеющихся ресурсов в целях эффективного выполнения оперативно-служебных задач, обеспечения личной и общественной безопасности. При выполнении оперативно-служебных задач в особых условиях наиболее психотравмирующим является не кратковременное интенсивное воздействие, а дискретный характер длительно действующих стрессовых и психотравмирующих факторов [2]. По мнению Г. В. Гнездилова, В. В. Киселева, основными психогенными факторами в условиях СВО являются «возникновение „снарядного шока” и дронобоязни, поскольку современные боевые действия и их исход во многом определяются действиями артиллерии и дроноводов» [3, с. 36]. Н. М. Иванов, З. А. Шугушева с соавторами установили, что «самой многочисленной группой в структуре первичной заболеваемости психическими расстройствами (75,8 %) у сотрудников ОВД являются невротические, связанные со стрессом, и соматоформные расстройства (F40–F48) с тенденцией к увеличению при учете экзогенного фактора» [4, с. 134]. В исследовании М. В. Двинских, Е. Г. Ичитовкиной с соавторами выявлено, что «военнослужащие, принимавшие участие непосредственно в боевых операциях, в отличие от лиц, которые подвергались угрозе жизни не на первой линии боевых действий, имеют высокий риск формирования посттравматического стрессового расстройства, страдают субклиническими тревожно-депрессивными расстройствами, имеют дезадаптивный уровень копинг-стратегий, вследствие чего „для стабилизации” своего психического состояния могут употреблять алкоголь или успокаивающие средства» [5, с. 87]. По данным Е. Г. Ичитовкиной с соавторами, формированию пограничных психических расстройств наиболее подвержены полицейские, командированные в зоны с особыми условиями служебной деятельности 5 и более раз, отличающиеся «агрессивностью, признаками психологической дезадаптации в эмоциональной сфере личности и склонные преувеличивать имеющиеся проблемы» [6, с. 41]. Поэтому важно проводить мониторинг эмоционального состояния и оценивать динамику личностных изменений (как предикторов возможной психической дезадаптации) у сотрудников ОВД в ранние сроки после возвращения из командировки.

Помимо своевременной диагностики психологических последствий особых условий деятельности актуальной проблемой для психологов остается реадaptация сотрудников ОВД и разработка комплексных программ их психологической реабилитации, регламентируемых приказом МВД России от 23 июля 2024 г. № 429². Основными принципами оказания медико-психологической помощи являются: принцип нормальности посттравматических проявлений, раннее выявление стресс-ассоциированных расстройств, комплексность и доступность психолого-психиатрической помощи, принцип партнерства, ориентации на личностные ресурсы [7]. К показаниям для медико-психологической реабилитации (МПР) относятся: снижение адаптационных возможностей организма и профессиональной работоспособности сотрудников, переутомление, нарушения эмоциональной, волевой сферы личности и поведения (нервозность, возбуждение, тревога, вспыльчивость, агрессивность, конфликтность, немотивированная активность, расторможенность, подозрительность, замкнутость и др.)³. Для психологической коррекции указанных дезадаптивных проявлений отечественные и зарубежные авторы предлагают различные подходы и методы. По мнению Е. В. Морозовой и С. С. Алексанина, «в ходе мероприятий психологической реабилитации необходимо своевременно выявлять степень эмоциональной напряженности, корректировать эмоциональное состояние и формировать копинг-компетентность личности в части усвоения и наработки навыков использования адаптивных способов совладания» [8, с. 510]. Например, Т. F. Denson с соавторами предложили тренинг по развитию способности самоконтроля агрессивного поведения, где участники подвергались различным провокациям и шумовым воздействиям, а затем использовали полученные навыки самоконтроля в повседневных делах и профессиональной деятельности [9]. Т. А. Караваева, А. В. Васильева с соавторами считают особенно важным профилактическим методом развития посттравматических последствий

¹ О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей : Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 43. Ст. 7381.

² О медико-психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Порядком и местами проведения медико-психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации») : приказ МВД России от 23 июля 2024 г. № 429 (зарег. в Минюсте России 30.08.2024, № 79354) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409020005> (дата обращения: 27.06.2025).

³ Там же.

«информационно-психологическую поддержку (информирование об особенностях и возможной динамике состояния с учетом актуального психического статуса личности), которая выступает в качестве способа снижения уровня стигматизации, формирования представлений о возможных реакциях и вариантах специализированной помощи» [10, с. 90]. Многие исследователи отмечают полиморфность посттравматической симптоматики [11–13], наличие не только негативных, но и позитивных личностных изменений [14], поэтому в последние годы совершенствуются традиционные подходы и разрабатываются новые методы психологической помощи участникам вооруженных конфликтов [15] и членам семей ветеранов специальной военной операции [16].

Таким образом, актуальность исследования динамики психологического состояния и ранних личностных изменений сотрудников ОВД, выполнявших оперативно-служебные задачи в новых субъектах Российской Федерации, обусловлена необходимостью обоснования показаний и определения направлений дифференцированного подхода к психологической коррекции и реабилитации последствий деятельности в особых условиях.

Гипотеза исследования: выполнение оперативно-служебных задач в особых условиях деятельности является фактором, изменяющим эмоциональное состояние и личностные особенности сотрудников ОВД. Произошедшие изменения могут носить не только негативный, адаптивный (компенсаторно-защитный), но и позитивный характер.

Эмпирическая база исследования

Выборку лонгитюдного исследования составили сотрудники ОВД ($n = 47$), средний возраст – $35,93 \pm 6,1$ лет, которые в составе сводных отрядов находились в особых условиях деятельности на территории новых регионов Российской Федерации (длительность пребывания в зоне специальной военной операции 90 суток), а после командировки вернулись к исполнению служебных обязанностей в соответствии с занимаемой должностью.

Методы и методики исследования

Для изучения динамики ранних (до 1 года) психологических последствий деятельности в особых условиях (изменения эмоционального состояния и личностных особенностей) использовались: стандартизированный многофакторный метод исследования личности⁴ (СМИЛ, в адаптации Л. Н. Собчик), проективный тест М. Люшера⁵. Статистическая обработка результатов исследования проводилась методами описательного и сравнительного анализа с использованием IBM SPSS Statistics (версия 22.0). Для оценки достоверности различий зависимых выборок применялся непараметрический Т-критерий Вилкоксона (Wilcoxon) с уровнем значимости ($p < 0,05$).

Результаты и обсуждение

Результаты сравнительного анализа психического состояния сводных отрядов сотрудников ОВД до и после командировки в новые регионы Российской Федерации представлены в таблице 1.

У сотрудников ОВД не выявлено значимых различий в последовательности цветового ряда теста Люшера: до (2, 4, 3, 5, 1, 0, 6, 7) и после (4, 2, 3, 5, 1, 0, 6, 7) командировки в новые регионы Российской Федерации. Он не совпадает с аутогенной нормой, однако, исходя из анализа психологического смысла цветовых предпочтений, отражает благоприятный прогноз успешности групповой деятельности сводного отряда в особых условиях (зеленый и желтый цвет в начале ряда, коричневый и черный в конце). Аутогенная норма цветовых выборов (установленная у 10,6 % сотрудников до командировки) уместна только для привычной служебной деятельности в мирных условиях. Но для особых условий предпочтительным является выбор зеленого и желтого цветов, которые символизируют оптимистичность, активность, волевой самоконтроль, упорство, умение сосредоточиться на главной задаче и планомерной деятельности. Коричневый и черный цвета в конце цветового ряда отражают добровольное самоограничение в отдыхе, избегание расслабленного покоя, стремление видеть себя сильным и независимым человеком, безжалостно

⁴ Собчик Л. Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМИЛ : (Практикум по психодиагностике). Санкт-Петербург : Речь, 2002. 219 с.

⁵ Филимонов Ю. И. Цветовой тест Люшера. Модификация «попарные сравнения» : Методическое руководство. Санкт-Петербург, 1993. 42 с.

относящимся к проявлениям собственной слабости и игнорирующим усталость. Такая установка носит защитный характер и дает возможность «не замечать» стресс-факторы и бытовой дискомфорт в особых условиях деятельности.

Таблица 1

Сравнительный анализ психического состояния сводных отрядов сотрудников ОВД до и после командировки в новые регионы Российской Федерации

Table 1

Comparative analysis of the mental state of joint units of police officers before and after the assignment to serve in the new regions of the Russian Federation

Показатели теста М. Люшера (условные обозначения: цвет, ед.)	Значения показателей в группах обследованных ($M \pm \sigma$), баллы		p
	до командировки	после командировки	
Желтый («4»)	$5,24 \pm 2,02$	$5,54 \pm 1,79$	0,43
Зеленый («2»)	$5,18 \pm 1,64$	$5,46 \pm 1,29$	0,34
Красный («3»)	$4,70 \pm 1,59$	$4,64 \pm 1,59$	0,85
Фиолетовый («5»)	$3,92 \pm 1,88$	$4,06 \pm 1,64$	0,69
Синий («1»)	$3,42 \pm 1,99$	$3,76 \pm 1,89$	0,38
Серый («0»)	$2,70 \pm 1,83$	$2,42 \pm 1,63$	0,42
Коричневый («6»)	$2,28 \pm 1,73$	$1,80 \pm 1,16$	0,11
Черный («7»)	$0,50 \pm 0,93$	$0,38 \pm 1,12$	0,56
Суммарное отклонение («СО»)	$12,06 \pm 4,77$	$10,62 \pm 3,58$	0,05
Вегетативный коэффициент («ВК»)	$1,20 \pm 0,47$	$1,12 \pm 0,33$	0,34

До и после командировки у сотрудников ОВД не было выявлено значимых различий в средних значениях вегетативного коэффициента (далее – ВК). Оптимальная физиологическая мобилизованность, умеренная активность и деятельное возбуждение ($BK = 1,0 - 1,5$) отмечались у 46,8 % сотрудников перед командировкой и у 55,3 % обследованных лиц – после возвращения в места постоянной дислокации. У данных сотрудников наиболее вероятно высокая скорость ориентировки в оперативной обстановке, принятия обоснованных решений и успешность действий в особых условиях. Однако у 21,3 % сотрудников перед командировкой и у 12,8 % сотрудников после отмечались высокие значения ВК (1,51–5,0), свидетельствующие о доминировании симпатического отдела вегетативной нервной системы и состоянии «предстартовой лихорадки», являющейся фактором риска низкой эффективности деятельности в особых условиях. В сложных обстоятельствах у таких сотрудников могут формироваться лихорадочные реакции: гипервозбудимость, импульсивность, потеря самоконтроля, избыточное сковывающее напряжение. Установка на оптимизацию расходования сил, умеренная потребность в восстановлении и отдыхе ($BK = 0,48 - 0,99$) отмечалась у 36,1 % сотрудников до и у 38,3 % – после командировки в новые регионы Российской Федерации. Данные значения ВК указывают на невысокий энергопотенциал, которого достаточно для успешной деятельности в привычных спокойных условиях. В особых условиях деятельности возможна временная эффективная мобилизация перед лицом опасности, однако вероятным является также запаздывание с принятием решений и замедленная ориентировка в оперативной обстановке.

Значимые различия выявлены в динамике значений показателя суммарного отклонения (СО), отражающего уровень непродуктивной напряженности, который снизился после возвращения

в места постоянной дислокации. У 10,6 % сотрудников ОВД до командировки и у 4,2 % лиц после выявлены высокие показатели нервно-психической напряженности (СО = 20–25 ед.), характеризующиеся повышенной возбудимостью, дистимией, тревожностью, низкой активностью, нецеленаправленностью и ненадежностью действий в стрессовой ситуации. У 53,2 % сотрудников до и у 38,3 % обследованных после командировки выявлен средний уровень нервно-психической напряженности (СО = 12–19 ед.), позволяющий справляться со своими служебными обязанностями в пределах средних, сложившихся требований. В случае необходимости данные сотрудники способны преодолевать усталость волевым усилием, однако после этого сохраняется сниженная работоспособность и требуется длительный отдых.

Динамика личностных изменений сотрудников ОВД после возвращения из новых регионов Российской Федерации в места постоянной дислокации представлена в таблице 2 и на рисунке 1.

Таблица 2

*Динамика личностных изменений сводных отрядов сотрудников ОВД
до и после командировки в новые регионы Российской Федерации*

Table 2

*Dynamics of personality changes in joint units of police officers
before and after the assignment to serve in the new regions of the Russian Federation*

Показатели, условные обозначения (СМИЛ, шкала, Т-балл)	Значения показателей в группах обследованных (M ± σ)		p
	до командировки	после командировки	
L (ложь)	50,2 ± 12,4	52,7 ± 11,3	0,30
F (достоверность)	46,8 ± 8,5	45,9 ± 9,3	0,63
K (коррекция)	62,3 ± 9,9	67,2 ± 8,5	0,016*
1-я (невротический контроль)	48,7 ± 5,8	51,3 ± 5,2	0,034*
2-я (пессимистичность)	43,4 ± 7,2	47,5 ± 6,7	0,006*
3-я (эмоциональная лабильность)	53,2 ± 6,9	55,0 ± 7,4	0,23
4-я (импульсивность)	45,9 ± 12,2	53,1 ± 12,3	0,007*
5-я (мужественность–женственность)	45,1 ± 10,1	47,3 ± 10,5	0,32
6-я (ригидность)	43,8 ± 6,3	46,3 ± 7,1	0,05*
7-я (тревожность)	45,7 ± 8,7	50,6 ± 7,5	0,005*
8-я (индивидуалистичность)	48,2 ± 8,4	52,2 ± 6,9	0,015*
9-я (оптимистичность)	57,6 ± 4,5	57,6 ± 5,4	0,98
0-я (социальная интроверсия)	41,5 ± 7,6	41,8 ± 9,2	0,88
<i>Примечание:</i> *Статистически значимые различия (p ≤ 0,05).			

Динамика личностных изменений сводных отрядов сотрудников ОВД до и после командировки в новые регионы Российской Федерации не превышает нормативного разброса, профиль СМИЛ находится в диапазоне 40–65 Т-баллов, с ведущими пиками по 3-й и 9-й шкалам (рисунок 1). Ведущая 3-я шкала при относительно невысокой 2-й, сочетающаяся с умеренным подъемом по шкале коррекции (K), вероятно, указывает на «защитную» реакцию обследуемых, их установку на «нормальные» ответы, на стремление скрыть плохое самочувствие, эмоциональную напряженность или психологические проблемы, подчеркнуть свое миролюбие, конформность в ситуации освидетельствования профпригодности после возвращения из зоны СВО.

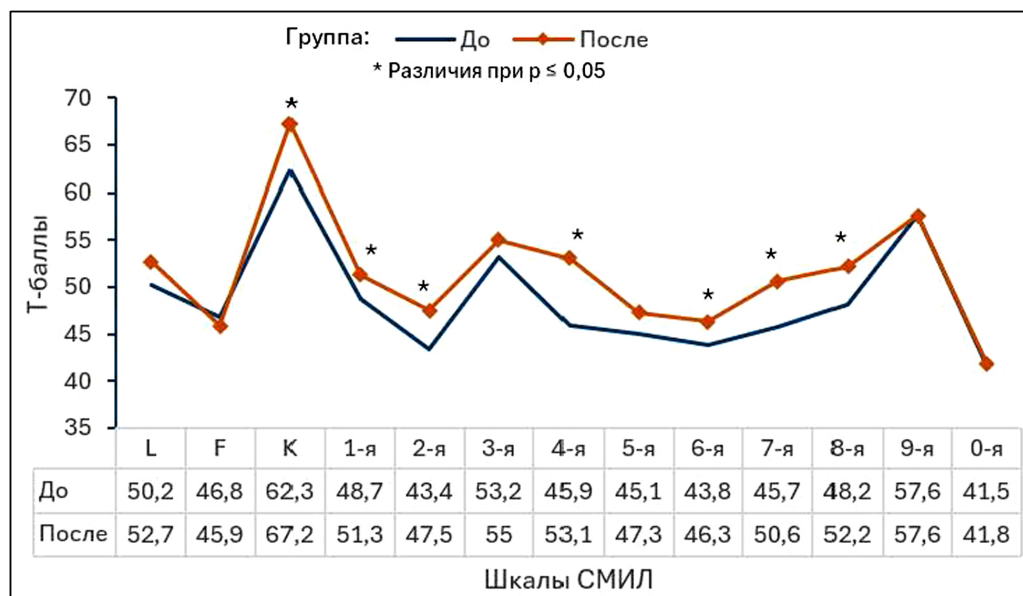

Рисунок 1. Динамика личностных изменений (профили СМИЛ) сводных отрядов сотрудников ОВД до и после командировки в новые регионы Российской Федерации

Fig. 1. Dynamics of personality changes of joint units of police officers before and after the assignment to serve in the new regions of the Russian Federation

У сотрудников ОВД профиль СМИЛ имеет характеристики смешанного типа реагирования, при котором гипертимные черты, оптимизм и высокий уровень притязаний (9-я шкала), эмоциональная лабильность, демонстративность и конформизм (3-я шкала) сочетаются с противоположными тенденциями – мужественность, суровость, сдержанность (5-я). После выполнения оперативно-служебных задач в особых условиях данные характеристики дополнились противоречивым заострением черт импульсивности, нетерпеливой активности, склонности к риску (4-я) в сочетании с тревожностью, потребностью избегать промахов и ошибок (7-я). В экстремальной обстановке эти сотрудники способны как подчиняться, так и командовать, быстро ориентироваться, решительно действовать, смело идти на риск и повести окружающих за собой. Однако в ситуации стресса и при недостатке профессионального опыта возможна также избыточная, хаотичная и непоследовательная активность. Психологические защитные механизмы (вытеснение, отрицание, обесценивание), характерные для данного сочетания разнонаправленных черт и актуализирующиеся в стрессовой или психотравмирующей ситуации, сочетаются с выраженными вегетативными реакциями, создавая почву для психосоматических расстройств (сердечно-сосудистых, нервных, эндокринных и желудочно-кишечных заболеваний). Вероятность функциональных нарушений повышается в связи со значимым увеличением (в пределах минимальных средних значений нормативного разброса) по шкалам невротического контроля, пессимистичности, импульсивности, ригидности и тревожности. Сочетанный подъем 1-й, 2-й и 6-й шкал (связанный, вероятно, с эмоциональной напряженностью в рамках адаптации к особым условиям деятельности) настораживает в плане предрасположенности к гастроэнтерологическим заболеваниям, аллергическим реакциям и артериальной гипертензии.

К негативным последствиям деятельности в особых условиях, помимо вероятного риска соматизации тревоги в виде психосоматических расстройств, относятся также гипертормозимость и возможный взрывной вариант реагирования на стресс (определяемый сочетанным повышением 6-й и 4-й шкал), который проявляется вспыльчивостью, упрямством, агрессивностью, внешне обвиняющими реакциями и оборонительным поведением. Если деятельность данных сотрудников связана с противодействием преступности, борьбой с вооруженными формированиями и т. п., то они могут оставаться достаточно адаптированными за счет оптимальной для них социальной ниши. Однако эти черты, закрепившись в привычном способе реагирования на стресс, в ситуации авторитарного давления, оскорбления или ущемления субъективно значимых ценностей могут легко привести к дезадаптации, при этом степень контролируемости гневной, взрывно-агрессивной реакции будет определяться выраженностью тормозимых личностных черт (показателями 2-й, 7-й и 0-й шкал). Данные результаты корреспондируют с исследованиями Е. Г. Ичитовкиной, М. В. Злоказовой, А. Г. Соловьева, которые установили, что через год после исполнения оперативно-служебных задач в особых условиях у полицейских-комбатантов отмечаются

«чрезмерная раздражительность в быту, спонтанно возникающие ощущения страха и тревоги, сложность в контроле поведения со вспышками гнева, изолированность от тех, кто не воевал, потеря доверия к людям, повышенная утомляемость, агрессивная настроенность к окружающим и ощущение несправедливости жизни» [17, с. 29]. М. В. Двинских, Е. Г. Ичитовкина с соавторами выявили, что у комбатантов Росгвардии «защитная реакция в стрессе может проявляться выраженной конфликтностью и склонностью к агрессии» [5, с. 85].

Сочетанное повышение 1-й, 2-й, 4-й, 6-й, 7-й и 8-й шкал СМИЛ, отмеченное в групповом профиле сотрудников ОВД после командировки в новые регионы Российской Федерации, на фоне ведущих шкал (3-й и 9-й), отражает внутренний конфликт разнонаправленных гипостеничных и стеничных личностных тенденций, который, с одной стороны, способствует сознательному сдерживанию негативных эмоций и компенсации одних черт другими, а с другой – нагнетает напряженность (СО, $p = 0,05$) и может привести к психосоматическому варианту дезадаптации или разрешиться неврастенической симптоматикой. Например, повышение 2-й и 4-й шкал в профиле отражает конфликтное сочетание гипервозбудимости (4-я) с быстрой истощаемостью (2-я), что является фактором риска неврастенического варианта дезадаптации, а также может служить почвой для алкоголизации и развития сердечно-сосудистых заболеваний. Данные результаты соотносятся с исследованиями А. А. Рассоха, М. В. Злоказовой с соавторами, которые установили, что «у пенсионеров-комбатантов МВД преобладали гипертимные черты характера на фоне невротического сверхконтроля поведения. Ведущими шкалами личностного профиля являлись „индивидуалистичность“, „оптимистичность“ и „импульсивность“. У них достоверно чаще регистрировались органические психические расстройства, психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ, и синдром зависимости от алкоголя» [18, с. 45].

Следует, однако, подчеркнуть, что стресс-факторы особых условий оперативно-служебной деятельности не действуют на сотрудников ОВД абсолютно негативно. Лонгитюдный анализ показал, что они привели в т. ч. и к компенсаторно-защитным реакциям: возрастанию возбудимости и импульсивности, необходимым для быстроты реагирования на изменения оперативной обстановки (4-я шкала), увеличению ригидности, настороженности, недоверчивости (6-я), индивидуалистичности, замкнутости, жесткости, эмоциональной отстраненности (8-я) в ситуации противостояния противнику и криминальному контингенту, тревожности, осторожности, чуткости к опасности (7-я), пессимистичности, потребности в понимании и поддержке (2-я). Перечисленные защитные и компенсаторные реакции отражают сложный процесс психофизиологической перестройки организма и адаптации личности к сложным и потенциально опасным условиям профессиональной деятельности.

При этом у сотрудников сформировались также и адаптивно-позитивные личностные изменения: увеличилась скорость принятия решений в сложных обстоятельствах (4-я шкала), возросли упорство, рациональность, практичность с опорой на жизненный опыт (6-я), усилилась способность к анализу ситуации (8-я), повысился конформизм (7-я), реалистичность и более мудрое восприятие жизненных трудностей (2-я). Присущие им гипертимные черты, завышенная самооценка и защитный механизм отрицания реально существующих проблем (9-я шкала) позволили сохранить позитивный настрой и оптимистичное мироощущение. При наличии высокого интеллекта такие сотрудники способны нестандартно решать сложные оперативные задачи и могут стать лидерами в групповой деятельности сводного отряда, а хорошая интуиция и быстрая реакция будут способствовать эффективной деятельности в особых условиях.

3 заключение

Таким образом, проведенное лонгитюдное исследование выявило три варианта ранних личностных изменений у сотрудников ОВД, выполнявших оперативно-служебные задачи в особых условиях:

1. Негативные – избыточное возбуждение, высокая психическая напряженность, повышенная импульсивность, вспыльчивость, тревожность, ригидность, упрямство, агрессивность, индивидуалистичность, невротический контроль, пессимистичность, смешанный тип стрессового реагирования, предрасположенность к неврастеническому или психосоматическому варианту дезадаптации (сердечно-сосудистым, гастроэнтерологическим, аллергическим заболеваниям).

2. Компенсаторно-защитные – высокая скорость реагирования на изменения оперативной обстановки, осторожность, настороженность к опасности, недоверчивость, эмоциональная отстраненность, жесткость в ситуации противостояния противнику, вытеснение, отрицание, обесценивание реальных проблем, установка на оптимизацию энергозатрат, потребность в отдыхе, понимании и поддержке.

3. Позитивные – физиологическая мобилизованность, умеренная деятельная активность, способность к быстрому анализу ситуации и принятию решения в сложных обстоятельствах, мужественность, прагматичность, упорство, практичность с опорой на жизненный опыт, конформизм, способность оптимистично и мудро относиться к жизненным проблемам.

В соответствии с приказом МВД России от 23 июля 2024 г. № 429⁶ вышеперечисленные компенсаторно-защитные реакции и негативные последствия деятельности в особых условиях являются показателями к медико-психологической реабилитации (МПР) сотрудников ОВД. В рамках дифференцированного подхода к оказанию психологической помощи рекомендуется включить в индивидуальную программу МПР следующие мероприятия: упражнения по развитию способности сотрудников ОВД к самоанализу и саморегуляции эмоционального состояния, активной управляемой релаксации, коррекции импульсивного и агрессивного поведения. Психотерапия может быть направлена на коррекцию конфликтного сочетания противоречивых личностных черт, неконструктивных и дезадаптивных установок, ценностно-смысловой сферы личности, а также на проработку невротических и психосоматических симптомов (например, методами телесно-ориентированной, когнитивно-поведенческой, краткосрочной позитивной, патогенетической и гештальттерапии). Решающее значение для эффективности МПР имеет своевременное, раннее (в первые месяцы после возвращения из командировки) оказание психологической помощи, комплексный, дифференцированный подход с учетом индивидуальной ситуации (социально-психологической, семейной) и выраженности сопутствующей патологии.

Полученные эмпирические результаты указывают на необходимость дальнейших лонгитюдных исследований как ранних, так и отдаленных последствий деятельности в особых условиях, изучения взаимосвязи решения сложных оперативно-служебных задач с психической травматизацией, частотой и длительностью заболеваемости сотрудников сводных отрядов полиции, направляемых в новые субъекты Российской Федерации.

Список источников

1. Слышалов И. В. Особые условия в деятельности органов внутренних дел: подходы к пониманию / Право и политика : [сетевой журнал]. 2019. № 5. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2019.5.29505>
2. Стрельникова Ю. Ю. Психологические последствия участия сотрудников органов внутренних дел в контртеррористической операции : монография. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. 232 с.
3. Гнездилов Г. В., Киселев В. В. К вопросу о совершенствовании организации профилактики ПТСР и психореабилитационных мероприятий в работе психолога с участниками СВО // Экстремальная психология и безопасность личности. 2025. Т. 2, № 1. С. 26–39. <https://doi.org/10.17759/epps.20250200103>
4. Иванов Н. М., Шугушева З. А., Ичитовкина Е. Г., Соловьев А. Г. Динамика и прогноз уровней первичной заболеваемости психическими расстройствами сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: ретроспективное когортное исследование // Морская медицина. 2024. Т. 10, № 4. С. 131–137. <https://doi.org/10.22328/2413-5747-2024-10-4-131-137>
5. Двинских М. В., Ичитовкина Е. Г., Соловьев А. Г., Жернов С. В. Особенности донозологических стресс-ассоциированных расстройств у комбатантов, в зависимости от профиля их профессиональной деятельности // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2023. № 4. С. 83–89. <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2023-0-4-83-89>
6. Ичитовкина Е. Г., Злоказова М. В., Соловьев А. Г., Эпштейн М. М. Прогнозирование риска формирования пограничных психических расстройств у полицейских // Вестник современной клинической медицины. 2018. Т. 11, вып. 4. С. 38–43. [https://doi.org/10.20969/VSKM.2018.11\(4\).38-43](https://doi.org/10.20969/VSKM.2018.11(4).38-43)
7. Грунина Т. А., Шурупов Э. В., Ивахненко Л. И. Реабилитация военнослужащих, участников СВО. Клинико-психологический аспект // Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. 2024. № 2. С. 45–54. <https://doi.org/10.17238/issn1999-2351.2024.2.45-54>
8. Морозова Е. В., Алексанин С. С. Реабилитационная приверженность и совладение личности с кризисной ситуацией инвалидизирующей болезни // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2022. № 2 (204). С. 502–512. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2022.2.p502-512>
9. *Self-control training decreases aggression in response to provocation in aggressive individuals* / Denson T. F. [et al.] // Journal of Research in Personality. 2011. Vol. 42. P. 252–256.
10. Караваева Т. А., Васильева А. В., Шойгу Ю. С., Радионов Д. С. Профилактика развития посттравматического стрессового расстройства у пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2023. № 2 (119). С. 86–95. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2023-2\(119\)-86-95](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2023-2(119)-86-95)

⁶О медико-психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 23 июля 2024 г. № 429 (зарег. 30.08.2024, № 79354) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409020005> (дата обращения: 27.06.2025).

11. *National estimates of exposure to traumatic events and PTSD prevalence using DSM-IV and DSM-V criteria* / Kilpatrick D. G. [et al.] // J. Trauma Stress. 2013. Vol. 26, No. 5. P. 537–547. <https://doi.org/10.1002/jts.21848>. PMID: 24151000
12. *Prevalence and predictors of posttraumatic stress disorder, depression, and anxiety in personnel working in emergency department settings: a systematic review* / Matthews L. R. [et al.] // The Journal of Emergency Medicine. 2022. Vol. 62. No. 5. P. 617–635. <https://doi.org/10.1016/j.jemermed.2021.09.010>
13. *Elhai J. D., Palmieri P. A.* The factor structure of posttraumatic stress disorder: A literature update, critique of methodology, and agenda for future research // Journal of Anxiety Disorders. 2011. Vol. 25. No. 6. P. 849–854. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2011.04.007>
14. *Караяни А. Г.* Посттравматический рост у участников боевых действий: есть повод для оптимизма // Человеческий капитал. 2024. № 8 (188). С. 236–244. <https://doi.org/10.25629/HC.2024.08.25>
15. *Демкин А. Д., Иванов В. В., Круглов В. И.* Новые методы реабилитации военнослужащих с боевой психической травмой в армиях зарубежных государств // Известия Российской Военно-Медицинской академии. 2019. Т. 38, № 3. С. 125–131. <https://doi.org/10.17816/RMMAR26080-20224>
16. *Кадиева Р. И., Давудова А. Р.* Современные подходы и технологии психологического сопровождения семей участников (ветеранов) специальной военной операции // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15, № 6 (2). С. 205–232. <https://doi.org/10.12731/265205-2322024-15-6-725>
17. *Ичитовкина, Е. Г. Злоказова, М. В., Соловьев А. Г.* Субъективная самооценка психического состояния полицейскими-комбатантами через год после исполнения оперативно-служебных задач в особых условиях // Вестник современной клинической медицины. 2017. Т. 10, вып. 4. С. 27–32. [https://doi.org/10.20969/VSKM.2017.10\(4\).27-32](https://doi.org/10.20969/VSKM.2017.10(4).27-32)
18. *Рассоха А. А., Соловьев А. Г., Ичитовкина Е. Г., Злоказова М. В.* Влияние преморбидных личностных особенностей на формирование пограничных психических и психосоматических расстройств у пенсионеров-комбатантов Министерства внутренних дел // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2021. Т. 121, № 8. С. 19–24. <https://doi.org/10.17116/jnevro202112108119>

Научная статья
УДК 34:159.9

Правовой и психологический статус иностранных студентов, обучающихся в российских университетах

Елена Валерьевна Чинчевич¹, кандидат юридических наук

Елена Владимировна Рягузова², доктор психологических наук, доцент

¹ Одинцовский филиал МГИМО МИД России

Одинцово (Московская область, 143007, ул. Новоспортивная, д.3), Российская Федерация

² Саратовский национальный исследовательский государственный университет

имени Н. Г. Чернышевского

Саратов (410012, ул. Астраханская, д. 83), Российская Федерация

¹ e.chinchevich@odin.mgimo.ru, ² rjaguzova@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-2111-6793>, ² <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Аннотация:

Введение. В современном стремительно изменяющемся мире постоянной остается заинтересованность передовых государств в экспорте системы образования, имеющем важное политическое и идеологическое значение, а также интерес отдельных граждан к получению высшего образования за границей. Однако обучение в инокультурной среде сопряжено с большим количеством разноуровневых проблем и требует комплексной рефлексии с позиций разных дисциплин. Целью исследования является теоретический анализ правового и психологического статуса иностранных студентов, обучающихся в России, их взаимосвязь, функциональные и описательные характеристики.

Методы. Реализуется трансдисциплинарный подход к определению и описанию правового и психологического статуса иностранных студентов, обучающихся в Российской Федерации, который позволяет преодолеть рамки одной дисциплины, расширить горизонты научного сотрудничества и выйти в практическую область решения проблем иностранных студентов.

Результаты. Правовой статус рассматривается с опорой на законодательные документы в контексте особо значимых юридических норм, регулирующих социальные взаимодействия и обеспечивающих легитимность прав и обязанностей иностранных студентов. Психологический статус определяется как качественная характеристика, выступающая показателем успешности социальной адаптации иностранного студента к новым условиям обучения, проживания, общения и индикатор эмоционального благополучия. Полученные результаты подчеркивают взаимосвязанность правового и психологического статусов иностранных студентов, необходимую для обеспечения благоприятных условий их обучения и социальной адаптации с учетом культурной специфики; способствуют решению правовых, информационных, академических, коммуникативных и психологических проблем иностранных студентов, обучающихся в российских образовательных организациях высшего образования.

Ключевые слова:

трансдисциплинарный подход, иностранный студент, правовой статус, легитимность, психологический статус, благополучие

Для цитирования:

Чинчевич Е. В., Рягузова Е. В. Правовой и психологический статус иностранных студентов, обучающихся в российских университетах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 246–253.

Статья поступила в редакцию 19.03.2025;
одобрена после рецензирования 11.08.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

The legal and psychological status of foreign students studying at Russian universities

Elena V. Chinchevich¹, Cand. Sci. (Jurid.)

Elena V. Ryaguzova², Dr. Sci. (Psy.), Docent

¹ Odintsovo Campus of MGIMO University

3 Novosportivnaya St., Odintsovo, Moscow region, 143007, Russia

² Saratov State University

83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia

¹ e.chinchevich@odin.mgimo.ru, ² rjaguzova@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-2111-6793>, ² <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

© Чинчевич Е. В., Рягузова Е. В., 2025

Abstract:

Introduction. In today's world, characterized by dynamic transformation, there remains a strong interest among advanced countries in exporting their education systems, which have substantial political and ideological significance. Meanwhile, many individuals continue to seek higher education abroad. However, studying in a foreign cultural environment poses numerous issues at various levels and also requires comprehensive reflection and analysis from different disciplines. The aim of this study is theoretical analysis of the legal and psychological status of foreign students studying in Russia, as well as its interrelation, functional and descriptive characteristics.

Methods. A transdisciplinary approach is applied to define and clarify the legal and psychological status of foreign students studying in the Russian Federation. This approach allows to overcome the boundaries of a discipline, expand the horizons of scientific cooperation and enter the practical problem solving faced by foreign students.

Results. Legal status is considered on the basis of legislative papers in the context of particularly significant legal norms that regulate social interactions and ensure the legitimacy of the rights and obligations of foreign students. Psychological status is defined as qualitative characteristic that indicates foreign students' successful social adaptation to new academic, living and communicative environment, as well as their emotional well-being. The results obtained underline the connection between the legal and psychological status of foreign students. This is crucial to ensure a good study environment and social adaptation, taking into account cultural peculiarities. In addition, the results of the study contribute to solving the legal, informational, academic, communicative and psychological issues and challenges faced by foreign students studying in Russian higher education institutions.

Keywords:

transdisciplinary approach, foreign student, legal status, legitimacy, psycho-logical status, well-being

For citation:

Chinchevich E. V., Ryaguzova E. V. The legal and psychological status of foreign students studying at Russian universities // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 246–253.

The article was submitted March 19, 2025;
approved after reviewing August 11, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Стремительный научно-технический прогресс и трансформация социальной реальности за счет включения ее новых видов – цифровой, виртуальной, дополненной – затрагивают все сферы функционирования и существования современного человека. Переход от однополярности к многополярности, цифровизация и искусственный интеллект как новый этап социальной эволюции меняют производство, экономику, бизнес и политику; конвергенция наук и технологий позволяет расширить представления о человеке и окружающей среде, изучать и конструировать сложные системы; реформирование социальных институтов – образования, армии, СМИ – приводит к изменению повседневной жизни социальных акторов, модифицируя их поведенческий рисунок, изменяя правила и нормы, сдвигая ценностные ориентиры.

Перестройка образования, обозначенная в Указе Президента Российской Федерации, весьма существенна, она касается изменения уровней образования (базовое высшее, специализированное высшее и профессиональное высшее) и его содержательных аспектов, связанных с усилением практико-ориентированного вектора, вариативности траекторий обучения, тесными контактами с работодателями, обеспечивающими дальнейшее трудоустройство выпускников¹. Указ подписан Президентом Российской Федерации и пилотный проект уже запущен в шести образовательных организациях высшего образования (далее – ООВО) страны.

Несмотря на тотальные трансформации, неизменным и постоянным остается интерес зарубежных граждан к получению высшего образования в России, хотя возможности академической мобильности российских студентов в связи с новой реформой существенно ограничиваются. По данным ТАСС², в 2024 году в российских ООВО обучались 389 тысяч иностранных студентов, а согласно Единому плану по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, число иностранных студентов планируется ежегодно увеличивать, и к 2030 году их численность должна возрасти до 500 тысяч человек³.

Привлечение молодежи из других стран и их вхождение в российское образовательное пространство важно по целому ряду причин. Во-первых, экспорт образования помимо материальной составляющей имеет важное политическое и идеологическое значение, поскольку обучение предполагает поликультурное взаимодействие, способствующее трансляции российских ценностей и приоритетов, развитию межкультурного диалога; во-вторых, укрепление престижа и авторитета российского образования и отечественных университетов повышает их конкурентоспособность, формирует деловую репутацию и создает положительный образ России, что важно в рамках многополярного мира; в-третьих, привлечение иностранных студентов способствует состязательности среди университетов и приводит к совершенствованию качества образовательных программ, коллаборации с представителями бизнеса,

¹ О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 343 (ред. от 26.06.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2023. № 20. Ст. 3535.

² Число иностранных студентов в РФ по итогам 2024 года оценивается в 389 тыс. // Информационное агентство ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22845895> (дата обращения: 17.01.2025).

³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

разработке инновационных курсов, отвечающих вызовам времени и обеспечивающих интересы производителей и потребителей образовательных услуг.

Вместе с тем существует комплекс проблем, связанных с обучением иностранных студентов в условиях иноязычной культурной среды, от бытовых (климат, еда, сервис), культурных (язык, ценности, традиции) до экономических (финансовое поведение и ожидания), правовых (ориентация на разные правовые нормы), психологических (адаптация к новой культуре и аккультурация), социально-психологических (взаимодействие с принимающим сообществом и воспринимаемая дискриминация), разрешение которых предполагает применение трансдисциплинарного подхода.

Целью данного исследования является теоретический анализ правового и психологического статуса иностранных студентов, обучающихся в России, их взаимосвязь, функциональные и описательные характеристики.

Методы

Методологической основой исследования выступает трансдисциплинарный подход, позволяющий эффективно разрешать актуальные и сложно структурированные проблемы, находящиеся в фокусе интереса представителей различных дисциплин [1; 2]. Сущность трансдисциплинарного подхода состоит в значительном расширении исследовательских опций и концептуальных рамок, выходе за границы одной дисциплины и акцентировании внимания на сходных предметных областях, получении гибридных знаний с опорой на обобщенные аксиоматические и эпистемологические закономерности, диалоге между комплементарными дисциплинами и в целом преодолении фрагментарности сложного и многослойного мира, осуществлении синтеза и интеграции дисциплинарных знаний.

Результаты

Правовой статус иностранных студентов как обеспечение легитимности их прав и обязанностей

В юридической доктрине под правовым статусом понимается правовое положение какого-либо субъекта, определяющее его фактическое состояние во взаимоотношениях с обществом и государством [3, с. 49]. Законодательная основа закрепления правового статуса иностранных граждан чрезвычайно важна не только в системе общественных, публично-правовых [4] и трудовых отношений [5], субъектами которых они выступают, но и для обеспечения национальной безопасности государства [6]. До недавнего времени едва ли можно было говорить о самостоятельном правовом статусе иностранных студентов, однако принятие ряда нормативных правовых актов позволяет рассматривать их правовой статус как самостоятельную категорию.

Вывод об особом правовом статусе подтверждается, в частности, особенностями правового регулирования соответствующих правоотношений. В соответствии с п. 1 ст. 78 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»⁴ (далее – ФЗ «Об образовании») иностранные граждане и лица без гражданства имеют право на получение образования в Российской Федерации. Более того согласно подп. 5 п. 3 ст. 4 создание условий для получения образования в Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства является одной из основных задач правового регулирования отношений в сфере образования.

ФЗ «Об образовании» определяет равенство прав граждан России и иностранных государств на получение образования на общедоступной и бесплатной основе. Указанная правовая норма имеет отношение к следующим уровням образования: дошкольное образование, ориентированное на стандарты и нормативы детского развития; начальное общее, направленное на освоение базовых знаний, умений и навыков; основное общее и среднее общее, целью которого является создание благоприятных условий для личностного становления и профессионального самоопределения, а также специального обучения по программам подготовки по профессиям рабочих и должностям служащих.

В связи с принятием Федерального закона 28 декабря 2024 г. № 544-ФЗ, вступившего в силу с 1 апреля 2025 года⁵, реализуя указанные права, иностранные граждане должны подтвердить законность своего пребывания на территории Российской Федерации, а при поступлении в образовательную организацию успешно и в обязательном порядке пройти бесплатное тестирование, продемонстрировав уровень знания русского языка [7], адекватный для освоения образовательных программ и формирования необходимых компетенций.

⁴ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

⁵ О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» : Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 544-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8554.

В настоящее время иностранные граждане могут получить среднее профессиональное, высшее и дополнительное профессиональное образование бесплатно в пределах квоты, установленной постановлением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2020 г. № 2150 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»⁶. Несмотря на сложную политическую ситуацию в мире, можно констатировать ежегодный рост величины этой квоты. Так, если в 2021 году ее размер составлял 18 тысяч человек, то, начиная с 2023 года, он достиг 30 тысяч человек. Отметим, что п. 5 ст. 7 ФЗ «Об образовании» предусматривает для иностранных студентов, обучающихся на безвозмездной основе, право на получение стипендии и проживание в общежитии на условиях, аналогичным тем, которые установлены для граждан Российской Федерации, обучающихся за счет бюджетных средств. Кроме того, такое образование может быть получено иностранными гражданами по договорам с физическими и юридическими лицами, т. е. на возмездной основе.

Еще одной особенностью является то, что иностранные граждане могут поступить в российскую ООВО не только по итогам единого государственного экзамена, который является обязательным для абитуриентов – граждан Российской Федерации (за исключением отдельных категорий), но и по итогу вступительных испытаний, проводимых непосредственно самими образовательными организациями, что установлено п. 5 ст. 70 ФЗ «Об образовании».

В пункте 7 ст. 5 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»⁷ устанавливается особый порядок получения права на временное проживание на территории России для иностранных студентов. Так, иностранный гражданин, прибывший в Российской Федерации для получения образования и обучающийся на образовательных программах среднего профессионального образования, бакалавриата, специалитета, магистратуры, ординатуры, программе ассистентуры-стажировки, имеющих государственную аккредитацию, или по программе подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), либо по образовательной программе в образовательной или научной организации, включенной в установленный Правительством Российской Федерации перечень⁸, срок временного пребывания в Российской Федерации продлевается до завершения обучения данного иностранного студента по очной или очно-заочной форме обучения в образовательной или научной организации. Важно: если иностранный гражданин поступает на подготовительное отделение или подготовительный факультет федеральной государственной образовательной организации по дополнительной общеобразовательной программе, обеспечивающей подготовку иностранных граждан к освоению основных профессиональных образовательных программ на русском языке, за ним сохраняются аналогичные права, которые продолжают действовать до завершения обучения на подготовительном отделении или до перевода в другую образовательную или научную организацию.

Обратим внимание на важное уточнение: представителям образовательной или научной организации, в рамках которой обучается иностранный студент, необходимо предоставить ходатайство о продлении срока временного пребывания иностранного гражданина в Российской Федерации, которое должно быть подано не позднее чем за двадцать дней до окончания срока его временного пребывания в Российской Федерации.

Отметим, что после окончания обучения в ООВО срок пребывания на территории Российской Федерации может быть продлен до тридцати календарных дней. Подобная правовая норма дает возможность иностранным гражданам продолжить обучение, перейдя на другой уровень профессионального высшего образования. Важно, что продление сроков предусмотрено законодательством не только для самого иностранного студента, но и для членов семьи, находящихся на его иждивении и под его опекой. В случае окончания обучения или его досрочного прекращения действует другая правовая норма, устанавливающая сокращенные сроки временного пребывания данного иностранного гражданина на территории Российской Федерации.

Еще одной особенностью, введенной Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О правовом положении иностранных

⁶ Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2020 г. № 2150 // СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8833.

⁷ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

⁸ Об утверждении перечня образовательных организаций, по ходатайству которых осуществляется приглашение на въезд в Российскую Федерацию, а также продление срока временного пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в целях прохождения обучения по образовательным программам, реализуемым указанными образовательными организациями, и перечня образовательных организаций, по ходатайству которых осуществляется приглашение на въезд в Российскую Федерацию, а также продление срока временного пребывания в Российской Федерации членов семьи (супруги (супруга), несовершеннолетних детей, нетрудоспособных совершеннолетних детей) иностранного гражданина, въезжающего в Российскую Федерацию в целях обучения и поступившего в указанные образовательные организации : распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2021 г. № 2965-р (ред. от 11.07.2023) // СЗ РФ. 2021. № 44 (ч. III). Ст. 7450.

граждан в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹ и вступившей в силу с 1 января 2023 года, явилось то, что в течение трех лет после завершения обучения иностранный гражданин вправе получить в упрощенном порядке вид на жительство путем подачи соответствующего заявления.

Помимо законодательного регулирования, высшие учебные заведения разрабатывают отдельные требования и нормативы в рамках действующих правовых актов, но с учетом образовательной и региональной специфики, а также создают отделы по работе с иностранными абитуриентами и студентами¹⁰. В МГИМО МИД России с 2021 года функционирует система «Иностранный студент», созданная с целью сопровождения их пребывания в университете и способствующая более успешному интегрированию обучающихся из других стран в его образовательную среду¹¹.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что правовой статус иностранных студентов, обучающихся в российских ООВО, задает формат взаимоотношений российского общества и государства с представителями других стран, обеспечивая правовое регулирование соответствующих правоотношений, в т. ч. путем закрепления действующим законодательством особых прав, обязанностей и гарантий. Правовой статус иностранных студентов в России очерчивает пространство возможного, нормативного и допустимого, четко и однозначно обозначая их границы, одинаковые для всех иностранных студентов независимо от их социально-демографических, этнокультурных, индивидуально-психологических особенностей, от того, из какой страны они приехали. Правовой статус иностранных студентов в России обеспечивает баланс между их правами (на образование, труд, защиту) и обязанностями (соблюдение законов, миграционных правил, академических требований), при этом легитимность обеспечивается действующим законодательством, международными договорами и контролем со стороны государственных органов. Правовой статус иностранных студентов в России имеет как преимущества, например, упрощенное трудоустройство и возможность получения вида на жительство, так и недостатки, связанные, в частности, с бюрократией при оформлении документов, недостаточным владением иностранными студентами русским языком, равно как и сотрудниками российских образовательных учреждений иностранными языками. Для улучшения ситуации необходимо дальнейшее реформирование миграционного и трудового законодательства, а также повышение правовой осведомленности всех участников процесса – иностранных студентов, представителей ООВО и потенциальных работодателей.

Четкий правовой статус, законодательная определенность, правовые условия пребывания формируют у иностранного студента чувство защищенности и безопасности, снижают дискриминационные риски, мотивируют на достижение образовательных целей, уменьшают тревогу и определяют устойчивость психологического статуса.

Психологический статус иностранных студентов как результат социальной адаптации и индикатор эмоционального благополучия

В качестве рабочего определения психологического статуса возьмем дескрипцию, предложенную Н. М. Сараевой: «Психологический статус – это обобщенная интегральная характеристика уровня психической активности человека в данный период в её соотношении с конкретными факторами жизненной среды» [8, с. 282]. На наш взгляд, данный конструкт обладает высоким эвристическим и прогностическим потенциалом, может применяться в различных областях психологии и соответствует современному научному тренду, ориентированному на изучение взаимных вкладов контекстуальных и личностных факторов [9]. Психологический статус выступает системным и устойчивым показателем настройки всех психических функций (когнитивных, эмоциональных, мотивационных, регулятивных, идентификационных) в некотором пространственно-временном контексте с учетом факторов внешней среды.

Студент, приехавший учиться в другую страну, сталкивается с широким спектром разнообразных трудностей и вынужден приспосабливаться к новой окружающей среде – социальной и природной, иным климатическим, бытовым, языковым условиям, должен активизировать психологические защиты и копинги для того, чтобы справиться с ситуацией разлуки с близкими значимыми Другими и изменением привычного контекста. Находясь в чужой культуре, человек осуществляет переход от комфортной монокультурной среды к сложному межкультурному взаимодействию и оказывается в ситуации неопределенности со всеми ее

⁹ О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 357-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III). Ст. 5324.

¹⁰ Поступление для иностранных абитуриентов // Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского : [сайт]. URL: <https://www.sgu.ru/postuplenie-dlya-inostrannykh-abiturientov> (дата обращения: 05.03.2025); Особенности проведения приема иностранных граждан и лиц без гражданства // Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы : [сайт]. URL: <https://www.rudn.ru/admissions/admission-for-foreign-citizens/admission-current-year/osobennosti-provedeniya-priema> (дата обращения: 05.03.2025).

¹¹ Система «Иностранный студент» // МГИМО МИД России : [сайт]. URL: <https://intsup.mgimo.ru/auth/login> (дата обращения: 05.03.2025).

доминирующими атрибутами – непредсказуемость, неконтролируемость, неоднозначность, противоречивость, новизна. Он вынужден отказаться от привычных ориентиров в рамках нового окружения и в каком-то смысле от своей субъектности. Неопределенность актуализирует тревогу, смущение, страх, напряжение, опасения, беспокойство, порождаемые наличием эмоциональной угрозы, а также неуверенность, сомнения в правильности своего выбора и понимании знаний, установок и ценностей принимающего сообщества как комплексной реакции на когнитивную угрозу. Как и в любой ситуации неопределенности, ее разрешение возможно в двух направлениях – личностного роста, развития и открытости новым возможностям или блокирования внутренних ресурсов, беспомощности, апатии, депрессии, стагнации и фиксированности временной перспективы. Выбор той или иной траектории во многом зависит от личностных особенностей и ресурсов (жизнестойкость, способность личности к контролю и саморегуляции, когнитивные и мотивационные особенности, осознанность, эмоциональный интеллект, морально-нравственные характеристики, ответственность), а также культурно-специфичных и контекстуальных переменных.

Более того, иностранный студент должен стремиться к достижению совместимости привычных для себя и новых образовательных стандартов, принципов, ценностей и норм, интегрироваться в пространство академической среды и университетское сообщество, приняв на себя роль студента; включаться в широкую социальную среду, коммуницировать с представителями ингрупп и аутгрупп, вырабатывать конструктивные поведенческие сценарии и аккультурационные стратегии, проявлять уважение к традициям, правилам, нормам и ценностям иной культуры, противостоять дискриминационным установкам и возможным враждебным проявлениям принимающего сообщества.

Соответственно, психологический статус иностранного студента – качественная характеристика, которая определяется как результат его академической, психологической, социокультурной, социально-психологической и межкультурной адаптации к новым условиям обучения, проживания и общения, выступающая индикатором его активности, благополучия и самоидентификации.

В отличие от описания правового статуса, использование обобщенного и обезличенного понятия «иностраный студент», отражающего принадлежность человека к иной культуре и гражданство другой страны, при анализе психологического статуса, на наш взгляд, неправомерно. Эта группа очень многолика, и говоря о результате социальной адаптации, важно иметь в виду большое количество факторов и детерминант, влияющих и обеспечивающих ее успешность и определяющих психологический статус конкретного иностранного студента. Среди многочисленных факторов акцентируем внимание на контекстуальных (различия культур обучения и проживания, воспринимаемая культурная дистанция, отношение принимающей стороны) и личностных (мотивация, идентичность, готовность к межкультурному общению, стратегии аккультурации).

Между культурами существуют различия в степени выраженности универсальных базовых параметров, которые объективно индексируются с помощью психологических измерений культур проживания и обучения. Знание установленных различий культурных профилей по этим параметрам позволяет иностранным студентам предусмотреть возможные трудности и препятствия, избежать культурного шока или стресса аккультурации. Однако в любом случае при адаптации к иному культурному контексту существуют адаптационные сложности, возможные трудности и риски адаптации, обусловленные принадлежностью к самобытной культуре. В исследованиях показана специфика мотивации достижения и поведенческого рисунка в рамках образовательного процесса в Канаде у иностранных студентов из стран конфуцианского наследия с ориентацией на долгосрочную перспективу и высокую дистанцию власти, которые ценят семейную сплоченность, сыновний долг, уважение к авторитету, долгосрочные академические достижения и коллективизм [10], установлены существенные напряжения у иностранных студенток из коллективистских культур (Китай, Турция, Азербайджан), обучающихся в Великобритании, в следующих сферах: адаптация к образовательному пространству, включение в социальную группу, понимание идентичности и гендера, эмоциональная вовлеченность в новую культуру и планирование будущего [11]. Эмпирически доказана связь между уровнями уважения и доверия у иностранных студентов из дальнего зарубежья, обучающихся в России, их подверженность большему риску социально-психологической дезадаптации [12]. Вместе с тем следует уточнить, что психологические параметры характеризуют культурные тенденции на уровне общества и могут не совпадать с их специфическими проявлениями в виде культурных сценариев на индивидуальном уровне.

Величина культурной дистанции, т. е. степень различия между культурой студентов, приехавших учиться, и культурой принимающей страны – чрезвычайно важный фактор. Здесь имеются в виду различия в языках как знаковых системах, религиозных воззрениях, природных и климатических условиях, исторической памяти и коллективном опыте, традициях, образе жизни и др. Как считает Д. Берри, именно культурная дистанция определяет то количество изменений и трансформаций, которые человек должен внести в свой поведенческий рисунок для того, чтобы адаптироваться к иной культуре [13]. Безусловно, социальная адаптация

иностранных студентов, обучающихся в схожем культурном, поведенческом и лингвистическом контексте, проходит быстрее и эффективнее, но при этом они менее глубоко погружаются в принимающую культуру, а по некоторым аспектам даже пытаются дистанцироваться от нее, удерживая личностную дистанцию по отношению к тем или иным сторонам образа жизни [14]. Заметим, что важными факторами являются не только объективные различия между культурами, но и субъективно воспринимаемые, дающие основания человеку оценивать объективно близкие культуры как далекие и чуждые, и наоборот [15]. Воспринимаемый культурный контекст – значимый фактор, определяющий контуры безопасности, доверия и проницаемости границ.

Среди индивидуально-психологических и социально-психологических особенностей личности, образующих персональный профиль, мы акцентируем внимание на идентичности личности и ее связи с социальной адаптацией. Находясь в ситуации неопределенности (пространственной, лингвистической, нормативной), иностранный студент пытается контролировать ее через категоризацию с группой, чаще всего диаспорой, оказывающей ему поддержку. Однако для снижения неопределенности необходима рефлексия принадлежности к студенческой группе, принятие ее норм и поведенческих образцов, а также следование им. Если личность осознает себя частью определенной группы, то ей проще найти свое место в социуме, принять необходимые для себя социальные роли, усвоить правила и нормы, наработать разнообразные социальные связи и выработать поведенческие сценарии. В этом случае идентичность выступает не только компонентом структуры самосознания, но и характеристикой межличностных отношений, которые создают опору для социальной адаптации [16]. Получается, что определяя психологический статус иностранного студента через социально-психологическую адаптацию и характеристики идентичности, мы переводим фокус исследовательского интереса с внешних наблюдаемых аспектов социальной адаптации, связанных с поведенческой активностью по приспособлению к природной и социальной среде, конкретным ситуациям, их преобразованию и переструктурированию, на внутренние трансформации, обусловленные перенастройкой Я-идентификаций, которые влияют на психологическую активность личности и актуализацию эмоционального благополучия, обеспечивая успешность социально-психологической адаптации, продуктивность деятельности и психическое равновесие. Констатация этого тезиса приводит к тому, что иностранный студент должен осознавать свою принадлежность не только к культурной группе, но и к российскому студенчеству, т. е. на основе конструирования новой самоидентификации у студентов, приехавшим обучаться, должна формироваться Я-идентификация – «Я – студент российского вуза», что будет свидетельствовать об успешности социальной адаптации и устойчивом психологическом статусе иностранного студента.

Таким образом, психологический статус иностранного студента представляет собой результат его академической, психологической, социокультурной, социально-психологической и межкультурной адаптации к новым условиям обучения, проживания, общения и выступает показателем его активности, благополучия и самоидентификации. Психологический статус напрямую зависит от страны исхода, ее географического положения, климата, истории, культуры, от личностных свойств и специфики мотивационно-потребностной и волевой сферы личности, а также характера межличностных отношений с принимающим сообществом, которые в целом детерминируют успешность, результативность и эффективность приобретения знаний и формирования профессиональных компетенций, применение адекватных аккультурационных стратегий и переживание физического, эмоционального и психологического благополучия.

3 заключение

Правовой и психологический статусы иностранных студентов, обучающихся в России, взаимосвязаны и взаимозависимы: четкость и определенность одного поддерживает и обеспечивает благополучие и стабильность другого. Неустойчивый психологический статус, обусловленный культурным шоком, ситуацией неопределенности, социальной изоляцией в условиях иноязычной культурной среды, психологической дезадаптацией, академическим стрессом, может детерминировать разного рода девиации, снижение успеваемости, правонарушения и конфликты, приводящие к изменению правового статуса (отчисление из учебного заведения, аннулирование визы, депортация).

Оптимизация связи правового и психологических статусов требует как совершенствования законодательства, так и развития социально-психологической инфраструктуры ООВО. Для гармонизации статусов необходимы правовые консультации (миграционное право, трудовое право); психологическая поддержка и помощь (разработка программ психологической, социально-психологической и межкультурной адаптации, тьюторство и сопровождение в рамках образовательных маршрутов); культурные обмены и академическая мобильность для снижения стереотипов и улучшение интеграции.

Трансдисциплинарный подход к определению и описанию правового и психологического статусов иностранных студентов, обучающихся в России, способствует выходу за рамки одной дисциплины, расширению горизонтов научного сотрудничества и интеллектуального обмена, преодолению фрагментарности человеческого бытия, восстановлению его сложности и целостности. Теоретический анализ позволяет обозначить не только реперные точки на разных этапах обучения иностранных студентов в образовательной среде российских ООВО, их информационное и инструментальное обеспечение, но и значимые ориентиры для других субъектов образовательного пространства – принимающей стороны, ответственной за максимально эффективное правовое и психологическое сопровождение иностранных студентов, гарантированное качество академической подготовки, создание благоприятных условий для усиления адаптационных ресурсов и эмоционального благополучия обучающихся с учетом культурной специфики. Результаты проведенной рефлексии могут способствовать поиску практических решений правовых, информационных, академических, коммуникативных и психологических проблем иностранных студентов, обучающихся на территории России.

Список источников

1. Мокий В. С., Лукьянова Т. А. Трансдисциплинарность: стереотипы, подходы и направления // *Universum: общественные науки: электронный журнал*. 2021. № 3 (72). С. 7–19. <https://doi.org/10.32743/UniSoc.2021.72-3.7-19>. URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/11358>.
2. Rimondi G., Veronese M. Defining the dialogue between sciences: a view on transdisciplinary perspective in the human sciences // *Informing Science: The International Journal of an Emerging Transdiscipline*. 2018. Vol. 21. P. 255–268. <https://doi.org/10.28945/4115>
3. Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. Москва : ИНФА-М, 1998. 712 с.
4. Майстренко Г. А., Майстренко А. Г. Правовой статус иностранных граждан в сфере трудовых отношений: российский опыт // *Образование и право*. 2021. № 5. С. 356–361. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-5-356-361>
5. Ильин А. Ю., Косаренко Н. Н. Публично-правовое регулирование административно-правового статуса иностранных граждан в Российской Федерации // *Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г. Б. Мирзоева*. 2024. № 1 (72). С. 75–78.
6. Редкоус В. М., Комаров Н. А. Учет правового статуса иностранных граждан в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // *Закон и право*. 2018. № 8. С. 170–171. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2018-10129>
7. *Иностранные студенты. Организация, адаптация, обучение* : монография // Викторенкова С. В., Довгополов Е. Ю., Тимофеева Ю. Н., Сокол М. А. [и др.], под общ. ред. научного совета ГНИИ «Нацразвитие». Санкт-Петербург : ГНИИ «Нацразвитие», 2023. 80 с.
8. Сараева Н. М. Психологический статус человека как предмет исследования при анализе состояния психики людей в регионе экологического неблагополучия // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 62. С. 279–285.
9. Трифонова А. В., Лебедева Н. М. Контекстуальные и индивидуально-личностные предикторы адаптации русских в Эстонии и Кыргызстане // *Национальный психологический журнал*. 2024. № 19 (1). С. 77–89. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0105>
10. Xuechen Y. Confucian or confusion? Analyses of international students' self-rated intercultural sensitivity and its sociocultural predictors at Canadian universities // *Frontiers in Education*. 2023. Vol. 8. <https://doi.org/10.3389/feduc.2023.1239177>
11. Mercan Z. Adjustment and Adaptation of Female International Higher Education Students: A Qualitative Study // *Border Crossing*. 2024. Vol. 2. № 14. P. 97–109. <https://doi.org/10.33182/bc.v14i2.2872>
12. Горожанкин А. А., Ионцева М. В. Особенности социально-психологической адаптации иностранных студентов из стран дальнего и ближнего зарубежья // *Вестник университета*. 2024. № 12. С. 208–216. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-12-208-216>
13. Берри Дж., Пуртинга А., Сигал М., Дасен П. Кросс-культурная психология : Исследования и применение [пер. с англ.]. Харьков : Гуманитарный центр, 2007. 560с.
14. Черникова Т. В., Сокальский Э. А., Болучевская В. В., Шутова О. И. Этнокультурные особенности академической адаптации студентов дальнего и ближнего зарубежья // *Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review*. 2021. № 6 (40). С. 178–189. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2021-6-178-189>
15. *Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России* : сборник статей / под ред. Н. М. Лебедевой, А. Н. Татарко. Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2009. 420 с.
16. Белинская Е. П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // *Психологические исследования : электронный журнал*. 2015. Т. 8, № 40. С. 12. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.551>

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.